

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

*20-летию кафедры археологии, этнографии
и источниковедения АлтГУ посвящается*

Барнаул
Азбука
2008

ББК 63.48(54)я431

УДК 902(1-925.3)

Д 73

Ответственный редактор:

доктор исторических наук **А.А. Тишкин**

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **В.В. Горбунов**;

доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;

кандидат исторических наук **Т.Г. Горбунова**;

кандидат исторических наук **П.К. Дашковский**;

кандидат исторических наук **А.Л. Кунгуров**;

кандидат исторических наук **С.С. Тур**

Д 73 Древние и средневековые кочевники Центральной Азии :
сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул : Азбука,
2008. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-93957-267-5

В сборнике научных трудов публикуются материалы докладов Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Древние и средневековые кочевники Центральной Азии», которая состоялась в г. Барнауле в августе 2008 г.

Издание рассчитано на археологов, этнографов, антропологов, культурологов, музеологов, а также на широкий круг исследователей, занимающихся изучением народов Центральной Азии и сопредельных территорий.

ББК 63.48(54)я431

Сборник подготовлен и издан при частичной финансовой поддержке гранта Президента РФ (НС-5400.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»), а также в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры древних и традиционных обществ Сибири»

ISBN 978-5-93957-267-5

© Алтайский государственный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Акунов А.А., Муса кызы А. Политические традиции и обычаи кочевников по данным эпоса «Манас».....	7
Алексеева Е.К. Развитие традиционного жилища кочевых эвенов.....	10
Бичеев Б.А. Культ правителя в центральноазиатском регионе.....	12
Борисов В.А. Керамика могильника Быстровка-2.....	15
Варавина Г.Н. Традиционные обряды в современной культуре эвенов Якутии (на примере погребального обряда).....	18
Васильева Н.А. Опыт реставрации лопаты из могильника Догээ-Баары-II.....	21
Горбунов В.В. Военное искусство населения Лесостепного Алтая в середине I тыс. н.э.....	24
Дашковский П.К. О служителях культа у кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья.....	27
Дюрменова А.В. Древние изобразительные сюжеты населения Степи в традиционных войлочных изделиях ногайцев.....	30
Жамсаранова Р.Г. Погребальные традиции тунгусов Восточного Забайкалья (на материале этнолингвистических экспедиций).....	34
Иванов С.С. Кинжалы ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня.....	37
Илюшин А.М. Фрагменты зеркал как амулеты в материальной и духовной культуре средневековых кочевников Кузнецкой котловины.....	42
Кайлачакова Ю.С. Китайский шелк как компонент традиционной культуры тюрок Саяно-Алтая.....	45
Киргинеков Э.Н. К вопросу взаимодействия древних культур Алтае-Саянской горной страны (Саяно-Алтая).....	47
Киреев С.М. Китайское зеркало из могильника булан-кобинской культуры Чендек (Горный Алтай).....	50
Кисель В.А. Каменные изваяния МАЭ РАН (непростая судьба коллекции).....	53
Клементьев А.М., Николаев В.С. Использование ландшафтных ресурсов средневековым населением Приангарья.....	56
Ковалевский С.А. К вопросу о способах разметки и оформления сакральной площади курганов ирменской культуры (Кузнецкая котловина).....	60
Кузнецова Т.М. К вопросу о классификации зеркал скифского времени.....	62
Кунгуров А.Л. Камень в производительных силах кочевых обществ Алтая.....	66
Марсадоллов Л.С. Селеутасская мегалитическая цивилизация в центре Евразии.....	69
Мунхбаяр Б.Ч. Две наскальные надписи, относящиеся к истории развития и происхождения письменности кочевников Центральной Азии.....	74

Поляков А.В. Хронология и локализация некоторых типов украшений (по материалам погребений карасукской культуры).....	79
Скрынникова Т.Д. Проявление культа солнца у народов алтайской языковой семьи.....	82
Сотникова С.В. Символика колеса в ритуальной практике индоиранского населения (эпоха бронзы – ранний железный век).....	86
Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура: особенности погребального обряда памятников Горного Алтая и Среднего Енисея.....	89
Сулейменов М.Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганной группы Солнечный-1).....	93
Тишкин А.А. Находки монгольского времени на археологическом комплексе Ближние Елбаны (по материалам раскопок Н.С. Гуляева).....	97
Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Металлические зеркала в коллекциях Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ.....	100
Ткаченко И.Д. Снаряжение коня кочевников Южной Сибири как историко-этнографический источник.....	103
Цыбикдоржиев Д.В. Генезис культа знамени у монгольских народов.....	106
Чигаева В.Ю. Птицы в искусстве эпохи бронзы народов Сибири (основные сюжеты в духовной и материальной культуре, параллели).....	109
Шелепова Е.В. Некоторые аспекты изучения тюркских ритуальных комплексов Алтая.....	111
Шульга П.И. О назначении «поясных» бляшек на Верхней Оби и в Горном Алтае.....	116

ЛОШАДЬ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Бачура О.П. Результаты определения возраста и сезона забоя лошадей по регистрирующим структурам из памятников поздней древности Алтая.....	120
Боброва А.И. Лошадь у средневекового населения Нарымского Приобья.....	122
Бондарев А.Я. Особенности выпаса лошадей как фактор, предопределяющий их наибольшую среди домашних животных уязвимость от хищных зверей в Алтае-Саянской горной провинции.....	125
Васютин А.С., Онищенко С.С. Жертвоприношения лошадей в кургане №11 могильника Ваганово-I из Кузнецкой котловины (верхнеобская культура).....	128
Игнатьева О.П. Лошадь в структуре традиционной культуры южных алтайцев.....	130
Кимеев В.М. Роль коневодства в жизнедеятельности горно-таежных шорцев торгового пути «Улуг-Чол».....	133
Косинцев П.А., Самашев З.С. Лошади Алтая в скифо-сакское время.....	137
Костылев А.В. Освоение лошади в древней Корее.....	140

Кубарев В.Д. Конь и всадник: в эпосе, погребальной традиции и в наскальном искусстве Алтая.....	143
Руденко К.А. Конские захоронения и культ коня в среднем Поволжье и Предуралье во второй половине I – первой половине II тыс. н.э.: к постановке проблемы.....	146
Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Деппе).....	149
Тадина Н.А. Лошадь как сакральный дар с «теплым дыханием» в ритуальной практике алтайцев.....	152

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Быков Н.И., Давыдов Е.А. Лихенометрические исследования археологических памятников Юго-Восточного и Центрального Алтая.....	157
Быков Н.И., Хрусталева И.А. Растительность курганов Алтая и ее фитоиндикационное значение.....	160
Гаврилова Е.А., Сингатуллин Р.А. Палеофонографические подходы при археозоологических исследованиях.....	163
Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Изучение тюркских поясов по результатам рентгенофлюоресцентного анализа.....	165
Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Золотое амальгамирование в оформлении художественного металла сроткинской культуры.....	168
Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии.....	172
Лазаретов И.П. Радиоуглеродные даты эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и проблема метода.....	186
Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш. Материалы кухонных и ритуальных остатков животных из археологических памятников как источник для изучения древних и средневековых культур Евразии.....	189
Сингатуллин Р.А. О некоторых возможностях палеофонографических технологий при изучении кочевых культур Центральной Азии.....	192
Соенов В.И., Трифанова С.В. Использование естественнонаучных методов при изучении археологических материалов из погребений могильника Верх-Уймон.....	194
Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай).....	196

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОПУЛЯЦИЙ СКОТОВОДОВ

Дубова Н.А. Антропология Гонур Депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана?.....	201
Козинцев А.Г. О так называемых средиземноморцах Южной Сибири.....	205
Куфтерин В.В. Индивидуальная антропологическая характеристика посткраниальных скелетов ранних кочевников Башкирского Зауралья (по материалам погребений раннесакского времени).....	208
Рыкун М.П., Кравченко Г.Г. Современные подходы к систематизации краниологических коллекций. Традиции и инновации.....	210
Святко С., Murphy E., Schulting R., Mallory J. Диета народов эпохи бронзы - начала железного века Минусинской котловины (Южная Сибирь) по данным анализа стабильных изотопов азота и углерода: предварительные результаты	213
Тур С.С. , Краскова Т.А. Население пазырыкской культуры Средней Катуни: зубные индикаторы палеодиеты.....	216
Библиографический список	221
Список сокращений	255

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

А.А. Акунов, А. Муса кызы

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек;
Международный университет Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ КОЧЕВНИКОВ ПО ДАННЫМ ЭПОСА «МАНАС»

Тот факт, что в основе теоретических исследований всегда лежит уникальный страновой опыт, говорит о том, что выводы и оценки, полученные в одной стране и в одно политическое время, нельзя механически трансформировать в совершенно иные социальные и политические, культурные и экономические условия. Например, для успешной демократизации российского общества подходит не все не только из политического наследия древнегреческих республик, но и из временного опыта преобразований в ряде западных и восточно-европейских стран (Соловьев А.И., 2003, с. 29). С этой точки взглядов уникальным является современный процесс построения «суверенной демократии» в России.

Тем не менее то, как мы будем жить, зависит от того, кем мы являемся, какие перед нами открыты возможности, с какими трудностями нам приходится сталкиваться и т.п., поэтому здесь трудно принимать какие бы то ни было решения без предварительного, терпеливого и скрупулезного теоретического осмысления наших традиций, характера, истории и социальной структуры (Парех Б., 1999, с. 490).

Политические традиции кочевых народов в советское время не исследовались, хотя бы потому, что это не способствовало формированию такой исторической общности, как «советский народ».

Теперь, бывшие союзные республики, переживая каждый по-своему: одни процесс построения «новой демократии», а другие «восстановленной демократии», остро нуждаются в собственном опыте политических традиций. Проще говоря, культурный плюрализм требует пересмотра традиционного толкования таких основополагающих понятий, как равенство, честность, справедливость, социальная сплоченность, политическое единство и свободы, принуждение, политика и управление и т.д.

В изучении политической истории, структуры власти и системы управления енисейских кыргызов и кочевников Притяньшанья в эпоху древности и средневековья одним из ценных источников является эпос «Манас». По мнению таких исследователей, как С. Малов, В. Жирмунский, Б. Юнусалиев, К. Рахматуллин и др., в эпосе «Манас» отражены события, связанные с политическим усилением енисейских кыргызов в IX–X вв. и последующими историческими событиями. М. Ауэзов и А. Бернштам считали эпохой сложения и развития эпоса более ранний период, а начало основных его событий относят к началу VII в. (Осмонов О.Дж., 2005, с. 12–15). В текстах «Ма-

наса» ясно сохранились архаичные пласты, которые могут быть отнесены к жизни кыргызов задолго до государственного периода в истории. К древним элементам эпоса отдельные ученые относят образы самого Манаса и вражеского богатыря Джолоя (Радлов В.В., 1948, с. 310).

Объем одной статьи, конечно, не позволяет нам описать все сюжеты эпоса, рассказывающие о политических традициях и обычаях кочевников. Поэтому мы решили остановиться только на некоторых эпизодах, где мы можем узнать о подходах и традициях принятия решений кочевниками, имеющих политическое и судьбоносное для них значение. А именно два эпизода: во-первых, сюжет рождения ребенка – будущего предводителя, героя и хана, и, во-вторых, это сюжет принятия решений о переселении кыргызов Тенир-Тоо на Алтай и обратно, с Алтая на Ала-Тоо.

Сюжет с рождением ребенка более подробно описан молодым ученым Т. Акеровым (2005, с. 47–49) в его монографии «Древние кыргызы и Великая степь (по следам древнекыргызских цивилизаций)». Сюжет рождения ребенка путем обращения к божеству, небесным силам занимает центральное место в эпосе «Манас». Первые строки океаноподобного «Манаса» начинаются именно с этой картины – обращения к небу, чтобы он дал хану кыргызов долгожданного наследника, который мог бы сплотить вокруг себя народ и продолжить отцовский род.

Джакып, отец Манаса, до 50 лет оставался бездетным. Каждый раз он обращался к небу, прося о том, чтобы тот дал ему потомка, который был бы наследником ему, когда Джакып уйдет в потустороннюю жизнь. Затем ему, его женам – Чыйырды (первой жене) и Бакдоолот (второй жене) – одновременно приснился таинственный сон. Джакып увидел ловчую птицу Буудайык и белого кречета (символ власти у древних кыргызов), Чыйырды – старца, давшего ей яблоко, съев которое, она родит дракона длиной в 60 кулачей, а Бакдоолот приснились два ястреба – тетеревятника тунжур, которых она привязала на несет.

Собравшиеся по волеизъявлению Джакыпа старцы предсказали ему рождение сына-богатыря.

Всех, живущих в подлинном мире,
Осчастливит твое дитя.
Все живущие на подсолнечной земле,
Будут ухаживать за твоим ребенком.

Благодаря обращению к небу жена Джакыпа Чыйырды родила ребенка, которого нарекли таинственным именем Манас. Новорожденный описывается в скифских традициях, где можно заметить следы солнцепоклонства и зороастризма (Абрамзон С.М., 1980, с. 278). Подобные сюжеты можно наблюдать во многих легендах, таких как легенда о рождении Ай-Атам – первопредка тюрок, первого короля тюрок; легенда о рождении Ань-Лушана, восстание которого едва не привело к гибели Танской империи в середине 50-х гг. VIII в.; генеалогическое предание о рождении Чингисхана и др.

Рожденный будущий правитель, по данным эпоса «Манас», должен обладать такими качествами: быть храбрым, отважным, быть опорой своему народу, быть дальновидным, мудрым. Благодаря этим качествам правитель сможет управлять народом

правильно и приносить благополучие. Эти и другие знания о правителе через эпос передавались от поколения к поколению и дошли до нас.

Во время парламентских и президентских выборов, действительно, кыргызы предъявляют будущим депутатам и кандидатам на должность президента именно такие качества правителя и отождествляет своего лидера с образом самого Манаса.

Родиной Манаса был Алтай. Во всех вариантах эпоса без исключения Манас рождается на Алтае. Когда Манас достиг совершеннолетия и становится богатырем, ему рассказывают о том, что прародиной его народа является Ала-Тоо. Знание и память о Родине, события, связанные с изгнанием из Родины, все имена – и врагов и друзей, – все это сохранилось в памяти народа в устной форме, и они передавались от поколения к поколению, от людей к людям, от старца к молодому. Безусловно, сегодня нас интересуют и являются очень актуальными формы и содержания передачи памяти знаний, которые были традицией у кыргызов эпоса «Манас» и которые утрачены у современных кыргызов.

Из более чем 40 вариантов эпоса «Манас» главными считаются два из них: это варианты Сагынбая Орозбак уулу и Саякбая Каралаева. Сюжет о принятии решения о переселении кыргызов с Алтая на Ала-Тоо в этих двух вариантах различается по форме и почти одинаков по содержанию. В первом варианте отец Бакая – Бай – приехал на Алтай из Ала-Тоо, нашел Джакыпа – отца Манаса, а потом и самого Манаса и рассказал ему о родной земле Ала-Тоо, о Кошой-хане, который охраняет кыргызскую землю от чужеземцев и обосновал свою ставку на Чеч-Добо на Ат-Башинской земле и т.д. Согласно варианту С. Каралаева про все это Манасу рассказывает отец Чубака Ак-Балта, и после этого Манас сам приехал на землю Ала-Тоо, нашел Кошой-хана и узнал от него много о прошлом своего народа и своей земле, о врагах и друзьях и т.д.

Мы хотели показать, что такое судьбоносное решение, как переселение своего народа с Алтая на Ала-Тоо, принималось Манасом не просто так, а ему предшествовал целый ряд обычаев и традиций, бурные обсуждения на различных форматах, предварительные изучения путей переселения и его трудностях и т.д. Память народа в лице старца-мудреца, например, такого как Бай – старший брат Джакыпа – отца Манаса, или Ак-Балта, который рассказал Манасу о том, что «не останемся на Алтае, не наша – это земля Алтай» (Манас, 1984, с. 108), ценилась в народе очень высоко. Если говорить языком политической науки, то это можно было бы называть ноократией, т.е. властью разума. Именно ноократия была самой лучшей формой управления народом, государством, чем демократия. В современных условиях, из-за всех сил стараясь соблюдать все принципы международных стандартов демократии управления, мы теряем часть территории, теряем доверие людей к власти, теряем саму суть справедливого управления и т.д. И все это происходит на фоне очень низкой политической культуры населения, отсутствия политической традиции и обычаев и почти отсутствия культуры и традиции управления и власти. Политическая элита Кыргызстана очень плохо знает, а отдельные ее представители совсем не знают о политических традициях и обычаях кочевников, содержащихся в эпосе «Манас». Наличие соответствующего знания способствовало бы поиску и нахождению самой оптимальной формы управления государством в современных условиях.

Е.К. Алексеева

Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА КОЧЕВЫХ ЭВЕНОВ*

Одна из важнейших задач этнографической науки – изучение традиционной культуры народов мира во всем многообразии ее проявлений. Предметом исследования этнологов являются различные компоненты материальной и духовной культуры. Одним из сложных элементов материальной культуры этноса представляют жилища и связанные с ними хозяйственные и бытовые постройки. В данной статье мы рассмотрим развитие традиционных типов жилищ эвенов Якутии.

Эвены на протяжении своей многовековой истории создали по-своему богатую и неповторимую культуру не изолированно от других народов. В дореволюционный период основу хозяйства эвенов северо-восточных районов Якутии традиционно продолжали составлять оленеводство транспортного направления, охота в сочетании с рыболовством. Данный тип хозяйственно-культурной деятельности обусловил формирование особого, кочевого уклада жизни, самобытной культуры, оказывал огромное влияние на родовую организацию кочевников, регламентировал их взаимоотношения. Нельзя не проигнорировать роль природно-климатических и эколого-ландшафтных условий окружающей среды Севера, оказавших влияние на сложение особого северного стиля мышления и образа жизни.

На возникновение и распространение типов жилищ эвенов в первую очередь оказали влияние такие факторы, как природно-географические условия мест проживания локальных групп эвенов; этнические традиции; культура других народов, с которыми вступали во взаимодействие эвены; способы ведения хозяйства; социально-экономическое положение семьи и рода.

Причем весьма показательно главенствующее влияние природно-географических условий, с которыми тесным образом связан способ ведения хозяйства. Они в свою очередь оказали влияние на распространение жилища определенного типа, отвечавшего условиям кочевого быта эвенского этноса. Все элементы традиционных жилищ соответствовали традиционному укладу жизни этноса. Вследствие кочевого образа жизни, где оленеводство и охота играли превалирующую роль, у всех групп эвенов были распространены традиционные типы жилищ, отличающиеся относительной подвижностью: конический чум (*илуму*); цилиндроконическая юрта (*чорама-дю*).

Общее название всех эвенских жилищ восходит к тунгусо-маньчжурскому – *дьуу*. В силу производственной деятельности указанные типы жилищ имели временный, сезонный характер.

Более древним жилищем тунгусов считается чум *илуму*, который относится к особому тунгусскому типу чумов. Конический чум, крытый ровдугой или берестой, – типичная черта таежных охотников кочевой культуры. Чум был известен почти всем народам Сибири, а также отдельным группам алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов. Но некоторым народам Приамурья на северо-востоке – корякам, чукчам, эскимосам, алеутам это жилище неизвестно (Дьяконова В.П., 1995, с. 29; Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 87; Хомич Л.В., 1966, с. 55).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07-01-79103а/Т).

Весьма сложен и противоречив, на наш взгляд, вопрос о генезисе цилиндро-конического типа жилища эвенов – чорама-дю. Данный тип жилища, в отличие от чума, является более усовершенствованным и сложным в конструктивном отношении. Считается, что юрта впервые появилась у эвенов на Охотском побережье (в его северной части) в XVIII – начале XIX вв. в связи с бурным развитием оленеводства и ростом численности отдельных семей. По мере расселения эвенов-оленьеводов по северо-востоку юрта распространилась на запад вплоть до междуречья Нижней Лены и Яны, а на восток – до Камчатки. Существует мнение о том, что эвены перенимали навыки строительства цилиндро-конических чумов у чукчей и коряков. Утверждая эту точку зрения, Б.А. Спесивовский (1984, с. 128) ссылается на то, что конструкция эвенского чорама-дю имеет много аналогий с конструкцией корякско-чукотской яранги и данное жилище распространено на территории расселения эвенов, граничащих с чукчами и коряками (северо-восток Сибири).

Есть противоречащее мнение, что цилиндро-конический каркасный чум под названием *чуораа* был издревле известен тюгяским и ламунхинским эвенкам (Васильев Ф.Ф., архив ЯНЦ СО РАН, л. 70). С ярангой оленных чукчей много аналогий имеет строение эвенов Магаданской области и Камчатки – оно является как бы промежуточным звеном в системе однотипных строительных конструкций исконно палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народов. Ф.Ф. Васильев делает однозначный вывод о параллельном существовании двух видов яранг – приморского и тундреного. Это наглядно показывает не только огромное влияние хозяйственно-бытовых занятий на материальную культуру, но и тесные этнические контакты морских охотников, оленеводов и охотников (Васильев Ф.Ф., архив ЯНЦ СО РАН, л. 27; л. 50–51).

В общеизвестной литературе, кроме конических жилищ – *илуму* и *голомо*, – мало или вовсе не упоминаются и другие виды примитивных чумов, существовавших у эвенов. Это корьевые и жердевые чумы, аналогичные *илуму*, но покрышкой для первого чума служили лиственничная и сосновая кора. Жердевые чумы вовсе не имели покрышки, весь конус обкладывался жердями, плотно пригнанными друг к другу. Так, *тиарма* – это юрта или чум, состоящий из одних жердей (букв. в переводе означает «жердевая»), *нямалда* – другой тип жердевого чума (букв. в перев. означает «из мха»). В таких жилищах жили обычно бедные семьи, не имевшие своего летнего переносного жилища и достаточного количества транспортных оленей.

Следует отметить, что в русле общего направления развития жилищ эвенов в конце XIX – начале XX вв. существовали локальные особенности. Так, у локальных групп эвенов наблюдаются некоторые отличия в деталях конструкции жилища и внешнего покрова, а также в терминологии, что можно объяснить территориальной разобщенностью к концу XIX в., под воздействием которого сложились несколько областей проживания эвенов.

В общих чертах жилища эвенов Якутии не имеют отличий от жилищ эвенов других регионов. Отличия обусловлены лишь природно-климатическими условиями и особенностями ландшафта территории проживания отдельных групп – тундра, лесотундра, таежная зоны, а также хозяйственной деятельностью (таежное и тундрное оленеводство, рыболовство).

Вплоть до недавнего времени чум – *илуму* и юрта – *чорама-дю* оставались основными видами жилищ эвенов. Активное их вытеснение домами русского типа началось

вместе с коллективизацией, но долгое время было не особенно успешным. На всей этнической территории эвенов наиболее распространенной формой жилья был конический чум ввиду его большей компактности по сравнению с юртой. Берестяные чумы стали большей редкостью уже в 1930-е гг. из-за сложности изготовления берестяных покрышек. Дольше сохранялись ровдужные чумы (преимущественно у аллайховских и некоторых других групп эвенов севера Якутии). В настоящее время их используют как приспособление для копчения мяса, шкур (например, в оленепадах Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия)), но для их прикрытия используют брезентовый материал.

Юрты также долгое время были непременным элементом эвенских поселений, особенно в северных безлесных районах Якутии. Так, уже в начале 1930–1940-х гг. в Томпонском, Верхоянском, Оленекском районах юрта перестала употребляться. На замену вошли в обиход палатка из ткани и из шкуры оленя с подстриженной шерстью. Несколько долгие она сохранялась у эвенов Охотского побережья, где в качестве летника встречалась еще в 1950-х гг. До конца 1960-х гг. юртой пользовались только эвены березовско-россохинской группировки (Васильев Ф.Ф., архив ЯНЦ СО РАН, л. 72). До сих пор юрта сохраняется у тундреных оленеводов Северо-Восточной Якутии. Причина сохранения ее там – сильные пронизывающие ветры, господствующие на побережье Ледовитого океана в зимнее время. В разные годы юрту пытались заменить балками (деревянные каркасы на полозьях, обтянутые брезентом или шкурами), передвижными домиками различной конструкции. Но основным видом временного жилища у эвенов-олeneводо в настоящее время является двускатная палатка, вошедшая в обиход в 1960-е гг. Она отличается легкостью и удобством при транспортировке (История и культура эвенов, 1992, с. 10). В зимнее время эвены-олeneводы живут в срубных избушках.

Жилые срубные дома начали строить в 1930-х гг. Строительство частично благоустроенных домов современного типа для коренных жителей началось во 2-й половине 1950-х гг. (Васильев Ф.Ф., архив ЯНЦ СО РАН, л. 73). До конца 1950-х гг. строительство велось преимущественно собственными силами. Небольшие однокомнатные домики на две–три семьи делали, как правило, из местного тонкомерного леса. Эти дома в суровых зимних условиях не выдержали конкуренции с юртами, которые до конца 1960-х гг. были непременным элементом многих эвенских поселений в северных безлесных районах Якутии. И только с началом государственного жилищного строительства в северных колхозах и совхозах в 1970-е гг. ситуация стала заметно меняться (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 81).

Б.А. Бичеев

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Элиста, Россия

КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЯ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Среди признаков элитных погребений раннего времени исследователи отмечают нахождение в погребальной комнате изделий из золота, наличие оленных блях, а также присутствие художественно оформленных предметов искусства (Герман П.В., 2008, с. 98). Интересный предмет искусства, а именно бляха, изображающая фигуру воина с оружием, сидящего по-восточному сложа ноги, была обнаружена археологами при раскопке элитного погребения из кургана №12 могильника Чердашный Лог-III

(Плетнева Л.М., Гаман А.Д., 2007). Фигурку воина снизу обрамляет продолговатый полукруг, украшенный геометрическим орнаментом. Концы полукруга сходятся с верхней частью бляхи. Верхняя часть бляхи стилизована под птицу соколиной породы, распластавшей крылья над сидящим воином и держащей в когтях солнце и луну.

Исследователи интерпретировали данный предмет искусства как иллюстрацию мифа о происхождении тюрков*. Такая точка зрения, при всем ее праве на существование, несколько сужает в этнокультурном плане ее более глубокое и сакральное символическое содержание. Дело в том, что символическое содержание этой бляхи отражает более широкую традицию, которая долгое время бытовала у древних и современных народов Центральной Азии. Речь идет о традиционном для этих народов представлении о харизматическом даре правителя. О существовании такого представления подтверждают письменные источники. Для иллюстрации приведем содержание §63 «Сокровенного сказания», в котором повествуется о том, как Есугей, отец Чингис-хана, отправился сватать своего старшего сына и по пути заехал в кочевья хонхаридского племени. Предводитель хонхаридов Дэй-Сечен при встрече с ним сообщает о вещем сне, посетившем его.

§63. «Снился мне сват Есугей, снился мне этой ночью сон, будто снишел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: Солнце и луну можно видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снишел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? – подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугей, ты со своим сыном. Как случится такому сну? Не иначе, что это вы – духом своего Киятского племени – явились во сне моем и предрекли!» (Козин С.А., 1941, с. 86).

Узловыми категориями, на которых строилась система власти у традиционных кочевых этносов Центральной Азии, выступают понятия «правитель» и «власть». Первоначально эти категории располагались в недрах коллективных представлений и проявлялись в разнообразных формах и символах, вплетаясь в духовную жизнь этноса. Будучи коллективными, эти представления навязываются каждому члену этнического общества, т.е. они становятся для него не объектом рассуждения, а безусловной веры.

Содержание понятия «правитель» в традиционном обществе подразумевало нечто большее, чем простое указание на вершину социальной иерархии. Оно, кроме внешнего выражения почитания правителя, включало в себя понятие сакральности. С древности «божественное» происхождение правителя обозначалось термином «небесное». Таншихай – правитель сяньби, считался сыном Неба. По преданию, он родился от градинки, упавшей с неба в уста его матери (Бичурин Н.Я., 1950, с. 154). Сакральный смысл «неборожденности» отражает древнейшие представления о рождении правителя по воле Неба. Именно Небо дает санкцию или, точнее, «милость» на его земное существование и оно же определяет срок жизни, т.е. время возвращения к нему после пребывания на земле.

*Интересный доклад на тему «Элитное погребение из кургана №12 могильника Чердашный Лог-III» был сделан Л.М. Плетневой на XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции «Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции», проходившей в Томске с 21 по 23 мая 2008 г.

В людях, занимающих особые позиции в социальной структуре своей этнической общности, простые члены видят медиаторов, связующих народ с Небом-Тенгри – главным божеством центральноазиатской религиозной системы и ассоциируют с ними определенные мысли и чувства. По сути, проблема харизматичности правителя связана с проблемой конструирования некоего символического порядка в мироздании, установлением этого порядка в воображаемом «идеальном обществе». Харизматичность правителя – институционально установленный элемент определенного порядка социальной жизни традиционного кочевого общества. Сакральная роль правителя выстраивалась на основе веками существовавших мифолого-религиозных представлений в традиционном кочевом обществе.

Объективные признаки и наиболее существенные черты правителя – это знаки-проводники таинственных сил, мистических свойств, которые присущи правителю, наделенному харизматическим даром свыше. Источником легитимности правителя является его харизматический дар, объединяющий и мобилизующий членов этнического общества на защиту от внутренних и внешних угроз. Душа правителя у многих народов Центральной Азии ассоциируется с образом птицы, а смерть – с отлетом души из тела в виде птицы на небо. Но едва ли не самое интересное сравнение можно найти в сказочном фольклоре народов Центральной Азии, где сюжетный мотив «съедания головы птицы» символизирует обретение в будущем ханского престола, т.е. особыми свойствами наделяются и определенные части птицы.

Смерть правителя в тюрко-монгольских языках обозначается термином «воспарил», «возвысился», «поднялся». Тюрки, уже после принятия ислама, продолжали употреблять понятие «стать соколом» в смысле слова «умереть» (Бартольд В.В., 2002, с. 30). Считалось, что со смертью правителя его харизматический дар не угасал, а воспарял в небеса. Обряд захоронения человека, обладавшего такими врожденными качествами, требовал наличия особого атрибута, семантически указывавшего на эти особенности. В монгольских захоронениях таковым является кость ноги барана, поскольку в древности баран выражал солярный символ.

Правитель воплощал волю Неба-Тенгри, а потому практически всемогущ. Он – основа государства, а почтение к нему являлось фундаментом должного порядка. Прекрасно были осведомлены о сакральной значимости правителей в кочевом обществе соседствовавшие с ними народы. Китайцы настойчиво просили российскую сторону, «когда их, китайские, войска будут наступать на зенгорский народ, а из того народа, которые улусы будут уходить в Россию, то б тех принимать, только б из них выдавать в китайскую сторону владельцев» (Международные отношения, 1989, с. 60). Известно, что император Цяньлун настойчиво требовал от России выдачи ойратского князя Амурсаны, а после его смерти – останков. Российская сторона всячески уклонялась от выполнения этого требования, понимая, что означает для Китая заполучить останки предводителя ойратов. «Что касается до выдачи Амурсананева тела, здесь для того на сие поступить за благо не разсуждено...» (Международные отношения, 1989, с. 133).

Таким образом, предмет искусства из элитного погребения кургана №12 могильника Чердашный Лог-III служит подтверждением того, что совокупность общих для народов центральноазиатского региона верований и чувств, образует единую культурную систему.

В.А. Борисов

НПО «Древности», Гурьевск, Кемеровская область, Россия

КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА БЫСТРОВКА-2

В 1997 г. нами было произведено исследование серии образцов погребальной керамики курганного могильника раннего железного века Быстровка-2 (Искитимский район Новосибирской области). Автор раскопок А.П. Бородовский отнес могильник к березовскому этапу большебереченской культуры и датировал его I в. до н.э. – I в. н.э. Поскольку А.П. Бородовский поставил перед нами задачу «вслепую» определить основные технико-технологические параметры древней керамики, мы не знали ни форму, ни размеры, ни орнаментацию сосудов.

Происхождение образцов:

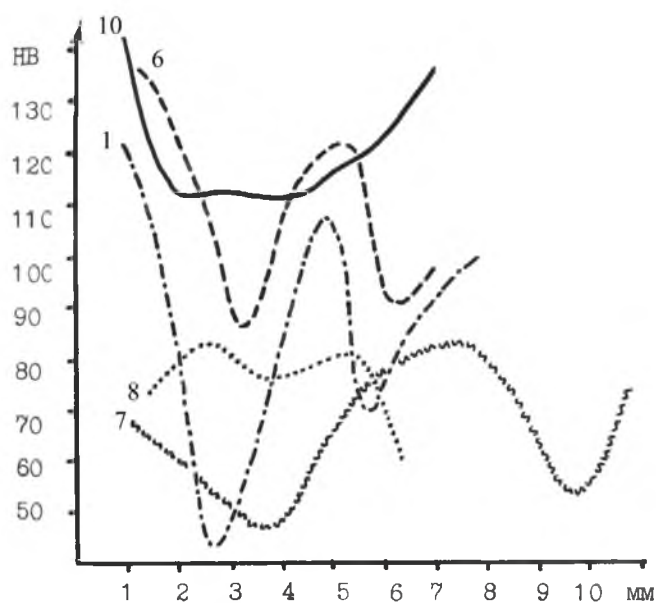
- №1 – курган 6, ров, сосуд 2.
- №2 – курган 9, погребение 9, сосуд 2.
- №3 – курган 6, погребение 8.
- №4 – курган 6, погребение 16.
- №5 – курган 4, погребение 15.
- №6 – курган 3, погребение 27.
- №7 – курган 7, погребение 2.
- №8 – курган 3, погребение 25.
- №9 – курган 5, погребение 37.
- №10 – курган 7, погребение 4.

В ходе лабораторных испытаний инструментальным методом определялись рецептуры керамических масс, физико-механические свойства и режим обжига древних сосудов.

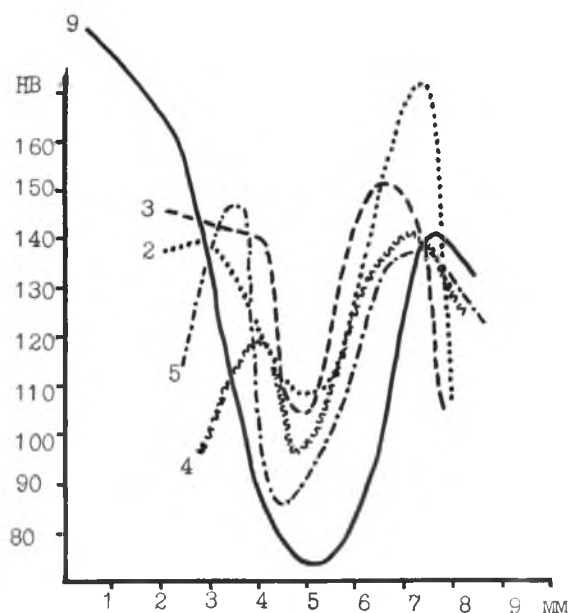
По характеру искусственных примесей и физико-механическим показателям быстровскую посуду можно разделить на две группы. К первой группе относятся образцы №1, 6–8, 10, ко второй – №2–5, 9. Керамику первой группы объединяет наличие большого количества шамота. Процентное соотношение данной искусственной примеси от 20 до 70% (средний показатель 41,5%), размеры зерен от – 0,1 до 3 мм. Преобладающими цветами зерен шамота являются черный (80% случаев) и серый (60%), красноцветный шамот отмечен только в образце №4. Средне- и крупнозернистый песок в сочетании с мелким гравием в качестве искусственной примеси встречается только в образце №10. Данный сосуд содержал в керамике также шамот. Процентное соотношение песка и дресвы 40–45%, шамота – около 20%. Остальные образцы сосудов 1-й группы включали песок и дресву в количестве от 3–5 до 20–26%, являющиеся естественной примесью.

Керамика сосудов 1-й группы обладает высокой пористостью (36,6–50%), относительно низкой плотностью (средний показатель 1,70 г/см³) и высокой твердостью (средний показатель 105,2 НВ).

Керамика сосудов 2-й группы отличается преобладанием песчано-дресвяных примесей. К искусственной псаммитовой примеси можно отнести средне- и крупнозернистый песок с окатанными, сильноокатанными и грубообломочными зернами в количестве от 20–25 до 40–50%. Сильно окатанный песок, возможно, имеет речное происхождение. Дресва представлена мелким гравием и дроблеными породами черного и красного цветов. Количество – от 5–7 до 30%, размеры зерен – от 1,1 до 5 мм. Два образца, наряду с песчано-дресвяными добавками, содержали незначительное количество шамота (1–5%).

А. Керамика 1-й группы с примесью шамота

Б. Керамика 2-й группы с примесью песка и дресвы

Рис. 1. Графики твердости керамики Могильника Быстровка-2

Средняя пористость керамики 2-й группы составила 22,9%, средняя плотность – 1,89 г/см³, твердость – 151,6 НВ.

Проведенные исследования показали, что в гончарном производстве могильника Быстровка-2 существовали две принципиально отличающиеся друг от друга технологические традиции. Первая характеризуется преобладанием шамотной рецептуры в составлении формовочных масс и относительно низким качеством керамики. Вторая – песчано-дресвяным характером примесей и очень высоким качеством керамики. Интересным фактом является то, что сосуды 1-й группы находились только в курганах №3 и 7, а 2-й группы – только в курганах №4–6, 9. В одном кургане вместе сосуды разных групп не встречались ни разу. Исключение составляет только образец №1 (1-я группа), который был найден во рву кургана №6, содержащего сосуды с песчано-дресвяными примесями (2-я группа).

Обе технологические традиции отличались также обжигом глиняной посуды. Сосуды 1-й группы прокаливались в низкотемпературном (500–600 °С) – образцы №7–8 и высокотемпературном режиме (700–900 °С) – образцы №1, 6, 10. Газовая атмосфера для сосудов 1, 6, 10 являлась окислительной, для сосудов 7–8 – восстановительной. Цветовая структура разлома образца №8 фиксирует относительно длительное время обжига, остальных – относительно короткое.

Все сосуды 2-й группы обжигались в высокотемпературном режиме (700–950 °С). В окислительной атмосфере прокаливались образцы №2, 4, 9, в восстановительной – №3, 5. Время обжига посуды 2-й группы было более длительным. Об этом говорят красноцветные разломы сосудов 4 и 9, получивших полную температурную экспозицию. В целом можно констатировать, что посуда 2-й группы обжигалась более качественно.

Графики твердости стенок сосудов в поперечном разрезе (рис. 1) дают наглядное представление об особенностях прокаленности быстровской посуды. Большинство сосудов 1-й группы имеют волнообразный тип графиков с активным характером (рис. 1.-А: 1, 6–8). Прослойки с повышенной твердостью чередуются с прослойками пониженной твердости, а отклонения крайних точек твердости от средней линии значительно превышают 20%. Все это свидетельствует о некачественном промесе глиняного теста, наличии большого количества крупнозернистых примесей и неравномерном низко-высокотемпературном обжиге. Только один сосуд 1-й группы имеет U-образный тип графика (рис. 1.-А: 10). Поверхностные слои данного керамического изделия прокалились сильнее, чем внутренние. Налицо недопрокаленность сосуда.

Графики твердости стенок сосудов 2-й группы демонстрируют иную прокаленность керамики (рис. 1.-Б). Все они относятся к ярко выраженному U-образному типу. Но в этом случае говорить о недопрокаленности керамики нельзя. Провалы твердости в середине стенок сосудов объясняются наличием здесь прослоек с повышенной пористостью в виде массы микротрещин. В результате быстрого нагрева сосудов до высоких температур происходит такая же быстрая усадка керамики в слоях, прилегающих к поверхностным слоям стенок. Между поверхностными слоями и серединой стенок сосудов возникает сильное напряжение, которое приводит к термальному «шоку» – микроразрыву керамики. Только наличие большого количества крупнозернистого песка и дресвы спасало сосуд от разрушения. В результате подобного высокотемпературного, с быстрым нагревом, обжига формировалась посуда с очень твердыми слоями, прилегающими к поверхностям, и мягкой, пористой прослойкой в середине.

Опущенные вниз концы графиков твердости сосудов 2-й группы показывают, что быстровские гончары несколько передерживали обжигаемые сосуды в высокотемпе-

ратурном режиме. Керамика поверхностей стенок сосудов не выдерживала подобных нагрузок и начинала снижать твердость. Искусство древнего гончара заключалось в том, чтобы уловить тот момент, когда твердостный потенциал керамики исчерпан полностью. Вероятно, осуществлялось это методом наблюдения за интенсивностью свечения раскаленных изделий.

Нам неоднократно приходилось писать о том, что сочетание разных технологий керамического производства, включающих различные рецептуры формовочных масс, режимы обжига и различные физико-механические свойства керамики, проявляющиеся в границах одного памятника или археологической культуры, является признаком многокомпонентности населения данного памятника или культуры (Борисов В.А., 2005, с. 165–173; Борисов В.А., Ковалевский С.А., 2005, с. 102–108; Шамшин А.Б., Борисов В.А., Ковалевский С.А., 2008, с. 161–170). Особенно наглядно иллюстрирует зависимость керамического производства от этнокультурной однородности древнего сообщества пример с саргатской глиняной посудой Рафайловского городища.

Собственно саргатскую керамику представляют 32% исследованных образцов глиняной посуды. Основными примесями в формовочных массах данных сосудов являются песок, дресва и шамот. Плотность саргатской керамики $1,79 \text{ г/см}^3$, пористость – 24,7%, степень водопоглощения – 13,9%, твердость – 105,8 НВ (средние показатели).

Керамика, сохраняющая традиции гороховской гончарной традиции, отличалась более высокой плотностью ($1,91 \text{ г/см}^3$), несколько меньшей пористостью и степенью водопоглощения (соответственно 23,2 и 12,3%), значительно меньшей твердостью (83,2 НВ). Но наиболее принципиальным отличием гороховской посуды являлось наличие талька в формовочных массах в качестве искусственной примеси (Борисов В.А., Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., 2002, с. 193–202).

Остальные 36% исследованной посуды Рафайловского городища включали в себя признаки и саргатской, и гороховской технологий керамического производства. Отсюда следует вывод, что саргатское и гороховское население Рафайловского археологического комплекса, проживая совместно на протяжении довольно длительного времени, сохраняло свои, традиционные для каждой культуры, методы обработки глиняного сырья, составления рецептур формовочных масс и, особенно, обжига глиняных изделий. В то же время наличие керамики со смешанными технологическими признаками говорит о постепенном взаимопроникновении этих технологий. Видимо, подобный процесс характерен и для Быстровки-2.

Г.Н. Варавина

Институт проблем малочисленных народов Севера, Якутск, Россия

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ ЯКУТИИ (на примере погребального обряда)

Погребальные обряды эвенов, их отдельные элементы и фрагменты имели различные генетические корни и в основном были связаны с первобытными дошаманскими и дохристианскими верованиями и представлениями (Попова У.Г., 1981, с. 189).

В прошлом у эвенов существовало два способа погребения – воздушный и наземный (История и культура эвенов, 1997, с. 113). По мере распространения христианства пре-

обладающей формой погребения стало захоронение в земле (История и культура эвенов, 1997, с. 114). Однако воздушные и надземные погребения и по сей день можно увидеть в местностях Авлонда, Ээтирkit, Дайик (у ламунхинских эвенов), у тыгасиров – в бассейне реки Хобоол, Лабыктанды, у озер Кимпииччэ, Мэрээти (Алексеев А.А., 1993, с. 19).

Похороны по христианскому обычаю непременно сочетались с элементами традиционного погребального обряда, причем до конца XIX в. обычно преобладала традиционная обрядность (История и культура эвенов, 1997, с. 114).

Описания похоронного обряда, сделанные исследователями в более поздний период, свидетельствуют о его многовариантности. Похороны у разных групп эвенов имели свои особенности, однако можно сказать, что в целом похоронная обрядность эволюционировала в сторону христианских норм и обычаев (История и культура эвенов, 1997, с. 115).

Если эвен точно уверен в своей кончине, то он указывает место для своего захоронения. Готовят инвентарь к похоронам, если зимой – нарту, а если летом – вьючное седло, подпруги, вожжи, без единого узелка, чтобы покойник, вспомнив про узелок, не вернулся обратно в виде сатаны или черта (Аллаиховский улус, 2005, с. 307).

С места, где умер человек, выезжает гонец в соседнее стадо или участок для сообщения о случившемся. При входе в дом он просит хозяев, чтобы они поставили горячую золу на пороге дома и через него входит в дом (Аллаиховский улус, 2005, с. 307).

Гроб в былые времена делали без единого гвоздя. Для того чтобы усопший ушел в небо, на крышке гроба сверлят три отверстия (Аллаиховский улус, 2005, с. 307). Гроб стали делать из досок лиственницы, причем доски скрепляли не гвоздями, а ремешками через просверленные отверстия. Если готовых досок не оказывалось, их делали сами, вытесывая из стволов деревьев. В оленеводческих бригадах доски для гроба делают таким образом и сегодня. Березовские эвены до сих пор не пользуются железными гвоздями, их заменяют деревянными (История и культура эвенов, 1997, с. 115).

По представлениям эвенов, хоронить человека обязательно нужно было в специально изготовленной для этого нарядной одежде. Иначе, как считалось, умерший в нижнем мире окажется бедным (История и культура эвенов, 1997, с. 115).

По сообщениям У.Г. Поповой, погребальная одежда эвенов называлась *бусэк*. Также она отмечает, что *бусэк* старые люди заготавливали заранее, а если умирал ребенок или молодой человек, то сразу же приступали к ее изготовлению (Попова У.Г., 1981, с. 191). В поселке Сасыр (Момский район Якутии) старики заранее готовили свою погребальную одежду (Дегтярев А.М. и др., 2004, с. 16). В настоящее время специальную погребальную одежду имеют немногие старики. Они ее действительно запасают заранее. Чаще всего в качестве погребальной одежды используют обычный национальный костюм, который имеют многие эвены. Если традиционной одежды не оказывается, родственники или соседи стараются дополнить последний наряд умершего каким-нибудь элементом традиционного костюма – торбасами, нагрудником и т.п. (История и культура эвенов, 1997, с. 115–116).

Всю одежду, как полагалось, «портили»: в пятках обуви прорезали отверстия, все завязки, кисти и бахрому срезали. Это объясняется тем, что несрезанная бахрома может по пути в тот мир «привлечь» злых духов (Попова У.Г., 1981, с. 192).

Кладут покойника в гроб на подстилке и на подушке из древесной стружки от заготовки гроба. Вместе с усопшим в обязательном порядке кладут деревянный лук со стрелами, такой же нож, топор и предметы повседневного обихода, с учетом пола и возраста усопшего (Аллаиховский улус, 2005, с. 307–308). Такой же факт мы находим

в работе С.И. Николаева, где он отмечает, что покойника «вооружали» деревянным посохом с гвоздяным наконечником. Им он должен был «отбиваться от злых духов» (Николаев С.И., 1964, с. 148).

При выносе покойника из чума до специально подготовленной оленьей нарты выносят его близкие родственники, при этом останавливаться по пути до нарты категорически запрещается, так как непредвиденные остановки, по поверью, считаются препятствием во время пути в потустороннюю жизнь (Аллаиховский улус, 2005, с. 308).

Непременным элементом погребений у эвенов всех групп и районов было сооружение *чури́ма* – жилища для «жизни» покойника в мире мертвых. Строили его из трех–четырех тонких жердей в виде неправильной треугольной пирамиды, напоминающей остов тунгусского чума. Внутри импровизируемого чума, на месте предполагаемого очага, клали два тонких полена со стружками для «костра». Кроме *чури́ма*, обязательным было сооружение *хэвэ* – специальной площадки для имущества покойника. Ее устраивали на сучьях деревьев или на специальной треноге из жердей в 15–20 шагах от могилы с западной стороны. Сюда укладывали седла, вьючные сумы с вещами, которые предварительно приводили в негодность. Там же помещалась оленья голова с рогами, передняя и задняя ноги с неснятой шкурой и мясом, а также правая половина грудной клетки с ребрами (История и культура эвенов, 1997, с. 116). Здесь можно отметить, что эвены Якутии до сих пор рядом с могилой обязательно строят лабаз, на котором оставляют вещи умершего: оленье седло, сэрук – вьючные сумы, постельные принадлежности, посуду, личные вещи покойного. Такие захоронения мы видели, например, в Кобяйском улусе п. Себян-Кюель, где около каждой могилы стоял лабаз с вещами умершего (ПМА, 2005, с. 5). Все предметы, оставляемые возле могилы, предварительно ломали. Считалось, что в «мире мертвых» – *буни* – все должно быть наоборот, чем в Среднем мире. И эти вещи должны послужить ему после смерти, когда душа умершего улетает в потусторонний мир (Алексеев А.А., 1993, с. 19).

Обязательным в погребальном обряде эвенов было ритуальное забивание оленя, принадлежавшего хозяину или хозяйке. Этот обряд до сих пор имеет место среди эвенов Якутии (Кривошапкин А.В., 1997, с. 29). Тем не менее И.С. Гурвич (1954, с. 80) отмечает, что в случае смерти маленького ребенка оленя не кололи.

Плакать, громко рыдать над покойником у эвенов не было принято, считалось очень плохим признаком, что тоже было связано с древними представлениями (Попова У.Г., 1981, с. 193).

После похорон от покойника не должно оставаться никаких следов. Даже щепки от гроба обязательно собирают и оставляют на могиле или присыпают землей. Считается очень хорошим предзнаменованием, если через 1–2 дня после похорон пойдет дождь или снег, которые смывают и закрывают все следы покойного. На второй день после похорон стойбище, в котором умер человек, должно откочевывать на другое место. Там, где стояла юрта умершего, оставляли несколько стоек от остова, иногда весь деревянный каркас, а также часть крыши юрты.

Посещать могилу умершего раньше можно было в течение трех лет (у эвенов-тюгисиров, а также момских и аллаиховских – в течение года). Стараются следовать этому обычаю и сегодня. При последнем посещении могилы особое внимание обращают на рога и оленью голову на *хэвэ*. Если они не потревожены дикими зверями (обычно

росомаха), значит жизнь родственников умершего будет благополучной (История и культура эвенов, 1997, с. 117).

Двое суток после похорон умершего человека всем женщинам стойбища было запрещено заниматься шитьем, братья за иголку, сучить нитки. По старым представлениям, считалось, что «душа» покойника в это время «шла» по пути в «мир мертвых» по самой «тяжкой» дороге, через горы и скалы, могла «сорваться» и «не попасть» в *буни* (Попова У.Г., 1981, с. 199).

Современные кладбища в эвенских поселках в большинстве случаев несут на себе отпечаток традиции. На многих из них можно встретить и *чурима* и *хэвэ* с вещами и оленьей упряжью умершего; на могилах или крестах олени рога, даже целые головы. На таких кладбищах стараются родственников хоронить вместе. Более распространен, особенно в эвенских районах Якутии, обычай делать на могилах довольно сложные деревянные надгробья – «мавзолеи». Многие из них выполнены весьма искусно, а некоторые имеют еще и предохранительный навес на точеных столбиках. Возможно, это тоже дань далекой традиции, когда наземное захоронение эвенов укрывалось сверху срубам. В некоторых местах существуют и чисто эвенские кладбища. Одно из них находится в пос. Батагай-Алыта (Якутия). Тамошние эвены (тюгясиры) сильно якутизированы, но продолжают сохранять многое из традиционного похоронного обряда (История культуры эвенов, 1997, с. 118).

Следовательно, эти погребальные традиции представляют собой своеобразную смесь эвенских, якутских и христианских элементов обряда (Гурвич И.С., 1954, с. 82).

Таким образом, в современной культуре эвенов, в частности в погребальном обряде, сохранились традиционные обрядовые представления и действия, вытекающие из древних религиозных представлений. Например, обеспечение умершего человека всем необходимым; обязательное жертвоприношение оленями, которых убивали ритуальным способом – удушением; устройство у могил со стороны заката солнца *хэвэ* – площадки на трех деревьях или жердях-треногах, куда складывали дорожное снаряжение умершего, а также головы с рогами бывших его ездовых и вьючных оленей; устройство *чурима* – остова жилища на трех стойках, в котором должен был «жить» покойный в мире мертвых, и т.д. (Попова У.Г., 1981, с. 251).

Можно отметить, что традиционная культура, в особенности похоронная обрядность, отличается значительной устойчивостью и преемственностью. Это объясняется тем, что духовная культура менее зависима от экономических и географических факторов, чем материальная культура, материальное производство (Семейная обрядность народов Сибири, 1980, с. 4).

Н.А. Васильева

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ ЛОПАТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ДОГЭЭ-БААРЫ-II

Общеизвестно, что археологические предметы из органических материалов подвержены разрушению сильнее, чем другие находки. Утраченные навсегда изделия из дерева, бересты, кожи, кости, войлока – это потерянная информация о прошлом. В мо-

гильниках скифского времени Саяно-Алтайского региона сохранилось немало вещей из органических материалов. Одной из подобных категорий находок являются орудия труда. Как правило, эти предметы немногочисленны, причем некоторые из них попали в захоронения уже сломанные.

При исследовании могильника Догээ-Баары-II в 2005 г. Центрально-Азиатской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (нач. ЦАЭ – с.н.с. ОАВЕС ГЭ, к.и.н. Н.Н. Николаев) в кургане №28, относящемся к последним векам до н.э., в могиле-1 была найдена деревянная лопата (общая длина – 72,5 см, ширина рабочей части – 8,5 см, диаметр черенка – 3 см). Изделие располагалось между северо-восточной стеной сруба и могильной ямой.

При обнаружении предмет был сильно фрагментирован. Необходимо было его изъять с наименьшими потерями. На зачищенную сторону лопаты *in situ* нанесли раствор ПБМА в ацетоне, приложили марлю и таким образом находку изъяли монолитом. Для надежности транспортировки рабочую часть лопаты обложили ватой, упаковали между двух листов картона и плотно обернули пищевой пленкой. Фрагментированную часть черенка упаковали отдельно (конец черенка не найден, вероятно, инструмент был сломан еще при эксплуатации). Именно в таком виде предмет поступил в Лабораторию научной реставрации и консервации памятников прикладного искусства из органических материалов Государственного Эрмитажа.

Перед началом реставрационных работ были взяты пробы на определение породы дерева. Древесина была идентифицирована микроскопическим методом по анатомическим признакам (анализ проводила к.б.н. М.И. Колосова). Было установлено, что лопата вырезана из единого куска сибирской лиственницы (*Larix* sp.), которая среди твердых хвойных пород выделяется крепостью и упругостью.

После распаковки предмета обнаружилось, что на поверхности фрагментов черенка лежит плотная белая акрилатная пленка. Вероятно, древесина не была абсолютно сухой в момент полевой консервации, поэтому примененный раствор, покрывший ее сверху плотной пленкой, побелел. На вещь накладывались компрессы, смоченные ацетоном. Они оставались на некоторое время закрытыми полиэтиленом, что позволило под парами растворителя удалить акрилатную пленку. Этим же способом аккуратно была снята марля с поверхности древесины. В результате удалось полностью открыть предмет. Он состоял из 15 крупных и нескольких десятков мелких фрагментов и был слегка деформирован. Наблюдались многочисленные утраты, сколы, сквозные и поверхностные трещины. Древесина была легкая, ломкая, выкрашивалась по краям стыков. Сильные грунтовые загрязнения покрывали вещь целиком, в том числе они находились и под остатками акрилатной пленки. Необходимо было стабилизировать материал и восстановить форму предмета. Поверхностные загрязнения сначала удалялись механически мягкой кистью, а в труднодоступных местах – заостренными палочками. Продолжилась расчистка сильно отжатыми ватными тампонами, смоченными составом спирт – вода – глицерин (2–4–1).

Далее фрагменты были пропитаны консервирующим раствором ПБМА-нв в смеси растворителей спирт – ксилол – ацетон (1–2–1), концентрация раствора увеличивалась от 5 до 15%. После каждой пропитки предмет помещался в замкнутую среду. Таким образом достигалось равномерное и глубинное проникновение консервирующего раствора в материал предмета.

В процессе работы были подобраны и склеены сначала крупные фрагменты, а затем мелкие. Фрагменты склеены в месте стыков 22% ПБМА-вв в ацетоне. В двух местах, где предмет испытывал наибольшую нагрузку, для прочности конструкции перед склеиванием были вмонтированы деревянные штырьки. В связи с утратами, частичным осыпанием краев фрагментов и их легким короблением в местах склейки образовались «швы». Утраты и места стыков были заполнены мастикой, которая придала дополнительную прочность склеенным фрагментам и завершила воссоздание целостности предмета. За основу мастики был взят 8% ПВБ в спирте с добавлением древесной муки до необходимой консистенции и пигментов для придания нужного оттенка.

По завершении реставрации лопата приобрела целостный, экспозиционный вид. Вырезанное из цельного куска лиственницы изделие имеет узкую удлиненную рабочую часть и круглую в сечении ручку (рис.).

Лопата из могильника Догээ-Баары-II после реставрации

Материал, способ изготовления, характерная узкая рабочая часть предмета аналогичны пяти лопатам из Первого и Второго Пазырыкских курганов, Первого Башадарского кургана, кургана №1 могильника Юстыд-XXII, кургана №1 могильника Даган-Тээли-I. Другие известные семь лопат из кургана Туэкта-I отличаются рядом параметров: они короче, расширяются книзу, некоторые с боковыми бортиками, слегка выгнутые (Руденко С.И., 1960, с. 112). Все лопаты были найдены в могильных ямах над срубом или рядом со стеной, т.е. в засыпке.

Обнаружение лопаты в могильнике Догээ-Баары-II вновь подняло вопрос о роли предметов, некогда помещенных в погребальное сооружение, но непосредственно не относящихся к сопроводительному инвентарю.

В настоящий момент в научной литературе закрепились точка зрения, что все вещи, оказавшиеся в засыпном грунте (лопаты, лестницы, колотушки, колья и др.), – это инструментарий, оставленный после его эксплуатации в связи с поломкой (Грязнов М.П., 1950; Руденко С.И., 1953; 1960).

Традиционно в скифских курганах каждому предмету было определено конкретное место. Но можно ли считать засыпку могильной ямы тем местом, которое специально отводилось для вышеперечисленных предметов? Наделялась ли засыпная земля определенной сакральностью? Пожалуй, на эти вопросы следует ответить положительно.

Не вызывает никакого сомнения, что количество инструментов, использованных при сооружении курганов, значительно превышало число обнаруженных лопат, кольев и т.д. Поэтому редкие находки, скорее всего, служат символом, знаком всего погребального инструмента. Примером может служить сохранившийся до наших дней

похоронный обычай, когда на территории кладбища оставляется лопата или носилки, использованные при рытье могилы, но забираются другие инструменты: ломы, отбойные молотки и т.п. (наиболее ценные).

Таким образом, распространенное мнение об оставленных, «выброшенных» за пределы сруба поломанных инструментах представляется условным. Не исключено, что, согласно верованиям кочевников, они в процессе строительства погребального комплекса приобретали связь с хтоническим миром и должны были оставаться в могильном пространстве.

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В СЕРЕДИНЕ I тыс. н.э.*

Исследование вооружения из памятников позднего этапа кулайской (III – 1-я половина IV вв. н.э.) и одинцовской (2-я половина IV – 1-я половина VIII вв. н.э.) культур, делает возможным реконструкцию военной организации, тактики и стратегии населения Лесостепного Алтая в обозначенный период (Горбунов В.В., 2003а; 2006).

Военная организация населения *кулайской* культуры в эпоху «великого переселения народов» может быть намечена лишь в самых общих чертах на основе археологических материалов. Боевое деление кулайского войска, исходя из результатов анализа комплекса вооружения, демонстрирует наличие легкой пехоты и конницы (Горбунов В.В., 2006, с. 93–94). В составе последней имелись отдельные средневооруженные всадники, которые, однако, не формировали самостоятельных отрядов. Военно-иерархическая структура кулайского общества, видимо, была достаточно простой. Ее основу составляло родоплеменное ополчение, в которое входило все боеспособное мужское население (Худяков Ю.С., 1986, с. 124). Тем не менее внутри ополчения уже наметилась определенная градация, связанная с выделением конницы, комплектовавшейся из наиболее зажиточных общинников. Отряды отдельных родов и племен возглавлялись выборными вождями из числа своей знати. Именно они, скорее всего, использовали совершенные железные доспехи, являясь первыми средневооруженными всадниками.

Тактика кулайского войска сочетала комбинированное применение пехоты и конницы. Они использовали дальний бой, пользуясь луками и стрелами, и действовали рассыпным строем. Вести ближний бой такое войско могло только с легковооруженным противником. Хорошая защита военачальников обеспечивала им личную безопасность и эффективное руководство во время боя. Вероятнее всего, в полевом сражении отряды легкой пехоты формировали центр войска, который мог дополнительно укрепляться палисадом или естественными преградами, а легкая конница образовывала авангард и фланги. Всадники завязывали сражение, стремились охватить фланги и выйти в тыл противника, не дать ему совершить аналогичный маневр. Легкая пехота массированным обстрелом должна была срывать вражеские атаки и служить при-

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (НШ–5400.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»).

крытием для собственной конницы. В целом такая тактика носила характер активной обороны. Она могла успешно осуществляться на местности со сложным рельефом, против равноценного или малочисленного врага.

Стратегия ведения военных действий «кулайцами» в начале «великого переселения народов» была оборонительной и определялась необходимостью сохранения своих земель и независимости от набегов и завоевательных походов южных кочевников. Военная опасность стимулировала перевооружение и реорганизацию тактики, однако данные процессы не были завершены в рамках кулайской общности. Начиная с середины IV в. н.э. военное давление кочевников на территорию Лесостепного Алтая приобретает характер миграции. Из Семиречья сюда продвигается население кенкольской культуры, а из Горного Алтая племена булан-кобинской культуры. Те и другие в военном отношении значительно превосходили «кулайцев», что и определило исход противостояния. «Самодийская конфедерация» (кулайская историко-культурная общность) распалась на отдельные образования, а в районах алтайской лесостепи, при непосредственном участии кенкольского и булан-кобинского компонентов сложилась одинцовская культура (Горбунов В.В., 2003б, с. 38–39; 2004, с. 94–95).

Археологические материалы позволяют более подробно представить структуру военной организации населения одинцовской культуры. Его войско, согласно анализу комплекса вооружения, делилось на легкую пехоту, легкую и среднюю конницу (Горбунов В.В., 2006, с. 95). Количество и сочетание видов вооружения в могилах, а также их соотношение с общим набором инвентаря позволяют выделить среди одинцовских памятников четыре группы воинских погребений.

Первая группа насчитывает 25 объектов, содержащих один или два вида стрелкового и коротко-клинкового оружия. Среди них известны сочетания боевых средств из луков, стрел и боевых ножей. Данные погребения отличает бедный или средний общий состав инвентаря. Их можно сопоставить со слоем свободных общинников, из которых формировалось родоплеменное ополчение. В боевом отношении они комплектовали отряды легкой пехоты и конницы.

Ко второй группе относится пять могил, содержащих от одного до трех видов вооружения, среди которых, помимо стрелкового оружия, присутствуют панцири и мечи. Эта группа имеет бедный или средний общий состав инвентаря, но наличие воинского доспеха и длинно-клинкового оружия указывает на ее профессиональную специализацию. Она может быть отнесена к слою воинов-дружинников, которые в боевом отношении составляли отряды средней конницы.

Третья группа представлена тремя могилами. Она отличается наличием четырех или пяти видов вооружения, среди которых сочетаются панцири, шлем, щит, луки, стрелы, копье, мечи и боевые ножи. Эта группа содержит богатый общий состав инвентаря. Ее можно отнести к слою военной аристократии, командирам дружины и ополчения, которые являлись средневооруженными всадниками.

В отдельную четвертую группу необходимо выделить очень богатое погребение тугозвонковского «князя». Из вооружения в нем были найдены лук, стрелы, меч и кинжал (Горбунов В.В., 2006, табл. II-23). Высокохудожественное исполнение многих предметов, включая меч с кинжалом и ножи к нему, большое число драгоценного металла, тайный характер самого захоронения позволяют отнести его к рангу верховного вождя, главнокомандующего всеми вооруженными силами.

Военно-иерархическая структура одинцовского общества разбивается на четыре уровня: ополчение, дружина, командный состав и военный вождь. Весьма вероятно, что войско комплектовалось в соответствии с принципами азиатской десятичной системы. Это была достаточно развитая организация, превосходившая кулайскую. Наличие института главнокомандующего делало ее более централизованной. Скорее всего, верховный вождь не избирался, а наследовал свою власть, как это было характерно для ведущих кочевых держав. Связь тугозвоновского элитного комплекса с кенкольскими материалами указывает на привнесение данной военной организации в Лесостепной Алтай среднеазиатскими хунну. В полной мере она функционировала на раннем этапе одинцовской культуры (2-я половина IV–V вв. н.э.). Однако достаточно быстрая ассимиляция пришельцев в местной, более многочисленной, самодийской среде (Горбунов В.В., 2003б, с. 39) могла привести к децентрализации военной системы одинцовских племен на поздних этапах существования культуры (VI – 1-я половина VIII вв. н.э.).

Полукочевое скотоводство, составлявшее основу хозяйства у населения алтайской лесостепи, было способно прокормить не менее 40 тыс. жителей (Горбунов В.В., 2007, с. 62). Значительный состав ряда одинцовских могильников и достаточно густая сеть поселений позволяют предполагать, что во 2-й и 3-й четверти I тыс. н.э. общая численность населения могла достигать обозначенной цифры. Следовательно, военный потенциал одинцовской общности мог достигать до 8 тыс. боеспособных мужчин.

Тактика одинцовского войска состояла в комбинированном применении легкой и средней конницы. Легкая конница образовывала авангард и фланги, применяя обстрел противника с дальней дистанции в рассыпном строю. Средняя конница формировала центр боевых порядков, нанося противнику таранный удар с последующим переходом к ближнему бою в сомкнутом строю. Легкая пехота в одинцовском войске, скорее всего, играла вспомогательную роль. Она могла применяться при оборонительных действиях на пересеченной местности, в лесных массивах, при защите поселений и устройстве засад. О численном соотношении легко- и средневооруженных воинов можно судить по сведениям археологических памятников. На девять объектов, соотносимых со средней конницей (26,5%), приходится 25 объектов, соответствующих легкой коннице и пехоте (73,5%), что говорит о преобладании легковооруженных бойцов, а на долю средневооруженных выпадает чуть более четверти всего войска.

Стратегия военных действий «одинцовцев» в процессе формирования их общности носила наступательный характер и была направлена на расширение территории своего ареала в пределах Лесостепного Алтая. Очевидно, одинцовские отряды совершали набеги и походы и в другие районы Верхнего Приобья и Обь-Иртышского междуречья с целью получения добычи и дани, используя свое превосходство в военном отношении. Но уже в VI в. н.э. ситуация на юге Западной Сибири стабилизировалась. Наряду с одинцовской, здесь образовался целый ряд близкородственных культур: верхнеобская – Новосибирское Приобье, саратовская – Кузнецкая котловина, релкинская – Томско-Нарымское Приобье (Горбунов В.В., 2003б, с. 39), уровень развития которых, в том числе и в военном деле, был примерно одинаков. Вооруженные конфликты между ними могли носить кратковременный локальный характер, чередуясь наступательными-оборонительными действиями.

Более существенный очаг военной напряженности в регионе, казалось бы, создавал образование и существование Тюркских каганатов, граница которых непосредственно

выходила к ареалу единичной культуры. Однако археологические памятники позволяют говорить только о влиянии материальной культуры тюрков (также и в военной сфере) на «единичцев», которые явно сохраняли политическую независимость (Горбунов В.В., 2003б, с. 39–40). Очевидно, это связано с распространением владений Тюркских каганатов по естественным для их основателей горно-степным ландшафтам. Центр политико-экономических интересов тюрков также был в стороне от Западной Сибири – на юге. Ситуация кардинально изменилась после падения последнего тюркского государства – II Восточно-тюркского каганата, в 744 г. Тюрки были вынуждены покинуть степи Монголии и одна их группа (племя или несколько племен) продвинулась на север в земли Лесостепного Алтая. Население единичской культуры было покорено весьма быстро. Данный процесс отражают памятники археологии новой сарматской культуры (Горбунов В.В., 2003б, с. 40–41). В военном отношении тюрки явно превосходили самодийские племена юга Западной Сибири.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

О СЛУЖИТЕЛЯХ КУЛЬТА У КЫРГЫЗОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

С середины IX в. на историческую арену Центральной Азии выходит Кыргызский каганат (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С., 2000; и др.). Новое государственное образование кочевников сохранило систему этносоциального соподчинения, а также определенные принципы религиозной политики, реализуемые в предшествующих кочевых империях. Несмотря на то, что к изучению религии кыргызов исследователи обращаются начиная с XIX в., тем не менее вопросы религиозного синкретизма и функционирования категории священнослужителей остаются актуальными до настоящего времени (Дашковский П.К., 2007а). Для решения последнего вопроса обратимся к письменным и археологическим источникам.

В китайских хрониках есть широко известные ученым упоминания о религиозных обрядах енисейских кыргызов: «Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань [кам]. ... При похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сожигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач» (Бичурин Н.Я., 1998, с. 361). Аналогичные сведения по погребальному обряду у кочевников приводятся в переводах Н.В. Кюнера: «Если кто умрет, то только трижды всплакнут в голос, не режут лица, сжигают покойника и берут его кости; когда пройдет год, тогда делают могильный холм» (Кюнер Н.В., 1961, с. 60). Правда, в последнем случае нет никаких указаний на существование шаманов

*Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Президента РФ (проект №МК–132/2008.6 «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических аспектов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья») и РГНФ–МинОКН Монголии (проект №08–01–92004а/G «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»).

или других представителей служителей культа, однако сохраняется информация о длительности погребально-поминального цикла. В контексте рассматриваемой проблемы интересные сведения приводятся в арабских и персидских источниках. Например, персидский автор Гардизи в XI в. писал о кыргызах: «Некоторые из киргизов поклоняются корове, другие – ветру, третьи – ежу, четвертые – сороке, пятые – соколу, шестые – красным деревьям... У них особая мерная речь, которой они пользуются в молитвах. Молясь обращаются в сторону юга... Они почитают Сатурна и Венеру, а Марса считают дурным предзнаменованием... Есть у них дом для молений... Светильни (зажженный) они не гасят, пока не погаснет сам собою» (цит. по: Караев О., 1968, с. 95–96). Аналогичные сведения приводятся в «Словаре стран» Йакута, написанном в начале XIII в.: «У них (кыргызов. – П.Д.) имеется храм для поклонения, есть тростниковые перья, которыми пишат... Светильники они свои не гасят до тех пор, пока [горючее] вещество в них не потухнет само. Они знают стихотворную речь, что произносят во время своей молитвы... В году у них несколько праздников. Молятся они, обращаясь на юг, почитают Сатурн и Венеру и считают дурным предзнаменованием Марс... Они имеют камни, которые светятся ночью, благодаря которым им не нужны светильники и которые употребляются только в их стране...» (Материалы по истории, 1988, с. 82). Значительное сходство текстов, возможно, свидетельствует об использовании Йакутом более раннего текста Гардизи. Во всяком случае, приведенная информация позволила О. Караеву (1968, с. 96) отметить, что в этом фрагменте содержится информация о различных религиозных системах – шаманизме и манихействе. Кроме того, исследователь также ссылался на сведения Гардизи и ал-Марвази относительно существования у кыргызов так называемых фагинун, т.е. служителей культа. Фагнуны во время обрядовых действий, которые сопровождались музыкой, доводили себя до потери сознания, а затем, придя в чувство, предсказывали различные события, природные катаклизмы, нашествие врагов и др. (Караев О., 1968, с. 96). Данные сведения довольно значительно совпадают с элементами шаманского экстаза, во время которого шаман общался с духами, а затем исполнял их волю. В то же время необходимо учитывать, что такое своеобразное описание священнослужителей дано исходя из субъективного восприятия персидскими и арабскими путешественниками, которым далеко не всегда были понятны «варварские» обычаи и обряды.

Погребально-поминальный цикл кыргызов хорошо изучен по археологическим памятникам в разных районах Южной Сибири и Центральной Азии (Кызласов Л.Р., 1983; Митько О.А., 1994; Грач А.Д., Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 1998; Могильников В.А., 1990; Худяков Ю.С., 1990; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2006; и др.). Кроме того, он имеет многочисленные этнографические параллели, неоднократно отмеченные исследователями (Длужневская Г.В., 1995; Абрамзон С.М., 1971; и др.). Не останавливаясь подробно на дискуссии по религиозному синкретизму у кыргызов (Кляшторный С.Г., 1959, с. 166–167; Худяков Ю.С., 1987; 1999; Matnchtn-Htlfen O., 1951; Караев О., 1968, с. 97; Кызласов Л.Р., 1969, с. 127; 1999; Кызласов И.Л., 2004; Угдыжеков С.А., 1997; Дашковский П.К., 20076; и др.), важно обратить внимание на два момента. Во-первых, судя по письменным, археологическим источникам, иконографическим материалам (изображение крестов, служителей культа на скалах), в Центральной и Средней Азии в период Кыргызского каганата активно действовали как манихейские, так и несторианские миссионеры (Кычанов Е.И., 1978;

Восточный Туркестан..., 1992, с. 506–549; Из истории..., 1994), хотя по-прежнему сохранял сильные позиции в мировоззрении шаманский комплекс верований и обрядов. Во-вторых, кыргызские эпитафии, в которых упоминаются термины «мар-наставник», «дом-молельня» (монастырь и т.п.) (Зуев Ю.А., 2002, с. 252–255), как правило, созданы в честь политической и военной элиты, а не «рядовых» номадов. В этой связи новая религиозная доктрина получала широкое распространение только у части кочевого общества, и успех ее во многом зависел от религиозных симпатий и политики правящего клана и его окружения. Поскольку профессиональные воины-дружинники являлись основной опорой политической элиты, то и их религиозные взгляды, как правило, совпадали. В этой связи даже формальное наделение религии статусом государственной еще не означает быстрое принятие ее остальной частью общества. Так, например, уйгурский правитель Бёгю и его окружение оказали значительную поддержку манихеям. Однако после гибели кагана в результате заговора 779 г. его преемники проводили антиманихейскую политику и только приход к власти нового клана в 795 г. сделал более благоприятной ситуацию для манихеев (Восточный Туркестан..., 1992, с. 524).

Важно отметить, что в последние годы опубликованы новые материалы о деятельности в Саяно-Алтае манихейских миссионеров. В данном случае речь идет об интерпретации И.Л. Кызласовым (2004) находок рунических надписей религиозного содержания на Алтае в качестве маркеров манихейских монастырей. В отличие от Минусинской котловины, где исследованы манихейские стационарные храмы в дельте р. Уйбат и в котловине Сорга (Кызласов Л.Р., 1999а–б), на Алтае монументальных сооружений не выявлено. Сложившаяся ситуация объясняется И.Л. Кызласовым (2004, с. 127–128) использованием либо деревянных культовых сооружений, либо юрты, поскольку каменные храмы строились только в городах. Кроме этого, выявленные на Алтае местонахождения рунических надписей относятся к VIII в., т.е. к докыргызскому периоду, хотя, как отмечает исследователь, эти объекты функционировали не одно столетие. Наконец, нужно отметить, что, по мнению востоковеда, имеются все основания говорить о формировании двух епархий в Центральной Азии. Первая включала Минусинскую котловину и Туву, а вторая – Северо-Западную Монголию и Алтай. Однако, на наш взгляд, представляется несколько преждевременным выделение определенной церковной структуры среди манихейских миссионеров в виде епархий, которая могла сложиться при поддержке государства. Во-вторых, не совсем ясно, почему храмовые комплексы выявлены пока только в «первой епархии», а именно в Минусинской котловине, хотя согласно исследованиям Л.Р. Кызласова (1999а, с. 34) указанный регион наравне с Алтаем с середины VIII в. связан с манихейскими миссионерами. Безусловно, можно согласиться с мнением Ю.А. Зуева (2002, с. 260) о том, что манихейство легко приспособлялось и даже включало в себя традиционные верования, а для совершения религиозного таинства могла использоваться юрта. Однако в тех районах, где община функционировала успешно длительный период, сооружались монументальные культовые объекты (Кызласов Л.Р., 1999а, с. 22–32; Байбаков К.М., Терновая Г.А., 2002; Кляшторный С.Г., 2006, с. 122; и др.), которых на Алтае пока не выявлено.

Сложным остается вопрос об археологическом аспекте изучения категории священнослужителей у номадов эпохи средневековья. В Минусинской котловине

известны немногочисленные чашечки-светильники, которые являлись частью портативных алтарей (Леонтьев Н.В., 1988, с. 179). Отмеченные находки одними исследователями связываются с манихейской миссионерской деятельностью (Кызласов Л.Р., 1984, с. 146), а другими – с буддийской (Леонтьев Н.В., 1988, с. 179 и др.). Аналогичным образом различные трактовки даются исследователями при анализе кыргызской торевтики, отмечая влияние разных религий (Худяков Ю.С., 1987; 1998; Нечаева Л.Г., 1966, с. 129; Кызласов Л.Р., 1984; и др.). Определенный интерес также представляют находки фрагментов тибетских рукописей, обнаруженных при исследовании кыргызских захоронений на могильнике Саглы-Бажи-I в Туве (Грач А.Д., 1980). Эти тексты представляли собой амулеты с заклинательными надписями, широко распространенными в тибетской религии бон. Есть определенные основания полагать, что хозяевами таких надписей могли быть не тибетцы, а кыргызы (Воробьева-Десятовская М.И., 1980, с. 130). Появление таких текстов и соответствующих верований у кыргызов отмечено после установления прочных военно-политических связей с Тибетом, особенно после разгрома в 840 г. Уйгурского каганата (Грач А.Д., 1980, с. 120). В то же время указанные выше находки относятся к погребениям лиц, не связанных непосредственно с религиозной деятельностью, и являются скорее отражением их духовных симпатий, а не профессиональной деятельности.

В контексте рассматриваемой проблематики несомненный интерес представляют работы Н.И. Рыбакова (2006, 2007а–в), посвященные интерпретации ранее известных и новых иконографических изображений манихейских миссионеров (или манихеев-буддистов). Открытие таких новых местонахождений в Междуречье Июсов (Хакасия), безусловно, свидетельствует о миссионерской деятельности в Южной Сибири, активизация которой связывается автором либо с расколом манихейской церкви в Согде в VII в., либо с гонениями на манихеев в Китае с середины IX в. (Рыбаков Н.И., 2007а, с. 105). Не вызывает сомнения, что в данном случае выявлены изображения священнослужителей с предметами культа и в специальном облачении, которые существовали во времена Кыргызского каганата. В этой связи манихейских, как и буддийских, несторианских миссионеров, приближенных к себе каганами, можно рассматривать в качестве представителей религиозной элиты. Кроме миссионеров, в религиозную элиту в кочевых империях входил каган, как сакрализованная персона, его клан и окружение, а также традиционные служители культа – шаманы, которые участвовали в наиболее значимых религиозных мероприятиях. Такой состав религиозной элиты стал формироваться еще в хуннуско-сяньбийско-жужанский период.

А.В. Дюрменова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

ДРЕВНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПИ В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЙЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЯХ НОГАЙЦЕВ

Задача представленной работы – попытка выявить некоторые архетипические мотивы орнаментов войлочных изделий у ногайцев путем сопоставления их с ранними изобразительными памятниками населения Степи, в первую очередь с петроглифами. Согласно

К.Г. Юнгу (1995, с. 600), разрабатывавшему теорию архетипов как «образов коллективного бессознательного», архетип всегда коллективен и передается из поколения в поколение. Поэтому при всех временных наслоениях и инновациях, вызывающих значительные изменения начального образа, его поздние деривации сохраняют атрибуционные признаки архетипа, который, таким образом, остается узнаваемым. Ярким примером феномена служит декор национальных костюмов, утвари, в еще большей степени – атрибутов свадебной обрядности. Предметом представляемого исследования является свадебная юрта караногайцев «отав-уй»*, каждый элемент убранства которой имеет яркий, насыщенный символами декор (The Caucasian Peoples, 2000, ill. 22) (рис.).

Свадебная юрта «отав». 1903 г. Коллекция №333, архив Иностранцева, РЭМ
(The Caucasian Peoples. Antwerp, 2000, ill. 22)

*Во 2-й половине XVI в. после распада Ногайской Орды и образования двух улусов – Большие и Малые Ногаи – северокавказские степи становятся основным районом обитания ногайцев. Восточные районы Северного Кавказа были освоены выходцами из Малой Ногайской Орды, а низовья Сулака и Терека – из Большой Ногайской Орды. В конце XVII в. значительная часть ногайцев откочевала с низовьев Терека и Сулака в Моздокскую степь, положив тем самым начало группе северо-восточных ногайцев, известных под именем караногайцев.

Покрытие и меблировка свадебной юрты ногайцев сделаны из войлока – «кийиз» – в сюннуской традиции войлоковаляния. Для последней типично использование многослойной основы и аппликативного декора в сочетании с оконтуриванием и стежкой. Технология зафиксирована в памятниках рубежа эр и предположительно разработана сюнну – кочевыми обитателями Монголии, появившимися на севере и западе Центральной Азии в IV в. до н.э. (Царев Н., 1998). Яркие образцы сюннуских войлоков были найдены в тумулусах Ноин Улы; важнейшее место среди них принадлежит погребальным войлочным коврам (Материалы..., 1989; Руденко С.И., 1962; Tsarev N., 2003). Примечательно, что войлоки были единственным видом узорного текстиля, производившегося сюнну (Царева Е.Г., 2006, с. 226–266), что усиливает их значимость как маркера сюннуской культуры. Наследниками последней стали монголы, казахи, тувинцы, калмыки, а также и ногайцы, что подтверждается, как мы увидим, общностью множественных орнаментальных образов.

Сложные орнаментальные схемы войлочных узоров юрты строятся из ограниченного числа исходных фигур. Так, каймовый лентовидный орнамент складывается S-образными фигурами, кружками, меандрами и полосками, составленными из треугольников. Основной мотив орнамента – это так называемая «тюркская пальметта» или «крестовидная розетка», представляющая ромб или квадрат с вписанным в него крестом с парами рогообразных завитков на концах. Использование в орнаменте мотива рогов традиционно для скотоводов степи. Это согласуется с древним культом «космического барана» (Окладников А.П., 1980), но также, по представлениям ногайцев, дарует богатство: «чем больше завитков рога, тем больше отар желает мастерица <узора> хозяину» (Кузнецова А.Я., 1982, с. 77); власть: «у кого больше баранов, тот и прав» (ногайская поговорка) и потомство. Возможно, подобный магический посыл заложен в форме роговидных головных уборов каменных женских изваяний XI–XII вв. в степях Дашт-и-Кипчак (Археология СССР, 1981, с. 266)*.

По аналогии с петроглифами Монголии I тыс. до н.э. (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, с. 178), содержание которых трактуется как отображение архетипа двух миров – земного и загробного, где мир мертвых дублируется миром живых, но в перевернутом виде, возможно, данную смысловую нагрузку несут и основные фигуры узоров на войлочных кошмах свадебной юрты, которые, помимо этого, могут являться воспроизведением архетипа «левого и правого», с характерной для него инверсией (переворачиванием) (Мифы народов мира, 1982, с. 43–44).

Значимым символом декора свадебной юрты является ромб. Наиболее полно этот знак рассмотрен Б.А. Рыбаковым, опиравшимся в изысканиях на памятники трипольской культуры. Б.А. Рыбаков (1981) связывает символику ромба с магией плодородия и рассматривает ромб с четырьмя точками внутри него как образ засеянного поля (Археология СССР, 1982, с. 270). Предположительно как символ плодородия можно трактовать и аналогичный мотив на войлочной двери юрты, возможно, уже переосмысленный и связанный в представлениях скотоводов ногайцев с идеей плодородия стад, а не полей, как у трипольских земледельцев.

*Половцы были прямыми потомками кипчаков, которые по численности и влиянию первое место занимали среди племен и родов, входивших в состав Ногайской Орды (Кидирнязов Д.С., 2000, с. 33; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 277; Археология СССР, 1981, с. 214).

Периметр войлочных покрышек обрамлен S-образными знаками и меандром. Это – символы молнии и воды (Рыбаков Б.А., 1981; Власов В., 2001, с. 428), охранители влаги, вестники дождя, так необходимого для безводной степи. S-образные фигуры могут также быть и изображениями змей, считающихся с древнейших времен покровителями дома и посредниками между небом и землей (Рыбаков Б.А., 1981).

У караногайцев над входом в свадебную юрту «отав-уьй» вешалась вырезанная из войлока большая фигура, имеющая антропоморфный образ и близкая по форме к орнаментальному мотиву «адам сурат» (образ человека), исполняемого балкарцами на настенных войлочных коврах «джыйгыч кийиз». Отличие в рисунке ногайского и балкарского вариантов – во введении напоминающего юбку треугольного основания в нижней части фигуры ногайского «адам суьврети». В целом же изображение довольно условно: «голова» имеет форму ромба, а опущенные к «бокам» «руки» – рогообразных завитков (на «джыйгыч кийизах» – ромбовидная или пятиугольная «голова» с распростертыми, поднятыми или опущенными к «бокам» рогообразными «руками», у отдельно стоящих фигурок изображаются ноги). Эти образы имеют сходство с рисунками на аланских бронзовых бляхах IV–IX вв. н.э., найденных на территории современной Карачаево-Черкесии (Минаева Т.М., 1971, с. 224), что позволило Е.Н. Студенецкой (1976, с. 214) предположить, что в прошлом фигуры «адам сурат» играли роль духов-охранителей. Фигурки такого же типа, заключенные в треугольники (форма которых сама по себе является оберегом), многократно повторяются в орнаменте, опоясывающем по периметру верх юрты.

Подобные антропоморфные изображения есть и у монголов: это войлочные идо-лы-онгоны (в переводе – «чистый», «священный») (Мифы народов мира, 1982, с. 255). Первоначально онгоны в основном изображали тотемного предка. Например, онгон волка Борте-Чино («сивый волк») в «Сокровенном сказании» (XIII в.) назван тотемическим первопредком. Стоит отметить, что флаг Ногайской Орды имеет изображение крылатого волка (Историко-географические аспекты..., 1993). В дальнейшем онгоны преимущественно приобрели вид антропоморфных фигур; они делятся на мужские и женские, родовые и семейные, их нередко подвешивали в юрте у дымового отверстия. Онгонами ведали женщины. По нашему мнению, «адам суьврети» является аналогом онгону монгольской юрты. Это подтверждается и тем, что, по ногайскому обычаю, юрту вышивали, разукрашивали и убрали собственными руками невеста и женщины ее семьи (Кочкаев Б.Б., 1975, с. 131–132).

Сказанному не противоречит другая интерпретация орнаментальной символики, согласно которой эта крупная фигура воплощает архетип богини-роженицы. Образ фертильной женщины мы находим на петроглифах Монголии, Сибири, Алтая, Байкала, Франции (Новгородова Э.А., 1989, с. 96). Вот этот образ – широко расставленные и изогнутые в коленях ноги, а между ними символически показан будущий ребенок. Аналогичное изображение прослеживаются в убранстве юрты. С обеих сторон изображены солярные знаки солнца и луны, которые входили в обязательную свадебную символику у монгольских народов (Мифы народов мира, 1982, с. 170–174). Нередко роженицы изображались с тотемным предком – копытным животным (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, с. 119). Образ человека-зверя, зверя-женщины и мифологический сюжет, когда женщина становилась супругой животного и имела от него потомство – один из древнейших в первобытном искусстве.

Возможно, орнаментальная войлочная фигура «адам суьврети» или фертильной богини с рогообразными завитками отображает мифологему связи человека с родоначальником рода – козлом, образ которого со временем слился с образом барана. Учитывая, что Земля выступала в образе женского начала, а образ козла, потом барана воспринимался как носитель представлений о небесном мире, космосе, можно предположить, что круглая в плане юрта символизирует землю, а «рогатое животное» – небо. Поэтому магические знаки, изображенные в войлочных орнаментах юрты, не только должны были охранять молодоженов от всякого зла, но и могли использоваться для имитационной магии: священный союз неба и земли находит свое воплощение в союзе женщины и мужчины на земле. Свадебная символика пронизана магическим содержанием, в первую очередь магией плодородия, практикуемой населением степного коридора эпохи бронзы и энеолита, судя по древним изображениям, сохранившимся до наших времен.

Р.Г. Жамсаранова

Читинский государственный университет, Чита, Россия

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ТУНГУСОВ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (на материале этнолингвистических экспедиций)

Языковая стратиграфия топонимических пластов региона обнаруживает и тюрко-самодийский пласт, представляющий собой субстрат. Гидронимия, тельмография, оронимия самодийско-селькупского происхождения достаточно высокочастотны в региональной топонимической системе (Жамсаранова Р.Г., 2006, с. 134–138). Данный факт и обусловил интерес к артефактам этнографического характера в ходе полевых топонимических экспедиций по районам Читинской области.

При обследовании конкретных территорий, семантика топонимических названий которых предполагала их тюрко-самодийское языковое происхождение, удалось обнаружить в некоторых поселениях кладбища с характерными для тюрко-самодийцев погребениями, датированными XIX – началом XX вв.

Так, например, при обследовании населенных пунктов Шилкинского района Читинской области были обнаружены на местном кладбище одного из сел нетипичные для забайкальских народов надмогильные срубы. Подобные могильные срубы над могильным холмом были в свое время описаны этнографом Г.И. Пелих. Описывая похоронную обрядность нарымских селькупов (одна из групп самодийцев), Г.И. Пелих отмечает, что захоронение могло быть как наземным, так и грунтовым. «Если захоронение было наземным, то над покойным образовывался небольшой холмик: сверху сооружался срубный домик. Он так и назывался «мат» (дом). Мат рубился из бревен или широких плах в 4–5 венцов. Бревна соединялись в угол тем же способом, что и при строительстве жилища... Могильный домик покрывался двускатной крышей, в нем прорубалось небольшое окно. В ноги у сруба вкапывался столб (с распространением христианства он был заменен крестом). Издали такое кладбище напоминало поселок из маленьких домиков» (Пелих Г.И., 1972, с. 63).

Как правило, кладбища свои селькупы располагали в необычайно красивых и возвышенных местах. Осмотренное нами кладбище расположено почти в центре села, на возвышенном месте, на левом берегу реки Онон. Вероятно, со временем возникли сельские

постройки вокруг кладбища, окружившие это место. На кладбище осмотрено и описано 6 сохранившихся надмогильных «домиков». Все срубные домики обиты железом. В них прорезаны «окошки» размерами примерно 3х6 см, длина крыши домиков 1 м 40 см, ширина – 65 см. С юго-западной стороны к одному из «домиков» прибит окрашенный когда-то голубой краской православный крест. Около второго «домика» находится мраморная плита, на которой выбито изображение креста (не православного). Изображение креста расположено над следующим текстом: «Здесь покоится прах супруги Е.В. Бородина Хюи Ивановны сконч. 10 марта 1877 г. на 43 году жизни Мир праху твоему наша мама». Высота сруба №1 – 86 см, ширина – 46, длина – 1 м 45 см. От основания сруба на высоте 23 см находится прорезное «окно» 9х9,5 см с южной стороны. Могила №3 полностью оббита железом, нет скатной крыши, рядом валяются остатки деревянного сруба, стружки, щепки, остатки костей. Могила №6 находится в полуразрушенном состоянии, хотя хорошо сохранились деревянные детали срубного «домика».

По устному сообщению информантов, в современное время многие из потомков тех, кто был похоронен на этом кладбище, заменили эти «домики» уже на сегодняшние железные памятники и кресты. Подобное захоронение также было обнаружено на заброшенном кладбище одного из сел Бaleyского района (рис.). Кладбище расположено на высокой горе, блестящей от выхода кварцевой породы, на левом берегу Онона. Сруб был сделан из трех широких плах, без гвоздей, внутри сруба белеют останки костей. Вероятно, раньше на кладбище подобных срубов было несколько, так как обнаружены остатки еще одного сруба с прорезным отверстием 10х4,5 см. С восточной стороны у сруба стоит столб в полуразрушенном состоянии. Вероятно, это остатки креста.

Захоронение в Бaleyском районе Читинской области
(из личного архива, 2005 г.)

Этнографы так пишут о селькупской обрядности: «Положение креста на могиле строго не определено... раньше крест ставили в головах, потом начали ставить (по примеру русских) в ноги. Сейчас крест могут поставить на любом из концов могилы и даже в центре надмогильного домика» (Гемуев И.Н., Пелих Г.И., 1993, с. 293).

В ходе экспедиции лета 2007 г. в Ононском районе в окрестностях села, топоним которого также предполагает этнонимное селькупское происхождение, обнаружено подобное захоронение с надмогильным срубом. Размеры «домика» увеличены, так как потомки Толстолуцкого заменили полностью старый сруб на новый. Сруб окрашен, отверстий в нем уже нет.

Также в обследованных районах области зафиксирована похоронная обрядность современного времени, позволяющая провести определенные аналогии. Под надмогильными памятниками лежит оставленная посуда: тазы, чашки, миски, тарелки. Вся эта посуда испорчена – посередине аккуратно просверлена дыра. На кладбище в Балейском районе рядом с могильными холмиками находятся остатки посуды. Как писала Г.И. Пелих, селькупы «...в могилу с покойником клали пищу, которой должно было хватить на первые 4–5 дней. В могилу кроме одежды на покойнике и пищи надо было положить только самые необходимые вещи: топор, оружие, котелок. На свежесыпанную могилу клали дорожный посох (чуро). Затем на могилу ставилась посуда и прочие вещи покойного. Рядом втыкали лыжи-подволоки, к могиле прислоняли нарту. Рядом на дерево вешали лук и одежду. Рассказывают, что иногда на могилах оставляли даже ружья, хотя они представляли большую ценность для селькупов. К дереву привязывали живую собаку и оставляли так («пока не подойдет»)» (Гемуев И.Н., Пелих Г.И., 1993, с. 62). Вещи покойного намеренно «убивались», портились. Вероятно, что «порча» посуды на забайкальских кладбищах обусловлена забытой ныне, но устойчивой традицией погребения в прошлом тунгусского населения.

Обнаруженные забайкальскими археологами некоторые культуры демонстрируют обрядовые признаки, позволяющие соотнести их с селькупскими. Ундугунская археологическая культура Забайкалья обнаруживает черты, сходные с селькупской погребальной традицией. Там найден большой могильник, где костяки находились в лодках-долбленках под каменным курганом. Позднее подобные погребения были обнаружены по берегам рек Ингода, Шилка, Аргунь и их притокам. Археологи по материалам, найденным в курганах (удила и стремена, колчаны с костяными и железными наконечниками стрел, украшения из кости, бронзы, самоцветных камней, меди, железа), сопоставляют их с культурой кочевников-монголов. При этом они отмечают отчетливые элементы, присущие традиционной культуре тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока: это вторичные захоронения человеческих останков после разложения трупов на поверхности; гробовища в форме лодок-долбленок; замещение умерших в могилах деревянными чурками и присыпка их порошком охры. Отличны от монгольских различные изделия из кости, рога и бронзы, орнаментированные сложным геометрическим узором и «узелом вечности», металлические и костяные обоймы поясов. Археологи относят эту культуру к культуре «конных тунгусов» Восточного Забайкалья (История..., 2001, с. 280).

Наряду с захоронениями в срубных «домиках», на территории Томской области был распространен и несколько иной вид погребения. «По обычаям данного

ритуала покойного сразу после смерти выносили из дома и клали в долбленную или берестяную лодку. В этой лодке его и отвозили на кладбище. Кладбища всегда располагались в нижнем течении реки или в самой нижней части отрезка реки, занимаемой данной этнической общностью (вероятно, племенем). Долбленную лодку, в которой привозили покойника, разрезали на две половины (поперек). Одну половину лодки ставили в могилу, укладывали в нее труп и закрывали сверху второй половиной. Покойного клали головой к носу лодки. Сверху могильная камера покрывалась продольными плахами или тонкими бревнами и засыпалась землей. На поверхности образовывался небольшой курган овальной формы. Покойника одевали как человека, собравшегося в дорогу. В могилу надо было положить самые необходимые вещи: нож, топор, лук со стрелами, кремь с огнивом, трубку, горшок с пищей» (Пелих Г.И., 1972, с. 67).

Обследованная территория была в свое время регионом обитания так называемых «конных тунгусов» Забайкалья. Этноним «тунгус», общий для всех народностей Забайкалья, вероятно, включает в себя и племена тюрко-самодийского происхождения. «Конными» эти племена стали, вероятно, из-за малого снежного забайкальского покрова, не позволяющего им использовать традиционное передвижение на оленях. Вопрос об этнической принадлежности «конных тунгусов» возник при ономастическом исследовании региона. Обнаружилось лексико-семантическое сходство терминов родства у некоторых групп бурят с таковыми селькупскими. Также некоторые моменты этнической культуры бурят, проявляющиеся в похоронной обрядности, могут быть соотнесены с таковыми например, у селькупов. У бурят при захоронении принято в ногах покойника закапывать шест или столб, с привязанным куском ткани с изображением «хи-морин».

Общеизвестно, что со временем может меняться этническая культура, язык, этническая и конфессиональная принадлежность человека, однако замечено, что похоронная обрядность является самой консервативной и медленнее всего подвергающейся изменениям. Этим фактом, видимо, и обусловлены те сохранившиеся артефакты духовной культуры народов, относимых археологами к «конным тунгусам» Забайкалья. Этническая принадлежность этих племен до сих пор не получила должного обследования. Обнаруженные факты погребальной традиции исторических народов Забайкалья, окрещенных и приведенных в православную веру и, соответственно, получивших русские антропонимические данные, заслуживают дальнейших исследований как в области языковых, так и этнографических данных.

С.С. Иванов

Национальная академия наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

КИНЖАЛЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

Кинжал был вторым по значимости видом оружия, после лука и стрел, у ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня скифского периода.

К настоящему моменту известно более двух десятков бронзовых и железных кинжалов, происходящих с территории современного Кыргызстана.

Всю коллекцию акинаков можно классифицировать, взяв за основу наиболее значимые признаки, такие как навершие, перекрестие и рукоять.

Группа 1. С прямым навершием (с брусковидным или валиковым).

Тип 1. С бабочковидным перекрестьем.

Вариант 1. С рубчатой рукоятью. Насчитывает 7 экз., из которых один хранится в Кыргызском Государственном историческом музее (КГИМ). Второй обнаружен в окрестностях с. Сретенка в Чуйской долине (Кибилов А.К., 1959, с. 106, рис. 17). Четыре найдены в Прииссыккулье – в окрестностях сел Каменка, Тюп и Дархан (Кызыласов Л.Р., 1972, с. 102–105, рис. 2.-1; Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988, с. 20–22, рис. 19.-2; 1992, с. 30–35). Последний входил в состав Иссыкского клада, найденного в районе Алма-Аты.

Все вышеописанные кинжалы были обнаружены случайно, что очень затрудняет их датировку. В.П. Мокрынин считает, что кинжалы из Каменки и Дархана могут датироваться VI–V вв. до н.э. (Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988, с. 20–22, рис. 19.-2). Однако весь тип кинжалов с рубчатой рукояткой и прямым навершием может быть отнесен к VII–V вв. до н.э. В пользу этого может говорить находка раннего «доскифского» бронзового наконечника с двулопастной листовидной головкой и шипом на втулке, найденного вместе со сретенским акинаком.

У скифов и савроматов акинаки с бруском-навершием и с рубчатой или рамочной рукоятью датируются VII–V вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 10–13, рис. 1.-1–5; Кадырбаев М.К., 1984, с. 91–93, рис. 1.-47; Степи..., 1989, с. 370, табл. 32.-1). Ряд аналогичных кинжалов из Южной Сибири, Западной Монголии и Северного Китая суммарно датируется VI–IV вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, с. 16–17, табл. 4.-1–3; Кубарев В.Д., 1981, с. 30–42, рис. 3.-1, 6; Могильников В.А., 1997, с. 39–40, рис. 36.-4; Чжун Сук-Бэ, 1998).

Вариант 2. С рамочной рукояткой. Единственный экземпляр данного типа происходит из Чуйской долины (окрестности села Сретенки).

Очень близкий по форме кинжал известен также из Ферганской долины, но он имеет слабо выраженную рубчатую ручку (Заднепровский Ю.А., Бушков В.И., 1998, с. 136–138, рис. 2). Данный тип можно отнести к VII–V вв. до н.э.

Тип 2. С рамочной рукоятью и зооморфнооформленным перекрестьем. Представлен случайной находкой из Тюпского залива Иссык-Куля. На узком крыловидном перекрестье – два нечетких изображения улыбающихся звериных морд (волка?), обращенных друг к другу.

На наш взгляд, кинжал из Тюпского залива, с учетом наличия у него рамочной рукояти, можно датировать VI–V вв. до н.э.

Тип 3. С сердцевидным перекрестьем.

Вариант 1. С поперечными валиками на ручке. Представлен одним экземпляром из Прииссыккулья. Данный акинак имеет брусковидное навершие (Памятники..., 1983, №41).

Точных аналогий данный кинжал не имеет. Однако, судя по брусковидному навершию, сердцевидному перекрестью и ромбическому в сечении клинку, кинжалы, подобные нашему, существовали, вероятно, в VI – начале IV вв. до н.э.

Вариант 2. С плоской рукоятью. Имеется 1 экз. этого типа, найденный случайно на южном побережье Иссык-Куля. Очень похожий кинжал известен из кургана №1

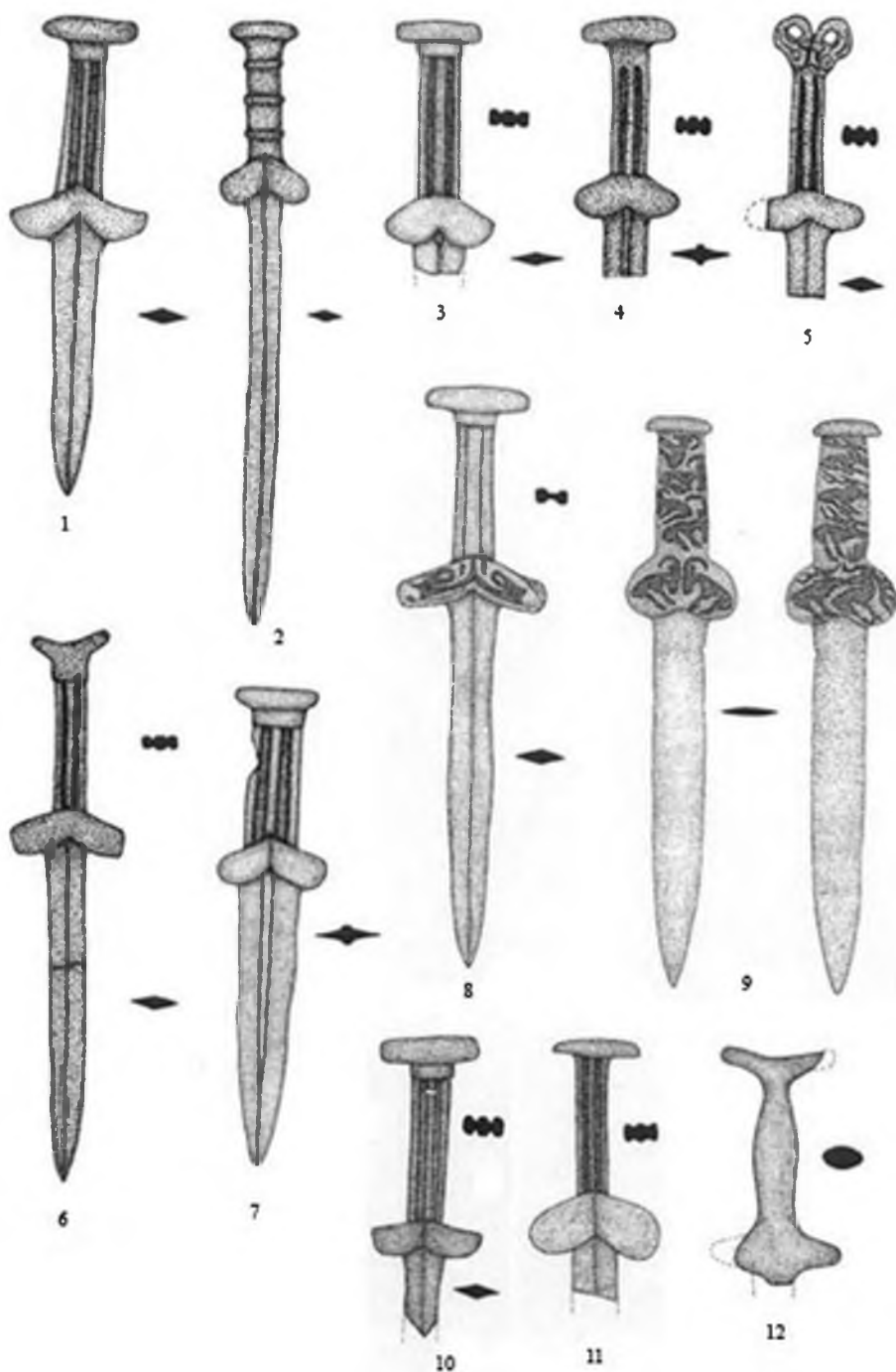

Рис. 1. Основные типы металлических кинжалов с территории Тянь-Шаня:
 1–10 – Прииссыкулье; 11 – КГИМ (точное место находки неизвестно);
 12 – Западный Тянь-Шань (Кетмень-Тюбинская долина)

могильника Жаман-Тогай на Средней Сырдарье, датирующийся по совокупному инвентарю VII – началом VI вв. до н.э. (Древности Чардары, 1968, с. 180, табл. V.-10). Ближайшие типологические аналогии ведут к савроматам, где близкие кинжалы датируются VII–V вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 10–13, рис. 1.-7; Мелюкова А.И., 1964, с. 49–50, табл. XVI.-4).

Тип 4. С зооморфнооформленной рукоятью и почковидным перекрестьем. На территории региона обнаружен только один кинжал данного типа вместе с акинаком типа 5. Он является уникальной находкой, и аналогий ему не известно в Центральной Азии. Навершие у данного акинака в виде бруска, сужающегося к краям, отчего оно приобретает грибовидные очертания.

Плоская рукоять кинжала декорирована тремя оленями с подогнутыми ногами, а перекрестья – двумя такими же оленями. С другой стороны ручки и перекрестья изображены горные козлы. В Южной Сибири ножи и кинжалы с близкими изображениями на рукояти также датируются ранним временем –VII–V вв. до н.э. (Маннай-Оол М.К., 1970, с. 30, рис. 3.-1). Данный кинжал можно отнести к VII–VI вв. до н.э.

Тип 5. Крестовые, т.е. с прямыми навершием и перекрестием. На территории Кыргызстана имеются два акинака этого типа; еще один относится к нему предположительно. Первый, железный, экземпляр происходит из Кетмень-Тюбинской долины (могильник Акчий-Карасу, курган №6). Клинок у кетмень-тюбинского кинжала обломан почти у основания. Он имеет гладкую рукоять, которая сужается к навершию и перекрестию, приобретая «эллипсоидную» форму. Подобные рукоятки существовали в степях Евразии ограниченный период. Они известны у меча в могильнике Берккара, датирующемся III–II вв. до н.э. (Бабанская Г.Г., 1956, с. 202, табл. VIII.-1), у кинжала и меча из кургана Иссык IV в. до н.э. в Семиречье (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, табл. 23–24). Второй кинжал был найден в могильнике Куренкей на Внутреннем Тянь-Шане. Он достаточно сильно коррозирован, но его форма устанавливается достаточно четко.

Группа 2. Кинжалы с зооморфным навершием.

Тип 1. С почковидным перекрестьем. Представлен одним кинжалом, случайно найденным в Кетмень-Тюбинской долине. Он имеет навершие в виде реалистично переданных головок горных козлов. Рукоять гладкая, перекрестье – почковидное. В Южной Сибири есть близкие по трактовке изображения козлов, которые датируются VI–V вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, с. 130–135). Вышеописанный кинжал можно отнести к V–IV вв. до н.э.

Тип 2. С бабочковидным перекрестьем. Представлен кинжалом, случайно обнаруженным в окрестностях с. Дархан (Прииссыккулье). Навершие данного кинжала, опубликованного В.П. Мокрыниным, было трактовано им как нечеткое изображение голов двух козлов, подобным навершию кинжала типа 1 (Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988, с. 20–22, рис. 19.-3). Однако из Северного Китая происходит целый ряд кинжалов с практически идентичными навершиями (Чжун Сук-Бэ, 1998), датирующихся V в. до н.э.

Группа 3. С грибовидным навершием.

Известен всего один железный экземпляр из могильник Джал-Арык-II, курган №19 (Кетмень-Тюбинская долина). Кинжал имеет полое грибовидное навершие

с «высоким» куполом. Рукоять гладкая, переходящая в почковидное перекрестье (Кожомбердиев И.К., 1977, с. 13, рис. 3.-1).

Датировка данного кинжала несколько затруднена. Полые навершия были характерны для кинжалов карасукской и начального этапа тагарской культур Южной Сибири (Членова Н.Л., 1967, с. 15–19, табл. 3.-4–8). Ближайшие морфологические параллели нашему кинжалу происходят из Приаралья, где в Уйгараке были обнаружены два кинжала с грибовидным навершием, причем у последнего оно также было полым. Таким образом, наш кинжал можно отнести к VI в. до н.э.

Группа 4. С серповидным или «рожковым» навершиями (3 экз.).

Тип 1. С бабочковидным перекрестьем. Относится один кинжал с Иссык-Куля (Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988, с. 40–41, рис. 19.-1). Он имеет «рожковидное» навершие, рубчатую рукоять и бабочковидное перекрестье.

«Рожковое» навершие, так же как и изогнутое, присуще кинжалам раннепалеолитской культуры IV–II вв. до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 107–108); в Южной Сибири и на Алтае, а также в Восточном Прикаспии – IV–II вв. до н.э. (Иванов Г.Е., 1987, с. 15–17, рис. 5.-8; Кочеев В.А., 1995, с. 133–135, рис. 1.-2; Степная полоса..., 1992, с. 127, табл. 50.-1–2). Однако рубчатая рукоять уже не характерна для кинжалов IV–II вв. до н.э., по этой причине рассмотренный кинжал можно датировать концом V–IV вв. до н.э.

Тип 2. С дуговидным перекрестьем. Единственный экземпляр данного типа был обнаружен в могильнике Джал-Арык-II, курган №12 (Кетмень-Тюбинская долина). Он имеет навершие в виде широкого изогнутого бруска, приближающегося к сердцевидному (Кожомбердиев И.К., 1977, с. 13, рис. 3.-2; Ташбаева К.И., 1987а, с. 10).

Типологически близкие кинжалы известны на обширных территориях: на Памире близкий кинжал датируется IV в. до н.э. (Литвинский Б.А., 1968, с. 77–83, табл. 2.-10), на Алтае – так же IV в. до н.э. (Кочеев В.А., 1995, с. 133–135, рис. 1.-2). У поздних савроматов и сарматов мечи и кинжалы с подобными навершием и эфесом относятся к IV в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 26–27, рис. 7.-9–11; Клепиков В.М., 2002, с. 27–28, рис. 2.-6–10).

Тип 3. С прямым перекрестьем. Один акинак этого типа известен в могильнике Боз-Тектир, курган №2 (Ташбаева К.И., 1987а, с. 9; 1987б, с. 32). Он имеет слабоизогнутое навершие, плоскую «эллипсоидную» рукоять и прямое перекрестье. Клинок у него обломан практически у основания.

Ближайшая территориальная аналогия вышеописанному кинжалу известна из Беркаринского могильника, кинжал из которого относится к III–II вв. до н.э. (Бабанская Г.Г., 1956, с. 206, табл. VIII.-1). Похожие акинаки происходят из Восточного Прикаспия, Северного Причерноморья, Южного Урала и Поволжья, где они бытовали в пределах конца IV–II вв. до н.э. (Мошкова М.Г., 1963, с. 34, табл. 18–19; Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 107–108, табл. X.-8, XI.-7–8, XXIII.-14–16; Симоненко А.В., 1984, с. 131–132, рис. 3; Степная полоса..., 1992, с. 127).

В Семиречье и на Тянь-Шане и сопредельных районах Центральной Азии в сакский период существовал развитый набор вооружения, важное место в котором занимал кинжал.

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

ФРАГМЕНТЫ ЗЕРКАЛ КАК АМУЛЕТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Привозные зеркала и их копии, найденные в Центральной Азии, уже более трехсот лет изучаются исследователями материальной и духовной культуры средневековых этносов, проживавших в то время на этих территориях (Лубо-Лесниченко Е.В., 1975, с. 6–7). Актуальна данная тема и сегодня, когда предметы исследования рассматриваются с позиции их технологического производства и импорта (Тишкин А.А., 2008, с. 78–81; и др.). Зеркала, изготовленные из цветных и благородных металлов, в эпоху средневековья имели высокую стоимость и поэтому были доступны далеко не всем. Известно, что полиметаллические зеркала являлись очень важными атрибутами из числа женских аксессуаров и были широко распространены у многих народов евразийского континента. В это время была мода на китайские зеркала, которые традиционно имели круглую форму с петелькой на оборотной стороне, что отражало их космогонические представления о строении вселенной (Лубо-Лесниченко Е.В., 1975, с. 8). Эта мода не обошла стороной и северную периферию Саяно-Алтая, где располагается Кузнецкая котловина, но при этом аборигенные народы этого региона во многих случаях придавали им иное семантическое содержание. Кроме этого, наличие зеркал наряду с другими принадлежностями туалета в кругу средневековых древностей Кузнецкой котловины свидетельствует о склонности местного населения того времени к нарядам и шегольству.

В настоящее время усилиями сотрудников Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) при исследовании архивных материалов и раскопках погребальных памятников, соотносимых с культурой кочевников развитого средневековья, на территории Кузнецкой котловины собрана и частично опубликована коллекция зеркал и их фрагментов (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 34.-5; 1999, с. 47, рис. 35.-1; 42.-1; 60.-2; 63.-3; Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутян В.А., Сулейменов М.Г., 2007, с. 98–99, рис. 1.-2; и др.). К категории памятников кочевников развитого средневековья на территории Кузнецкой котловины относятся древности шандинской археологической культуры, археолого-этнографические комплексы погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня в X–XIV вв. и погребенных по обряду трупобожения с тушей или шкурой коня (Илюшин А.М., 2005, с. 97–105, 120–126, табл. 12–18).

Три из восьми публикуемых в настоящей работе фрагментов зеркал (рис. 1.-1–8) уже были подвергнуты специальному изучению. Это фрагменты бронзовых зеркал с концентрическими выпуклыми бортиками из курганов №11 и 12 могильника Торопово-1 (рис. 1.-7–8), датированного XIII–XIV вв. (Илюшин А.М., 1999, с. 67–68), а также фрагмент серебряного (?) зеркала из кургана №4 могильника Ишаново (рис. 1.-4). Последний представляет собой фрагмент круглого зеркала диаметром 8,5 см с узким ровным бортиком из белого металла с темной патиной. Внизу на зеркале имеется изображение ребенка, а сверху – летящий аист среди облаков и цветков. Единичные аналогии этой находке имеются в коллекциях Красноярского краевого и Минусинского краеведческих музеев, археологического музея Томского государственного университета и

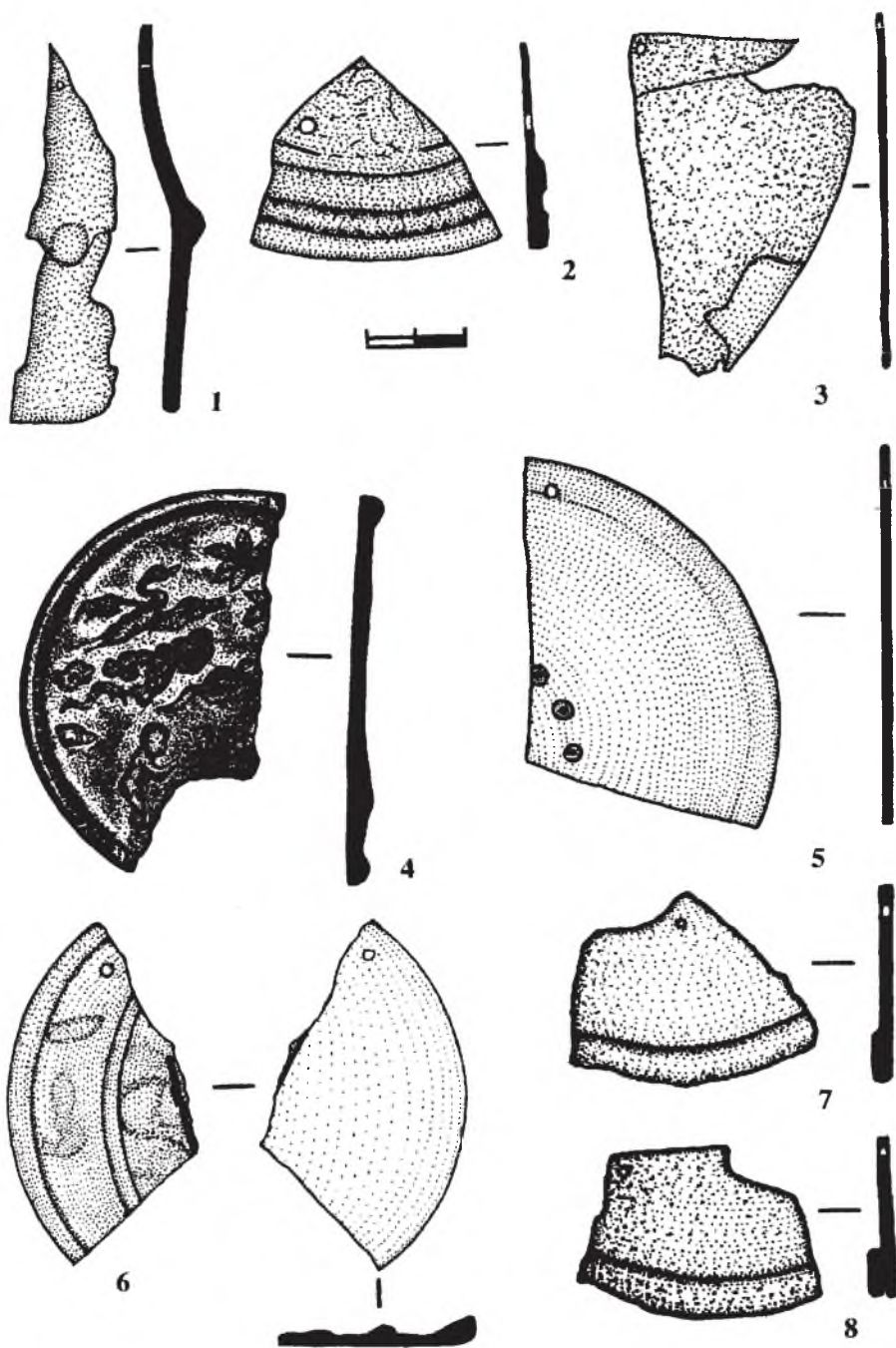

Рис. 1. Находки фрагментов зеркал (амулетов) на территории Кузнецкой котловины из раскопок ККАЭЭ: 1 5 – курганный могильник Ишаново; 6 – курганная группа Конево; 7 8 – курганный могильник Торопово-1.
1, 3, 5, 7 8 – бронза; 2, 4, 6 – серебро (белая бронза?!)

в древностях Китая и Кореи XI–XIII вв. (Лубо-Лесниченко Е.В., 1975, с. 76). Без определения химического состава металла изделия можно лишь предполагать, что это зеркало является копией с оригинала. На курганном могильнике Ишаново было найдено еще четыре фрагмента зеркал, три из которых изготовлены из бронзы и одно из серебра (?) (рис. 1.-1, 3, 5). Бронзовые фрагменты зеркал не были украшены орнаментом. Лишь на одном из них сохранились следы вторичного воздействия с целью украсить его путем нанесения в центральной части концентрического граффити циркульного орнамента (рис. 1.-5). Фрагмент серебряного (?) зеркала был украшен концентрическим выпуклым бортиком и валиком, между которыми едва прослеживаются две ленты из треугольников (рис. 1.-2). Курганный могильник Ишаново предварительно датируется XII–XIV вв. и отождествляется с шандинской археологической культурой и культурой крупного племени аз-кыштымов Кузнецкого Присалаирья (Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., 2007, с. 99). Еще один серебряный (?) фрагмент зеркала был найден в кургане №2 на погребальном памятнике Коневе, который предварительно датируется XII–XIII вв. и отождествляется с этнографической группой кыпчаков (Илюшин А.М., 2007, с. 75–77). Этот фрагмент зеркала был украшен концентрическим выпуклым бортиком и удаленным от него на 1 см валиком, между которыми лишь прослеживаются рельефы орнамента (рис. 1.-6). Кроме представленных материалов (рис. 1.-1–8), на территории Кузнецкой котловины в древностях кочевников развитого средневековья известны еще несколько бронзовых фрагментов зеркал – на курганных могильниках Шанда и Торопово-1 (Илюшин А.М., 1993, с. 28, рис. 34.-5; 1999, с. 47, рис. 35.-1; 42.-1).

Из одиннадцати исследованных фрагментов зеркал, зафиксированных на четырех памятниках (Шанда, Торопово-1, Коневе, Ишаново), один был обнаружен во рву (Торопово-1), два – в насыпи (Торопово-1 и Ишаново) (рис. 1.-4, 7), два – в могилах мужчин (Торопово-1 и Ишаново) (рис. 1.-2, 8), шесть – в могилах девушек и женщин (Шанда, Торопово-1, Коневе, Ишаново) (рис. 1.-1, 3, 5–6). Такая фиксация и распространение фрагментов металлических зеркал указывают на их использование не только по первоначальному назначению, но и на придание им определенных сакральных функций как в повседневной жизни кочевников, так и в погребальном обряде. Многие из найденных фрагментов зеркал имели по одному отверстию, что указывает на их использование в качестве амулетов и культовых предметов. Однако семантика этих предметов нам неизвестна, поэтому их смысловое значение можно лишь предполагать, выстраивая гипотезы на основе этнографических сведений.

По погребальному обряду телеутов, предметы, которые клали в могилу, намеренно портили, обламывали у них края и совершали другие действия по отношению к ним, тем самым как бы умерщвляя их. Делали это, скорее всего, затем, чтобы в другом мире вещи могли принять свой «настоящий» вид и использоваться умершими (Малов С.Е., 1929, с. 332; Функ Д.А., 1993, с. 240). Эта традиция уходит в глубокую древность и известна у многих народов Северной Азии, в том числе и у шорцев, коренного этноса Кузнецкой котловины (Косарев М.Ф., 1981, с. 249–250). Данная информация объясняет, почему в исследованных нами погребальных памятниках кочевников развитого средневековья фиксируются в основном лишь фрагменты зеркал или зеркала, подверженные частичной ломке. Однако эти сведения не позволяют раскрыть семантическую функцию этих предметов как амулетов. Можно лишь предполагать о том, что они связаны с культами солнца и огня и выполняли другую, вероятно, ведущую функцию – амулета-оберега для их владельцев.

Ю.С. Кайлачакова

Муниципальное учреждение «Музей истории г. Черногорска», Черногорск, Россия

КИТАЙСКИЙ ШЕЛК КАК КОМПОНЕНТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ

На протяжении нескольких тысяч лет народы Саяно-Алтайского нагорья так или иначе вовлекались практически во все международные политические и экономические процессы, происходившие в Центральной Азии. Вследствие этого в традиционной культуре тюркских кочевников Саяно-Алтая – хакасов, тувинцев и алтайцев – сохранилось такое множество схожих, а порой идентичных черт и явлений.

При пошиве одежды саяно-алтайские тюрки использовали разные материалы. Выделывали различные сорта кожи и меха, валяли войлоки. Из производимого животноводством сырья ткали полушерстяные материи, из растительного сырья – крапивы, льна и конопли – изготавливали ткани. Остальные материи были привозными. К ним относились шелка. Наибольшей популярностью у зажиточных состоятельных людей пользовались шелковые ткани из Китая.

Для обозначения шелка существовали такие термины: «торко» – у алтайцев, «торгы» – у хакасов и «торгу» – у тувинцев. Эти схожие термины восходят еще к древнетюркскому слову «torqu» – шелк (Древнетюркский словарь, 1969, с. 578). Таким образом, с VI–VIII вв. н.э. вплоть до настоящего времени на территории Саяно-Алтая у тюркских народов под термином «торгы», «торгу» подразумевается шелк. На наш взгляд, сохранившийся термин «торгу» – это общее наименование шелковых тканей. В историческом лексиконе саяно-алтайских тюрков сохранились термины, обозначающие самые разные сорта китайских шелковых тканей. В хакасском языке до недавнего времени существовал термин «чучунче», «чунча», что в переводе на русский означает «чесуча». Согласно данным В.Я. Бутанаева (1999, с. 224), «чесуча» – это сорт китайского шелка, про который говорили: «паспа чох соян чучунчазы» – «материя без набойных цветов, завозимая из Тувы». В самой же Туве «чесуча» обозначается словом «чыгыбы» (Тувинско-русский словарь, 1968, с. 560). Монголам также известна «чесуча», которую называют «чисчуу» (Большой академический монгольско-русский словарь, 2002, с. 316).

В сознании саяно-алтайских тюрков самым лучшим китайским шелком считался плотный узорный шелк. Хакасы называли его «манных», «мандых», алтайцы – «мандык». Из узорного шелка «манных» очень богатые хакасы шили платья, рубахи, этим же шелком крылись шубы. Хакасы говорили, что одежду из китайского шелка «манных» с крупными узорами надо носить мужчинам, женщинам предназначался шелк «манных» с мелкими узорами (Бутанаев В.Я., 1999, с. 59). Алтайцами также особенно ценился китайский шелк «мандык», обозначающий плотный шелк, и который считался самой дорогой материей из всех тканей. «Мандык» у южных алтайцев разделялся на «эр-мандык» – мужской шелк и «тижи-мандык» – женский, что было связано с окраской и рисунком шелковой ткани. Шелку «мандык» приписывали сакральные защитные функции, по представлению южных алтайцев, он берег от неприятностей и злых сил, потому его особенно ценили и шили из него только верхнюю одежду (Тадина Н.А., 1995, с. 97).

Но одним из самых популярных сортов китайского шелка считалась камка. Так в архивных документах XVII–XVIII вв., касающихся Сибири и Центральной Азии

(«Сибирский приказ», «Монгольские дела» и т.п.), чаще всего упоминается именно камка. На языке тюрков Саяно-Алтая, в частности у хакасов, китайская камка звучит как «хамгы» («хамгы торгы»). По сведениям протоиерея В. Вербицкого (1884, с. 123), у алтайцев под термином «камгы» подразумевалась шелковая ткань – «канфа», а камка – это китайский шелк, который есть то же самое, что и канфа.

Разнообразие терминов китайских шелков, встречающихся в лексиконе саяно-алтайских тюрков, свидетельствует о длительных торгово-экономических отношениях как с самим Китаем, так и с государствами и народами, посредством которых китайские шелка поступали на территорию Саяно-Алтая.

Об использовании китайского шелка населением Саяно-Алтайского нагорья уже с IV–III вв. до н.э. свидетельствуют находки из археологических памятников – Пазырыкских (Алтай) и Салбыкских (Хакасия) царских курганов, где были найдены фрагменты китайских шелковых тканей разного качества. Использовался населением китайский шелк и в более поздние эпохи – в Оглахтинском могильнике (Хакасия), датирующемся примерно III–IV вв. н.э., были обнаружены полихромные шелковые материи. На территории Тувы, как известно, входившей в границы Тюркского каганата, в могильниках Монгун-Тайга, Аймырлыг сохранился богатый шелковый инвентарь. Большое разнообразие фрагментов китайских шелковых тканей – от одноцветных до узорчатых камчатных – зафиксировал масштабность поступления китайских материальных благ к тюркской правящей элите, получавшей, как известно, шелк в качестве даров и подношений от Китая – завалированная дань.

Очень богатые хакасы при пошиве нарядного женского платья – «ипчи когенегі» и праздничной мужской рубахи – «ир когенегі» употребляли китайский шелк разных цветов. Например, в фондах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) сохранилась мужская рубаха из орнаментированного ярко-красного шелка, узор которого состоит из фигур, напоминающих звезды (МАЭ-5060-1).

Основа женского и мужского костюма тувинцев – халат, шился он из различных материй, в том числе из разных сортов китайского шелка – камки, чесучи, иногда канфы. В тувинском фольклоре зафиксировалась пословица об умении тувинских мастериц быстро шить «длинные шелковые и чесучовые халаты» (Курбатский Г.Н., 2001, с. 20). Качество материи, шедшей на халат, напрямую зависело от уровня благосостояния семьи. Замужние женщины носили халат – «эдектиг тон», что дословно переводится как халат с подолом. Подобный халат хранится в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета. Халат выполнен из китайского шелка голубого цвета, а подклад – из хлопчатобумажной материи. Фигурная пола и подол декорированы широкой полосой черного плиса с цветной вставкой китайского шелка (Каталог..., 1979, с. 164).

Покрой тувинского женского халата с отрезной линией на уровне колен близок верхней одежде хакасов, называемой «идектіг тон». Такая шуба являлась необходимым элементом свадебной обрядности хакасов, помимо свадеб, его одевали на праздники, торжества. Обычно «идектіг тон» шили из овчины, а сверху покрывали парчой, плисом, атласом, шелковыми тканями различных цветов. В фондах МАЭ (Кунсткамера) сохранилась яркая красочная праздничная женская шуба из овчины, крытая малиновым шелком. Подол, воротник, обшлага опушены коричневым мехом колонка, ворс не сильно стертый, значит, шубу редко надевали. Ближе к подолу шуба крыта фиолетово-золотистой парчой (МАЭ-5060-17).

В традиционной одежде южных алтайцев китайским шелком, как правило, покрывалась верхняя одежда, которая носилась зимой и летом. Зажиточные алтайцы старались украсить шубы особо тщательно и употребить наиболее ценные меха. Например, теленгитская княжна, выходя замуж, должна была иметь в приданое более 30 шуб: овчинных, соболиных, песцовых. Самой дорогой считалась шуба из белого колонка – «агас тон», существовали шубы из чернубурки, высшего качества шкуры молодых ягнят и белой белки (информатор – Чаганакова Айнура Викторовна (теленгитка), 1981 г.р., п. Улаган). У богатых алтайцев если шубу покрывали тканью, то выбирали самую лучшую – китайский шелк, атлас. Шелковыми тканями обычно крыли в случае, если шубу делали из шкуры молодых ягнят, отличавшуюся после специальной обработки особой мягкостью, тонкостью и прочностью. Шуба из такой овчины, крытая узорчатым китайским шелком, имела в гардеробе особенно зажиточных и знатных женщин.

Из китайского шелка саяно-алтайские тюрки шили платья, рубахи, халаты, безрукавки, пояса. Но наиболее типичным было существование традиции крыть китайскими шелковыми материями шубы. Такие шубы, а иногда и халаты, крытые китайским шелком, были характерны для хакасов, тувинцев и алтайцев. Подобная традиция встречается и в древнем китайском костюме, где поверх легких шуб надевали расширенные шелковые халаты.

Использовали шелка из Китая и при изготовлении отдельных деталей одежды, например, подола, пройм рукавов, воротника, полы и т.д. Согласно традиционному мировоззрению саяно-алтайских тюрков перечисленным выше деталям одежды приписываются сакральные защитные функции. Вероятно, по представлениям тюрков Саяно-Алтая, употребление самого лучшего шелка – китайского – более надежно предохраняло человека от воздействия злых сил окружающей действительности.

Таким образом, китайский шелк можно назвать предметом роскоши, который был доступен только самым богатым слоям традиционного общества кочевников на Саяно-Алтае. И применялись шелковые материи из Китая в праздничной и в повседневной одежде весьма состоятельных людей. Появление шелковых тканей из Средней Азии, позже России делает шелковый материал доступным и для менее зажиточных слоев населения тюркских кочевых обществ Южной Сибири. Но тем не менее шелк как ткань оставался своего рода показателем социального и имущественного статуса человека, что представляется нам прямым влиянием китайского шелка.

Э.Н. Киргинеков

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, Абакан, Россия

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР АЛТАЕ-САЯНСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ (САЯНО-АЛТАЯ)

Появление и развитие культурных и хозяйственных сообществ закономерно связано с географическим фактором тех или иных регионов. Традиционно географическая характеристика определяет уровень развития территории. Она закладывает основы материальной культуры населения начиная с простейших приемов введения хозяйства, одежды, питания и т.д. Географическое окружение играет значимую роль в формировании этнических объединений, так как регулирует направление экономических

связей, специализацию деятельности по видам той или иной продукции, взаимоотношения между группами людей по вопросам военных мероприятий. В конечном итоге, ландшафт влияет на стереотипы поведения коллективного сознания сообществ и формирования психологического образа этноса. Примеров в истории, связанных с особым географическим положением регионов, предостаточно. Очевидны благоприятные, менее благоприятные (вплоть до экстремальных) территории для проживания и, что немаловажно, для развития обществ.

В комплексе многочисленные географические факторы придают человеческому обществу дополнительный потенциал. При этом очевидно, что некоторые территории заведомо становятся наименее пригодными для внутреннего развития либо возникают особые формы социальной организации или адаптации человека. В таком случае практически все усилия общества затрачиваются или даже целенаправлены на преодоление трудностей, связанных с географической средой обитания.

В мировом географическом районировании территории, обладающие признаками наибольшего благоприятствования не только для проживания, но и для развития, широко известны. В историческом плане данные территории являются своеобразными центрами появления и дальнейшего распространения технологических открытий и изобретений, очагами религиозных идей, инноваций. Археологическая структура знаний также учитывает географический фактор (Кирюшин Ю.Ф., 2004, с. 4–6).

История кочевых обществ, особенно в период становления и распространения, тесно связана с территорией степных геосообществ. Несмотря на колоссальную протяженность, различные климатические условия, трудно оспаривать ее культурное единство евразийских степей. Прежде всего такое единство прослеживается в зарождении и формировании культур, схожих в материальной сфере, социальной организации, а также в общей антропологической схожести. Среди множества факторов исторического единства не последнее место занимает географический фактор.

В историческом контексте географический фактор имеет совершенно обусловленный характер. И, как правило, он связан более со средой обитания ограниченного коллектива людей (поселенческие материалы). Географическая среда обитания является данностью, которая практически не поддается изменению на протяжении столетий. Это одно из условий той или иной территории для людских коллективов древности. Поэтому необходим временной промежуток для адаптации, затем для приспособляемости и познания, и далее период освоения географических участков. Необходимо, конечно, учитывать, что такие этапы могут быть продолжительны, иметь эволюционный вид, так и коллективы, имеющие достаточно сильную социальную организацию, технологические знания, способны преодолеть этапы за короткий промежуток времени. Рассматривая автохтонное или миграционное объяснение происхождения культуры общества, можно предполагать наличие этапов (адаптации – познания – освоения) исторического процесса, обусловленного географическим фактором.

На этапах «познания – освоения» одним из определяющих направлений развития становится производящее хозяйство. Для территории степей это – скотоводство. Для одного коллектива (на уровне поселения) важна географическая среда обитания. Хозяйствование носит комплексный характер и затрагивает огромный спектр: от ведения домашнего быта до обеспечения своего круга питанием. Для характеристики культуры этноса или археологической культуры важно понятие «географическое окружение», так как оно объединяет

разную среду обитания коллективов (например, горы, тайга, степь, речные долины). При этом очевидно единство на уровне этноса или археологической культуры.

Географическое окружение позволяет определять основные направления экономических и культурных связей, устанавливает возможность металлических ресурсов. Для изучения археологических культур именно данные характеристики в изучении являются определяющими и позволяют выходить на уровень межрегиональных обобщений, т.е. исторических знаний.

К территориям, имеющим определенный статус в культурно-историческом процессе евразийских степей и где ярко выражено географическое окружение, относится Алтае-Саянская горная страна, представляющая собой серию разветвленных горных хребтов, разделенных котловинами. Особенностью их развития является длительная орогенная история, включающая несколько этапов выравнивания (Чернов Г.А., Вдовин В.В., Окишев П.А. и др., 1988, с. 3). Названа она В.А. Обручевым, для которого объединяющим признаком стал характер рельефа.

Наличие котловин придает территории привлекательность заселения людскими коллективами. Почти все котловины заложены по осевым и периферийным частям горных поднятий. Характерной особенностью рельефа является наличие наклонных равнин, внутренних горных перемычек, невысоких возвышенностей и останцов, выделяющихся над поверхностью плоских равнин. Несмотря на определенную общность, каждая котловина формирует особый, свойственный только ей климатический режим, создает неповторимые сочетания ландшафтных образований (Башалханова Л.Б., Буфал В.В., Русанова В.И., 1989, с. 35). Благоприятная географическая среда позволяет активно развивать производящее хозяйство (скотоводство), но ярко выраженная климатическая зональность обуславливает ведение комплексного хозяйства вплоть до земледелия. Свидетельством тому является возведение каналов в Хакасско-Минусинской котловине. Каналы могли быть сооружены как для орошения полей, так и для пастбищ. Близость таежной зоны позволяет специализироваться на охоте (в том числе важной с точки зрения экономических связей добычи пушнины), но при этом очевидно, что специализация на охоте совершенно не исключает занятие скотоводством. Способствуют взаимодействию размеры обжитых котловин, например, Хакасско-Минусинская котловина – 250х120 км, Назаровская – 200х80 км, Тувинская – 400х70 км. Преодоление таких расстояний не составляет большого труда. Развитая гидросистема, близость климатических и ландшафтных зон лишь создают особый режим географического окружения, стимулируют возникновение и развитие хозяйственных и культурных связей внутри котловин.

Доступность металлического ресурса в каждом из регионов дает дополнительную возможность для возникновения собственных металлургических центров для Тувы, Хакасии, Алтая.

Обращает внимание, что Алтае-Саянская горная область имеет «решетчатый» облик горно-котловинных систем. Такое строение обеспечивает внутрорегиональные связи между культурными областями Алтая, Хакасии, Тывы, Кузнецкой котловины, части Монголии. Обеспечение речных систем в широтном направлении делает экономические и культурные связи более устойчивыми и создает круг близких археологических культур в афанасьевско-окуневское время, скифскую эпоху и средневековье.

Наряду с внутрорегиональными связями, несомненно, могут быть прослежены трансрегиональные. Вдоль одного из протяженнейших водоразделов почти прямолинейно

(с юго-запада на северо-восток) они пересекают всю Алтае-Саянскую горную страну от г. Усть-Каменогорска до г. Нижнеудинска (Чернов Г.А., Вдовин В.В., Окишев П.А. и др., 1988, с. 193). Известно географическое направление по крупнейшим рекам Обь и Енисей, по которым осуществляется влияние на территории совершенно иного хозяйственного типа присваивающегося хозяйства (рыболовство, охота) вплоть до средневековья. Вследствие этого в Западной и Восточной Сибири присутствуют культуры иного материального и технологического облика, испытывая мощное влияние Алтае-Саянского региона.

В заключение можно отметить, что термин «Южная Сибирь» не точно отражает историческую ситуацию в степной части Евразии, так как изначально определяет связь с территорией (Сибирь) с иным хозяйственно-культурным типом, и его появление, вероятно, больше связано с геополитической ситуацией новейшего времени. Термин «Алтае-Саянская область (Саяно-Алтай)» более точно определяет территорию, являющуюся одним из центров культурогенеза Центральной Азии.

С.М. Киреев

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

КИТАЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ МОГИЛЬНИКА БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕНДЕК (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Одна из достаточно редких и интересных категорий находок хуннского времени, происходящих из Горного Алтая, – немногочисленные зеркала из «белого металла» и их фрагменты, большинство из которых считаются предметами китайского импорта. Они являются надежным показателем торгово-экономических и политических связей и служат «...определенными индикаторами при установлении хронологии захоронений кочевников Западной и Южной Сибири скифо-сакского и «гунно-сарматского» времени» (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, с. 78). На сегодняшний день известны сведения о девяти подобных находках из Горного Алтая, сводка которых с данными рентгенофлуоресцентного анализа опубликована вышеуказанными в сноске авторами. Нами в 1991 г. на могильнике Чендек в Усть-Коксинском районе Республики Алтай в погребении №6 обнаружена половина подобного зеркала из «белого металла» (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992, с. 59–61). К настоящему времени появилась возможность дополнить предварительную публикацию новыми сведениями и уточнениями.

Могильник Чендек расположен на юго-восточной окраине одноименного села. Он обнаружен местными жителями. В течение 1991–1992 гг. В.И. Соеновым исследовано 31 погребение гунно-сарматского времени (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 9–19). С.М. Киреевым в 1991 г. раскопано пять погребений данного периода. Погребение №6 имело насыпь овальной в плане формы размерами 3,4х3,1 м, сложенную в три слоя из окатанных речных валунов и рваного камня. Под насыпью находилась поховальная в плане яма размерами 1,8х0,9 м, глубиной 1,1 м, ориентированная в широтном направлении. На дне ямы, перекрывая костяк, лежало четыре плитообразных камня, под которыми находились сильно истлевшие куски дерева, очевидно, остатки перекрытия. В восточной части на дне зафиксировано несколько мелких угольков. Под камнями и перекрытием, ближе к южной стенке ямы, головой на восток и вытянуто на спине лежал

погребенный (череп лицевой частью был повернут к северу). Правая рука вытянута и располагалась вдоль костяка, левая согнута в локте и уложена на таз. Под левой тазовой костью найдена половина зеркала из «белого металла», лежавшая оборотной стороной вверх. По погребальному обряду и немногочисленному инвентарю в данном погребении и расположенном рядом погребении №7 оба объекта датированы рубежом эр – началом новой эры.

Половина круглого зеркала размерами сохранившейся части 81х35 мм изготовлена из «белого металла». Целое зеркало имело диаметр 80–82 мм. Находка хранится в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (инв. №11688/3). Химический анализ изделия не проводился. Лицевая сторона зеркала гладкая, на обороте по краю проходит высокий покатым гладкий бортик. Надпись, состоящая из шести целых и одного частично сохранившегося иероглифа, заключена в два круга с зубчатым орнаментом. Все части орнамента и надпись выполнены очень тщательно. Цвет металла серо-белый, с легкими следами более темного цвета и небольшими зеленоватыми пятнами. Е.И. Лубо-Лесниченко (1975, с. 11) отмечал, что «в ханьском Китае при изготовлении зеркал особое значение придавалось чистоте металла. Необходимость тщательного изготовления зеркал была обусловлена ритуально-магическим целями, что часто находило свое отражение в надписях на зеркалах... Поэтому подлинные ханьские зеркала имеют характерный для них белый металл, лишь слегка покрытый темной патиной, и тщательно выполненный орнамент». В центре зеркала видны следы его умышленного излома при помощи зубиловидного орудия. Исследователи отмечают, что, «как правило, зеркала в погребениях находятся в разбитом состоянии. Иногда вместо целого зеркала в погребении клали лишь половину или еще меньший его обломок... Некоторые неразбитые зеркала, найденные в погребениях, носят следы умышленного повреждения» (Хазанов А.М., 1964, с. 89; Руденко С.И., 1962, с. 91). Большинство из найденных в Горном Алтае зеркал также обнаружено в обломках (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, с. 78–81). Кстати, В.И. Соеновым в кургане №28 того же могильника Чендек в 1992 г. найден обломок китайского зеркала из «белого металла» (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 50–51, рис. 18.-10; Вайнбергер Е.В., 1993, с. 57–59). Практически все ханьские зеркала находят со сглаженными и затертыми краями, что свидетельствует об их длительном употреблении (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 11). На чендекском зеркале даже при тщательном рассмотрении скола следов затертости не видно, т.е. оно было разбито, скорее всего, в процессе совершения погребального обряда или накануне.

По нашей просьбе зеркало было визуально исследовано в 1993 г. сотрудником Государственного Эрмитажа Е.И. Лубо-Лесниченко и в 2007 г. сотрудником отдела образования префектуры г. Осака (Япония) Т. Масумото. Приводим их заключения.

Е.И. Лубо-Лесниченко: «Зеркала этого типа в китайской литературе носят название «ляньгуа минь-вэнь цзинь» (зеркало с надписью и арочным орнаментом), а обнаруженный Вами подтип – «жигуан лянгуа вэнь цзинь» (зеркало с арочным орнаментом и надписью «жигун»). Они получили это название, потому что в начале надписи всегда присутствуют иероглифы «жи гуан» – «сиянье солнца», а вторая половина – может меняться. Эти зеркала производились в Китае с конца II в. до н.э. до начала I в. н.э., так что это вполне совпадает с Вашей датировкой. В период Западной Хань это был один из самых распространенных типов зеркал. Так среди обнаруженных в Лояне 175 ханьских зеркал 36 были зеркала «жигуан», а в ханьских могилах в Шаогуо – 20 из 118, т.е. 15–20%».

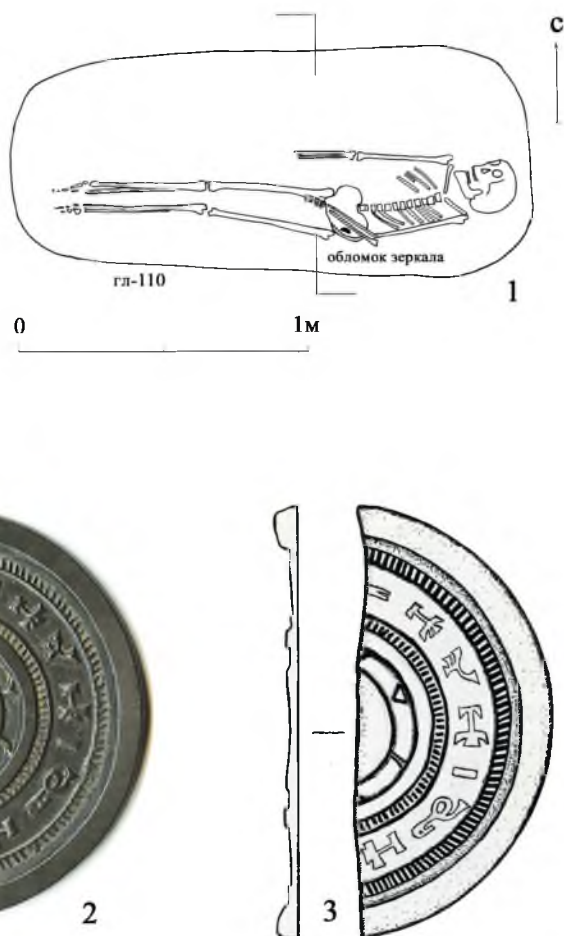

Рис. 1. 1 – план погребения №6 могильника Чендек; 2–3 – фрагмент китайского зеркала

Т. Масумото: «Зеркало этого типа называется «Никко даймин дзюкэн ке» (на японском языке) или «Жигун дамин чжунцзюань цзин» (на китайском языке). Значит, зеркало с удвоенными кругами орнамента и надписью «Жигуан дамин»... Надпись читается по часовой стрелке. О надписи такого типа зеркал есть два варианта. Один из вариантов читается: «Цзянь жичжигуан тянься дамин». Переводится так: «Смотря свет из солнца, кажется, что весь мир (или вся страна) находится над большой светлостью и жизнерадостностью». Между иероглифами существуют знаки, которые характерны для зеркал таких типов. Обычно цвет ртутно-синий с коричневато-зеленой пятнистой ржавчиной». Т. Масумото также обращает внимание, что особое значение при определении подлинных («старых») зеркал китайского производства от более поздних их имитаций также производится на основе визуального определения цвета.

Кроме уже упомянутых находок подобных зеркал типа «жигун» из Лояна и Шао-гоу, чендекское зеркало по орнаментальному оформлению имеет много общего с зеркалом из суджинского могильника (Руденко С.И., 1962, с. 92, рис. 65-а) и памятников хунну Забайкалья (Филиппова И.В., 2000, с. 101–103). Один из знаков, повторенный на нашем зеркале, трижды также имеется и на суджинском зеркале.

Таким образом, хронология погребения №6, как и раскопанных рядом с ним могил, по особенностям погребального обряда рубежом эр – началом н.э. подтверждается и заключениями специалистами по типу зеркала. Представляется возможность конкретизировать их датировку II в. до н.э. – I в. н.э. и отнести к булан-кобинской культуре, как и раскопанные В.И. Сосновым (2003, с. 10) курганы центральной группы могильника Чендек.

В.А. Кисель

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ МАЭ РАН (непростая судьба коллекции)

Коллекция древних изваяний Музея антропологии и этнографии в г. Санкт-Петербурге начала формироваться в 1910 г. Первыми экспонатами стали «каменные бабы», доставленные В.И. Каменским из Казахстана. Сколько всего было привезено монументов, остается не ясным. Спустя более полувека при описании этих памятников Я.А. Шер на основе рукописного «Отчета о раскопках в Восточном Казахстане» В.И. Каменского отметил шесть изваяний (Шер Я.А., 1966, с. 77–80, 96, 99, 105–106). На сегодняшний день «Отчет» утерян, а в коллекционной описи, составленной при поступлении «баб», упомянуты только три скульптуры.

В 1930–1940-х гг., как можно заключить из статьи Л.А. Евтюховой, в МАЭ были привезены два памятника из Сибири. Один из них, происходивший с Алтая, ныне отсутствует (Евтюхова Л.А., 1952, с. 76–77, рис. 7-1).

В 1954 г. А.Д. Грач доставил из Тувы фрагмент монумента – голову мужчины (Грач А.Д., 1955, рис. 13; Грач А.Д., 1961, с. 35, рис. 50, табл. I.-28). Обнаружить его также не удалось. Возможно, фрагмент затерялся в процессе исследовательской работы самого А.Д. Грача, так как в архиве хранится его расписка о получении предмета, но нет никаких пометок о возвращении.

Во 2-й половине 1950-х гг. из Тувы, по свидетельству Л.П. Потапова, в Музей поступило еще восемь памятников. В их число входили изваяния и стелы «с руническими тюркскими текстами» (Потапов Л.П., 1959, с. 117). Впрочем, коллекционные карточки временного хранения фиксируют на одно изваяние больше, а в акте приема на постоянное хранение фигурируют только четыре изваяния без стел.

Таким образом, если не принимать во внимание возможную ошибочность некоторых сведений, к началу 1970-х гг. в МАЭ могло находиться 18 изваяний и четыре стелы. Все собрание было приписано к разным отделам (Отдел археологии, Отдел этнографии Сибири). Некоторые экспонаты хранились в подвалах, другие – в фондохранилищах, а два памятника украсили лестницу Музея, ведущую в зал с экспозицией «Происхождение человека и основные этапы развития первобытного общества».

Со временем из-за нехватки свободных музейных площадей подвалы стали использоваться под складские помещения и бытовые комнаты рабочих. Монументы начали бесконтрольно перемещать. Многие скульптуры оказались завалены строительными материалами. Постаменты «парадных» экземпляров обветшали, от чего изваяния, потеряв устойчивость, превратились в серьезную угрозу для сотрудников и посетителей и были убраны в вестибюль и под лестницу.

Следует признать, что именно последняя четверть XX в. стала для данного собрания переломной. Коллекция испытала разрушительные воздействия: многие экспонаты были депаспортизованы, а некоторые просто затерялись.

В настоящий момент в Музее зарегистрировано только девять изваяний. Они переведены в отдельный фонд и составляют единую коллекцию (колл. №7296).

Практически все памятники являются творчеством тюркоязычных кочевников. Условно их можно разделить на несколько хронологических периодов. Первый период охватывает VI–VIII вв. К нему относятся четыре экспоната: три представляют собой скульптуры, а один – валун со схематичным изображением (рис. 1.-1–4). Все монументы передают условный образ мужчины-воина. У каждой фигуры в правой руке находится сосуд, левая же лежит на клинковом оружии. Самые выразительные экземпляры, выполненные на высоком профессиональном уровне, – это памятники из Казахстана (к сожалению, расколотый) и Тувы (Грач А.Д., 1961, с. 18–19, рис. 1–3, табл. I.-1; Шер Я.А., 1966, с. 77–78, табл. II.-9). У изображенных воинов мочки ушей украшены кольцевидными серьгами. Их одеяния, особенно пояса, детально проработаны. На поясах висят сабля и кинжал, а также различные сумочки. У «казахстанского» воина волосы заплетены в шесть длинных кос, которые туго стянуты над поясом и распушены у окончаний. На его груди располагается крупный двойной ромб, имитирующий отвороты одеяния или крупную подвеску.

«Тувинский» боец имеет короткую стрижку. У него очень тщательно прорисовано оружие. На его наборном поясе выделяется пряжка, а кроме сумочки, на отдельном ремешке подвешен оселок (?).

Происхождение монумента-валуна неизвестно. Судя по имеющимся аналогиям (Шер Я.А., 1966, с. 87–88, табл. VII.-35–36; с. 94–95, табл. XI.-48; с. 96–97, табл. XII.-52; с. 98–99, табл. XIV.-60), он мог быть привезен из Восточного Казахстана или Киргизии.

К другому этапу, ограниченному VII–IX вв., можно отнести три изваяния (рис. 1.-5–7). Образы мужчин переданы в виде бюстов. Но один памятник, доставленный из Казахстана, фрагментирован. Первоначально он, скорее всего, являлся полномерной скульптурой. Из всей группы только у одного монумента, тоже казахстанского, показан сосуд в виде чаши на высокой ножке.

Серединой IX – началом XIII вв. датируется столбообразный памятник, изображающий мужчину с крупной яйцевидной головой (Евтюхова Л.А., 1952, с. 77, рис. 7.-2; Кубарев В.Д., 1984, с. 178, табл. L.-255) (рис. 1.-8). У мужчины в руках зажат сосуд, напоминающий вазу. Голова выполнена объемной, руки – в высоком рельефе, а перекрещенные ноги переданы углубленной контурной линией. Очевидно, рисунок ног появился несколько позднее, чем было изготовлено само изваяние. Согласно Л.А. Евтюховой (1952, с. 77), монумент был привезен с Алтая. Вполне вероятно, что его передал в МАЭ М.П. Грязнов. Среди публикаций можно отыскать точную аналогию памятнику – это экспонат музея г. Барнаула, хранившийся там в 1920-х – начале 1930-х гг. (Appelgren-Kivalo H., 1931, abb. 342; Шер Я.А., 1966,

с. 117–118, табл. XV.-120). Правда, судя по рисунку, у барнаульской скульптуры ноги были выполнены в рельефе.

Рис. 1. Каменные изваяния МАЭ РАН (масштаб различный) (фото С.Б. Шатиры и автора)

Значительные затруднения вызывает датировка последнего коллекционного предмета – слегка обработанной каменной глыбы (рис. 1.-9). Одной из ее частей придана округлая форма, очертаниями напоминающая человеческую голову. Овальные углубления имитируют глазные впадины и рот, а необработанные промежутки между ними – прямой нос и, возможно, опущенные усы. Незначительные сколы создают впечатление, что мастер стремился показать шею, бороду, а также гривну. Место обнаружения

памятника неясно. Подобные монументы встречаются в Туве (Герасимов А.Н., 1995, с. 128, рис. 2.-5) и на Алтае (Евтюхова Л.А., 1952, рис. 71.-6; Кубарев В.Д., 1979, с. 12, табл. I; Кубарев В.Д., 1984, с. 107, табл. III.-19). Памятник может относиться как к эпохе поздней бронзы, так и к средневековью.

Проведенный краткий обзор древних изваяний, хранящихся в МАЭ РАН, показывает, что, несмотря на небольшой объем коллекции и плохую атрибуцию, она включает интереснейший материал по монументальному искусству кочевников, а несколько памятников являются подлинными шедеврами.

А.М. Клементьев, В.С. Николаев

Иркутский государственный технический университет, Иркутск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛАНДШАФТНЫХ РЕСУРСОВ СРЕДНЕВЕКОВЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ПРИАНГАРЬЯ

Данная работа основана на материалах поселенческих комплексов Тоток, Тоток-2, Унгинское, Хашхай-1, Метляево, Молодежная-I и могильников и погребений Усть-Талькин, Доглан, Озерок, Усть-Уда, Унга-VI, расположенных на территории Южного Приангарья. Эти объекты датируются в целом VIII–XIV вв. н.э. Современная территория, где расположены памятники, входит в состав североазиатских степных геосистем, где представлены подгорные южносибирские ландшафты (Ангарская «лесостепь»), которые граничат с горно-таежными южносибирскими ландшафтами североазиатских таежных геосистем (Михеев В.С., Ряшин В.А., 1977).

Климатические ресурсы и использование рельефа. Поселенческие комплексы средневековья приурочены к выположенным участкам террасовидных поверхностей вблизи речных потоков.

Поселение Тоток расположено в суходольном понижении восточной экспозиции, приуроченном к бывшей долине р. Тоток (ныне залив). Установленный сезон обитания (зима – ранняя весна) характеризует эту местность как зимнее убежище, с одной стороны защищенное от северо-западных ветров, с другой стороны как участок, удаленный от приречной низменности Ангары.

Неподалеку от вышеописанного памятника на относительных отметках 65–70 м от уреза р. Ангары находится поселение Тоток-2, что также позволяет предполагать зимний сезон обитания.

На поселении Хашхай-1 археологические остатки приурочены к высокому обрывистому берегу р. Унги и примыкающему распадку.

Поселение Унгинское располагалось на выположенном склоне левого берега р. Унги с относительными отметками 20–25 м.

В целом на высоких гипсометрических отметках были расположены зимники, поскольку низменные степные участки долины Ангары зимой характеризуются средней температурой воздуха -26°C и ниже, что на 2° ниже, чем на прилегающих холмах (Атлас..., 1962, с. 57). Довольно высокая средняя температура июля ($+16^{\circ}\text{C}$) и сумма температур за вегетационный период (1700°) обеспечивали длительность вегетационного периода (121 день) и возможность занятия земледелием (на поселениях и в отдельных захоронениях встречены вегетативные части и зерновки проса, ячменя и гречихи).

С другой стороны, количество летних осадков (<300 мм) лимитировало занятия земледелием, а преобладание летних осадков в годовом (350 мм) балансе, а также малоснежность зимнего периода (max 30 см) (Атлас..., 1962, с. 62–64) позволяли эффективно заниматься животноводством. На поселениях преобладают костные остатки домашних копытных (табл. 1): Тоток – 82%; Тоток-2 – 95,7%; Хашхай-1 – 100%.

Могильники и отдельные погребения эпохи средневековья в Ангарской долине располагаются на относительных отметках 25–50 и более метров, на открытых пространствах, свободных от леса, склонах гор и падей, с которых открывается прекрасный вид на степные долины рек. Экспозиция склонов – юго-восточная, западная, северо-западная, северо-восточная.

Биологические ресурсы. Биологические ресурсы можно подразделить на почвенные, ботанические и зоологические.

Почвенные ресурсы использовались лишь частично для посева злаков (проса, ячменя, ржи) и гречихи. Современные почвы представлены маломощными черноземами, нуждающимися в орошении. Значительные участки в долине р. Унги занимают засоленные почвы. Поэтому средневековое земледелие было малопродуктивным и вспомогательным занятием местного или пришлого среднеазиатского населения (Николаев В.С., 2006, с. 155).

Растительный покров территории представлен степями и остепненными лугами, что благоприятствовало скотоводству. Это нашло отражение в доминировании домашних копытных (табл. 1) и составе поголовья: лошади – 53,1%, КРС – 31,0%, МРС – 15,9% (данные по объекту Тоток); лошади – 54,5%, КРС – 36,4%, МРС – 9,1% (Тоток-2); лошади – 45,8%, КРС – 20,8%, МРС – 33,4% (Хашхай-1).

В могильниках также преобладают костяки лошадей: Усть-Талькин – 17 особей (Ермолова Н.М., 1978, с. 53), Доглан – 5 особей, Озерок – 2 особи, Усть-Уда – 7 особей; тогда как костяки КРС составляют на могильнике Усть-Талькин – 3 особи (Ермолова Н.М., 1978, с. 53), Доглан – 3 особи, Усть-Уда – 1 особь; домашнего барана: на Доглане – 3, на Усть-Уде – 2 особи.

Измерения костей конечностей лошадей из могильников позволили установить рост лошадей. В основной массе (8 из 12) рост лошадей в холке колебался в пределах 128–136 см. Самый мелкий экземпляр встречен в погребении №6 могильника Доглан (не выше 128 см). Судя по материалу, три лошади были выше 136 см – в погребении №8 Доглан, в погребении №3 Озерок и в погребении №9 Усть-Уда. В Усть-Талькинском могильнике 14 особей были малорослыми (128–136 см), и лишь одна особь была выше 136 см (Ермолова Н.М., 1978, с. 122).

Таким образом, коневодство относительно (по костным остаткам) и абсолютно (по массе мясной пищи) являлось доминирующей отраслью животноводческого хозяйства.

Среди *ботанических ресурсов*, в первую очередь, хотелось бы отметить использование березы, которая образует роши на бугристо-западинном рельефе плакоров. Ее древесина и кора встречены на поселениях и в погребениях и использовались для изготовления различных пакетов, туесов и коробов, кибити луков, рукояток ножей, копий и палым. Большие полотнища бересты использовались для драпировки внутренних камер погребов, как основа крыши летних жилищ типа чумов. В погребальной практике береста использовалась для драпировки колод и ящиков-гробов, из нее шили специальные погребальные пакеты (Николаев В.С., 1990; 2004, с. 116–120).

В погребальной практике кочевники-скотоводы активно использовали ливенницу. Из ее прикомлевой части изготавливались колоды различных типов (Николаев В.С., 2004, с. 116–120).

Население Приангарья активно занималось и сбором дикоросов, которые произрастали в степи и на границе степи и тайги. В пищу использовались дикий лук и чеснок, черемша, ягоды малины, смородины, костяники, черемухи и пр.

Среди *зоологических ресурсов* данной территории средневековое население использовало главным образом сибирскую косулю. Ее остатки составляют 97% от всех промысловых видов (Тоток), среди которых кроме нее встречены хорек, лисица и бурый медведь (табл. 1). Такая же ситуация наблюдалась и на поселении Унгинское (Ермолова Н.М., 1958, с. 52), где кости косули преобладают, а в составе сопутствующей промысловой фауны встречены виды степных (кулан, хорек) и лесных (лось, благородный олень, зубр) биотопов.

Малочисленность промысловых видов связана, на наш взгляд, с зимним сезоном функционирования объекта, что установлено по молочной генерации зубов косули (Клементьев А.М., Николаев В.С., 2007, с. 179). На поселениях Унгинское и Тоток встречены также кости птиц и рыбы, остатки, что свидетельствует о дополнительных источниках пищевых ресурсов (Клементьев А.М., Николаев В.С., 2007, с. 179; Ермолова Н.М., 1958, с. 52).

Интересные сведения можно почерпнуть из особенностей сохранности костей на поселении Тоток. Практически все кости повреждены (разбиты, расколоты или разрублены), преобладает продольное раскалывание, встречается и поперечное (фаланги). Метаподиальные кости домашних копытных расколоты единообразно вдоль оси кости. Целых костей очень мало, в том числе среди таранной, пяточной и фаланг. Разрублены даже третьи фаланги, содержащие наименьшее количество костного мозга. Костей в анатомической последовательности очень мало, встречен лишь фрагмент автоподия (I + II ph) лошади, расколотый продольно до захоронения (при наличии целых связок). Подобное расчленение костей можно связать с использованием костного мозга в пищу. А поскольку сезонность ограничена зимним периодом, можно говорить о том, что обитатели стоянки испытывали пищевой стресс. Повреждены также мелкие кости запястья и заплюсны, не содержащие мозга, возможно, в процессе разрубания.

Кости животных использовались также для изготовления различных изделий: проколов, шильев, игольников, пуговиц, пробок, наконечников стрел, накладок сложно-составных луков, украшений и пр.

Из шкур животных изготавливались одежда и обувь, кузнечные меха, колчаны, а также сумочки и чехлы для всевозможных предметов (Николаев В.С., 2004, с. 69, 74).

Минеральные ресурсы. Выходы *четвертичных глин*, широко распространенные в долине Ангары, в большом количестве использовались для изготовления керамических изделий. Их также применяли для обмазки стен домов, создания печей.

Еще одним минеральным сырьем, активно используемым жителями Приангарья, была *известь*. Ее использовали для обмазки стенок внутренних камер погребков с целью дезинфекции (Тоток). С этой же целью известью засыпали отходы в хозяйственных ямах. Известь также применялась для придания дополнительной прочности стенкам печей для обжига керамики и горнов для плавки металла (Тоток).

Население Приангарья в средневековье продолжало употреблять для своих нужд *каменное сырье*. Так, халцедон (сердолик) и нефрит использовались для изготовления

украшений – бус, перстней и подвесок. Кремень применялся в пиротехническом наборе для получения высекающей искры, из него также изготавливались небольшие скребки для обработки шкур. Крупные гальки и желваки кварцита использовались в качестве наковален и молотов в железоделательном производстве для дробления руды.

Таблица 1

Общее количество костных остатков и особей и их соотношение на поселении Тоток

Вид / таксон		Всего, экз.	В %
Домашние животные			
1	<i>Canis familiaris</i> (собака)	2/1*	0,01/1,5
2	<i>Equus caballus</i> (лошадь)	843/11	3,9/16,7
3	<i>Bos taurus</i> (КРС)	492/7	2,3/10,6
4	<i>Ovis aries</i> (домашний баран)	27	0,1
5	<i>Capra hircus</i> (домашняя коза)	10	0,05
6	<i>Ovis</i> aut <i>Capra</i> (МРС)	216	1,0
	Всего МРС (4 + 5 + 6)	253/12	1,2/18,2
	Всего:	1661/31	7,4/47,0
Дикие животные			
7	<i>Vulpes vulpes</i> (лисица)	6/1	0,03/1,5
8	<i>Ursus arctos</i> (бурый медведь)	4/1	0,02/1,5
9	<i>Mustela eversmanni</i> (светлый хорь)	2/1	0,01/1,5
10	<i>Capreolus pygargus</i> (сибирская косуля)	348/9	1,6/13,6
11	Rodentia (грызун)	2/1	0,01/1,5
	Всего:	362/13	1,7/20,0
Фрагменты костей			
	Крупных млекопитающих животных	1367	6,4
	Животных среднего размера	1168/43	5,6/65,2
	Неопределимые	14267	66,8
	Неопределимые обожженные	2570	12,0
	Эмбриона и/или новорожденного	8	0,04
	Всего:	19380	90,8
12	Aves (кости птиц)	13	0,06
	Итого:	21355/66	100/100

*В числителе – количество костей, в знаменателе – минимально возможное количество особей

Таким образом, можно говорить о комплексном использовании ресурсного потенциала территории средневековым населением Приангарья. Ведущее значение при этом принадлежало степным участкам долин Ангара и Унги, поскольку жизнеобеспечение населения основывалось на животноводстве. Установленная сезонность использования стойбищ на высоких отметках позволяет предполагать, по крайней мере, сезонные кочевки населения в пределах долины. Земледелие играло вспомогательную роль, так же как и охота.

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ РАЗМЕТКИ И ОФОРМЛЕНИЯ САКРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ КУРГАНОВ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КУЗНЕЦКАЯ КОТЛОВИНА)*

На территории Кузнецкой котловины сакральное пространство под насыпями ирменских курганов размечалось в древности при помощи каменных оград (6,98%), ровиков (15,11%) и грунтовых ям (30,23%). В значительной части курганов (40,7%) специальной разметки сакрального пространства не зафиксировано.

Традиция сооружения каменных оград была характерна начиная с энеолита для регионов, богатых выходами камня (Горный Алтай, Минусинская котловина, Тува, некоторые районы Казахстана и т.д.), и совершенно не характерна для лесостепных районов юга Западной Сибири. На юге Западной Сибири (включая и Кузнецкую котловину) каменные оградки впервые начинают сооружаться вокруг погребений в андроновское время (Бобров В.В., Горяев В.С., 2001а, с. 240–243). Однако не исключено и более раннее возникновение традиции установки каменных колец вокруг погребений (Бобров В.В., Горяев В.С., 2001б, с. 244–249).

Так андроновское население, пришедшее в Кузнецкую котловину с территории Казахстана, принесло традицию сооружения каменных прямоугольных оград, типичных для этой территории расселения «андроновцев-федоровцев». В Кузнецкой котловине в курганах могильника Танай-1 известны квадратные и прямоугольные каменные ограды, а в курганах могильника Танай-12 – округлые и овальные (Бобров В.В., Горяев В.С., 2001а, с. 242). Видимо, позднее квадратные и прямоугольные ограды Таная-1 уступили место округлым и овальным оградкам, повторяющим форму земляной насыпи и характерным для андроновского могильника Танай-12.

В постандроновское время каменные оградки различных форм продолжали сооружаться в корчажкинских (могильники Танай-1 и Танай-12) и ирменских (могильники Танай-7 и Журавлево-4) курганах данного региона. В корчажкинских курганах могильников Танай-1 и Танай-12 зафиксированы каменные ограды прямоугольной или подквадратной формы (Бобров В.В., 1995, с. 76; Бобров В.В., Горяев В.С., 2000, с. 227). В ирменских курганах каменные ограды имели, как правило, форму полуовала, лишь частично ограничивая подкурганное пространство. Только в кургане №23–24 могильника Танай-7 каменная ограда-кладка имела форму, близкую к прямоугольнику (Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П., 2001, рис. 1). Обращает на себя внимание наличие каменных оград только на территории Танайского АМР в пределах Кузнецкой котловины.

На юге Западной Сибири подквадратные или округлые в плане ровики, имевшие культовый характер и связанные с погребально-поминальным обрядом, известны, по крайней мере, с эпохи ранней бронзы. Они зафиксированы в могильниках Танай-12, Сопка-2, Окунево и Телеутский Взвоз-I (Бобров В.В., 2002, с. 224–225; Бобров В.В., Горяев В.С., 2004, с. 189–190; Молодин В.И., 2001, с. 106; Матюшенко В.И., Полеводов А.В., 1994, с. 58; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003, с. 27–28).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07–01–00527а).

Ограничение сакрального пространства курганов при помощи ровиков и ям в единичных случаях известно и в андроновский период. На территории юга Западной Сибири были исследованы андроновские курганы со рвами прямоугольной (Старый Тартас-4) и округлой (Преображенка-3) в плане формы (Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В., 2002; Молодин В.И., 1985). По наблюдениям В.И. Молодина, исследовавшего на территории Барабы могильник Преображенка-3, в андроновских курганах в ряде случаев прослежены ямы и ровики, прорезающие материк и расположенные по периметру под насыпями курганов. По мнению исследователя, эти сооружения связаны с погребальным обрядом андроновцев, но типичными не являются. В.И. Молодин полагает, что сооружение ровика может иметь то же смысловое значение, что и возведение вокруг могил круглых каменных колец. Не имея в своем распоряжении камня, «андроновцы» в Барабе могли сооружать оградки из дерна, следов которых не сохранилось (Молодин В.И., 1985, с. 104).

В.В. Бобровым и В.С. Горяевым были раскопаны андроновские курганы со рвами в могильнике Танай-12. В кургане №7 исследован округлый ров. На дне его обнаружено 36 столбовых ямок, в восьми из которых зафиксированы остатки вертикально установленных деревянных столбиков. В кургане №15, по всей видимости, была исследована комбинированная конструкция, имевшая в плане подпрямоугольную форму. К северу и западу от центрального погребения было сооружено два прямых рва. С южной и, вероятно, восточной стороны сооружена каменная ограда (Бобров В.В., Горяев В.С., 2003, с. 252).

Более характерным ограничением подкурганного пространства с помощью ровиков и ям становится в эпоху поздней бронзы. Они известны как в ирменских могильниках Кузнецкой котловины (Журавлево-4, Танай-2, Танай-7, Ваганово-2, Сапогово-1), так и сопредельных территорий (Преображенка-3, Абрамово-4, Калачевка-2, Камышенка, Телеутский Взвоз-1, Милованово-1, ЕК-2). Исследователями была определена географическая локализация рвов по форме в плане: Кузнецкая котловина, лесостепной Алтай – круг; Барабинская лесостепь, Томское Приобье – прямоугольник (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 76–77). По материалам Кузнецкой котловины В.В. Бобров (1992, с. 62) выделил ровики в виде круга или овала с несомкнутыми концами и неполные.

Обращает на себя внимание встречающееся в ирменских курганах сочетание двух-трех видов разметки. В редких случаях они образуют комбинированные сооружения. Значительно чаще дополнительные варианты разметки применялись для расширения сакрального пространства кургана. Это подтверждают случаи нахождения за пределами разметки курганного пространства, обозначенного ямами и рвами, ирменских погребений. Часто такие погребения перекрывали рвы и ямы на уровне материка и располагались с восточной и юго-восточной стороны курганов (Бобров В.В., Горяев В.С., Васютин С.А., 2001, с. 237). В курганах, где были зафиксированы два или три вида разметки, можно проследить такую, наиболее распространенную последовательность ритуальных действий. Первоначально для ограничения сакрального пространства, предназначенного для совершения погребений, выкапывались грунтовые ямы. Нередко такие ямы использовались «ирменцами» для совершения ритуально-жертвенных действий. Позднее, по мере заполнения сакрального пространства погребениями, могли сооружаться ровики или каменные ограды.

Интересно, что ровики, ямы и ограды сооружались только в крупных могильниках, где насчитывается большое количество погребенных и представлены различные половозрастные и социальные группы ирменского населения. В небольших могильниках (Титово-1, Журавлево-1, Шабаново-1 и Шабаново-4) таких специальных сооружений (за исключением единичных курганов с ямами) не зафиксировано. Ю.И. Михайлов (2001, с. 334–341), проанализировав некоторые особенности погребально-поминального обряда и половозрастной состав ирменских захоронений Кузнецкой котловины, выделил две категории ирменских кладбищ: престижные (на примере Журавлево-4), где наряду с представителями различных половозрастных групп погребались мужчины, занимавшие лидирующие позиции в обществе, и непрестижные (на примере Титово-1), где погребались преимущественно женщины, дети, подростки и престарелые мужчины.

Таким образом можно предполагать, что ровики, ямы и каменные оградки наряду с сакральной выполняли еще и социальную функцию, маркируя погребения в курганах больших, престижных некрополей эпохи поздней бронзы. Подтверждением социальной престижности подобных сооружений является их нахождение в таком «богатом» и социально значимом некрополе эпохи поздней бронзы, как Северный Тагискен (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001).

Т.М. Кузнецова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЗЕРКАЛ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Построение классификации в археологических исследованиях призвано создать инструмент, с помощью которого «прокладывается» путь к решению проблем, связанных с изучением исторических процессов. Любая классификация, построенная по единому принципу, приводит к положительному результату, несмотря на то, что она, как инструмент, всегда индивидуальна.

При подготовке классификации зеркал с территории Скифии, потребовавшей проработки очень большого материала, помимо основных вопросов, были поставлены еще две задачи. Решение их сводилось к созданию для зеркал подвижной системы, необходимой при корректировке в случае появления дополнительной информации о предмете, и к подготовке базы для универсальной классификации, которая сможет показать межрегиональное сходство и различия в составе зеркал, а в итоге позволит объединить весь массив зеркал скифского времени.

Подвижность классификации хорошо продемонстрирована в работе Е.Е. Фиалко, исследовавшей (после реставрации) односоставное бронзовое зеркало из к. 3 / п. 6 у с. Акимовка Запорожской области: «в своде зеркал, опубликованном Т.М. Кузнецовой, акимовский экземпляр отнесен к V типу II отдела I класса, где он причислен к 3-му варианту II вида (Кузнецова Т.М., 2002, с. 231) – к зеркалам с диском без бортика и ручкой без орнамента. Думается, что в силу вновь открывшихся деталей, правомернее отнести его к I виду того же V типа (зеркалам, диск которых имеет бортик или утолщение по краю) и рассматривать как 3-й вариант, ввиду наличия гравированного

изображения на стволе ручки» (Фиалко Е.Е., 2007, с. 59). Таким образом, одну из поставленных задач можно считать решенной.

В настоящее время коллекция зеркал скифского времени Евразии пополняется за счет увеличения материала, происходящего из ее азиатской части, поэтому сопоставление материала и создание единой классификационной схемы для столь обширного региона представляется не только продуктивным, но и необходимым.

Возможность такого подхода хорошо демонстрируется при объединении двух классификационных схем, представляющих материалы Скифии (Кузнецова Т.М., 2002) и зеркала более узкого региона, систематизированные в работе, посвященной погребальным комплексам скифского времени, происходящим из северных районов Горного Алтая, с территории Средней Катуни (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 76–85).

Как пример, в данном случае можно рассмотреть односоставные зеркала (класс I), с центральной ручкой (отдел I): ручкой-петелькой (тип I) и ручкой, состоящей из двух столбиков, перекрытых бляшкой (тип II).

На территории Северного Причерноморья известно (Кузнецова Т.М., 2002, с. 33–62) более десятка зеркал с центральной ручкой-петелькой (тип I), имеющих бортик (вид I), которые по форме петельки были разделены на три варианта (1 – сегмент, 2 – треугольник, 3 – трапеция) и предполагалась возможность появления еще одного варианта (4 – четырехугольник), который и был обнаружен в Лесостепной зоне Северного Причерноморья (Люботин, к. 1; Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К., 1998).

В районе Горного Алтая обнаружено одно зеркало с бортиком и ручкой-петелькой (тип I вид I), относящееся к 1 варианту, известному в Северном Причерноморье (Кузнецова Т.М., 2002, с. 33–39). Однако в горноалтайском регионе прослежено более десятка зеркал (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 78), дополняющих и расширяющих предложенную ранее классификацию: это – зеркала без бортика (вид II), имеющих петельку-сегмент (вариант 1), петельку-трапецию (вариант 3) и одно, где петелька представлена фигуркой животного (вариант 5). Таких зеркал в Скифии нет.

Зеркала, имеющие ручку, состоящую из двух столбиков, перекрытых бляшкой (тип II), и бортик (вид I) в рассматриваемом районе Алтая не выявлены. Однако в этом регионе отмечено зеркало без бортика с выпуклой бляшкой («кнопкой»), оформленной «в виде вписанных барельефных дуг» (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 78), которое также дополняет основную схему (вид II вариант 1), так как в Скифии подобные формы отсутствуют.

Неизвестными для Скифии типами зеркал, представленными в памятниках Горного Алтая, являются зеркала без бортика (вид II), ручка которых состоит из трех или четырех столбиков, перекрытых бляшкой (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 78). Эти зеркала, как правило, рассматриваются вместе, однако количество столбиков определяет форму ручки, поэтому целесообразнее было бы их разделить и ввести в региональную классификацию как отдельные типы, а в общую – как III тип (ручка – три столбика, перекрытые бляшкой) и IV тип (ручка – четыре столбика, перекрытые бляшкой). Такое разделение, как представляется, позволит уточнить ареал каждого типа и выявить его истоки (варианты в данном случае не выделяются из-за недостатка информации).

В свое время исследователи рассматривали все зеркала с центральной ручкой, происходящие с территории Евразии, как единый массив, называемый «сибирским типом или группой». Однако разделение по форме ручки и наличию бортика показало их различное происхождение и ареал, что позволило связать часть из них (зеркала с центральной ручкой-петелькой и бортиком – тип I вид I) непосредственно со скифами (Кузнецова Т.М., 2002, с. 33–78). Отделение зеркал II типа (ручка – два столбика, перекрытые бляшкой) I вида (с бортиком) от общего массива позволило уточнить место происхождения и заимствования их формы, связанного с античным миром Средиземноморья (Кузнецова Т.М., 2002, с. 76).

Введение в классификацию новых типов и вариантов расширяет схему, не меняя ее структуры. Таблица 1 наглядно показывает сходство и различия в массиве зеркал двух регионов, где наличие зеркал для Горного Алтая отмечено рисунком, а присутствие в Скифии – текстовым названием классификационной ступени.

Исследователи, как правило, избегают дробных классификаций из-за неудобства, связанного с системой ссылок на них. Однако в каждой работе дается не только цифровое обозначение классификационных ступеней, но и словесное название каждого типа. И если нумерация ступеней сугубо индивидуальна и в историческом плане не информативна, так как выбор номера для типа, вида или варианта (особенно в одном хронологическом периоде), как правило, произволен, и нужен лишь для кодирования информации с целью облегчить сравнение материала или при подготовке его для компьютерной обработки, то в словесных описаниях расхождений почти нет. Исходя из этого дробность классификации не должна служить помехой для поиска исторической интерпретации.

Зеркала с боковой ручкой также вписываются в предложенную ранее схему (Кузнецова Т.М., 2002, с. 79–126), поэтому и вторую задачу можно считать выполненной, признав, что создание единой классификационной схемы для европейского и азиатского регионов, связанных передвижениями кочевников, возможно.

В надежде, что такая работа будет предпринята, хотелось бы высказать несколько пожеланий. Зеркала, имитации зеркал и футляры лучше рассматривать отдельно друг от друга, так как они представляют собой различные категории предметов, имевшие различное функциональное назначение.

Зеркала были предназначены для отражения находящихся перед ними объектов. Однако и предмет, называемый исследователями «деревянной имитацией зеркала с врезанным в деревянный футляр бронзовым кружком с боковой ручкой» (Боротал-II, к. 7: Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 80), судя по описанию, представляет особую форму сложносоставных зеркал – «зеркало в деревянной рамке», поэтому такое зеркало не может быть определено как имитация или зеркало в футляре.

Все зеркала хранились в футлярах, изготовленных из различных материалов, и их следы присутствуют в большом количестве, но форма футляра никогда не влияла на форму зеркала, поэтому рассматривать зеркало в футляре как один сложносоставной предмет представляется нецелесообразным.

С большой осторожностью следует подходить к визуальному определению металла, из которого изготовлено зеркало, так как зеркал из серебра пока обнаружено не было, а за серебро часто принимаются высокооловянистые бронзы, что подтверждено анализами металла.

Сопоставление зеркал скифского времени

Зеркала – основная деталь: диск (круг)									
КЛАСС I: однооставные									
I ОТДЕЛ. Зеркала с центральной ручкой									
I ТИП. Ручка-петелька					II ТИП. Ручка – два столбика, перекрытые бляшкой				
I ВИД Диск с бортиком ВАРИАНТЫ		II ВИД Диск без бортика ВАРИАНТЫ			I ВИД Диск с бортиком ВАРИАНТЫ		II ВИД Диск без бортика ВАРИАНТЫ		
1	2	3	4	другие	1	2	3	4	другие
				...					...
III ТИП. Ручка – три столбика, перекрытые бляшкой					IV ТИП. Ручка – четыре столбика, перекрытые бляшкой				
I ВИД Диск с бортиком ВАРИАНТЫ		II ВИД Диск без бортика ВАРИАНТЫ			I ВИД Диск с бортиком ВАРИАНТЫ		II ВИД Диск без бортика ВАРИАНТЫ		
1	2	3	4	другие	1	2	3	4	другие
				...					...

Хотелось бы обратить внимание исследователей на зеркала, у которых «ручки нет и не было», так как причины их появления в IV в. до н.э. на территории европейской степи не ясны. Объяснить появление «простых зеркал» в виде круглого диска в степном районе Северного Причерноморья существованием торговых (обменных) связей или «деградаций» формы предмета, ведущей к ее упрощению и уменьшению веса, не представляется возможным, так как эти зеркала присутствуют только в степных курганах и пока не встречены в лесостепных и прибрежных памятниках Северопонтийского региона (Кузнецова Т.М., 2002, с. 138).

Как представляется, исследование всей совокупности зеркал скифского времени, обнаруженных в зоне Евразийского степного пояса и на сопредельных территориях, должно привести к выявлению дополнительных данных для реконструкции более глубоких связей между народами, населявшими этот обширный регион.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КАМЕНЬ В ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛАХ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ АЛТАЯ

Материальная культура кочевых обществ Алтая поздней древности и средневековья исследована достаточно полно, однако такой сегмент этого явления, как камнеобработка, пока остается в тени. Вместе с тем в производительных силах древних и средневековых кочевников Алтая обработка и использование камня занимали существенное место. Предварительно можно выделить следующие элементы культуры кочевых обществ, где присутствует характеризующая часть материальной культуры:

- бытовая и сакральная архитектура (сооружение курганов, поминальников, каменных изваяний, жилищных и бытовых сооружений);
- военное дело (украшения и элементы амуниции, абразивы, инструменты для починки предметов вооружения и снаряжения);
- производство (черная и цветная металлургия и металлообработка, косторезное, деревообрабатывающее производство, скорняжное дело);
- переработка биоресурсов (продукты скотоводства, земледелия, собирательства и охоты);
- декоративно-прикладное искусство (украшения костюма, походного, боевого и бытового снаряжения, мобильная сакральная пластика);
- наскальное искусство (петроглифы, графити, рунические надписи).

Каждый из перечисленных элементов материальной культуры кочевников требует для своей успешной реализации достаточно обширного и специфичного набора знаний, умений и навыков в модификации субстрата. Несомненно, часть престижных предметов из драгоценных и полудрагоценных камней (подвески, вставки в ажурные украшения и детали снаряжения, бусины) могла быть импортирована из других регионов Евразии, что подтверждается минералогическими определениями. Подобных примеров относительно немного и они достаточно четко выделяются на фоне предметов камнеобработки. Основная масса перечисленных сегментов производительных сил кочевых обществ Алтая реализовывалась в рамках их функционирования.

Наиболее изученным элементом камнеобработки поздней древности и средневековья Алтая в горных и лесостепных районах следует считать сакральное строительство. Исследователи достаточно подробно рассматривают архитектуру погребальных и поминальных сооружений, особенности монументальной скульптуры (оленные камни, антропоморфные изваяния тюркского времени, балбалы и т.п.). При этом аналитический акцент делается на всеобъемлющей характеристике артефактов, выявлении их места и значения в идеологии и культуре обществ кочевого мира, происхождении и эволюции изобразительных традиций и т.п. Проблема существования и функционирования особого навыка камнеобработки и связанных с ним технологий модификации исходного субстрата стоит на последнем месте в спектре интересов исследователей. То же можно сказать и о строительных навыках кочевников Алтая, выражающихся в сооружении достаточно сложных многокомпонентных сакральных конструкций. Упомянутые явления материальной и сакральной культуры анализируются с различных позиций, в том числе определяются происхождение используемых отдельных элементов, алгоритм и приемы сооружения конструкций и т.п. Другие перечисленные элементы камнеобработки описываются «на уровне называния» или определения функционального назначения изделий (Кунгуров А.Л., 1994; Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., 1993).

В настоящее время накоплен достаточно обширный материал, позволяющий не только документировать наличие в материальной культуре кочевников Алтая изделий из камня, но и подробно охарактеризовать традиции, технологические приемы, инновации и динамику развития камнеобрабатывающей отрасли производительных сил в поздней древности и средневековье региона. Настоящая работа не ориентирована на решение этой объемной и сложной задачи. Наша цель – привлечь внимание исследователей и наметить основные пути реконструкции данного сегмента экономики кочевых обществ.

Наибольшее количество примеров использования каменного сырья фиксируется при исследовании поселенческих комплексов раннего железного века. Средневековые объекты этого типа изучены гораздо слабее, однако они есть и, вне всякого сомнения, продемонстрируют достаточно развитую систему камнеобработки. Древнейшей традицией камнеобработки является **оббивка** субстрата. Данный технологический прием позволяет наиболее быстрым и экономным способом достичь необходимых параметров и формы в процессе модификации каменной заготовки. Традиционные способы оббивки сложились на рубеже каменного и бронзового веков (схема реализации этого приема, распространенная в каменном веке и ориентированная на обработку кремневых отдельныхностей, была утеряна в процессе распространения на Алтае энеолитических культур) и связаны с афанасьевской культурой (Кунгуров А.Л., 2006). Оббивка позволяла не только достичь необходимой формы для заготовок орудий из зернистых вязких пород камня, но и использовалась для получения осколков с острым режущим краем. Прием бессистемного раскалывания валунов фиксируется в начале раннего железного века (бийкенская и большереченская культуры). Грубые изделия из оббитых галек и валунов, использованные в работе осколки и обломки составляют неотъемлемую часть комплексов большереченских городищ Пикет, Королев лог и др. Интересно то, что эти каменные артефакты похожи на афанасьевские и каракольские, что свидетельствует об отсутствии целенаправленной системы расщепления. Подходящие преформы или естественные отдельныености просто разбивались на части с помощью мощных краевых ударов. В отличие от описанной технологии утилизации субстрата, оббивка вязких

эффузивных и интрузивных пород осуществлялась по четкой и отработанной схеме. Собственно, оббивкой эту технологию следует называть условно, скорее всего, мы имеем дело с обламыванием и «крошением» исходного субстрата – аккуратным и целенаправленным ударным удалением лишнего объема заготовок. Так осуществлялось первоначальное моделирование формы верхнего и нижнего камней зернотерок и жерновов, крупных и средних «активных» и «пассивных» абразивов, разнообразных ударных инструментов и т.п. Подобный способ обработки использовался и при сакральном строительстве в процессе подгонки каменных элементов ящиков, крепид, деталей насыпи сооружений. Не исключено применение навыков оббивки в изготовлении монументальной скульптуры, прежде всего антропоморфных изображений тюркской культуры с рельефным оформлением различных деталей. Окончательное завершение формообразующей модификации мастера камнеобработки проводили с помощью **пикетажа**. Это уже достаточно сложный прием работы с камнем, требующий и специального металлического инструментария – керна, зубила-скарпеля, долот с различной формой ударной кромки (наминка, бучарда, киура и т.п.). Перечисленные твердые посредники оказывали воздействие на моделируемую поверхность заготовки с помощью ударов тяжелых каменных молотков или деревянных киянок. Таким образом, пикетаж является сложным многокомпонентным приемом обработки камня со специфическим набором инструментов и комплексом определенных навыков их использования. Все известные каменные артефакты поздней древности и средневековья в процессе оформления прошли этапы оббивки и пикетажа, которые можно назвать *«первичной» обработкой*.

Окончательное доведение изготавливаемого мастером изделия до полной формы – разные типы **шлифовки и полирования**. Этот способ модификации поверхности в характеризующие эпохи требует отдельного исследования. Совершенно очевидно то, что их применение зависело от особенностей и планируемых рабочих качеств формируемого мастером изделия. Поверхности, ориентированные на растирание грубого растительного сырья (зерно, корни, плоды), требовали определенной шероховатости рабочей плоскости. Это достигалось грубой абразивной шлифовкой «активным» абразивом. Именно так оформлены зернотерки и жернова. Инструменты для дробления (прежде всего песты) шлифовались более тщательно, вплоть до образования гладкой поверхности. Изделия для выведения и оформления лезвийных кромок режущих инструментов и предметов вооружения полировались подчас очень тщательно, хотя встречаются оселки и абразивы для различных способов заточки. Наиболее полно полировка поверхности реализовывалась при изготовлении украшений, которые должны не только блестеть, но и радовать глаз каменным узором. Различные способы шлифовки и полирования поверхности каменных изделий можно именовать *«вторичной обработкой»*.

Иногда на каменных артефактах различного назначения встречается резьба и граффити, отличающиеся качеством и мастерством исполнения – от процарапанных кончиком лезвия ножа символов до сложной сакральной орнаментации или различных рисунков. Подобный аспект камнеобработки также нуждается в специальном исследовании и сулит интересные разноплановые наблюдения.

В заключение работы следует отметить следующее. Все перечисленные способы обработки камня требуют не только определенного уровня мастерства, специфических навыков и опыта мастера в деятельности такого вида. Успешная реализация данного сегмента производительных сил зависит еще и от корпуса орудий камнеобработки,

в том числе весьма специализированных инструментов модификации поверхности камня. Кроме этого, следует учитывать комплекс знаний и о самом субстрате, умение и навык поиска, отбора и добывания необходимого сырья. Все сказанное позволяет достаточно уверенно обосновывать существование в производительных силах кочевых обществ Алтая развитой отрасли камнеобработки, имеющей достаточно древние корни и традиции, специализированный орудейный набор и, видимо, определенную социальную группу носителей этих традиций, умений и навыков. Исследование данного сегмента экономики поздней древности и средневековья позволит приоткрыть новые аспекты истории региона.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

СЕЛЕУТАССКАЯ МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРАЗИИ

Почему именно новая цивилизация, а не новая археологическая культура или новый тип памятников?

Археологическая культура – служебное понятие, используемое археологами при изучении памятников древности. *Археологическая культура* – совокупность остатков древней культуры, объединенных тесно связанными территориальными, хронологическими, типологическими, стилистическими и другими признаками (Марсадолов Л.С., 2004).

Цивилизация – высокий культурно-технологический уровень самодостаточного развития общества, осознавшего свои связи и различия с природной средой. Цивилизации отличаются одна от другой разным уровнем развития культуры; обладают отчетливой спецификой и необычностью, особыми способами овладения сложной суммой новых для своего времени знаний, технологий и формами общественных отношений (шумерская, египетская, греческая, китайская, византийская, советская и другие цивилизации древности и современности).

Сфинксы и пирамиды обычно ассоциируются с египетской цивилизацией. До недавних пор никто и не предполагал, что похожие памятники могут находиться на Алтае. Селеутасский комплекс мегалитических объектов был открыт автором на рубеже нового тысячелетия в 2000 г. на Западном Алтае (Марсадолов Л.С., 2007). У горы Селеутас найдены гранитные «сфинксы», пирамиды, гигантские плиты, каменоломни и другие интересные объекты.

Памятники Алтая и Египта имеют много общих признаков, которые предварительно можно классифицировать по нижеследующим группам для более детального выявления их сходства и различия:

1. *Природно-географические* – они расположены в контактных регионах, на границе ряда природных зон и континентов. Гиза – на стыке Африки и Евразии, в пограничье Средиземного и Красного морей, плодородных почв Нила на севере и пустынь на юге. Селеутас расположен в *географическом центре Евразийского континента*, в пограничье лесов на севере; степей, гор и полупустынь на юге; в бассейне крупной и быстрой реки Иртыш. Западный Алтай уникален – это один из самых богатых регионов мира по залежам полиметаллических руд и цветных пород камня. Если встать под

головой «сфинкса» в Селеутасе, то проходящая через него линия направлена на Ю–З, на лежащие вдали горы и далее – ... в Египет.

2. *Ландшафтные* – это широкие открытые долины с невысокими горными выходами. Межгорные долины и находящиеся там объекты хорошо просматриваются со всех сторон.

3. *Геологические (породообразующие)* – для объектов с расчетом не на сиюминутность, а на последующие тысячелетия были выбраны участки с твердым скальным основанием, а не мягким грунтом, в который могли бы провалиться гигантские «скульптуры» и плиты. Одним из основных условий прочности материалов также является многослойность. Например, состоящее из нескольких слоев стекло гораздо труднее разбить, чем однослойное. Многослойные геологические породы разрушаются гораздо медленнее, чем однородные и однослойные. Для сфинксов на Алтае и в Египте выбраны местные твердые, слоистые породы камня, лежащие горизонтальными пластами. Позднее египетского сфинкса люди дополнительно облицевали небольшими каменными блоками-плитками, что придало ему больше выразительности и искусственности.

4. *Планиграфические* – общее сходство в расположении объектов: сфинкс находится на юге, а пирамиды – на севере. Как и в Египте, где от середины спины сфинкса на север к пирамиде Хефрена ведет закрытый проход = коридор из каменных плит, так и в Селеутасе от спины сфинкса на север к «пирамиде» ведет «естественная» дорожка из плашмя лежащих каменных плит.

5. *Гидрологические* – в Египте и на Алтае на туловищах сфинксов можно проследить следы от больших потоков воды, которые омывали эти объекты. На основании египетского сфинкса найдены следы от водной эрозии. В Селеутасе на поверхности гранита также хорошо различимы глубокие «следы» эрозии от воды и ветра.

6. *Технические* – сфинксы сделаны «путем доработки» естественных массивных скальных выходов, «отсечения лишнего» для получения нужной формы. Гранитный «сфинкс» из Селеутаса имеет высоту около 50 м, а длину – не менее 100 м. По размерам он почти в 2 раза больше египетского сфинкса, высота которого 20 м, а длина – около 60 м. Нам пока неизвестна техника изготовления «сфинкса» и гигантских плит из Селеутаса, так же как и египетского сфинкса. Когда все обломки плит у подножья «сфинкса» в Селеутасе будут тщательно зафиксированы, измерены, построены их трехмерные модели или уменьшенные копии, то путем «ремонтажа» – обратной сборки, можно будет смоделировать основные этапы создания «сфинкса» и более детально реконструировать его первоначальный вид.

Особого внимания заслуживают три огромные плиты у подножья «сфинкса», их размеры и вес поразительны и для нашего времени.

Камень «А» – гигантская гранитная плита антропоморфной формы, длиной 14,4 м, шириной 6,3 м, толщиной от 2,1 до 3,1 м и весом около 500 т (рис. 1.-7). На верхней плоскости камня обнаружен выбитый руками человека круг-личина диаметром 30 см, возвышающийся над основной поверхностью на 4–5 см. Вокруг круга выбиты вертикальные и горизонтальные углубленные полосы, образующие геометрические фигуры. Камень «В» имеет длину до 7,2 м, ширину 1,8 м, толщину от 1,2 до 1,9 м, вес около 30 т (рис. 1.-6); а камень «С» – длину до 12,6 м и ширину по диагонали 5,4 м. Изготовление гигантских мегалитических плит из прочного гранита длиной более 14 м, так же как и передвижение плит весом в 500 т, остаются достаточно сложными по своей трудоемкости и в наше время, неясны пока они и для Селеутаса.

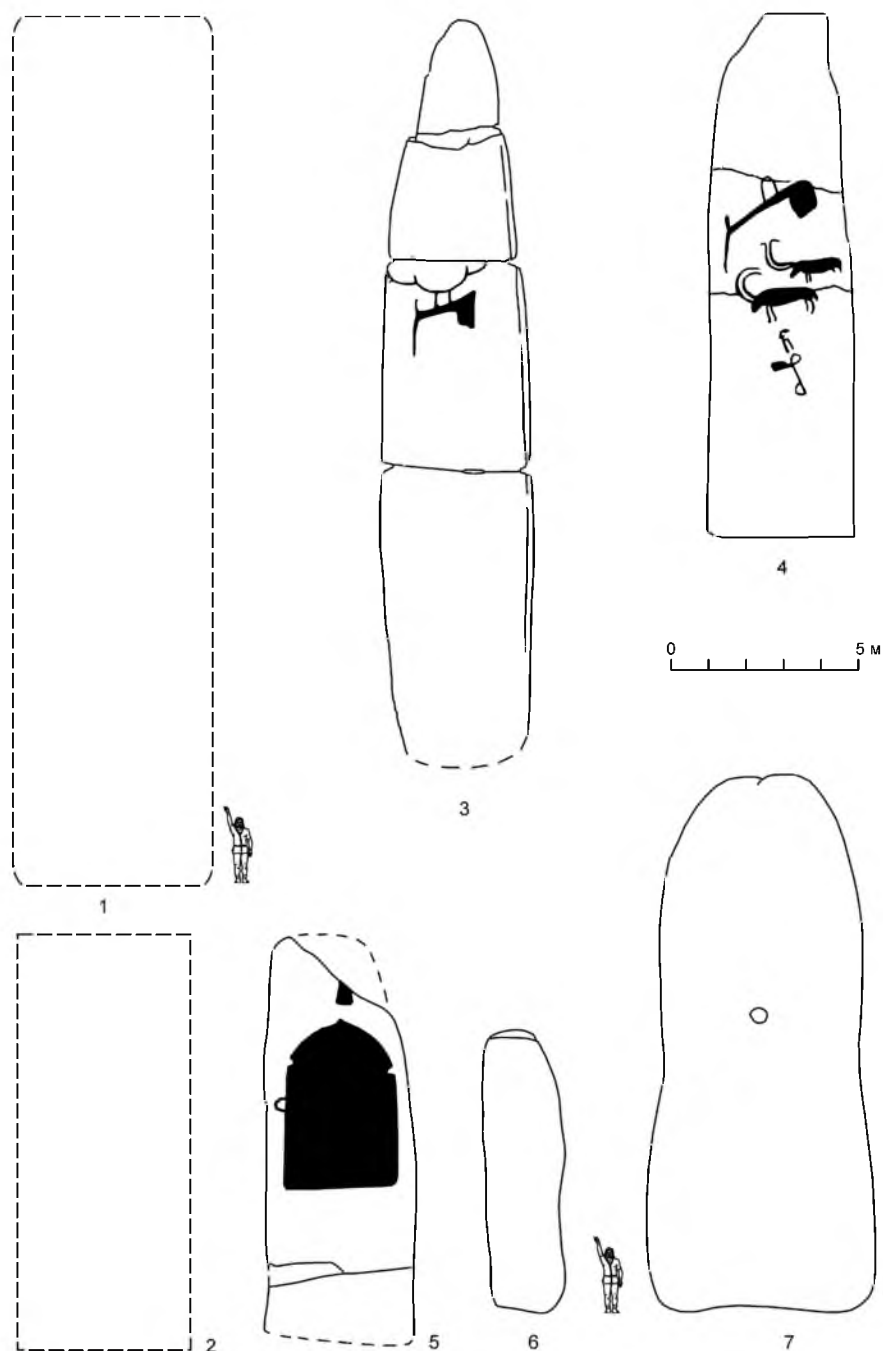

Рис. 1. Сравнение по размерам мегалитических плит Евразии: 1–2 – Баальбек, Ливан (1 – каменоломня, длина 23 м, вес 1000 т; 2 – основание храма Юпитера, длина 11 м, вес 300 т. Возможная реконструкция плит Баальбека дана по размерам и фото); 3–5 – Франция (3 – «Grand Menhir», длина 20,3 м, вес 350 т); 6–7 – Селеутас, Западный Алтай (6 – камень «В», длина 7,2 м, вес 30 т; 7 – камень «А», длина 14,4 м, вес 500 т)

7. *Изобразительные* – можно выявить своеобразный «канон» при передаче образа сфинкса. У обоих гигантских сфинксов головы высоко подняты и поставлены почти под прямым углом по отношению к передней части туловища, с небольшим отклонением назад. Спина у них длинная, прямая, лапы вытянуты вперед. В Египте лапы позднее были искусственно удлинены с помощью небольших каменных блоков. От позы сфинкса веет спокойствием, отрешенностью, незыблемостью, величием и мудростью тысячелетий.

8. *Уровень знаний.* Всем хорошо известен высокий уровень познания во многих областях в Древнем Египте. Изучение Селеутаса пока еще только начинается, но уже можно отметить, что основными метрическими модулями там, как и в Египте, являлись размеры, соотносимые с пропорциями тела человека – 1,8 м (прямая «сажень») или 2,1 м («косая сажень»), а также 0,3 м («фут = ступня»). Расстояние от камня «А» до камня «В» равно 14,4 м = 8 саженям по 1,8 м. Длина камня «А» тоже 14,4 м, а длина камня «В» составляет 7,2 м = 4 саженям, т.е. меньше в 2 раза. Максимальное расстояние между верхними частями камней южных «ворот» также равно 14,4 м. Длина камня «С» равна 12,6 м = 7 саженям, а половина размера этой плиты (6,3 м) равна ширине камня «А» и длине от северного края плиты «А» до круга на ее верхней плоскости.

Но есть и существенные *семантические* отличия. В Египте у сфинкса только одно лицо – «лицо человека-фараона», хотя пока не совсем ясен вопрос о том, когда у этого сфинкса появилось такое «лицо» с массивной, ныне отбитой «бородой», хранящейся в Британском музее.

Селеутасский сфинкс имеет две головы – животного и человека. Голова человека отделена узкой вертикальной плитой-перегородкой от головы и передней части животного. Полная фигура животного передана объемно (так называемая «круглая скульптура»), а человек показан только в профиль («барельефно») и дана только его верхняя часть. Возможно, это свидетельствует о большей древности сфинкса из Селеутаса по сравнению с египетским, так как животное и человек здесь еще строго разграничены, а не слиты воедино, как в Египте. К тому же египетскому сфинксу дополнительно приданы доминирующие иерархические черты – образ господствующего над людьми фараона и образ «царя зверей» – льва.

До 1990-х гг. на Алтае не изучались мегалитические памятники из цельных глыб камня с размером плит более 4–5 м. Вероятно, к этим же типам древних объектов относятся близкие по облику и породам камня комплекс в виде «рыбы» на горе Очаровательной, исследованный автором в 1993 г. на Западном Алтае (Марсадолов Л.С., 1998), а также мегалитический памятник в Тархате на Юго-Восточном Алтае, изученный экспедициями В.Д. Кубарева, В.И. Соенова и Л.С. Марсадолова (Соенов В.И. и др., 2000; Марсадолов Л.С., 2007).

На территории Центральной Азии селеутасские объекты пока трудно с чем-то сравнить, поэтому на начальном этапе исследования приходится сравнивать их с более хорошо изученными мегалитическими памятниками в других регионах Евразии. По своим размерам и объему камень «А» из Селеутаса пока является самым крупным в Саяно-Алтае и Сибири. Плита «А» по длине более чем в 2 раза превосходит не только камень «В», но и вертикальные плиты из Большого Салбыкского кургана в Хакасии и комплекса в Тархате (Марсадолов Л.С., 2007), а по весу она тяжелее их в десятки раз. Даже самая большая каменная плита Франции «Grand Menhir» (рис. 1.-3; с длиной – 20,3 м и весом – 350 т),

относящаяся к эпохе бронзы (Mohen J.-P., 1998), превосходит селеутасский камень «А» лишь по длине (14,4 м), значительно уступая ему по ширине, толщине и весу.

В основание юго-восточной стены храма Юпитера в Баальбеке (Ливан) уложено девять рядов огромных каменных блоков размером по 11х4,6х3,3 м и весом по 300 т каждый (рис. 1.-2). Еще шесть таких же камней находятся на юго-западной стене храма. Поверх них лежат три гигантских блока, именуемые Трилитон, размером 21х5х4 м, весом по 800 т. В соседнем карьере лежит самая большая каменная плита размерами 23х5,3х4,55 м, весом около 1000 т (рис. 1.-1). Большинство исследователей считают все эти плиты относящимися к более раннему периоду, чем храм Юпитера римского времени. Так же как плита «А» в Селеутасе была в 2 раза больше по длине камня «В», так и плиты в Баальбеке и Франции примерно в той же пропорции равны близким объектам, найденным в тех же районах (рис. 1). Длина камня «А» из Селеутаса составляет примерно $\frac{2}{3}$ самой большой плиты из Баальбека (рис. 1.-1, 7).

Селеутасская цивилизация в своем развитии прошла ряд этапов. Следует отметить, что предварительно можно определить только верхнюю дату для каменных плит в Селеутасе – III–II тыс. до н.э., нижняя дата будет уточнена в будущем. Наиболее древним, по мнению автора, в Селеутасе является «антропо-зооморфный» объект – «сфинкс». Затем у его подножия с юго-западной стороны была вертикально установлена антропоморфная плита «А». Вероятно, гораздо позднее в эпоху бронзы на верхней плоскости плиты «А», уже упавшей к тому времени, был выбит «круг». На ряде камней в Тархате выбиты рисунки, датируемые II тыс. до н.э. (Соенов В.И. и др., 2000; Марсадолов Л.С., 2007). К наследию селеутасской мегалитической цивилизации в Центральной Азии относятся каменные изваяния эпохи бронзы и раннескифского времени, а также памятники типа каменных оград с высокими вертикальными стенами – бегазинского этапа в Казахстане и тагарских оград в Хакасии (типа Большого Салбыкского кургана и др.).

Последующие цивилизации, развивающиеся в зоне воздействия египетского сфинкса, в основном выбрали «рациональный, западный» путь дальнейшего развития. Одним из признаков этого пути является правильность геометрических форм – пирамид, обелисков, храмов, домов, гробниц и т.п.

Но ведь есть и другой не менее впечатляющий «природный» путь, ныне более часто встречаемый в восточных цивилизациях, характерными объектами которого являются искусственные водопады, горы, сады из деревьев и камней, «сфинкс» из Селеутаса (возможно, и «первоначальный» сфинкс из Египта). Люди, стоящие на этом пути, особенно не старались «переделать природу», а наоборот, скорее хотели слиться с ней, следовать и любоваться естественным многообразием форм и стихий. Они глубоко чувствовали красоту и силу горных вершин, мощь необработанного камня, его цветность и форму, а также многополярность стихий воды, ветра и огня. О том, что природный «антропозооморфизм» скальных выступов мог осознаться и неоднократно использоваться человеком в ходе ритуальных действий, свидетельствуют факты из многих святилищ Евразии от эпохи палеолита до этнографического времени.

Новые селеутасские объекты необычны и резко выделяются среди известных памятников археологических культур Алтая. На примере Селеутаса археологи, вероятно, еще раз столкнулись с проблемой первоначального накопления пока немногочисленных материалов и выделения новых типов археологических объектов. Вероятно, Селеутас – это один из регионов мировой мегалитической цивилизации.

В заключение нам остается лишь присоединиться к словам бывшего хранителя Баальбека Мишеля Алуфа: «Никакое описание не может дать сколько-нибудь точное представление о том потрясающем впечатлении, которое производит на наблюдателя вид этих гигантских блоков».

Для того, чтобы окончательно решить вопрос о том, был ли Селеутас цивилизацией или нет, – эти объекты просто надо увидеть своими глазами.

Б.Ч. Мунхбаяр

Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия

ДВЕ НАСКАЛЬНЫЕ НАДПИСИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Монголия богата культурно-историческими памятниками прошлого. Некоторые из них были найдены европейскими учеными и стали общеизвестны благодаря их публикациям. Монгольские исследователи также обнаружили много археологических комплексов, ранее неизвестных науке (Ринчин Б., 1968, с. 1, 3).

Согласно приказу Президента Монголии готовится к изданию Атлас древних надписей, зафиксированных на территории страны. В связи с этим представим надпись Бужгара, обнаруженную на территории сомона Мянгад Ховдского аймака, и древнюю наскальную надпись, найденную в долине р. Могой.

В истории человечества отмечены цивилизованные народы с древней письменностью, проживавшие в Азии, Восточной Африке (Египте), Европе и Америке (Пэрлээ Х., 1968, с. 45–46), в Средней Азии (Семенов Вл.А., 1999, с. 180–185). На территории Монголии обнаружены сотни памятников, где зафиксированы тамги или клейма, символы (Пэрлээ, 1976), а также китайские (Баяр Д., 1990, с. 37–40; Болдбаатар Ю., 2003, с. 103–111), рунические (Болд Л., 1990; Монгол нутаг дахь, 1999; Болд Л., 2003; История Монголии, 2003, с. 328) (около 50), уйгурские и другие надписи.

Еще не вошедшая в научно-исследовательский оборот надпись обнаружена Ю.И. Ожередовым (2003) на стенах в долине р. Могой сомона Булган Ховдского аймака (рис. 1). Изображенный на скалах у р. Могой горный козел встречается в монограммах Бога-громовика и находит прямые аналогии в петроглифах Монголии, в рунических памятниках, некоторые изображения отмечены в знаках-надписях Америки (Пэрлээ Х., с. 45–46), в клеймах Центральной Африки и др. Битреугольник (монограмма Бога-громовика) гравирован на памятниках с клеймами у рек Хануй, Хунуй сомона Баян-Агт Булганского аймака, а также в тамге бронзового ножа хунну, найденного в долине р. Халуун, Чэндэ Внутренней Монголии (Пэрлээ Х., 1976, с. 174, табл. VI.-4).

Фигура формы m надписи с р. Могой также гравирована на каменных памятниках местности Хар узуур сомона Бугат Баян-Ульгийского аймака (Едилхан Х., 2005, с. 91) и на обнаруженном в с. Оргинек каменном памятнике, относящемся к тесинской культуре (Рыбаков Н.И., 2006, с. 162). Треугольная фигура, подобная надписи с р. Могой, обнаружена на скалах таких мест, как Рашаан хад, Цагаан толгой Ховда, Шивээт улаан, Хануй, Аслант, Бичигт улаан, Муртийн цагаан, в долине р. Цагаан Гоби-Алтая, в Сибири, на Урале (Пэрлээ Х., 1976, с. 113, 114, 179, 183, табл. XI, XV), в Тувинском Сыын Чуреке (Китунов-

ская М.Е., Чадамба Л.Д., 2007, с. 13). В таких изображениях, несомненно, древние люди выразили свои мысли. Одной из ступеней развития происхождения письменности человечества являются петроглифы и надписи. Поэтому мы считаем, что рассматриваемые ниже надписи, безусловно, относятся к истории центральноазиатских кочевников.

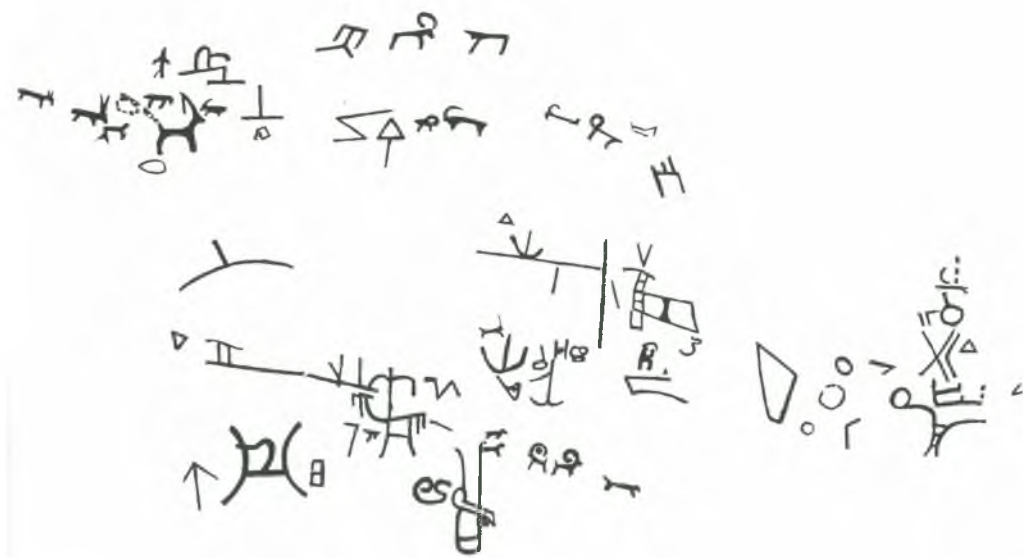

Рис. 1. Надписи у реки Могой (по Ю.И. Ожередову)

Одной из них является надпись Бужгара. Впервые она была обнаружена Б. Ринчином. Им же опубликовано и первое описание надписи (Ринчин Б., 1968, с. 77) (рис. 2). Затем Х. Пэрлээ опубликовал сведения о 15 из 29 фигур (Пэрлээ Х., 1976, с. 31, 175, табл. VII) (рис. 3). Мы с помощью GPS определили местонахождение данной надписи. Благодаря фотографии и ручной копии описываем ее и представляем к публикации (рис. 5). Б. Ринчин и Г. Сухбаатар предлагают гипотезу, что она, может быть, связана с письменностью Сяньби (Сухбаатар Г., 1972, с. 117; Лхамсүрэн О., 2004, с. 25, 27). Данная надпись включает в себя много видов письменности и тамги – символы, например, монограммы среднеазиатского Бога-громовика (Семенов Вл.А., 1999, с. 185, рис. 1.-3) (рис. 4), знак-символ горного козла Билуут толгой (Кубарев В.Д., Едилхан Х., 2007, с. 97–101, рис. 1.-3–4), также те фигуры, которые встречаются в петроглифах, надписях Узуур цохио сомона Бат ширээт Хэнтийского аймака (Дорж Д., Новгородова Э.А., 1975, с. 36, 225, табл. XXXI, рис. 1, 2), в рунических памятниках, в надписях на скалах гор Бигэр, Гурвалжин, Кул-Чур, Кул тегин, Онги Увурхангая, Хангидайн хад, Хар балгас-II, Хутаг уул, Чойра (Бодд Л., 1990, т. 21, 23, 40, 45, 74, 84, 121, 127, 135, 143).

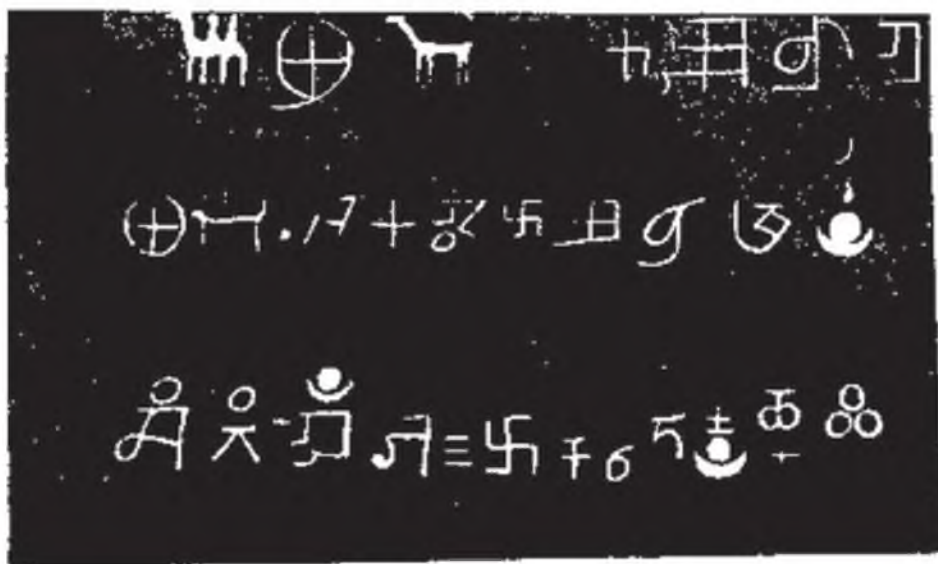

Рис. 2. Надпись Бужгара (Ринчин Б., 1968, т. 77)

Рис. 3. Надпись Бужгара
(Пэрлээ Х., 1976,
с. 31, 175, табл. VII)

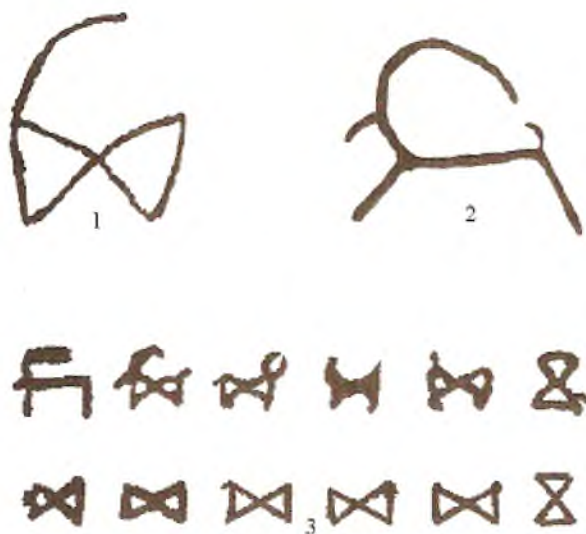

Рис. 4. Билуут толгоя (1–2), Бог-громовик –
монограмма (3) (Кубарев В.Д., Едилхан Х.,
2007, с. 97–101, рис. 1.-3–4)

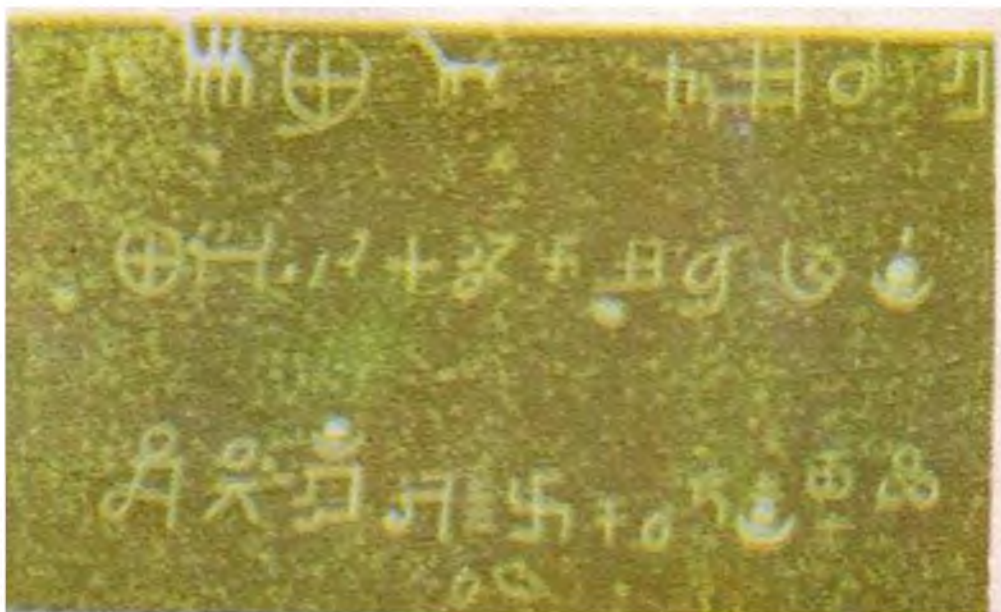

Рис. 5. Надпись Бужгара. (Фото автора)

В начале первой строки надписи изображен верблюд, за которым в середине круга находится фигура, похожая на знак сложения, за ней горный козел. В первом кругу второй строки находим аналогию знака сложения, который обнаружен также на скале у Енисея. Изображена тамга или клеймо с застезкой в середине в петроглифах и в надписи на скалах «Дуйгэндэг», расположенных на левой стороне горы Тумстий сомона Идэрмэг Хэнтийского аймака, на скалах Муртийн цагаан сомона Баянжаргалан Среднегобийского аймака, Салбарын ханан у реки Хэнтий (Пэрлээ Х., 1976, с. 163, рис. 37, 176, 177, 172, табл. VII, рис. 45.-IX), Узуур цохио сомона Батширээт Хэнтийского аймака (Дорж Д., Новгородова Э.А., 1975, с. 36, 225, табл. XXXI, рис. 2) и в Харгайтын бэлчире сомона Уенч Ховдского аймака (Баасанхуу А., 1997, с. 186). Рисунок тамги в середине с застезкой встречается в клейме многих хошуун (административно-территориальная единица в дореволюционной Монголии), таких как хошуун Хэбэй амбан бэйса, Боржигид Хачид бага аймака Тушээт хан, хошуун Тушээ Гун-бэйса Сэцэн ханского аймака, хошуун Засаг Ядамжава, хошуун Зоригт бэйса, хошуун Илдэн (То) вана (Пэрлээ Х., 1976, с. 210–213, 215, 217, 219–220, 223, 227, табл. XXXII). Мы считаем неслучайным, что фигура тамги в середине со знаком сложения встречается в южноамериканских наскальных надписях-символах (Пэрлээ Х., 1976, с. 206, табл. XXX).

Во второй и третьей строках гравирована свастика. На территории Монголии найдено много археологических памятников со свастикой. Прямые аналогии имеются в петроглифах на территории сомона Зуун хангай Увснурского аймака, Бичигт на территории сомона Бурэн Центрального аймака, Баянцогт овоо, Тайхар чулуу (Пэрлээ Х., 1976, с. 169, 171, 172, табл. IV.-15, 6, 9; табл. V, VII), на могильнике из курганов хунну и в петроглифах местности так называемой Ноён хороот горы Хан, на памятниках с тамгой Овог у рек Хануй, Хунуй на территории сомона Баян-Агт Булганского аймака (Баасанжав Я.В., 2000, с. 4–5, 7, рис. 2.-3, 9; Баасанжав Я.В., 2002, с. 5, 10). В 693 г. император китайского

государства Тан Узуы-тянь пользовался свастикой (Баасанжав Я.В., 2000, с. 16). Аналогия найдена на осколках глиняной вазы в развалинах Хар хул уйгурского времени (Баасанжав Я.В., 2000, с. 17), на лицевой стороне большой зеленой халцедоновой чашке для кумыса хана Хубилая, на тамге (где было написано: «Всех победит тамга председателя Засагт хан Цэрэнбала «/1754/» (Сэр-Оджав Н., 1957, с. 15; Баасанжав Я.В., 2000, с. 10, рис. 8). Захчинцы и баяды широко пользовались знаком-свастикой (Баасанжав Я.В., 2000, с. 12, рис. 10; Пурэвдорж Г., 2008, с. 42, 75, 79, рис. 4–10, рис. 6–16). Алтайские урянхайцы применяли другой вариант свастики в сочетании с другой фигурой (Пурэвдорж Г., 2008, с. 28, 69, рис. 1.-14). Довольно много фактов, что с древности до наших дней широко пользовались свастикой. Использование ее в традиционном узоре Тумэн наст и в государственном флаге свидетельствует, что надпись Бужгара непосредственно связана с монголами. У исследователей до сих пор существует разногласие о том, что древние государства, расположенные на территории Монголии, имели ли свою письменность.

В конце третьей строки гравирована тамга или клеймо «Чандмань». Она гравирована на монетах таких монгольских ханов, как Аргун (1284), Тимур (1392), древнего монгольского аймака Барклае, Башкир, Венгрии, Свияг Татара, на скалах реки Цааган Гоби Алтая (Пэрлээ Х., 1976, с. 199, 237, 239, 247, 257, табл. XXVI). Также многие хошууны (Чин ачит ван Сэцэнханского аймака, хошуун князя Минжуурдоржа, хошуун Лаваанрэгдэна, Илдэн (То) вана Сэцэнханского аймака, хошуун Мэргэн вана Тушээт ханского аймака, хошуун Далай Чойнхор вана Сайн ноён ханского аймака) использовали тамга или клейма «Чандмань» (Пэрлээ Х., 1976, с. 210–212, 217, 220).

В надписи Мянгада наблюдается сочетание знаков, сходных с буквами Да, Ча тибетского алфавита и фигур шарообразной формы. В начале третьей строки гравированы буквы Ланзского алфавита (тамга или клеймо 1–4), «Хэвтээ дурвулжин» алфавита (в конце второй строки). Огонь – символ монгольского государства – соёмбо, луна и солнце гравированы в конце второй строки, луна и солнце также гравированы в левой нижней части второй строки на открытом квадратике через шесть букв.

Доминировала точка зрения, что при хунну имелась письменность. В последнее время благодаря археологическим исследованиям обнаружены канцелярские принадлежности, свидетельствующие о существовании письменности (Эрдэнэбаатар Д. и др., 2002, с. 176–199). А. Дамдинсурен, интересующийся монгольским монетоведением, в 1972 г. в статье «Гуннские письменные памятники, найденные исследованием» описал «тамги»-буквы на бронзовых ножах, обнаруженных во Внутренней Монголии и сравнивал с тюркской надписью Орхона (Дамдинсурэн Д., 1972, с. 99–111; Пэрлээ Х., 1976, с. 16). Мы сравнивали тамги и «буквы», найденные выборочным методом исследования, начиная с 1, 2 до 16. Надпись Мянгада находится в виде текста или несколькими строками и варианты одного знака составляют буквы. Все это приводит нас к выводу, что их надо считать надписями.

На каменной плите-стеле памятника с более 60 тамгами Шивээт улан, расположенного на территории пересечения границы сомона Хайрхан Архангайского аймака, сомона Баян Агт Булганского аймака (координаты: 48°47.54' с.ш. и 102°00.45' в.д.; высота – 1340 м над ур.м.), обнаружены фигуры в середине с застеежкой. Эти памятники относятся к тюркскому времени. Комплекс Шивээт Улана принадлежит к VIII в. до н.э. Ученые считают (Кубарев В.Д., Баяр Д., 2002, с. 74, 84.), что данные каменные памятники были сделаны до создания комплекса, так известно, что надпись Бужгара относится к периоду до Тюркского каганата.

В конце отметим, что центральноазиатские кочевники не были неграмотными, а, наоборот, имели письменность, доказательством чего является надпись с р. Могой, которую мы считаем письменностью центральноазиатских кочевников бронзового и начала железного века. Среди знаков (тамги или клейма), найденных на территории Центральной Азии, обнаруживаются аналогии некоторым фигурам надписи с р. Могой, которые свидетельствуют о существовании письменности. Центральноазиатские кочевники, как и другие народы мира, составили петроглифы и имели систему знаков.

40 лет назад стала известной надпись Бужгара сомона Мянгад Ховдского аймака, письменность которой считают письменностью государства Сяньби. При сравнении ее с результатами сорокалетних исследований ученых-археологов в Монголии мы пришли к следующим выводам. Аналогии некоторых фигур данной надписи встречаются в тамгах, гравированных на скалах местностей монгольской территории, таких как Харгайтын бэлчир сомона Уенч, Муртийн цагаан, Хавтгай битуун чулуу «Дунгэнэдэг» в горе Тумстий, на скалах Рашаан в Хэнтийском аймаке. Также мы согласны с тем, что Б. Ринчин и Г. Сухбаатар считают, что народы Сумбэ имели сложную систему письменности – «кему», состоящую из знаков – тамгов-символов – петроглифов и звуков, объединяющую «тамги», буквы хунну и сарматских племен, которые широко встречаются в петроглифах венгерских, болгарских народов, переселенных на запад, отделившись от государства Нурин Монголии. Фигуры животных в петроглифах (Переводчикова Е.В., 1994), которые выполняют роль древней письменности в надписи Бужгара, отмечены как продолжение письменности и надо отметить, что она может относиться к периоду перед Сумбэ и Хунну. Аналогичные изображения некоторых фигур широко встречаются на памятниках, надписях, петроглифах, найденных на территории Монголии, что свидетельствует об их исторической взаимосвязи. Изображение таких животных, как верблюд и горный козел в данной надписи, говорит о том, что раньше тюркской рунической письменности между многими племенами существовала взаимосвязь традиций в истории. В данной надписи наблюдается сочетание фигур, которыми отмечают звуки в тибетском алфавите. Не отрицаем, что унаследованы некоторые элементы письменности «Соёмбо». В последние годы выдвигается мысль о том, что в Центральной Азии существовало государство кочевников (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2005, с. 54–55). Возможно, надпись Мянгада непосредственно связано с существованием государства. Комплексное исследование памятников, находящихся около надписи Мянгада, даст значительный результат. Благодаря этому можно узнать, какие племена переселялись откуда, в каком направлении, а также какие племена вошли в состав монголов. Затем сможем более глубоко проникнуть в древнюю историю Центральной Азии.

А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ХРОНОЛОГИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ УКРАШЕНИЙ (по материалам погребений карасукской культуры)

Понятие «карасукская культура» охватывает памятники эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, занимающие хронологическую позицию между андроновской и тагарской культурами. Современные исследования этого периода позволяют использовать

в работе дробную относительную хронологическую шкалу (Поляков А.В., 2002; 2006; Лазаретов И.П., 2006). Четыре этапа, объединяющие восемь (на сегодняшний день) хронологических горизонтов, дают возможность более детально проследить процессы развития различных компонентов культуры. Наиболее близко, хотя и с долей условности, их можно сопоставить с периодизацией М.П. Грязнова (Максименков Г.А., 1964, с. 22–23; Грязнов М.П., 1965, с. 66–68).

Сопоставление периодизаций

А.В. Поляков и И.П. Лазаретов	М.П. Грязнов
I–II этап	«классический» или карасукский этап
III этап	каменноложский этап
IV этап	часть памятников баиновского этапа тагарской культуры

Статистический анализ большой серии изделий из бронзы, найденных в карасукских погребениях, фиксирует существование определенного устойчивого набора предметов. В его состав входят руководящие категории украшений, наиболее ярко характеризующие эпоху поздней бронзы Среднего Енисея. Основу набора составляют вещи, найденные исключительно в погребениях женщин: лапчатые привески (рис. 1.-1–4), литые биконические перстни (рис. 1.-5–7), зеркала более 5 см в диаметре (рис. 1.-8–9). Дополняют его ярусные бляшки (рис. 1.-10) и «гвоздики» (рис. 1.-11–14), которые тоже встречаются преимущественно в погребениях женщин. Анализ этой группы вещей позволил выявить некоторые важные особенности, связанные как с хронологией, так и географией их распространения.

В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие изделий всех этих категорий в наиболее ранних памятниках (I этап). Т.е. на момент формирования карасукской культуры вышеперечисленные вещи не входили в состав погребального костюма. Все они появляются вместе единым комплексом в начале II этапа, который характеризуется заметными инновациями, касающимися преимущественно набора инвентаря погребений. Остальные грани погребального обряда мало изменяются, сохраняя в основном традиции I этапа. Зато в составе инвентаря, кроме перечисленного набора украшений, появляются новые типы ножей, серпы сосново-мазинского типа, втульчатые тесла, серьги различных типов, псалии и многие другие вещи.

Инокультурный характер этого набора украшений подтверждается их типологической однородностью. Все изделия II этапа представлены в уже полностью сформировавшемся виде и в дальнейшем (на III и IV этапах) только едва изменяются. Никаких следов формирования этих изделий в карасукской культуре проследить не удастся. Следовательно, сложение их внешнего облика происходило где-то в другом месте, а в состав карасукской культуры они были привнесены в составе мощной инновационной волны в уже полностью оформившемся виде.

Картографирование памятников II этапа, содержащих изделия из этого набора, выявило заметную неоднородность их размещения по ареалу культуры. Причем для всех пяти типов украшений картина полностью идентична. Максимальная концент-

рация в погребениях перечисленных изделий приходится на район устья реки Абакан (как на правом, так и на левом берегу Енисея). Условно северную часть Минусинской котловины можно выделить в центральный район. Здесь перечисленные изделия представлены практически во всех достаточно сохранившихся могилах женщин (Быстрая-I-III, Тагарский Остров-IV, Белый Яр-V, Кривинское и др.). Причем в одном погребении может быть до десятка лапчатых привесок, несколько биконических перстней и зеркал, множество ярусных бляшек и «гвоздиков».

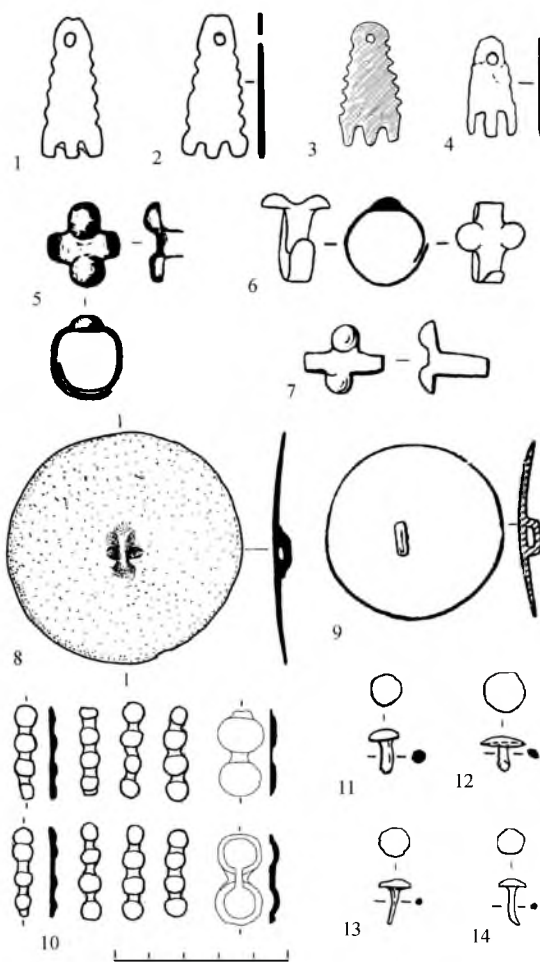

Рис. 1. Украшения из бронзы карасукской культуры (II этап): 1-2 – Окунев Улус-I, м. 16; 3 – Сухое Озеро-II, к. 142, м. 7; 4 – Кюргеннер-II, к. 22, м. 2; 5 – Подсиния-I, м. 2; 6 – Терт-Аба, о. 46; 73; Поляков А.В., 2006, табл. 1). 7 – Тесь-I, м. 6; 8 – Есинская МТС-III, к. 4; 9 – Тесь-I, м. 6; 10 – Окунев Улус-I, м. 16; 11 – Кюргеннер-I, к. 15, м. 1; 12 – Кюргеннер-I, к. 29, м. 2; 13-14 – Кюргеннер-I, к. 15, м. 1

Можно сказать, что устье реки Абакан представляет собой некий центр, где концентрация украшений этой группы максимальная. По мере удаления от него число изделий в могилах падает. Причем они не только встречаются реже, но явно уменьшается количество изделий в каждой отдельно взятой могиле. Например, в материалах могильника Терт-Аба лапчатые привески обнаружены в семи могилах и каждый раз по одной штучке (Павлов П.Г., 1999). К периферии, где эти изделия еще встречаются, но уже в меньшем количестве, можно отнести территорию Сыда-Ербинской котловины (Малые Копены-III, Белоярск-II, Кюргеннер-II) и юго-западную часть Минусинской котловины вдоль течения реки Абакан (Окунев Улус, Терт-Аба, Сабинка-II и др.).

Севернее, в памятниках Чулымо-Енисейской котловины, эти вещи встречаются крайне редко в виде единичных экземпляров. Например, их нет в материалах таких крупных могильников, как Карасук-I, Варча-I, Барсучиха-I. В самом крупном из раскопанных карасукских могильников Сухое Озеро-II на 550 погребений обнаружены три лапчатые привески в двух могилах, и ни одного зеркала или биконического перстня. Это же касается и остальных памятников этого района (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 65-73; Поляков А.В., 2006, табл. 1).

Интерпретировать эти данные можно единственным способом. С началом II этапа в южной части ареала культуры в могилах появляется новый

набор женских украшений, а возможно, и новый погребальный костюм. Центром распространения этой измененной традиции стал район устья реки Абакан. По мере удаления от него в могилах все чаще встречается более традиционный набор украшений, связанный с памятниками I этапа. В наиболее отдаленном северном районе на протяжении всего II этапа эти нововведения так и не прижились.

На следующих III и IV этапах развития географические особенности полностью нивелируются. Изделия из этого набора одинаково часто встречаются уже по всему ареалу культуры. При этом происходит постепенная его трансформация. На IV этапе из его состава исчезают ярусные бляшки и «гвоздики». Лапчатые привески несколько трансформируются, что позволяет выделять самостоятельный наиболее поздний тип изделий (Поляков А.В., 2006, с. 92–94). Для биконических перстней, как отмечает И.П. Лазаретов (2006, с. 12), фиксируется тенденция к миниатюризации конусов. Следовательно происходит процесс постепенного разрушения как набора в целом, так и деградации отдельных его элементов.

На основании суммы полученных данных можно прийти к определенным выводам:

1. Набор украшений из лапчатых привесок, биконических перстней, зеркал, ярусных бляшек и «гвоздиков» интегрируется в состав карасукского погребального костюма только на II этапе развития культуры в уже полностью сформировавшемся виде.

2. Его появление связано с южным направлением, так как наибольшая концентрация изделий в памятниках II этапа фиксируется в районе устья реки Абакан. Севернее в этот момент продолжает сохраняться более ранняя традиция, связанная с I этапом. Позднее этот дисбаланс исчезает в связи с распространением перечисленных изделий по всему ареалу культуры (III–IV этапы).

3. Этот набор украшений с некоторыми изменениями был востребован довольно продолжительный период времени, вплоть до конца эпохи бронзы (II–III–IV этапы), и перестал встречаться в могилах только с началом скифской эпохи.

Т.Д. Скрынникова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТА СОЛНЦА У НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

В данной публикации хотелось бы обратить внимание коллег на заметные следы влияния индоиранских кочевников на традиционную культуру монголоязычных народов, и шире: народов алтайской языковой семьи, следы, которые отмечаются и в современной ритуальной практике. Исследование бурятской традиционной культуры, в частности шаманизма, выявление не только эксплицитных, но и имплицитных проявлений солнечного культа позволяет предложить новую интерпретацию типологически сходных феноменов в ритуальном поле культуры и других народов алтайской языковой семьи. Следует отметить сосуществование двух различных культурных типов, граница между которыми протекает по Западной Монголии. Это различие обуславливается влиянием древних иранцев и индоариев (тасминская, афанасьевская, андроновская археологические культуры) на западные регионы расселения народов алтайской языковой семьи и было уже довольно четко выражено в бронзовом веке, что нашло отражение

в археологических памятниках: распространение на западе Южной Сибири и Центральной Азии оленных камней, керексуров и курганов и плиточных могил – на востоке.

Плиточные могилы представляют нативную традицию аборигенного населения, связанную прежде всего с монголоидами. Характерная черта плиточных могил – их форма: *прямоугольник* или *квадрат* (Новгородова Э.А., 1989, с. 239–240, 243), что является символом или знаком *земли*. Этот же мотив – *некруга* – преобладает и в петроглифах, встречающихся в этом регионе. Их *квадратная* или *прямоугольная* форма позволяет предположить, что у племен, оставивших плиточные могилы, совершался *обряд Земле*. И лишь с появлением на рубеже II–I тыс. до н.э. культа Неба на востоке в качестве верховных божеств стала выступать пара *Небо – Земля*, сохранившая свою актуальность и по сей день. Эту традицию можно обозначить как *восточноазиатскую*.

В западной части алтайского мира центральное положение занимало божество-Солнце (или более поздний вариант – Громовержец), сопровождаемое парой божеств (правое/левое, доброе/злое). Формирование иного типа культуры у народов Южной Сибири определялось пребыванием в регионе формирования тюрко- и монголоязычных этносов этнических групп, говорящих на индоиранских языках, что позволяет обозначить этот тип как *южно-западно-азиатскую традицию*.

Выражение культа солнца в традиционной культуре народов алтайской языковой семьи представляет большой интерес, поскольку сохранилось в ритуальном поле традиционной культуры.

1. Прежде всего следует отметить имя одного из верховных божеств, встречающееся в рунических текстах древних тюрков, – Умай, которое большая часть исследователей связывают с культом земли. Известно, что в большей части древнетюркских памятников на территории Монголии (в восточной части древнетюркского мира) божественной парой называются Небо и Земля-вода (*tngrī – yer-sub*), а Умай (как третий компонент верховного пантеона) зафиксировано (Л.П. Потапов во ссылке на Луи Базена) в древнетюркских надписях лишь четыре раза (Потапов Л.П., 1991, с. 285) и встречается прежде всего у западных тюрков, на что обратил внимание С.Г. Кляшторный (2000, с. 97). На солнечную природу Умай указывает генетическая связь с древнеиранскими представлениями о птице Хумай (Басилов В.Н., 1982, с. 547), солнечная природа которой выявляется имплицитно, и с индо-арийским *uṣā* – «свет, сияние, блеск, величие» и с именем богини Ума (*uṣā*) – «сверкающая» (Ума Хаймавати), она же выступает под именем Аи (Я.В. Васильков).

На мой взгляд, значение Умай позволяет понять материал свадебного фольклора западных бурят, где фигурируют *эхын алтан умай* (золотое материнское чрево) и *эсэгын мунгэн сэргэ* (отцовский серебряный столп), благодаря их союзу появляются люди (Балдаев С.П., 1959, с. 124–125). О том, что в более раннем архетипе у бурят солнце выступало в женской ипостаси, а луна/месяц – в мужской, свидетельствует числовой код, когда четное маркирует женское, а нечетное – мужское: «*восьминожная* Мать-Солнце, *девятиножный* Отец-Месяц», т.е. Солнце выступает в ипостаси «матери-прародительницы». Эксплицитно представлено Солнце и в предметном коде обряда посвящения в шаманы, когда его изображение (круг из красного шелка) помещается на Мать-дерево. Представляется, что теонимом Умай не только в монгольской, но и в тюркской культуре на самом раннем этапе обозначалось божество-Солнце (причем женского рода), восходящее к южно-западноазиатской (индоиранской) традиции.

2. Имена группы божеств западнобурятского пантеона связаны с обозначением Солнца в иранских языках – «...ваханское (y)ig ‘солнце’...», а также дардское уог ‘солнце’» (Топоров В.Н., 1981, с. 45). Это соответствует форманту *Юур-* в именах богини западно-бурятского пантеона *Эхэ Юурэн иби* («Матушка-Солнце»), которая является супругой *Эсэгэ Малан-баабая* («Отец Плешивый-батьюшка»). Последний выступает именно в мужской ипостаси Солнца, на что указывает имя божества, поскольку плешивость всегда маркирует солнце. Одним из главных эпитетов *Эсэгэ Малаан баабая* является также его обозначение как *Ялан толгой* («Плешивая голова»). Подтверждается функция *Эсэгэ Малаана* и *Эхэ Юэрэн* как божеств Солнца и их локусом. Они находятся в центре мира: гора, на которой они живут, называется *Хэй болдог* – «Холм – пуп [земли]». Гора/дерево с солнцем на вершине является распространенным архетипом *Axis mundi*. Индра, прикрепляющий солнце к вершине горы, – известный мифологический мотив.

С этим древнеиранским формантом связаны и имена божеств *Үбгэн Юэрэн тэнгри* («Старик – божество Солнце») и *Ойор-Мунхэ-тэнгри* («Солнце – вечное божество»), имя которого исследователи, исходя из лексики бурятского языка (ойр – дно), переводили как «Вечное дно неба». Этот перевод не поддается семантической интерпретации. Если же иметь в виду нерасчлененность традиционного сознания и то, что инновлиания сохраняются в лексике, то выявляется реальное значение имени божества *Ойор-мунхэ-тэнгри* в шаманском тексте: «Отец Эсеге малан / и Мать Эхе йурен / воссели [на вершине], став пупом (центром) / Синего вечного неба / воссели, став солнцем / Солнцем – вечным божеством» (Базаров Б.Д., 1999, с. 46–47) (перевод мой. – Т.С.). Можно с уверенностью сказать, что в этом шаманском ритуальном тексте Эсеге малан тэнгри и Эхе йурен иби эксплицитно позиционируются как божества-Солнце. При этом, как мы видим, в качестве Вечного божества Солнца (*Ойор-мунхэ-тэнгри*) выступают и актуальный для XIX в. персонаж в мужской ипостаси – *Эсэгэ-Малаан*, и потерявшая центральную позицию в традиционной картине мира Солнце – мать-прародительница *Эхе Юурэн ибии*. В некоторых обрядовых текстах *Ойор-мунхэ-тэнгри* обозначается как *Ойор-саган-тэнгри*, т.е. «Солнце – белое божество», где денотат «белое» (*сагаан*) также маркирует солнце.

Можно предполагать, что образ *Ойор-мунхэ-тэнгри* был более ранним выражением культа солнца, поскольку в западнобурятской мифологии он упоминается как прародитель важнейших божеств, возглавивших впоследствии пантеон – *Хан-Тюрмас-тэнгри* (у ольхонских бурят) или *Эсэгэ-Малаан-тэнгри* (по информации М.Н. Хангалова, полученной от предбайкальских шаманов).

Следует подчеркнуть и еще один важный факт – именно с божествами-Солнце и их природой связано происхождение белых шаманов. *Эсэгэ Малаан* называется «предком» шамана. А в обрядовом тексте «больших белых хордутов, имеющих белых лошадей», которые считались очень сильными шаманами у западных (балаганских) бурят и которые вели свое происхождение от *Оёр-Саган-тэнгэри*, он называется «белым орлом, сидящим на вершине горы». Орел, как известно, был символом солнца, с одной стороны. С другой стороны, орел же был, по некоторым преданиям, и первым шаманом.

К ним семантически примыкают и якутские верховные божества *Юрюнг айыы* и *Ай тойон* (громовник) (ср. индоарийское божество *Ума/Аи*), обозначаемый так же как *Аар тойон*, который «блистает как солнце, являющееся его эмблемой» (Элиаде М., 2000, с. 183).

3. Еще один теоним западнобурятского пантеона, семантически и лексически связанный с предыдущим – *Хун Саган тэнгри*, который исследователи переводят как «Мо-

лочное Белое божество», имея в виду значение слова ХУН в бурятском языке: молоко. Тогда как наиболее вероятное значение теонима Хун Саган тэнгри – «Солнце – Белое божество», что восходит к тюркскому *kün*, через него – к тохарскому *kāun* – ‘солнце’, где Хун выступает синонимом *Юурэн/Ойор*.

4. Имплицитные данные позволяют выделить и еще одну лексему, связанную с южно-западноазиатской традицией. С индоарийским Сурья связано название бурятского праздника «сурхарбан», название которого исследователи переводят как «стрельба в ремень». На мой взгляд, переводится как «стрельба в солнце», на что указывают время исполнения обряда (весна или начало лета), цвет ремня (красный) и форма его наматывания (на конус по солнцу). Это нашло отражение и в обозначении сакральной субстанции солнечной природы – «сур», определяющей жизнь человека и маркирующей избранность.

Теперь вернемся к археологическим памятникам, о которых говорилось в начале статьи – керексуры, оленные камни (монг. хошоо чулуу). Обратим внимание на их форму и лексическое обозначение. Так, существенной характеристикой как сооружений, обозначенных Э.А. Новгородовой жертвенниками, так и керексуров является непереносимое наличие общего элемента – *кругов* (круг – знак Солнца). Отмечается сочетание в одном комплексе жертвенника, керексура и оленных камней (Новгородова Э.А., 1989, с. 202). *Солнце* является обязательным атрибутом верхней части (функция вертикалей в качестве *Axis mundi* и деление их на три зоны, где верхняя обладает наивысшей сакральностью) оленных камней в трех формах: *изображение солнца*, *сегнерово колесо* (Новгородова Э.А., 1989, с. 179), *серьга*, в которой могут присутствовать обе формы (Новгородова Э.А., 1989, с. 199). Кроме того, следует отметить наиболее частый сюжет, изображаемый над поясом: солнце рядом с натянутым луком и вложенной в него стрелой, так называемый мотив *небесного охотника* (Новгородова Э.А., 1989, с. 194). Интересно заметить, что подобное значение имеют и изображения на петроглифах того периода, распространенные в этих же регионах: изображения солнцеголовых копытных на скалах Центральной Азии – в Монголии и на Алтае (Новгородова Э.А., 1989, с. 171). Это мотив ритуальной стрельбы из лука в солнце или в животных, символизирующих солнце, что, несомненно, связано с общественным социально значимым обрядом, в котором участвуют все мужчины социума – новогодним ритуалом.

Обратимся к интерпретации лексического обозначения памятников. Можно заметить, что различные терминологические обозначения центральных атрибутов ритуала, символов *Axis mundi*, семантически однородны: *керек-сур*, *хошоо чулуу* (*кочай чула*). К ним семантически примыкает *загал-май* – крестовина шаманского дерева.

Вторая часть этих слов объясняется значением культа солнца в западной части алтайского мира, что было показано выше: *май/умай*, *сур*, *жула* (*чула*), *дьюла*.

Первая часть этих слов: *керек*, *хөшдө*, *загал*. «Загал» в монгольских языках означало жеребца, в ритуальных текстах денотат «загал» является определением к «березе/сэргэ», символу фаллоса – *Axis mundi*. Аналогичным словом «чагал» (телеуты) обозначается шаманский бубен, благодаря которому шаман у алтайских народов получал у божеств и переносил на землю кут, *сур*, *жула* (*чула*).

По отношению к слову *керексур*, может быть предложено два варианта интерпретации его первой части – *керек*, основанных на разных фонетических транскрипциях. У монголов средневековья слово *kegurge* обозначало три группы предметов (барабан, понтон, кузнечный мех), что можно интерпретировать как средства. У тюрков слово *koḡuk* также означало «мех, горн» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 318).

Вторым вариантом, семантически не противоречащим первому, может быть фонетическая транскрипция другого слова – *хэрэг* (жертвоприношение), актуального как для тюркских, так и для монгольских языков. У якутов этим словом обозначались как жертвоприношение, так и жертва, а также шкура жертвенного животного и подмости, на которые складываются или вешаются жертвенные дары (Пекарский Э.К., 1916, с. 1046), которые выступают медиаторами между *этим* и *иным* мирами. Таким образом, можно предположить, что *керек* (*хэрэг*), как первая часть слова, обозначает атрибут ритуала, посредством которого жертва доносилась до персонажа *иного* мира, поскольку он мог служить вертикалью, на которую вывешивались шкуры животных во время обряда. Подтверждением этого является то, что около них и до сих пор обнаруживаются останки животных с солнечной символикой. А.Д. Грач (1980, с. 62–65, 120–121) назвал даже большой *керексур* Улуг-хорум в Туве *Храмом солнца*.

Возможна этимологизация монгольского слова *хөшдө* в обозначении камней – *хөшдө чулуу* через слово *кочай* тюркских языков – *кочай-кэрэк* у якутов, что обозначает стрелу, на которую вывешивается шкура жертвенного животного. Отмечается два значения слова *кочай*, семантически близким к значению слова *херек*: *жертва* и *стрела*, указывающая дорогу, по которой жертва отправляется к божествам. Оба термина моделируют *Axis mundi* ритуала, имеющего также фаллический смысл. К ним примыкает хакасское обозначение амулета – *хуруг ымай*.

Можно сказать, что *керек*, *кочай* (*хөшдө*) и *загал* – это термины, обозначающие атрибут традиционной культуры, благодаря которому осуществляются перемещения субстанции солнечной природы: ездовое животное или бубен в роли ездового животного, или иной другой ритуальный атрибут в этой функции. Связь подобных атрибутов с солнцем мне представляется архетипичной, на что указывает лексический материал, изложенный выше.

Изучение культуры монголо- и тюркоязычных этносов может быть продуктивным: они живут на всей территории Великой Степи, зачастую сохраняя очень древние формы, что и позволяет заниматься проблемами типологии, выявляя как арийские (древнеиндийские и древнеиранские), так и восточно-азиатские черты в традиционной культуре народов Южной Сибири и Центральной Азии и, возможно, Евразии в целом. Поликомпонентность этногенетических процессов народов алтайской языковой семьи, а именно участие индоиранских групп, определила и поливариантность лексического выражения солнечного культа в их традиционной культуре.

С.В. Сотникова

Тобольский государственный педагогический институт, Тобольск, Россия

СИМВОЛИКА КОЛЕСА В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ИНДОИРАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (эпоха бронзы – ранний железный век)

В синташтинских и петровских могильниках Южного Зауралья и Северного Казахстана имеются захоронения в крупных могильных ямах, в которых зафиксированы остатки двухколесных повозок, предположительно колесниц или их частей. Остатки колесниц, как правило, были представлены отпечатками нижней части колес. Колеса устанавлива-

лись в параллельные, линзовидные в сечении углубления на дне могильной ямы, а затем присыпались грунтом. Исследователи Синташтинского могильника, где обнаружено наибольшее число погребений с остатками колесниц, предполагают, что в могилы ставились целые экземпляры (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 165–168, 183–185 и т.д.), Н.Б. Виноградов (2003, с. 265) считает, что преобладала традиция помещения в погребальные камеры отдельных частей повозки, прежде всего колес. Он обратил внимание на то, что в некоторых погребениях количество углублений для колес не всегда соответствует реконструируемой двухколесной боевой колеснице. По его наблюдениям, на дне ямы 12 большого грунтового Синташтинского могильника находилось по меньшей мере четыре или даже пять углублений, которые возможно трактовать как углубления для колес. По две пары углублений находилось в противоположных половинах дна ямы, а последнее – ближе к середине одной из длинных сторон. Н.Б. Виноградов (2003, с. 264–266) считает, что либо в яме была представлена имитация четырехколесной повозки, либо имитация двух двухколесных, но не исключено, что было вкопано и пять колес. Еще более убедительным является материал могильника Каменный Амбар-5, где в яме 6 кургана №2 расчищено лишь одно колесное углубление (Костюков В.П. и др., 1995, с. 162).

Традиция помещения в могилы отдельных колес прослеживается и в материалах ряда других культур эпохи бронзы евразийских степей, которые большинство исследователей относят к индоиранскому кругу. В потаповском захоронении VI Утевского могильника (погребение 4, курган №6) на одной из коротких стен погребальной камеры обнаружены оттиски округлого предмета, возможно, колеса (Васильев И.Б. и др., 1992, с. 52). В срубном погребении 3 кургана №2 у с. Ивановка Межевского р-на Днепропетровской области под стенками ямы были вертикально установлены деревянные плахи с заостренным концом. В нижней части каждой плахи находилось отверстие диаметром 10 см внутри резного круга диаметром 30 см. К одной из этих плах было присоединено с помощью колышка «деревянное, хорошо обработанное изделие в виде половины колеса с внешним диаметром 20 см и внутренним – 7 см» (Отрошенко В.В., 1990, с. 9). Обычай использовать колеса или их части в закладе входа в камеру широко бытовал у населения катакомбной общности (Чередниченко Н.Н. и др., 1991, с. 212).

Находки отдельных колес в погребениях культур индоиранского круга позволяют предположить, что символ колеса имел самостоятельное значение в ритуале и был связан с определенным кругом представлений. Для понимания смысла ритуала обратимся к индоиранским источникам.

В «Ригведе» содержится знаменитый «Гимн-загадка» (РВ, I, 64), который представляет собой собрание так называемых брахмодья (brahmodya) – аллегорий и загадок о происхождении вселенной, о времени, о богах, человеческой жизни. Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров (1997, с. 327) считают, что brahmodya по своему происхождению связаны с ритуалами, приуроченными к стыку старого и нового годов, началу нового солнечного цикла и т.д. В этом гимне содержится ряд загадок о времени как о годе, причем год загадывается через образ колеса. «О двенадцати спицах – ведь оно не изнашивается! – Вращается колесо закона по небу. На нем, о Агни, парами сыновья стоят, семь сотен и двадцать» (РВ, I, 164, 11). В примечании к гимну сказано, что в виде колеса изображается год с двенадцатью месяцами и 720 днями и ночами (Ригведа, с. 646, прим. 11). «О пятиногом, двенадцатичастном говорят» (РВ, I, 164, 12); «На этом вращающемся по кругу колесе о пяти спицах пребывают все существа» (РВ, I, 164, 13) –

здесь продолжается изображение года, так как индийский год состоит из пяти сезонов (РВ, I, 164, 12–13). Особенно выразительна одна из этих загадок: «Косяков двенадцать, колесо одно, три ступицы – кто же это постигнет? В нем укреплены вместе колышки, словно триста шестьдесят подвижных и (одновременно) неподвижных» (РВ, I, 164, 48). Здесь подразумевается год в виде колеса с 12 месяцами, тремя двойными временами года и 360 днями (РВ, I, 649, 48).

Колесо активно использовалось в древнеиндийских ритуалах, связанных с переходом к новому временному циклу. Обряд обновления царской власти, ваджапея, представлял собой воинский ритуал с состязаниями и гонками на колесницах и т.п. Центральной процедурой ритуала было восхождение царя по ступенькам на жертвенный столп-юпа. Рукой он должен был коснуться его навершия в форме колеса и провозгласить: «Мы достигли неба», а поднявшись еще выше, сказать: «Мы стали бессмертными». Жрецы, стоящие на земле с четырех сторон вокруг столба, подавали ему на длинных шестах мешочки с пищей. Этот обряд должен был обеспечить подданным благоденствие в течение следующего временного цикла (Альбедиль М.Ф., 2005, с. 168).

Об использовании колеса в ритуале жертвоприношения свидетельствуют следующие строки «Ригведы» (III, 8, 10): «Жертвенные столпы с [их] [насаженными] вершинами, [установленные] на земле, похожи на рога рогатых [животных]». Этот гимн дан в переводе Б.Л. Огибенина (1968, с. 83), который в комментарии к тексту отмечает, что на вершину жертвенного столпа насаживалась круглая капитель, символизирующая солнечный диск.

В нарттовском эпосе осетин одним из центральных образов выступает Колесо Бальсага – одушевленное орудие, наделенное речью и разумом, которое имеет отношение к дню летнего солнцестояния. Скатившись с неба на землю, это колесо перерезало ноги герою Сослану (Дюмезиль Ж., 1990, с. 110). По одной из версий мифа оно было помещено в могилу Сослана: одна половина была установлена в ногах, другая – в изголовье (Михайлов Ю.И., 2001, с. 38).

Таким образом, колесо в ритуале могло символизировать годовое круговое движение солнца, круговращение времени, круговорот жизни и смерти. Колесо в погребальном обряде, вероятно, выступало символом обновления жизни: «Колесо вместе с ободом вращается, нестареющее» (РВ, I, 164, 14). Для периода мифологического мышления, с его циклическим восприятием времени, характерны представления, что жизнь человека, Вселенной движется по замкнутому кругу, только пройдя свой путь до конца (до смерти), можно достигнуть начала (возрождения).

В период раннего железного века в погребальном обряде индоиранского населения представления, связанные с круговым движением, получили дальнейшее развитие. В кургане сарматской эпохи из урочища Соколовская балка около квадратной погребальной ямы были обнаружены два колеса большого диаметра от двухколесной повозки. Яма погребения была перекрыта деревянными тонкими плахами, по-видимому, частями кузова повозки. На слое выкида из ямы (материковой глине) тщательная расчистка позволила выявить части колеи, оставленной колесами повозки, и следы лошадиных копыт. Полевые наблюдения позволили прийти к выводу о том, что повозка, запряженная лошадьми, совершила вокруг погребальной камеры полный круг (Балонов Ф.Р., 2000, с. 194–195).

Движение по кругу наиболее полно выражало идею жизненного круговорота. Вероятно, поэтому оно было сакрализовано и являлось основным видом движения в ритуале.

Н.Ф. Степанова

*Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
ИАЭТ СО РАН и АлтГУ, Новосибирск; Барнаул, Россия*

**АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА:
ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ И СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ**

Памятники афанасьевской культуры выявлены в основном на Среднем Енисее (более 310 могил) и в Горном Алтае (более 230 оград и 20 поселений). В Монголии исследовано менее 10 погребений, в Туве только поселения (Вадецкая Э.Б., 1986; Новгородова Э.А., 1989; Семенов Вл.А., 1992; Эпоха энеолита..., 2005, табл. 1).

Различия между среднеенисейскими и горноалтайскими памятниками были очевидны со времени первых раскопок в Горном Алтае. С.В. Киселев (1938, с. 229) пришел к выводу, что они оставлены носителями одной культуры. К алтайскому варианту афанасьевской культуры относил их Г.П. Сосновский (1941, с. 20). М.П. Грязнов и Э.Б. Вадецкая (1968) отметили, что памятники афанасьевской культуры в Минусинских степях несколько отличаются от памятников Алтая. По их мнению, эти две области могли быть населены разными племенными группами с одинаковой в общих чертах культурой, но эти группы различались между собой некоторыми обычаями и другими этнографическими особенностями. В качестве различия отмечено, что на Алтае характерной чертой является одно погребение в кургане, а в могиле, как правило, не больше одного погребенного. В Минусинской котловине в ограде может быть несколько могил, а в могиле несколько захоронений (Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968). На различия двух серий черепов афанасьевской культуры указывали антропологи (Герасимов М.М., 1955, с. 535; Алексеев В.П., 1961, с. 133). К выводу о локальных вариантах афанасьевской культуры пришел С.В. Цыб (1984; 1988).

Из-за того, что между афанасьевскими погребальными комплексами Енисея и Горного Алтая различия очевидны, выделение локальных вариантов не вызвало возражений и не было проведено тщательного сравнительного анализа признаков погребального обряда и инвентаря. В настоящее время решение многих вопросов, связанных с афанасьевской культурой, в частности, проблем относительной хронологии, происхождения, исторических судеб, невозможно без полного анализа черт погребального обряда и инвентаря.

Для горноалтайских памятников афанасьевской культуры отмечено разнообразие надмогильных конструкций при преобладании оград из вертикально поставленных плит (более 60%). Кроме них известны ограды-стенки, сплошные насыпи, кольца из крупных валунов и др. В ограде находится по одной грунтовой могиле, которая может быть перекрыта плитами или реже деревом (в общей сложности около 50%). Преобладают одиночные погребения, реже встречаются двойные и захоронения взрослого с ребенком. Умерших укладывали на спину с согнутыми в коленях ногами, реже на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой ориентировали преимущественно на юго-запад и запад, иногда на северо-восток, восток, северо-запад и в других направлениях. Погребенные окрашены охрой или зафиксированы скопления охры более чем в 60% могил. Инвентарь обнаружен более чем в 70% погребений. Он представлен керамикой (обычно по одному сосуду в могиле), украшениями, пестами и реже другими предметами. Характерна остродонная керамика, реже встречается круглодонная, плоскодонная и курительницы. Сосуды помещались у головы, ног, рук погребенных (Степанова Н.Ф., 2005; 2006; Абдулганеев М.Т., 2006).

Для **среднеенисейских памятников** характерны оградки-стенки и оградки из вертикально поставленных плит, при доминировании первых. В оградах бывает одна и несколько грунтовых могил. Могильные ямы перекрывались плитами или деревянным накатом. Центральное надмогильное сооружение могло иметь сложную конструкцию. Могильные ямы прямоугольной или овальной формы. Погребенные уложены на спине и реже на правом или левом боку с согнутыми в коленях ногами, преимущественно ориентированы головой на юго-запад, запад, реже – на северо-запад, северо-запад-запад и в других направлениях. Характерны индивидуальные и коллективные захоронения. Инвентарь представлен керамикой, медными оковками, роговыми гвоздиками, украшениями, иногда другими предметами. Керамика – остродонные, круглодонные, плоскодонные сосуды, курительницы, корчаги (сосуды крупных размеров). Преобладают первые два типа. Сосуды обычно расположены у одной из стенок могилы или в ногах погребенных (Вадецкая Э.Б., 1986; Грязнов М.П., 1999).

Общее для алтайских и енисейских памятников в том, что характерны два основных типа надмогильных конструкций: оградки-стенки и оградки из вертикально поставленных плит (рис. 1). Могильные ямы прямоугольной или овальной формы перекрывались плитами или деревянным накатом. Над могилой возводилось центральное сооружение. Могильные ямы грунтовые. Положение погребенных на спине и реже на правом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентация головой на юго-запад и запад. Характерна остродонная, круглодонная посуда. Курительницы и плоскодонные сосуды встречаются редко. Кроме керамики находят песты, серги и реже другие предметы. Изделия из металла – медные, золотые, железные, а на Енисее и серебряные.

Различие среднеенисейских и горноалтайских памятников в том, что в Горном Алтае преобладают оградки из вертикально поставленных плит, а на Енисее – оградки-стенки. На Енисее нет сплошных насыпей, оград из крупных валунов, а перекрытий могил из дерева больше, чем в Горном Алтае, даже индивидуальные могилы обычно широкие подквадратные, и у одной из стен нередко оставлено место для вещей. Для горноалтайской группы характерна одна могила в оgrade, не получили распространения коллективные погребения. На Енисее реже встречается окраска погребенных охрой, практически не известна ориентация на восток и северо-восток. На Енисее в могилу часто помещали больше 1–2 сосудов, корчаги, чаще, чем на Алтае, встречаются круглодонные сосуды. Остродонная и плоскодонная керамика Среднего Енисея и Горного Алтая различается по форме и пропорциям, высоте венчика (рис. 1). У горноалтайских сосудов венчик, как правило, высокий, у енисейских – низкий, иногда нет шейки. Керамика с Енисея крупнее по размерам. Имеются различия и в орнаментации. Для Енисея характерны роговые гвоздики и оковки, а в Горном Алтае они почти не известны, но часто находят песты.

Как видно, различия наблюдаются по всем признакам. Памятники Тувы и Монголии также имеют отличительные черты. Учитывая это, а также то, что территория, на которой выявлены афанасьевские памятники, огромна, что между группами памятников существует территориальный разрыв, скорее, можно говорить не об афанасьевской культуре, а об афанасьевской культурно-исторической общности или области. Однако необходимости афанасьевским памятникам Горного Алтая давать другое наименование нет (Суразков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 86). Сложилось так, что если существует необходимость подчеркнуть, что речь идет только о памятниках Горного Алтая, Енисея, Тувы или Монголии, то употребляется термин «афанасьевская культура Горного Алтая» или «афанасьевская культура Минусинской котловины». Введение нового названия внесет только

путаницу, кроме того, афанасьевская культура занимает особое место в древней истории, поэтому вряд ли целесообразно и необходимо давать новое наименование.

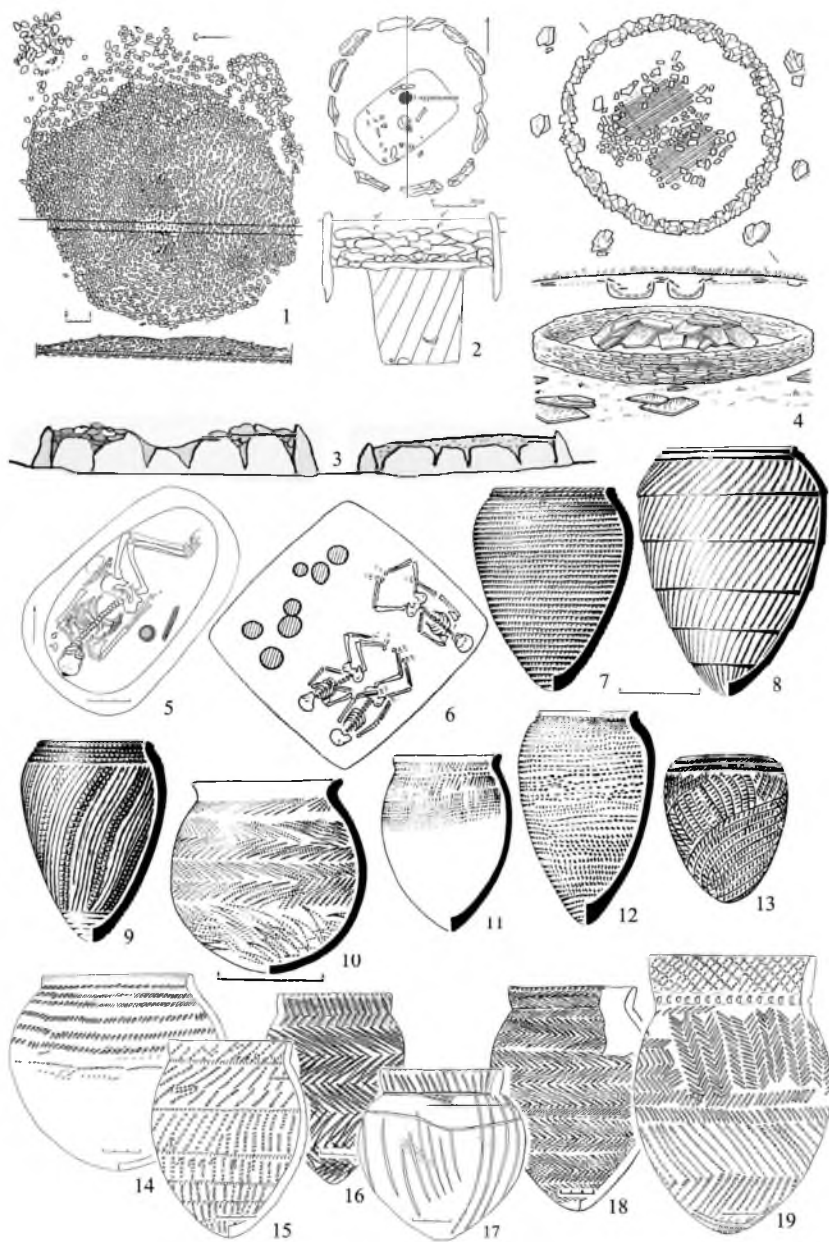

Рис. 1. Афанасьевская культура Горного Алтая (1–3, 5, 14–19), Среднего Енисея (4, 6–13). 4, 6 – по: Вадецкая Э.Б., 1986; 7–13 – по: Грязнов М.П., 1999; 1 – по: Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994; 3 – по: Славнин В.Д., 1976; 5, 14, 16–18 – по: Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф., 1999

Анализируя признаки погребального обряда и инвентаря, можно отметить, что традиция сооружать надмогильные конструкции из камня, а также укладывать и устанавливать камни в определенном порядке у «афанасьевцев» сложилась ранее, чем произошло разьединение племен и, по-видимому, не на территории Среднего Енисея и Горного Алтая. Различия в надмогильных конструкциях енисейских и горноалтайских «афанасьевцев» могут быть связаны как с тем, что оставлены разными этнографическими группами, так и приспособлением к новым условиям. Положение погребенных на правом боку и наличие курильницы, которые иногда встречаются в афанасьевских памятниках, сближают их между собой и с древнеямыскими, где оба этих признака также относятся к поздним и редким (Фисенко В.А., 1970, с. 23–25; Мерперт Н.Я., 1974, с. 96; Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986, с. 38, 55, 57). Возможно, эти признаки – свидетельство контактов или того, что «афанасьевцы» появились в Горном Алтае и на Енисее позднее, чем принято считать.

Важные результаты в решении проблем афанасьевской культуры может дать изучение керамики. Остродонные енисейские афанасьевские сосуды подразделяются на несколько типов. Один из них близок горноалтайским (рис. 1.-11). Различия в формах и пропорциях остальных сосудов, по-видимому, могут быть этнографической чертой, характерной для другой группы населения. Нельзя не обратить внимания на некоторые детали в орнаментации керамики. Предварительный анализ показывает, что на енисейских афанасьевских сосудах качалка встречается реже, чем на горноалтайских, но гребенчатые орнаменты, которыми наносилось «шагание с прокатыванием», в ряде случаев очень похожи. Для «афанасьевцев» Горного Алтая характерно оформление инструментов в определенных традициях – мелкие округлые или подовальные близкорасположенные зубцы, короткие, иногда едва намеченные (Степанова Н.Ф., 1997). Есть особенности в движении инструментов при нанесении орнамента. Подобные особенности отмечены и на керамике из афанасьевских могильников Среднего Енисея*. Даже учитывая консерватизм традиций в гончарстве, вряд ли такие мелкие детали в оформлении орнаментов и способах нанесения орнамента могли сохраняться без изменений столетиями. Мала вероятность случайного совпадения. Скорее всего, памятники близки по времени существования и общие традиции еще не были утрачены или между населением могли сохраняться контакты.

Подводя итог, необходимо сказать, что, возможно, отмеченное сходство ряда признаков горноалтайских и среднеенисейских «афанасьевцев» может свидетельствовать о том, что среднеенисейские «афанасьевцы» неоднородны, и одна из групп близка алтайским. Возможно, это свидетельствует и о одновременности заселения территории Енисея. Кроме того, на сложение афанасьевской культуры могло оказать влияние и местное население. По-видимому, к различиям, сложившимся на новой территории, необходимо относить наличие нескольких могил в ограде и коллективные захоронения. Для Енисея подобное характерно и для более позднего времени, а в Горном Алтае этих традиций нет. Афанасьевские памятники Горного Алтая и Среднего Енисея на определенном отрезке времени, безусловно, сосуществовали. Несмотря на то, что они оставлены в основном разными этнографическими группами населения, у них имелись общие традиции погребального обряда, которые сложились ранее, чем «афанасьевцы» переселились на территории Горного Алтая и Среднего Енисея.

*Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность Н.А. Боковенко, Вл.А. Семенову, Н.Н. Николаеву за оказанную возможность работы с коллекциями керамики из Малинового Лога (Bokovenko N.A., Mitjaev P.E., 2000), Тоора-Даша и других памятников.

М.Г. Сулейменов

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт, Кемерово, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ (по материалам курганной группы Солнечный-1)

Курганная группа находится на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области, на высокой надпойменной террасе, образованной берегом Ини и впадением р. Камышной, рядом с трассой г. Ленинск-Кузнецкий – с. Подгорное. Памятник был открыт и впервые обследован в 1995 г. А.М. Илюшиным. В 2005 г. на нем были проведены экстренные аварийные раскопки всех четырех курганов, обусловленные прокладкой железнодорожного полотна (Илюшин А.М., 2006а). По ведущим признакам погребальной обрядности памятник можно отнести к археолого-этнографическому комплексу с захоронением по обряду ингумации с тушей или шкурой коня (XI–XIV вв.) и указать на его соответствие кыпчакскому погребальному компоненту (Илюшин А.М., 2005, с. 97–105; Илюшин А.М., 2006б, с. 34–35; Илюшин А.М., 2007, с. 76–77). Цель настоящей работы – исследование типологического разнообразия предметов вооружения и анализ данных на предмет вооруженности населения соорудивших этот памятник.

Комплекс предметов вооружения представлен классом железного оружия, состоящим из средств ведения дистанционного, ближнего и рукопашного боя, а также снаряжения. Классификация вооружения проведена по методике, предложенной Ю.С. Худяковым (1980; 1997). Средства ведения дистанционного боя представлены наконечниками стрел, луки отсутствуют.

Небронёбойные наконечники стрел представлены двумя группами, тремя типами наконечников стрел.

Группа I. Трехлопастные. Тип 1. Асимметрично-ромбические (рис. 1.-1, 3). Тип 2. Удлиненно-ромбические (рис. 1.-5). Тип 3. Вытянуто-прямоугольные (рис. 1.-5). Указанные наконечники имеют аналогии в могильных комплексах развитого средневековья Кузнецкой котловины – Сапогово-1, курган №1 (датированного 1-й четвертью II тыс.), Шанда (XI–XII вв.), Шабаново-3 (XIII–XIV вв.), Сапогово-2 (XI–XII вв.), Конёво (XI–XIII вв.) (Илюшин А.М. и др., 1992, рис. 3.-4; Илюшин А.М., 1993, рис. 26; 1997, рис. 31.-4; 1998, рис. 7.-6, 8–9; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2007, рис. 1.-1).

Группа II. Уплощенно-линзовидные. Тип 1. Боеголовковый асимметрично-ромбический (рис. 1.-8–9, 11). Имеют аналогии в курганной группе Конёво (XI–XIII вв.) (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2007, рис. 1.-14–15).

Бронёбойные наконечники стрел представлены двумя группами и четырьмя типами.

Группа III. Трехгранно-трехлопастные. Тип I. Асимметрично-ромбические (рис. 1.-7). Имеют аналогии в Шанде (XI–XII вв.), Мусохраново-3 (2-я половина XIII–XIV вв.), Сапогово-2 (XI–XII вв.) (Илюшин А.М., 1993, рис. 27.-15; 1998, рис. 18.-5; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, рис. 5.-7).

Группа IV. Трехгранные. Тип I. Асимметрично-ромбические (рис. 1.-4). Имеет аналогии в курганной группе Ишаново (XIII–XIV вв.) (Илюшин А.М. и др., 2007,

рис. 3.-3). Тип II. Удлиненно-ромбические (рис. 1.-13). Тип III. Боеголовковые асимметрично-ромбические (рис. 1.-10). Последние два типа близки экземплярам из Мусохраново-3 (2-я половина XIII–XIV вв.), Сапогово-1, курган №1 (1-я четверть II тыс.), Беково (XI–XII вв.) и Конево (XI–XIII вв.) (Илюшин А.М., 1993, рис. 50; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, рис. 13.-2, 8–9; 2007, рис. 1.-17, 19–20; Илюшин А.М. и др., 1992, рис. 46.-6–7).

К категории универсальных наконечников стрел относятся две группы и два типа наконечников стрел.

Группа V. Ромбические. Тип I. Вытянуто-пятиугольные (рис. 1.-2). Этот тип появляется в Западной Сибири с IX–X вв. (Ведерников Ю.А. и др., 1995, с. 54).

Группа VI. Линзовидные. Тип I. Боеголовковые удлиненно-ромбические (рис. 1.-12, 15). Этот тип имеет аналогии в Конево (XI–XIII вв.) (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2007, рис. 1.-13).

Оружие ближнего боя представлено втульчатым наконечником копья, относимым к группе линзовидных, типу боеголовковый вытянуто-пятиугольный, а также топором-теслом, относимым к группе с несомкнутой втулкой с прямым лезвием, типу неравновеликих (с «плечиками»), лезвием шире втулки (рис. 1.-16, 21). Сабли относятся к группе трехгранных прямых (изгиб к окончанию клинка), типу с брусковидным перекрестием (рис. 1.-17, 19–20). Реконструированный экземпляр (рис. 1.-18), длиной клинка 0,7 м, имеет аналогию в Мусохраново-3 (2-я половина XIII–IV вв.) (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, рис. 15.-1).

Снаряжение представлено экземпляром берестяного колчана, который можно отнести к группе цилиндрических открытых, типу прямоугольных, с железным креплением для подвешивания, а также кольцевым вращающимся колчаным крюком (рис. 1.-23–24, 27).

При реконструкции вооруженности и определения рода войск использовались результаты классификации вооружения и наблюдения за взаимовстречаемостью типов (Сулейменов М.Г., 2001; Горбунов В.В., 2006, с. 97–98; Горбунов В.В., 2007, с. 60–61; и др.) и антропологические материалы из памятника Солнечный-1 (определения сделаны М.П. Рыкун). Приводим описание могильных комплексов.

Курган №1 содержит три захоронения с предметами вооружения. Могила-1 содержит погребение кремированных останков конного легковооруженного лучника со шкурой коня в одной грунтовой яме, набор наконечников стрел которого ориентирован на поражение противника, защищенного как металлической, так и неметаллической защитой (рис. 1.-1–4). Могила-2 содержит захоронение в могильной яме с подбоем подростка (мальчик 11–12 лет), снабженного набором для ведения конного боя на ближней дистанции, а также пешего – саблей, топором-теслом с симметричным лезвием. Возможно, в силу возраста в захоронение не помещен колчаный набор, хотя погребение туши лошади присутствует (рис. 1.-17, 21, 25). Могила-3 содержит мужское захоронение (45 лет) в одной грунтовой яме с двумя лошадьми, в сопровождении полного набора конного воина для ведения дистанционного боя против незащищенного металлической защитой противника (наконечники стрел), средств таранного удара в ближнем бою, способного пробить металлическую защиту (копье), а также со средствами ведения ближнего

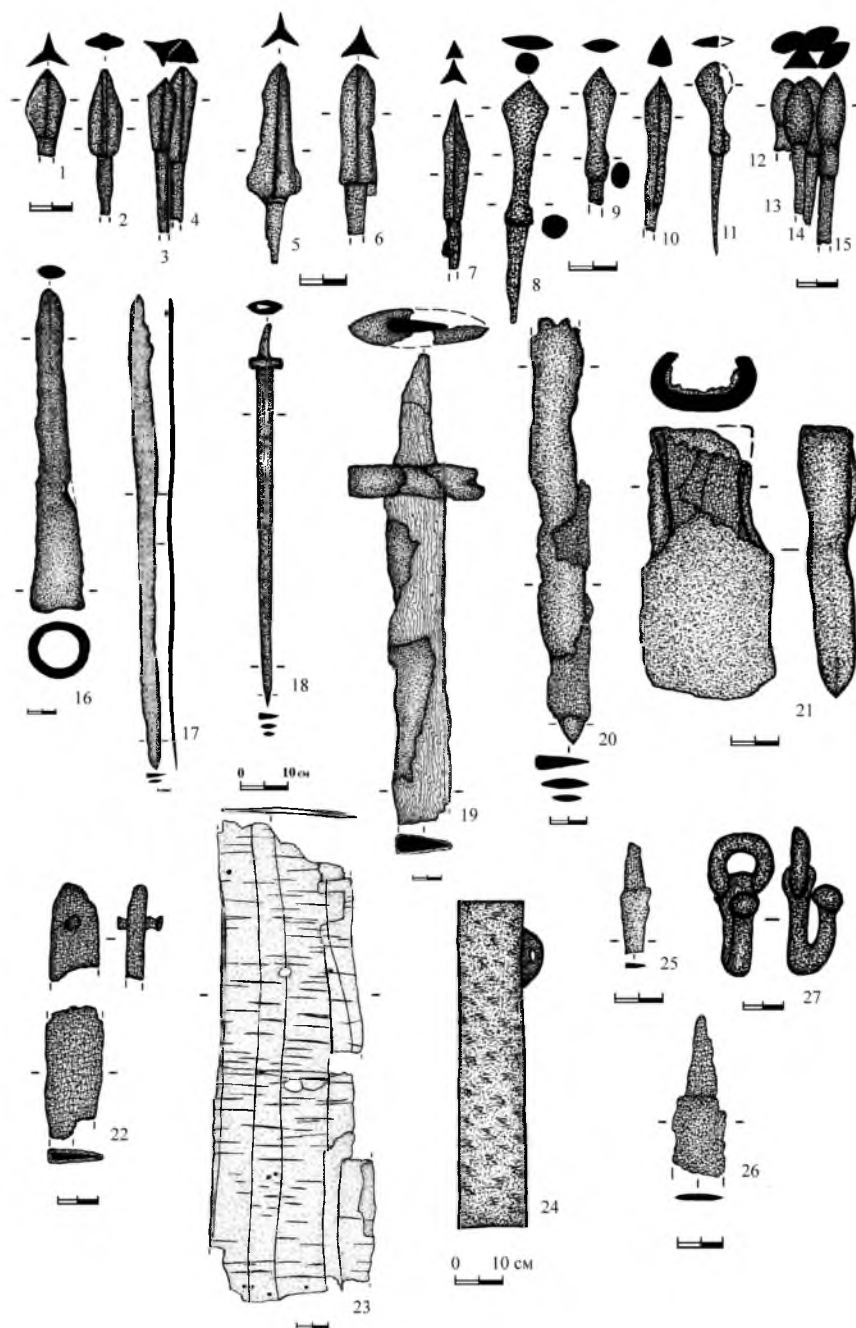

Рис. 1. Предметы вооружения из раскопок курганной группы Солнечный-1. 1–15 – наконечники стрел; 16 – наконечник копья; 17 – сабля; 18 – реконструкция сабли; 19–20 – фрагменты сабель; 21 – топор-тесло; 22 – фрагмент клинкового рубящего оружия; 23 – колчан; 24 – реконструкция колчана; 25 – фрагмент ножа; 26 – фрагмент кинжала; 27 – колчанный крюк. 1–4 – курган №1, могила 1; 8, 17, 21, 25 – курган №1, могила 2; 5–6, 16, 19 – курган №1, могила 3; 7–11, 18, 20, 23–24 – курган №3, могила 1; 12–15, 22, 27 – курган №3, могила 2; 26 – курган №4, могила 1. 1–17, 25–27 – железо; 18–22 – железо и дерево; 23 – береста; 24 – береста и железо

боя (сабля). Средства металлической защиты самого погребенного отсутствуют (рис. 1.-5–6, 16, 19).

Курган №3 содержит две могилы с захоронениями людей, в которых присутствуют предметы вооружения. Могила-1 содержит захоронение человека в грунтовой яме, в возрасте 16–18 лет (возможно, женщина), в сопровождении набора для поражения на дистанции полета стрелы защищенного и незащищенного панцирем противника (наконечники стрел острием вниз в берестяном колчане), а также саблей для ближнего боя (рис. 1.-7–11, 20, 23). Реконструкция сабли и берестяного колчана с металлическим креплением выполнена автором раскопок А.М. Илюшиным (рис. 1.-18, 24). Отсутствие сопроводительного захоронения лошади позволяет интерпретировать его как пешего лучника, способного вступать в сабельную схватку в ближнем бою. Могила 2 содержит захоронение человека в возрасте 16–18 лет (возможно, мужчина) с остатками колчанного набора, ориентированного на стрельбу по защищенному металлической защитой противнику, а также рубящим клинковым оружием для ближнего боя (рис. 1.-12–15, 22, 27). Эту могилу можно интерпретировать как захоронение пешего лучника, который мог защищать себя в ближнем бою.

Курган №4 содержит единственное погребение человека в грунтовой яме (женщина переходного возраста, 22–23 года) с фрагментом миниатюрного кинжала, который в эпоху средневековья имел полифункциональное назначение и заменял в быту нож (рис. 1.-26).

Проведенный комплексный анализ предметов вооружения из захоронений курганный группы показал, что в захоронениях, содержащих останки человека (10 могил), в возрастных категориях, от подросткового возраста до взрослого, в погребальной обрядности обязательно присутствует металлическое холодное оружие (6 могил). Высокую степень вооруженности социального объединения, оставившего данную курганный группу, демонстрирует набор реконструируемых по взаимовстречаемости видов вооружения и его применению на уровне закрытых могильных комплексов. Кроме этого, выявлен факт вооружения лиц подросткового и юношеского возраста набором средств ведения дистанционного и ближнего боя в конном и пешем строю (конный лучник, конный всадник, пеший лучник). По комплексу вооружения захоронение взрослого мужчины в могиле 3 кургана №1, которое можно интерпретировать как погребение профессионального воина, снабженного вооружением для всех видов боевого столкновения с противником. А погребения в кургане №3 лиц юношеского возраста отличаются отсутствием сопроводительного захоронения коня и ориентированностью в стрельбе на защищенного противника, что, возможно, демонстрирует наличие ополчения. Еще одной отличительной чертой является отсутствие панцирной защиты в курганах памятника Солнечный-1, но при этом наконечники стрел, имеющиеся в отдельных могилах, могут быть применены против противника с панцирной защитой. В целом комплекс ориентирован на ведение дистанционного боя на расстояние полета стрелы, который мог завершаться таранным ударом и сабельным боем, в том числе в спешном строю. Наличие пехоты в составе данного памятника требует дальнейшего подтверждения новыми материалами. Указанные особенности и черты могут быть объяснены напряженной военной обстановкой.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАХОДКИ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ (по материалам раскопок Н.С. Гуляева)*

Комплекс археологических памятников Ближние Елбаны находится около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края и известен благодаря раскопкам, проведенным барнаульским краеведом Н.С. Гуляевым в конце XIX в. и в начале XX в. К сожалению, полученный тогда довольно многочисленный материал до сих пор полностью не введен в научный оборот. Причины такого положения дел заключаются в том, что архивные документы, имеющиеся в разных городах России, порой противоречивы либо неконкретны и размыты, а сами коллекции археологических предметов находятся в нескольких музеях страны (Тишкина Т.В., 2006, 2007 и др.). В свое время с подобными проблемами столкнулись М.П. Грязнов (1956), М.А. Демин (1989) и другие исследователи, которые занимались изучением наследия семьи Гуляевых. К настоящему времени в различных учреждениях Санкт-Петербурга, Москвы, Барнаула, Томска и Горно-Алтайска удалось собрать значительный объем информации для последовательного соотнесения всех данных и целенаправленного введения в научный оборот археологических материалов указанных краеведов. Целью данной статьи является публикация ранее неизвестных находок, полученных Н.С. Гуляевым на комплексе Ближние Елбаны (БЕ). Эта работа является продолжением деятельности автора по сбору и обобщению материалов о монгольском времени Алтая.

При изучении коллекции №3750, хранящейся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург), были выявлены предметы монгольского времени. Имеющаяся опись свидетельствует, что они происходят из «кургана №5», который был раскопан Н.С. Гуляевым на «Большереченском городище». Материалы были отправлены в музей в 1914 г., о чем свидетельствуют приложенные почтовые бланки. Только через 14 лет, в 1928 г., коллекция, состоящая из 269 предметов, оказалась зарегистрирована, а в следующем году была составлена опись имевшихся находок. Ныне все собрание хранится в Отделе археологии МАЭ РАН. Следует упомянуть, что человеческие кости, полученные Н.С. Гуляевым при раскопках могил на БЕ, были переданы в антропологический отдел МАЭ РАН, где они зарегистрированы под №4013.

В описи коллекции №3750 представлена следующая информация о предметах, обнаруженных в кургане №5 «Большереченского городища»:

20/10 – 10 железных наконечников стрел (среди них обнаружен небольшой железный нож длиной 9 см);

21 – бронзовый нож;

22 – бронзовый нож;

23 – железный кельт-топор;

24 – железное стремя;

24а – железное стремя;

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №08-01-60101а/Т «Алтай в монгольское время (XII–XIV вв.)».

- 25 – железные удила;
- 26 – глиняный сосуд;
- 27/2 – железный предмет;
- 28 – бронзовая бляшка;
- 29–32 – бляшки*.

Приведенный перечень находок, происходящих из указанного объекта, свидетельствует о явно разновременных изделиях. Такая ситуация могла быть связана с тем, что вещи более раннего времени были обнаружены в районе исследования монгольского захоронения либо Н.С. Гуляев включил их для количества. Не исключено, что находки перемешались в ходе длительного хранения или при других обстоятельствах. Так или иначе, но среди перечисленных изделий выделяется комплекс монгольского времени, состоящий, по-видимому, из нескольких железных наконечников стрел, тесла и комплекта конского снаряжения (удила и стремена). Такой набор инвентаря характерен для рядовых погребений Лесостепного Алтая периода развитого средневековья.

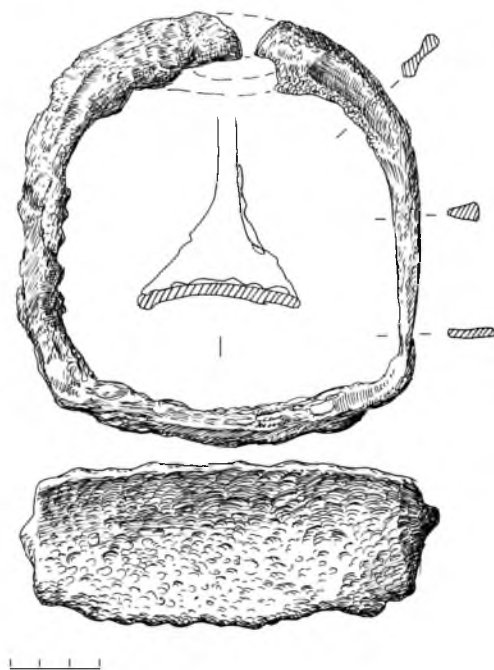

Рис. 1. Железное стремя

Среди более или менее сохранившихся наконечников стрел два плоских изделия с ромбической формой пера и черешком находят аналогии с такими же изделиями из известных памятников кармацкой археологической культуры (Горбунов В.В., 2006, рис. 35). Остальные представлены в обломках. Не исключено,

*Автор выражает благодарность руководству МАЭ РАН за предоставленную возможность публикации материалов, а также сотруднику отдела археологии, канд. ист. наук О.В. Яншиной за помощь при изучении коллекции №3750.

что они происходят из другого захоронения. Плохо сохранившееся тесло может быть сопоставлено с подобными же находками монгольского времени. Более всего ясна ситуация с железными предметами конского снаряжения. Такие удила и стремяна (рис. 1 и 2) уже неоднократно обнаруживались в памятниках монгольского периода на территории Лесостепного и Горного Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005), в том числе и на БЕ (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000). Особое внимание следует обратить на своеобразное оформление одного из стремян (рис. 2). Там вместо традиционной петли (рис. 1) находилась другая система крепления. Данная находка продолжает серию подобных изделий монгольского времени из памятников Яконур и Усть-Бийке-III (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 151, рис. 36).

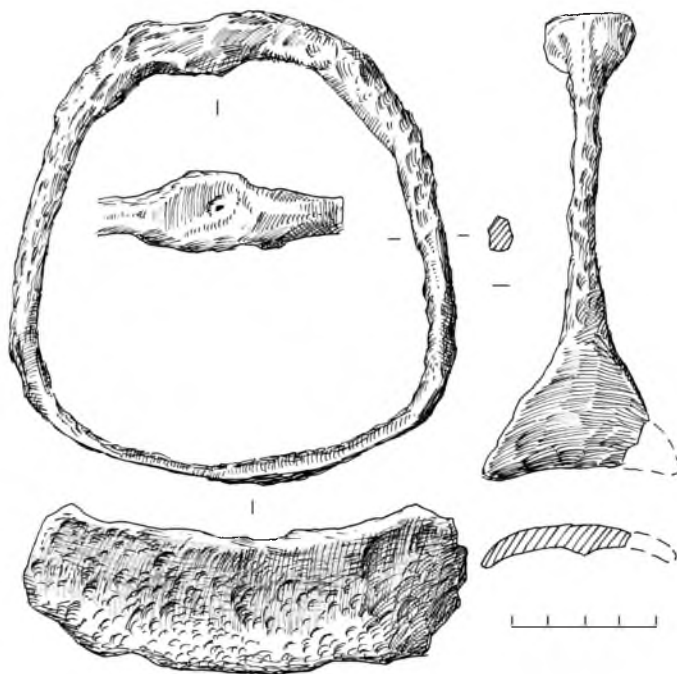

Рис. 2. Железное стремя

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о том, что на Ближних Елбанах Н.С. Гуляевым впервые была раскопана могила монгольского времени. Позднее такие погребения исследовались Северо-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова (1956) и сотрудниками Алтайского госуниверситета (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000). С учетом зафиксированных ранее могил на памятниках БЕ-II, VI и XIV (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 15) их стало всего девять. Остается выяснить, путем соотнесения имеющихся данных, в каком пункте погребение было зафиксировано Н.С. Гуляевым. Кроме этого, будет продолжена работа по изучению и других находок, происходящих с хорошо известного археологического комплекса в урочище Ближние Елбаны.

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АЛТАЯ АЛТГУ*

В Музее археологии и этнографии Алтай Алтайского государственного университета (МАЭА АлтГУ; г. Барнаул) хранятся коллекции, которые относятся к разным историческим этапам: от палеолита до этнографической современности. Обнаруженные свидетельства жизнедеятельности разных народов являются важными источниками для реконструкции этногенетических процессов, происходивших на Алтае и сопредельных территориях.

Среди всех находок особую группу представляют металлические зеркала, датируемые периодом поздней древности и эпохой средневековья. Такие изделия являются яркими показателями материальной культуры скотоводческих племен. Часть из них относится к предметам торевтики и требует специального изучения. Это обстоятельство определило подготовку данной публикации.

Рассмотрению металлических зеркал, обнаруженных в памятниках древних и средневековых кочевников Алтай, посвящены разделы некоторых монографий (Овчинникова Б.Б., 1990; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; Шульга П.И., 2004; и др.) и специальные статьи (Тишкин А.А., 2006а–б, 2008; Серегин Н.Н., 2007, 2008а; и др.). Имеются многочисленные работы, в которых отражены частные аспекты обозначенной тематики. Металлические зеркала, хранящиеся в МАЭА АлтГУ и представленные ниже, были получены в ходе проведения экспедиций в Горном и Лесостепном Алтае под руководством Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова, Ю.Т. Мамадакова, С.В. Неверова, А.А. Тишкина, М.Т. Абдулганеева, В.В. Горбунова, А.Б. Шамшина и др. Общий фонд таких изделий в настоящее время составляет более 35 экз., а процесс накопления материалов продолжается.

Самая многочисленная группа рассматриваемых находок может быть определена периодом поздней древности (конец IX в. до н.э. – V в. н.э.). Семь бронзовых зеркал (колл. №26/298–303 и колл. №101/74) получены в результате раскопок и сборов подъемного материала на археологическом комплексе Малый Гоньбинский Кордон (МГК), расположенном в Барнаульском Приобье. Один из исследованных некрополей (МГК-I/1) датирован раннескифским временем (Кунгуров А.Л., 1999). Позднее (V–III вв. до н.э.) была сооружена могила 35 памятника Староалейка-II, откуда происходит целое зеркало (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 9.-13; колл. №35/487). Редкая для Лесостепного Алтая находка получена в ходе изучения комплекса Фирсово-XIV, расположенного около г. Барнаула (на правом берегу Оби). На территории памятника обнаружен фрагмент китайского зеркала, датируемого концом IV–III вв. до н.э. Это подтверждает состав сплава изделия, типичный для подобных экземпляров и имеющийся круг аналогий (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, с. 78, рис. 2).

Отдельная группа металлических зеркал из МАЭА АлтГУ, относящихся к скифо-сакскому времени, демонстрирует развитие пазырыкской культуры. Племена этой общности занимали обширную территорию. Одним из памятников, который маркирует

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье» (№08-01-00355а).*

ее северо-западную границу, является могильник Ханкаринский дол, расположенный в Красношековском районе Алтайского края (Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2006). В ходе работ на некрополе получены материалы, отражающие процессы взаимодействия различных этнических групп в контактной зоне предгорий Алтая. Погребальный инвентарь, в том числе и несколько бронзовых зеркал, позволяет датировать памятник 2-й половиной V–III вв. до н.э. (Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2006, с. 21).

Серия металлических зеркал получена в ходе работ экспедиции Алтайского государственного университета на могильнике Тыткескень-VI (Чемальский район Республики Алтай) (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003), являющемся «классическим» памятником тыткескенского варианта пазырыкской культуры. Большая часть раскопанных курганов датирована в пределах таких хронологических рамок: от середины VI до IV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 106). В настоящее время одно из найденных зеркал (колл. №121/731) выставлено в экспозиции МАЭА АлтГУ В разделе, посвященном истории Алтая в скифо-сакское время, находится целое зеркало из кургана №28 могильника Кастахта (колл. №41/128). Некрополь, исследованный археологическим отрядом Алтайского госуниверситета, находился в Усть-Коксинском районе Республики Алтай (Степанова Н.Ф., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 36.-10). Датировка памятника определяется концом VI–IV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003).

Помимо представленных экземпляров в коллекциях МАЭА АлтГУ имеются случайные находки, которые могут быть датированы периодом поздней древности. В 1960-х гг. на площади Первомайского курганного могильника (Целинный район Алтайского края) П.Ф. Рыженко обнаружил бронзовое зеркало (колл. №188/1). Особенностью данного изделия, отличающей его от подобных вещей из памятников пазырыкской и быстринской культур, является сочетание отверстия и петли (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, с. 120, рис. 3). Фрагмент зеркала (колл. №28/209) найден на территории археологического комплекса Павловка-I (Угловский район Алтайского края) (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1984, с. 26). Культурную принадлежность этого неопубликованного предмета еще предстоит выполнить.

Сложные этногенетические и историко-культурные процессы, происходившие в центрально-азиатском регионе в «гунно-сарматское» время, применительно к территории Горного Алтая рассматриваются в контексте существования булан-кобинской культуры. Одним из хронологических показателей, маркирующих рамки раннего усть-эдиганского этапа в развитии данной общности, являются металлические зеркала. Серия подобных находок (колл. №181/663, 680, 916, 918, 1312) зафиксирована при раскопках могильника Яломан-II в Онгудайском районе Республики Алтай (Тишкин А.А., 2006а; Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, рис 3 и 4). Изучение изделий с применением метода рентгенофлюоресцентного анализа позволило прийти к выводу о том, что все экземпляры зеркал, которые были представлены в погребениях фрагментами, произведены на территории Китая. Выявлен и случай качественной подделки целого зеркала под китайский образец (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004).

Дальнейшее развитие торговых и политических контактов центрально-азиатских nomadов с оседло-земледельческими центрами происходило в период раннего средневековья. Середина I тыс. н.э. связана с бурными политическими и этнокультурными процессами. Памятники данного времени в Лесостепном Алтае (одинцовская культура) изучены

сравнительно слабо (Казаков А.А., 1996). В МАЭА АлтГУ представлено только одно металлическое зеркало, относящееся к этому периоду. Фрагмент изделия (колл. №157/221) обнаружен в ходе раскопок могилы 9 на памятнике Ближние Елбаны-XVI, датированной V–VII вв. н.э. (Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1995, рис. 2.-8).

Расцвет культуры кочевников степных и лесостепных районов Алтая связан с существованием на этой территории сrostкинской культуры. Достаточно представительная серия зеркал обнаружена при исследовании памятников грязновского (2-я половина IX – 1-я половина X вв.) и шадринцевского (2-я половина X – 1-я половина XI вв.) этапов существования данной общности. Это было время, когда происходило завершение консолидации общества номадов и расширение территории сrostкинского объединения (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001). В МАЭА АлтГУ хранятся изделия из следующих могильников: Ближние Елбаны-XVI (Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1995, рис. 2.-12); Екатериновка-III (The Altai culture, 1995; Тишкин А.А., 2008); Поповская Дача (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, рис. 1.-25); Рогозиха-I (Неверов С.В., 1990; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005, рис. 34.-12); Тараскина Гора-V (Грушин С.П., Тишкин А.А., 2004, рис. 1.-1; Грушин С.П., 2005, рис. 1.-2); Усть-Шамониха-I (Горбунов В.В., 1992, рис. 3); Шадринцево-I (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 5.-5); Яровское-III (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1998, рис. 1.-12). Кроме того, известна одна случайная находка с территории Алтайского края, относящаяся к рассматриваемому периоду (Тишкин А.А., 2008). Почти все изделия, за единственным исключением, представлены фрагментами. Данное обстоятельство, с одной стороны, связано с их переиспользованием и длительным бытованием (Тишкин А.А., 2008, с. 79), а с другой – может свидетельствовать о сложности получения предметов импорта с отдаленных территорий (Серегин Н.Н., 2007). Изучение химического состава сплава металлических зеркал позволяет утверждать, что изделия произведены по единой технологии, характерной для средневековых ремесленных центров Китая. Рассматриваемая группа находок демонстрирует одно из направлений контактов номадов на периферии кочевых империй центрально-азиатского региона.

Более тесные экономические и политические связи с Китаем отмечены у кочевников тюркской культуры. В ходе раскопок памятников указанной общности зафиксировано значительное количество изделий, произведенных в ремесленных центрах оседлых земледельцев (Серегин Н.Н., 2008б). Что касается зеркал, то по сравнению с находками из курганов сrostкинской культуры, отмечено значительно большее количество целых экземпляров. Китайские зеркала из памятников раннесредневековых тюрков Горного Алтая представлены в МАЭА АлтГУ двумя находками, полученными в ходе аварийных работ на могильнике Шибэ-II. Памятник находится в Онгудайском районе Республики Алтай. В 1986 г. на некрополе было исследовано 10 курганов тюркской культуры (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993). Материалы раскопок не опубликованы, однако фотографии зеркал размещены в каталоге выставки, проведенной Институтом археологии и этнографии СО РАН в Корее (The Altai culture, 1995). Результаты рентгенофлюоресцентного анализа сплава находок схожи с рассмотренными выше и также позволяют утверждать, что изделия произведены китайскими ремесленниками (Тишкин А.А., 2008).

Новый импульс в развитии этнокультурных традиций был получен в монгольский период. Несмотря на ограниченное количество исследованных памятников, на сегодняшний день представлена общая характеристика процессов, происходивших на Алтае в то

время (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002). Важными хронологическими маркерами, социально значимыми предметами, а также показателями, связанными с определенными мировоззренческими представлениями номадов Алтая в XIII–XIV вв., выступают немногочисленные металлические зеркала (Тишкин А.А., 2006б). В МАЭА АлтГУ находится фрагмент подобного изделия из кургана №1 могильника Телеутский Взвоз-I. Свинцово-оловянисто-цинковый сплав изделия, определенный в ходе спектрального анализа находки, является редким для Алтая. На основе круга аналогий, а также учитывая хронологию погребального инвентаря, зеркало может быть датировано 2-й половиной XIII – 1-й половиной XIV вв. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 100).

Итак, в коллекциях МАЭА АлтГУ в настоящее время находится серия разновременных металлических зеркал, которые являются отражением процесса развития кочевых культур Горного и Лесостепного Алтая в раннем железном веке и средневековье. Изучение обозначенной группы находок позволяет рассматривать вопросы, связанные с датировкой памятников, направлениями военно-политических и торговых контактов кочевников, сложными социальными процессами в обществе номадов, а также отдельные аспекты мировоззренческих представлений скотоводов. Наряду с характеристикой внешних признаков металлических зеркал (морфология, система орнаментации и др.), важным направлением исследований остается анализ химического состава сплава изделий. Реализация комплексного подхода в изучении предметов торевтики позволит на новом уровне рассматривать специфику процессов, происходивших на Алтае на протяжении двух тысячелетий.

И.Д. Ткаченко

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия

СНАРЯЖЕНИЕ КОНЯ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Особое место лошади в культуре кочевников определяется ее ролью в хозяйственной деятельности и, в первую очередь, транспортной функцией. Изобретение седла с жесткой деревянной основой открывало новые возможности и знаменовало следующий этап становления кочевой культуры.

Первые убедительные свидетельства использования деревянного седла с двумя одинаковыми подпрямоугольными, вертикально поставленными луками – так называемого когуресского типа (Крюков М.В. и др., 1984, с. 164) – происходят с территории Маньчжурии и Северной Кореи, датируются началом IV в. и соотносятся с доминированием на исторической арене кочевого объединения сяньби.

С другой стороны, изучение раннетюркских генеалогических преданий и сопоставление их с данными археологии позволили исследователям синхронизировать известное по письменным источникам владение Цигу – первое этносоциальное объединение, возникшее в результате распространения влияния раннетюркской государственности, с тепсейским этапом таштыкской культуры (Савинов Д.Г., 1988, с. 70). В склепе 1 Уйбатского чаа-гаса, датирующегося именно этим временем, сохранилась берестяная обкладка передней луки седла (Киселев С.В., 1951, табл. XXXII.-12), имеющая наиболее близкие аналогии среди седел «когуресского» типа. Особенно интересен сосуд в виде всадника эпохи Силла V–VI вв. (Вайнштейн С.И., 1991, рис. 98.-3), где, кроме высоких луков, хорошо

просматривается чепрак в виде двух трапезиевидных полотнищ и крепление стремян у передней луки, что предполагает отсутствие тебеньков за ненадобностью.

В памятниках культуры енисейских кыргызов, генетическое родство которой с таштыкской культурой в настоящее время не вызывает возражений, из-за существовавшего обряда кремации умерших остатки деревянных седел не сохранились. Среди более поздних материалов начала II тыс. н.э. развитие, вероятно, этого типа седла представляют находки в мог. 3 могильника Часовенная гора в Красноярске, где найдены серебряные обкладки лук, по которым возможна реконструкция внешнего вида седла XII–XIII вв. с массивными подпрямоугольными луками (Савинов Д.Г., 1977, с. 32). Со временем задняя лука становится несколько меньше передней и слегка отклоняется назад. Эти изменения отражают общие тенденции развития седла в среде степных кочевников, так как высокая вертикальная задняя лука значительно сковывает свободу действий всадника. Передняя лука, выполняя защитные функции, остается высокой.

Среди этнографических материалов близкие аналогии часовенногорскому седлу, несмотря на значительный хронологический промежуток и отдаленность территории, представлены в культуре якутов. Массивное седло с прямоугольными или округлыми луками, высокой вертикальной передней и низкой, отклоненной назад задней известно по погребениям XVIII в. (Константинов И.В., 1971, с. 187–207) и широко бытовало на рубеже XIX–XX вв.

Характерной особенностью седельного набора якутов являются *кычым* в виде двух трапезиевидных полотнищ, соединенных двумя ремнями, проходящими под седлом, и *чаппарак* – покрывка на круп коня. Другой особенностью является крепление стремянных ремней у передней луки седла, благодаря этому путлище не проходит под ногой всадника, что определяет ненадобность такого элемента седельного набора, как тебеньки, защищающие бедро человека от трения стремянным ремнем. Аналогичный седельный набор виден на упоминавшемся выше сосуде в виде всадника из Северной Кореи эпохи Силла, здесь не показана лишь покрывка на круп, так как именно в этом месте располагается устье сосуда. Покрывка на круп *чапрах* встречается также в седельном наборе хакасов.

В настоящее время среди якутов «старинное» массивное деревянное седло с обитыми металлом луками уже не используется, его заменило стандартное фабричное седло с луками в виде металлических трубок. Однако комплект *кычым* – *чаппарак* по-прежнему остается характерным элементом седельного комплекса, особенно праздничного.

Таким образом, имеющиеся аналогии седельного комплекса якутов определяют его истоки в культурной среде енисейских кыргызов, а сохранение архаичного облика позволяет отнести к рубежу I–II тыс. н.э. одну из волн миграции населения, принявшего участие в формировании якутского этноса.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что седло с высокими луками подпрямоугольных очертаний было известно населению Южной Сибири, но не имело широкого распространения. Гораздо более многочисленны находки остатков другого типа седел, с низкими округлыми луками, форма которых, по мнению Д.Г. Савинова, восходит к мягким седлам пазырыкского типа (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 189).

Остатки деревянных ленчиков, найденные в погребениях VI–X вв., позволяют не только реконструировать внешний вид седла, но и констатировать распространение на широкой территории представленного в нескольких вариантах типа седла, наиболее характерного для торкского времени. Это седло с большими лопастями по нижнему краю полки и невысо-

кими округлыми наклонными луками. Варианты представлены наличием или отсутствием вырезов на лопастях полков у передней и/или задней луки, а также наличием у некоторых тьянь-шаньских седел небольшого прямоугольного выступа в излучине передней луки.

Несмотря на то, что сама идея жесткого седла и стремян является на территории Южной Сибири привнесенной, говорить о простом заимствовании не приходится. Здесь появились иные варианты технологического и функционального подхода в ее воплощении. В научной литературе уже обсуждалось происхождение стремян с пельчатým ушком, которые были «изобретены» на территории Южной Сибири, как более простая в исполнении форма заимствованного стремени с пластинчатым ушком (Нестеров С.П., 1988, с. 177–178). То же самое, вероятно, произошло и с деревянным седлом. Оно появилось в Южной Сибири вместе с тюрками-тугу (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 203) и представлено находкой из Уйбатского чаа-таса. Идея сделать седло полностью из дерева была воспринята и переработана на основе опыта предыдущих поколений. Полки стали изготавливаться из дерева, а луки приобрели более изогнутую, чем у мягкого седла, форму. Как и в случае со стремянами, разные типы седел сосуществовали параллельно. Использовались как жесткие (полностью деревянные) седла с низкими более или менее круто изогнутыми луками и полками с ярко выраженной полукруглой лопастью по нижнему краю, так и, возможно, полумягкие седла со слабоизогнутыми луками и полками в виде кожаных подушек, не исключено, что с какой-либо твердой основой. При этом остатки полумягких седел встречены только на Алтае в женских погребениях. К концу I тыс. полумягкие седла полностью выходят из употребления. Передняя лука жестких седел, сохраняя округло-подпрямоугольную форму, становится выше, задняя остается широкой и пологой. Именно этот тип седла сохраняется на территории Алтая до этнографической современности.

В начале II тыс. на территории Южной Сибири появляется еще один тип седел с высокой подтреугольной передней лукой, он представлен находками металлических оковок в комплексах Тувы, и случайными находками в Минусинской котловине. На Алтае в первой половине II тыс. седла с подтреугольной передней лукой неизвестны.

Рис. 1. Седельные комплексы: 1 – сосуд в виде всадника. Северная Корея. V–VI вв. (по С.И. Вайнштейну); 2 – оседланная лошадь. Якуты (по А.П. Окладникову); 3 – женское свадебное седло. Улус Асочаков. Хакасы. (С акварели А.В. Воцакина)

Как показывают немногочисленные пока археологические материалы нового времени, сравнительно небольшие по размерам седла с подтреугольными луками в XVII–XVIII вв. характерны для культуры тувинцев. Среди более многочисленных этнографических материалов конца XIX – начала XX вв. другой тип седел у тувинцев не встречается. У кош-агачских казахов, проживающих в Горном Алтае, зафиксированы седла с подтреугольными луками, называемые *соён-эр* (Коновалов А.В., 1986, с. 37), т.е. «тувинское седло». Наиболее близкие аналогии как по форме седла, так и по составу элементов седельного набора тувинцев находим в культуре монголов. Возможно, появление лук подтреугольной формы на территории Южной Сибири в начале II тыс. н.э. связано с усилившейся в этот период активностью раннемонгольских племен.

Возможность проследить прототипы отдельных элементов комплекса конского снаряжения, бытовавшего в Южной Сибири на рубеже XIX–XX вв. с древнетюркского и предмонгольского времени, позволяет считать его одним из самых устойчивых элементов культуры кочевников. С другой стороны, снаряжение верхового коня, являясь одним из компонентов воинской субкультуры, подвергается наибольшим изменениям в периоды активной внешней политики, сохраняя найденные однажды технологические решения на протяжении веков.

Д.В. Цыбикдоржиев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

ГЕНЕЗИС КУЛЬТА ЗНАМЕНИ У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Различные проявления почитания боевых и государственных знамен впечатляюще схожи в разных культурах, что остается довольно загадочным моментом с точки зрения происхождения этого сходства. Довольно похожими могут быть и конструктивные особенности знамен. Выделяется монгольская традиция, уникальность которой в сохранившихся сравнительно подробных описаниях ритуалов, текстов, связанных со знаменами, и своеобразных конструкциях этих атрибутов. На одной из них нам хотелось бы заострить внимание.

«Бунчужные» знамена (*туг* или *сгидэ*) монголов представляли собой древко, на котором крепился металлический круг. Эту тарелкообразную деталь иногда называют *чар*, иногда – «зеркалом», «месяцем», кругом. В центре выпуклой части *чар* возвышалось навершие. «Белое знамя» в таком качестве использовало трезубец. «Черное знамя» сверху имело двулезвийный клинок.

Нижний «обод» такого типа знамен служил креплением для конских грив, часто трактуемых как «бунчуки», что служило объяснением для традиционного названия, в состав которого входят не только цветное обозначение, но и указание на число. Например, «Черное знамя» полностью зовется *Дербэн хгитэй хара сгидэ* «Черное знамя с четырьмя *хгл*». Обычно среди исследователей считается, что *хгл* – это бунчук. Визуально же конские гривы на знаменах не распадаются на отдельные бунчуки. Уверенность в интерпретации *хгл* как бунчука и, признаем, ее логичность заслоняли тот факт, что в центрах почитания этих знамен носители их культов воспринимали название как «Черное знамя с четырьмя ногами». Ранее и мы разделяли выдвинутое Д. Банзаровым предположение о бунчуках как причине появления названий «Черное знамя с четырьмя *хгл*»

и «Белое знамя с девятью (или восемью) *хгл*» (Банзаров Д., 1997, с. 46). Ц. Жамцарано (1961, с. 230), изучавший культ Черного знамени в Ордосе непосредственно среди организации, на протяжении веков специализировавшейся на отправлении этого культа, отметил, что, помимо основного знамени, имеются четыре «совершенно аналогичных» меньшего размера, окружающих главное, которые «составляют четыре ноги главного значения». Мы выдвигали версию о причинах появления обычая водружать дополнительные *хгл* и восприятия их в качестве «ног», сопоставив традицию с погребальными помостами *аранга* на сваях (Цыбикдоржиев Д.В., 2003, с. 263). В этой версии мы еще не решились отказаться от привычного перевода термина *хгл* как «бунчук», точнее «связка» (бунчук – по-монгольски *мунчаг*), но сейчас в свете все новых данных о свайных постройках у монгольских народов перевод Ц. Жамцарано предстает наиболее предпочтительным. Оговоримся, что значение термина *хгл* как «связка», «узел» в ряде других случаев, вероятно, остается на своем месте.

Обыденная погребальная обрядность не могла привести к появлению столько необычного культа, как культ знамени. Для развития комплекса представлений о знамени необходима вера в особую посмертную судьбу избранных. Как раз *аранга* была посмертным помостом не для всех, а для черных шаманов и воинов. Источники показывают наличие веры в отдельный загробный путь у предков бурят, полагавших, что военные вожди и наследующие им борцы, точнее их «души», попадают в роскошные дворцы в ведение богов-покровителей воинского искусства. Чаще всего в этом качестве упоминаются дворцы «хозяина» р. Лена Ажирая-бухэ (Хангалов М.Н., 1958, с. 317, 391, 454). В реконструкции выявляются множество других сюжетов мифологии посмертного избранничества выдающихся людей (не только воинов, но именно они сыграли наиболее значительную роль в обществе того периода, когда зарождались представления о загробных чертогах) (Цыбикдоржиев Д.В., 2003, с. 167–197).

Восприятие Ажирая у бурят довольно сложное: он бог небесного происхождения, но он же и полководец, выступающий для верующих как реальный исторический персонаж. Верующие не замечают некоторой противоречивости этих ипостасей. Точно так же различается и посмертное «жилище» Ажирая. Как военный вождь, он похоронен на помосте *аранга*, устроенном на гигантском башнеобразном мысу р. Лена (знаменитая «Писаная скала» у дер. Шишкино). Ажирай – бог – имеет каменный дворец, на котором растут четыре лиственницы, скрутившиеся ветвями в верхней части. Полагаем, что четыре дерева являются соответствиями в мифе четырем столбам *аранга* в обряде.

В Бурятии до самого недавнего времени (а частью – и сегодня) были распространены культы эжинов («хозяев») гор, которых воспринимали военными предводителями. Здесь можно указать скалу у реки Булэн (впадает в Ангару), где имелось изображение Боро Шарга, считавшегося погибшим в бою с эвенками, военного предводителя бурятского рода шошолог (Балдаев С.П., 1961, с. 182). В 80 км от Улан-Удэ местными бурятами (хори) почитался «хозяин» горы Эжир, военный предводитель, ездивший на темно-синем коне и носивший синие доспехи (Нацов Г.Д., 1995, с. 67). В Закамне имелся даже культ эжина горы, который считался русским казаком, погибшим в 1727 г. при проведении границы (Ламаизм в Бурятии, 1983, с. 143). В Агинском округе развитый культ военного предводителя концентрировался вокруг горы Адагалиг, где проводились общественные моления. Неподалеку, в местностях Нагурта и Будалан, находились культовые объекты, связанные с почитанием полководца хоринских бурят Бабжа Бараса. Там, на горах, были устроены

мунханы, в которых хранилось старинное оружие – доспехи, копьё, колчаны. *Мунхан* представляет собой небольшое, обычно дощатое здание. В Баргузине их делали на сваях (Михайлов Т.М., 1987, с. 241), о других традициях нет данных. Особенностью большинства сюжетов об эжинах, воспринимавшихся погибшими воинами, является то, что очень часто считается, будто они похоронены на горах, «хозяевами» которых стали. В то же время нами пока не найдено материальных подтверждений наличию там их могил.

Видимо, в тех случаях, когда воины погибали вдали от родных мест, их роды или общины обустроивали культовые объекты (*мунхан* или *обоо*) в их честь на горах своей территории. Тот факт, что *аранга* и некоторые виды *мунхан* строились на сваях, а также многочисленные фольклорные свидетельства похорон военных вождей и черных шаманов именно на *аранга*, говорит о корреляции между идеей особой посмертной судьбы и особым типом похорон. Основная мысль конструкции на сваях – вознесение, так (*дэ-дэхэ*) называется и сам обряд поднятия на *аранга*. Понять, почему именно черные шаманы и воины удостаивались вознесения, помогает одноименный обряд, не связанный с погребальными обычаями. Это обряд поднятия молниевых стрел, которыми считали различные бронзовые или каменные предметы предшествующих эпох (Балдаев С.П., 1961, с. 208). Буряты называют их *буудал* или *буумал* (от *бууха* «спускаться») и считают стрелами бога грома. Перед поднятием «стрелы» совершают ее омовение, определяют место, обертывают в материю и кладут в войлочную сумку. На выбранном месте воздвигают столб (~ 3 м) с углублением и задвижкой, куда укладывают стрелу.

В обряде вознесения молниевой стрелы ключевой идеей является возвращение на небо энергии, вызывающей атмосферные осадки. Обряды почитания *буумал* в основном сводятся как раз к просьбам о дожде либо о сбережении от града. Представление о той же самой безличной энергии *сгидэ* коренится в первобытном объяснении происхождения таланта, например, мастеров и военных предводителей. Обладание большим количеством *сгидэ* и приводит к развитию таланта, дара, отваги и т.д. Позднее возникают идеи о рождении вождей от небесных богов. Подобно тому, как символически возвращают на небо «молнии», старались «поднимать» и энергию полководцев, вознося их на *аранга*, или устраивая хотя бы символические «могиль» на горах (мы не исключаем тут смешения двух традиций, в каждой из которых было свое представление об обрядовом обеспечении особой посмертной судьбы). Напротив, для нейтрализации *сгидэ* врага его знамя переворачивали и втыкали в землю.

Как же произошел толчок к появлению собственно знамени? Думаем, что в определенный момент в обществе созрело представление о коллективном хранилище энергии. Иллюстрацией может служить ситуация с теми же *буумал*, некоторые из коих бывают общественными, принадлежа целому селению. Их берегли от похищения чужими. Во время обрядов молниевые стрелы вынимали и собирали вместе со всего селения, а фамильные иногда передавали родственникам, т.е. *буумал* не обязательно должен всегда находиться на одном месте. Еще одним сближающим моментом является особенность сибирского обычая рассылки жезлов или стрел к своим союзникам с призывом выступить на войну. Например, ненецкий жезл *шум-ты-юх* передавали по тундре при подготовке военного сбора мандалада в 1930-х гг. (Головнев А.В., 1995, с. 176). Данный обычай не нововведение, потому что в 1609 г. в соседнем регионе ханты во время подготовки восстания передавали «по юртам» некую «стрелу-знамя» с вырезанными на ней «одиннадцатью шайтанами» (Окладников А.П., 1937, с. 327). А.П. Окладников обратил внимание на сходство этого обычая с посыланием в 1622 г. бурятами некоего знамени своим кыштымам за р. Кан

перед намечавшимся походом и предположил, что по форме это «знамя» было стрелой. Мы склонны увязывать образ стрелы в военных посланиях северных народов с древним представлением о молниевых стрелах, но в комплексе с отголоском чисто практического применения сигнальных стрел со свистунками. Кроме того, предполагаем, что трезубцы и острия на монгольских знаменах типа *туг* также связаны с образами оружия громовержца, а металлические круги – с образами зеркал бога грома.

Сибирские «знамена-стрелы» и монгольские *туг* различаются в функциях. *Туг* армия несет с собой, проводит ритуалы его окропления (иногда кровавого) и никому не отправляет. Снова обращаем внимание на эпитет Черного *сгидэ* «четырёхногое». Строго говоря, вместе с малыми знаменами получалось бы пять *хэл*, «ног». Снова противоречие, объясняемое тем, что изначально и было четыре опоры, лишь позднее, при смешении древней традиции *аранга* с обычными знаменами на древках, появилась схема 1 + 4. Могло ли получиться, что погребальный помост дал идею конструкции *туг*? У индейцев чибча-муисков был обычай вносить мумии храбрых воинов на носилках в гущу сражения (Токарев С.А., 1976, с. 243), что как нельзя более походит на монгольскую функцию знамен *туг*, проявленную, например, в битве с кэрэитами (Рашид-ад-дин, 1952б, с. 125).

Традиция «четырёхногих» знамен зародилась где-то у монголов в бассейне Онона и Керулена. Там жили хунгиратские племена икирес и каранут (совр. буряты – эхири-ты, харануты), которые были переселены в Куду и Верхнюю Лену («область Тумат») в XIII в. (Рашид-ад-дин, 1952а, с. 162). Там отмечен обычай воздвижения столбов для молниевых стрел. Традиция захоронений на сваях и сооружения столбов для *буумал*, возможно, была связана с этими керуленскими монголами. Жившие ранее по Ангаре и Лене хори-туматы и другие этносы, видимо, имели близкий по семантике, но иной по воплощению обычай погребений на горах и почитание *буумал* в виде каменных глыб без воздвижения столбов для них (Балдаев С.П., 1961, с. 187). Вообще, во всех перечисленных традициях, таких как «стрелы-знамена», *буумал*, *туг сгидэ*, флагов (*далбаа*, *хюура*, *оронго*), ламаистских *джалцан*, видна масса взаимовлияний, что надо отдельно исследовать. Например, *джалцан* по конструкции очень похож на *туг*, но вместо конских грив украшен лентами, и оба напоминают дальневосточный символ власти – зонт.

В.Ю. Чигаева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ НАРОДОВ СИБИРИ (основные сюжеты в духовной и материальной культуре, параллели)

Изображения птиц в мелкой пластике, наскальном искусстве, мифологии и обрядовой практике народов Сибири довольно часты, что является свидетельством популярности этого образа на данной территории. Для эпохи бронзы характерен приоритет изображения птиц в наскальном искусстве перед изображениями в пластике и литье. К этим немногочисленным изображениям относятся, например, скульптурки летящих птиц из погребения младенца с могильника Бельтыры на р. Абакан (III–II тыс. до н.э.) (Хлобыстина М.Д., 1987, с. 84); подвеска в виде сидящей хищной птицы со сложенными крыльями из поселения Березовая Лука (ранняя бронза), случайная находка из кости или рога – Г-образное орнаментированное навершие в виде головы птицы с массивным загнутым клювом

и аналогичное данному навершие из памятника Сопка-2 (Новосибирская обл.), которое имеет более реалистичные черты птицы (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2002, с. 17–18); бронзовый предмет (литое пустотелое изделие) в виде головы птицы с небольшим клювом – часть навершия (голова каменного глухаря) с памятника Сук-Пак в степном распадке к югу от г. Кызыла (Кубарев В.Д., Забелин В.И., 2006, с. 96–97).

В итоге мы видим лишь одиночные фигуры, не собранные в композиции, не относящиеся к какой-либо композиции и интерпретировать их кроме как предметы, указывающие на культ птиц, по большому счету весьма сомнительно.

Другой «плоскостью» интерпретации этих предметов материальной культуры является рассмотрение областей проявления культа птиц, разнообразие семантических выкладок по данным фигуркам. Например, скульптурки летящих птиц в погребении младенца могут интерпретироваться как переносчики душ в загробный мир и указывать на некий обряд, связанный с переходом человека из одного мира в другой. Представления о переносе душ людей при помощи птиц в иной мир нашли отражение и в наскальном искусстве (Гачурт – Алтай). Кроме того, образ птицы сам имеет связи с детской символикой. Старые нганасанские крюки для подвески котла наверху имеют вырезанное изображение птички, иногда двойной птички, одной над другой, символизирующей ребенка, детей, а сам крюк как бы выманивает детей из утробы Земли-матери или моделирует их дорогу (Фольклор и этнография, 1990, с. 100).

Г-образные навершия, учитывая видо-родовую принадлежность изображений птичьих голов, могли являться предметами шаманской атрибутики. Головы птиц по форме клювов напоминают вороны, а вороны, как известно, были помощниками шаманов. Композиция с подобной семантикой имеется и в наскальном искусстве эпохи бронзы (Шишкино – Бурятия) и среди наскальных композиций других эпох (писаница у дер. Комарковой – Хакасия, этнографическая современность), и среди наскальных рисунков эпохи бронзы других регионов (Средняя Нюкжа – Амурская обл.). Также ворон в мифологии тюркских народов играл роль демиурга, в связи с чем данные предметы материальной культуры могли также служить при исполнении различных обрядовых действий, связанных с так называемым творением (например, какого-то чуда), и также принадлежать шаманам. С другой стороны, это могли быть и предметы, принадлежащие старейшинам рода и указывающие на тотема данного рода. Такова же, вероятно, семантика навершия в виде головы каменного глухаря, согласно определению В.Д. Кубарева и В.И. Забелина (2006, с. 96–97). Г-образная птичья символика встречается и в наскальном искусстве в виде рисунков головы птицы (Оннею – Якутия, Мугур-Саргол – Тува). Подобная неполнота и парциальность рисунков связана с передачей образа знаковостью и символичностью мышления.

Если обратиться непосредственно к наскальным изображениям народов Сибири в эпоху бронзы, то здесь мы, во-первых, можем отметить гораздо более полную и конкретизированную картину видо-родовых единиц. Наряду с вороном (Шишкино – Бурятия), хищной птицей и глухарем (Сень – Якутия), можно отметить гуся (Каменка – Иркутская обл.), утку («Часовня» – Якутия), лебедя (Саган-Заба – Бурятия), пеликана (II Новоромановская писаница – Кемеровская обл.), баклана («Часовня» – Якутия), цаплю (Бараун-Чулутай – Читинская обл.), журавля (Калбак-Таш-I – Алтай), выпь (Рисунки за мельницей – Бурятия), кулика (Аскиз – Хакасия), чайку (III Каменный остров – Иркутская обл.), сокола (Тас-Хазза – Хакасия), ястреба (Тапхар Иволгинский – Бурятия), коршуна

(Душелан – Бурятия), канюка (Тойон-Ары – Якутия), орла (Бижиктиг-Хая – Тува), грифа (Цаган-Салаа-IV – Алтай), куропатку (Висящий камень – Кемеровская обл.), тетерева (Бутрахты – Хакасия), дрофу (Мугур-Саргол – Тува), сороку (Оглахты-I – Хакасия).

По композиционному составу среди наскальных композиций с птицами в эпоху бронзы можно выделить:

- 1) изображения 2–3 птиц, идущих друг за другом;
- 2) стая птиц, идущих друг за другом;
- 3) несколько летящих/парящих рядом птиц (стая);
- 4) две парящие рядом птицы;
- 5) две летящих одна за другой птицы;
- 6) две птицы, стоящие друг напротив друга;
- 7) птица вблизи пятен;
- 8) птица/ы вблизи животных;
- 9) птицы вблизи животных и людей;
- 10) птица вблизи животных и пятен;
- 11) птица/ы вблизи солярной символики (рядом или держащая в лапах диск – Солнце);
- 12) птица вблизи неидентифицирующейся символики.

Также среди наскальных рисунков нами отмечены одиночные фасовые изображения птиц с расправленными крыльями и повернутой в сторону головой, одиночные фасовые изображения летящих/парящих птиц с расправленными крыльями, одиночные профильные изображения птиц, стоящих на одной/двух ногах или плывущих (ныряющих), и одиночные изображения головы птиц.

Исходя из вышеотмеченного можно выделить следующие сюжеты-сцены представленных композиций, которые также пересекаются с семантикой предметов материальной культуры с орнитоморфным наполнением: поклонение божествам – покровителям рода; сюжет противостояния; трехчленная вертикальная структура мира, где птица выступает представителем верхнего мира; поклонение Небу как верховному божеству; вереница птиц или «птичьи базары» во время перелетов; охота хищной птицы на животное; сцена двух миров (земного и потустороннего, птицы – переносчики душ); бытовые сцены; «небесная пара»; небесное животное (либо птица – покровитель); космогоническая сцена – «птица-демиург»; шаманское действо; неопределенная сцена; одиночное изображение птицы. Важным моментом является то, что одна и та же композиция может соответствовать одновременно нескольким сюжетам. Например, композиция «птица вблизи животных и/или людей» имеет сюжетное определение как бытовая сцена и как передача идеи связи двух миров.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АЛТАЯ

В период существования тюркской культуры (2-я половина V – XI вв.) выявлена определенная система мировоззрений, которая нашла отражение в погребально-поминальном обряде. Привлечение радиоуглеродных дат, результатов изучения вещевого

комплекса позволило продвинуться в выделении и характеристике определенных этапов развития тюркской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; Кубарев Г.В., Орлова Л.А., 2006; Тишкин А.А., 2007, с. 277–278).

К настоящему времени на территории Алтая изучено более 300 ритуальных комплексов (оградок). В одной из монографий Д.Г. Савинов заключил, что «...на сегодняшний день возможности классификации и интерпретации древнетюркских ритуальных сооружений исчерпаны» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 236). На наш взгляд, изучение этого вида археологических объектов только начинается, но уже на новом уровне (Кубарев Г.В., 2007; Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006; Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007). Для этого необходимо использование целого комплекса исследовательских мероприятий: реализация системного подхода, применение естественно-научных методов и др.

Большинство исследователей являются последовательными сторонниками точки зрения о «поминальном» назначении оградок (В.Д. Кубарев, Ю.С. Худяков, Д.С. Савинов и др.). Разногласия касаются в основном реконструкции самого обряда. При этом В.Д. Кубарев в одной из своих работ справедливо отметил, что для конкретизации назначения такого рода памятников требуется привлечение более массового материала (Кубарев В.Д., Цзвээндорж Д., 1995, с. 154).

Характеристика оградок как поминальных или погребальных сооружений базируется преимущественно на произвольном толковании отрывков из китайских хроник Чжоу-шу, Суй-шу и Бэй-ши*, привлечении схожих по содержанию этнографических материалов (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 48–49). Несоответствие данных письменных источников ситуациям, зафиксированным при исследованиях курганов, объясняется отсутствием тюркских погребений по обряду сожжения, компилятивным характером сведений, многокомпонентностью тюркской погребальной обрядности (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 198).

В хрониках речь идет о сожжении умершего вместе с его вещами (Чжоу-шу) или лошадью (Суй-шу) и последующем зарывании пепла в могиле (Бичурин Б.Я., 1960, с. 230). Л.Н. Гумилев (1959, с. 108–109, 114) полагал, что описание тюркского погребального обряда в китайской хронике соответствует археологическим памятникам типа оградок. А.Д. Грач (1955, с. 427–430) рассматривал оградки в качестве мест ритуального сожжения. Этот вывод был сделан на основе изучения комплекса кольцевых оградок в Туве (Хачы-Хову, Бай-Тайга), внутри которых обнаружены ямки** с золой и кальцинированными костями человека, а также привлечении сведений из письменных источников, где говорится о том, что до 1-й трети VII в. тюрки практиковали обряд трупосожжения (Грач А.Д., 1968, с. 208–212). А.А. Гаврилова (1965, с. 18) также обратила внимание на обнаружение золы*** при раскопках ряда оградок на Алтае.

*Хроники относятся ко 2-й половине VI – 1-й половине VII вв. – времени I Тюркского каганата (Войтов В.Е., 1996, с. 80; Ермоленко Л.Н., 2004, с. 48).

**Эти объекты расположены к востоку от примыкающих друг к другу оградок со стелами внутри.

***Зольники, зольные пятна зафиксированы при раскопках более 20 тюркских оградок внутри или снаружи, иногда в ямках или ящичках вместе с костями животных и углями. К сожалению, отсутствуют датировки таких объектов.

Есть также точка зрения, что ряд оградок может демонстрировать переход к обряду трупоположения (Гаврилова А.А., 1965, с. 21; Савинов Д.Г., 1973, с. 341; Васютин А.С., 1985, с. 76–77).

Версия о погребальном назначении оградок базируется также на таких планиграфических наблюдениях, как обособленное нахождение объектов или отдельными группами (Трифонов Ю.И., 1973, с. 356; Суразаков А.С., 1988, с. 569).

Изучение археологических материалов заставляет вновь обратиться к проблеме назначения такого вида сооружений, акцентировав внимание на некоторых моментах.

«Поминальные» сооружения. Обнаружены с восточной стороны оградок. Они представляют собой конструкции подквадратной или округлой формы небольших размеров*. При раскопках зафиксированы угли, кальцинированные косточки и небольшое количество мелких фрагментов керамики (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 193, рис. 53.-1–2). Подобного рода выкладки со следами кострищ, углей, кальцинированными костями животных исследованы и с восточной стороны целого ряда курганов: Бар-Бургазы-II, к. №9, Бар-Бургазы-III, к. №7, Джолин-I, к. №9, Джолин-III, к. №1 и 2, Талдуай-I, к. №6, Юстыд-I, к. №8, Юстыд-XII, к. №28, Курай-II, к. №1 и 6, Курай-IV, к. №1–3 (Кубарев Г.В., 2005, с. 16, табл. 25; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93)** . Возле курганов и оградок, с восточной стороны аналогичные объекты отмечены на территории Тувы и Северо-Западной Монголии (Длужневская Г.В., 2000, с. 178, 180, рис. I; Кубарев Г.В. и др., 2007, с. 299; Грач А.Д., 1966, с. 105, рис. 32; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 1999, с. 169; Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В., 2000, с. 199).

В этой связи следует заметить, что в материалах кочевых культур от ранней бронзы до раннего средневековья зафиксирована традиция совмещения сакральных пространств, предназначенных для реализации погребального, поминального обряда и обряда жертвоприношений.

Ящички. Представляют собой небольшие подквадратные конструкции из поставленных на ребро плит, найденные внутри (иногда в них помещен вешевой набор)***, а также снаружи оградных конструкций. Я.А. Шер (1966, с. 20) назвал ящички или ямки с золой, костями, керамикой в центре оградок своеобразными «жертвенными местами», «алтарями». Очевидно, назначение ящичков, находимых внутри и за пределами ограды, было различным. Во внеоградных объектах найдены только угли, фрагменты керамики, в двух случаях – железные ножи (Кудыргэ, огр. №VIII и XII). В.Д. Кубарев (1984, с. 75) предположил, что такие внеоградные ящички, копирующие конструкцию «основной» оградки, свидетельствуют о вторых поминках (в них помешалась пища для души умершего).

*В.Д. Кубарев (1984, с. 62) назвал их «жертвенниками».

**Перечисленные памятники относятся в основном к VII–VIII вв. (Кубарев Г.В., 2005, с. 140–141). Среди них известны как «полющеные» погребения, так и кенотафы (см. к. №7 могильника Урочище Балчикова-3, датированный VIII – I-й половиной IX вв.) (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118, 129).

***Это предметы наступательного и защитного вооружения, детали поясной гарнитуры, конского снаряжения, ножи, деревянное блюдо (Малталу, огр. №1), серебряный сосуд (Юстыд, огр. №1), а также фрагменты керамики, кости животных (овца и лошадь).

Судя по имеющимся датировкам, оградки с ящичками (с вещами или без них) характеризуют в основном комплексы 2-й половины V – 1-й половины VI вв. и почти не зафиксированы на последующих этапах развития тюркской культуры. На других территориях такие сооружения датируются, вероятно, более поздним временем (Данченко Г.П., Монгуш В.Т., Нестеров С.П., 1988, с. 96–97, рис. 9; и др.).*

Ямки. Исследованы оградки с вещами, помещенными в ямки внутри сооружений (состав вещей практически аналогичен ящичкам). Очевидно, ящички и ямки с вещами внутри оградок являлись разными формами реализации одного обряда.

Стелы, изваяния и балбалы. Известны случаи их установки не только рядом с оградками, но и с группой «полноценных» курганов. Это объекты ранней группы (Кок-Паш, Кудыргэ) и погребения VII–X вв. (Ак-Кообы, Узунтал-VIII, Кара-Коба-I, к. №47) (Кубарев Г.В., 2005, с. 139, 375, табл. 87; Савинов Д.Г., 1994, с. 46; Могильников В.А., 1990, с. 150–151). Балбалы/стелы отмечены возле курганов (Балык-Соок-I, к. №23) (Кубарев Г.В., 2005, с. 383, табл. 144)**, а также кольцевых оградок, под которыми находились конские захоронения (последние датируются кызыл-ташским этапом тюркской культуры) (Шелепова Е.В., 2008, с. 230).

Захоронения лошадей под кольцевыми и квадратными оградками исследованы пока в оградках исключительно смежной планировки или рядом стоящих. По характерному вещевому набору датированы кызыл-ташским этапом*** и не известны позднее VI–VII вв. (Могильников В.А., 1996, с. 28). Положение животных в них в целом стандартно для тюркского погребального обряда. В.А. Могильниковым (1992, с. 185; 1997, с. 225–226) не исключалась вероятность рассмотрения таких объектов в качестве кенотафов.

Наиболее близка «типичным» кенотафам огр. №109 мог. Кара-Коба-I (захоронение лошади в яме, отделенной перегородкой от колоды с помещенными в ней вещами)**** (Шелепова Е.В., 2008, с. 230). Эта особенность и другие наблюдения (пристройка прямоугольных оградок к округлым выкладкам), как считал В.А. Могильников (1992, с. 186), не исключает того, что на раннем этапе оградки являлись как «поминальниками», так и погребениями. В других объектах с конскими захоронениями место для погребения человека отсутствует, а вещевой набор включает преимущественно конское снаряжение.

Практически аналогичные конструкции подквадратной формы с захоронениями лошадей исследованы на других территориях (мог. Беш-Таш-Короо-II, Кыргызстан) (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 73–74, рис. 34). На мог. Беш-Таш-Короо-I (объект №2) изучена оградка с конским захоронением и изваянием с западной стороны (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 74, рис. 33). Как свидетельствуют материалы раскопок оградок на Алтае, ус-

*В Туве, Хакасии, Казахстане, Семиречье памятники тюркской культуры датированы не ранее 2-й половины VI в. (552–604 гг.) (Тишкин А.А., 2007, с. 193–195).

**Курганы с захоронениями лошади (вероятно, кенотафы), рядом с которыми установлены балбалы, исследованы также в Туве (мог. Бай-Тайга и др.) (Грач А.Д., 1966, с. 96–97, рис. 23).

***Подобных объектов, датированных позднее 1-й половины VI в., пока не известно.

****Из тюркских эпитафий известно, что такие памятники возводились и в честь воинов, которые не возвращались из походов (Кормушин И.В., 1997, с. 95).

тановка стел и балбалов с западной стороны является хронологическим показателем, характеризующим комплексы ранней группы*.

Самостоятельные захоронения лошадей под курганными насыпями исследованы на многих памятниках Алтая начиная с кызыл-ташского этапа тюркской культуры (мог. Нижняя Сору и др.). Не всегда в таких сооружениях оставлено место для захоронения человека, следовательно, остается открытым вопрос об их назначении.

Планиграфия оградок. Оградки не связаны планиграфически с одновременными курганами. При этом они могут размещаться с ними на одном могильном поле (Кубарев Г.В., 2005, табл. 47, 57, 120, 147). Как и тюркские погребения, оградки могут располагаться вблизи цепочек курганов пазырыкской культуры (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 128, 133, рис. 1–2; Савинов Д.Г., 1982, с. 102–103).

Одиночные оградки, всегда имеющие подквадратную форму, составляют самую многочисленную группу. Признаками, для которых отмечена наибольшая степень корреляции с этой группой, являются ямки с остатками деревьев, ямки или ящички с вещами**, изваяния с оружием и без сосуда, «жертвенники», «поминальные» кольца с востока (последние встречены на Алтае только в комплексе с одиночными оградками), балбалы с восточной стороны, отсутствие захоронений лошадей.

Вторую по численности группу составляют рядом стоящие объекты и третью – смежные. Для рядом стоящих объектов выявлена наибольшая сопряженность с такими показателями, как округлая форма, установка балбалов с запада, находки керамики внутри и снаружи. А.А. Гаврилова (1965, с. 16–18, 99, 102) полагала, что смежные оградки – памятники «семейные», а ящички, пристроенные с наружной стороны объектов, сооружены для детей. Ю.С. Худяков (1985, с. 181) считает, что двойные оградки могут интерпретироваться как сооружения, возведенные в честь воинов-побратимов.

Указанные выше особенности оформления тюркских ритуальных комплексов позволяют сделать ряд выводов.

1. Версия об исключительно «поминальном» назначении всех оградок не находит подтверждения в исследованных материалах.

2. Письменные свидетельства, повествующие о тюркском погребально-поминальном обряде, не идентифицируются четко с тюркскими курганами или оградками и требуют дополнительного исследования.

3. Некоторые тюркские оградки можно причислить к разряду кенотафов (по крайней мере, объекты раннего этапа, когда зафиксирован своеобразный «поиск» формы и содержания погребально-поминального обряда); другая часть оградок могла выполнять функцию «поминальников».

В тюркское время зафиксирован сложный комплекс представлений, связанных с реализацией погребально-поминального обряда. Разнообразие археологически зафиксированных способов его отправления может свидетельствовать о параллельном существовании нескольких традиций, выявление сущности которых требует дальнейшего изучения ритуальных комплексов.

*Скульптурных изваяний, датирующихся ранее 2-й половины VI в. н.э., пока не известно. Однако, как справедливо заметил Ю.С. Худяков (1999, с. 135), традиция их изготовления все же зарождается в период господства I Тюркского каганата.

**Ямки с вещами и ямки с остатками деревянных столбов в центре и/или по периметру зафиксированы пока только в одиночных оградках.

П.И. Шульга

*Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
ИАЭТ СО РАН и АлтГУ, Новосибирск, Барнаул, Россия*

О НАЗНАЧЕНИИ «ПОЯСНЫХ» БЛЯШЕК НА ВЕРХНЕЙ ОБИ И В ГОРНОМ АЛТАЕ

В погребениях скифского времени имеется значительное количество предметов, назначение которых не установлено или определяется предположительно. К ним также относятся различные бляхи и пуговицы с петельками на обороте, известные в погребениях каменской, пазырыкской, тагарской и других культур. Встречаются они в районе пояса и бедренных костей в мужских, женских и детских погребениях. По размерам и функциональному назначению данные изделия можно разделить на четыре группы: 1) колчанные застёжки (рис. 1.-1–6); 2) пуговицевидные застёжки для крепления ножен к портупейному ремню (рис. 1.-9–17); 3) поясные (?) пуговицевидные бляшки (рис. 1.-18–21); 4) пуговицы поясной фурнитуры (рис. 1.-22–25).

Колчанные застёжки. Встречаются в погребениях воинов. Представляют собой сферические бляхи диаметром 4–6,5 см с петелькой по центру оборотной стороны. Изготавливались из бронзы и железа, но известны и модели из дерева (Молодин В.И., 2000, рис. 134). Лицевая поверхность щитка могла быть совершенно гладкой (рис. 1.-1–2, 6) или иметь малозаметный орнамент по периметру (рис. 1.-3). У некоторых блях орнамент покрывал большую часть щитка (рис. 1.-4; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XVIII.-2) или весь щиток (рис. 1.-5; Молодин В.И., 2000, рис. 134). Несколько блях (прежде всего с гладкой поверхностью) по размерам и устройству похожи на зеркала (рис. 1.-6) и иногда идентифицируются с ними. Однако этому противоречит сферическая форма щитка, его малые размеры и встречающийся у многих экземпляров орнамент на лицевой стороне. Не случайно подобные изделия в тагарской культуре условно именуют «зеркалами», бляшками-«зеркалами» или просто солярными бляшками (Мартынов А.И., 1979, табл. 15.-12, 53).

Новые материалы с Алтая позволяют считать крупные бляхи первой группы в каменской и пазырыкской культурах колчанными застёжками, использовавшимися наряду с наиболее распространенными коническими колчанными ворворками с отверстием по центру (рис. 1.-7). Разница между ними заключалась лишь в способе соединения с портупейным ремешком – у блях ремешок крепился за петельку, а у ворворок ремешок пропусклся сквозь отверстие и на выходе запирался узелком или штифтом. В каменской культуре автору известно шесть таких блях: три найдены в Новотроицком некрополе, две – в Новом Шарапе-1 и одна – в Высоком Борке (рис. 1.-1–6; Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994). В Новотроицком из трех блях две железные (Н-1, к. 15 и Н-2, к. 1) и одна бронзовая (Н-2, к. 17). Диаметр бляхи из Новотроицкого-1 (к. 15) после расчистки от окислов и соединения двух распавшихся частей (первоначально принятых за остатки двух изделий; см.: Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а, рис. 4.-22–23) составил 6 см (высота 1,5 см). На оборотной вогнутой стороне имела плохо сохранившаяся железная петелька с остатками ожеженного ремешка шириной около 8–10 мм (рис. 1.-1).

Устройство петельки хорошо прослежено на почти идентичной железной бляхе диаметром 6,5 см из кургана №1 в Новотроицком-2 (рис. 1.-2). Железная петелька там представляла уплощенную приваренную по центру обойму длиной 2,5 см (ширина 0,7 см, высота 1 см). В петельке находились остатки двух пропущенных сквозь нее ожелезненных кожаных ремешков шириной около 9 мм. Третья крупная бляха из бронзы диаметром 4,8 см с остатками пропущенного в петлю ремешка найдена в Новотроицком-2, (к. 17, м. 8) у левой кисти человека на бронзовом колчанном крючке (рис. 1.-3). Ближе к пяточным костям человека лежали три роговых наконечника стрел, а в районе пояса – пряжка-застежка и ворворка. Еще две крупных сферических бронзовых бляхи происходят из могильника Новый Шарап-1. Обе они входили в поясные наборы (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XVIII–XIX). В описании поясного набора из кургана №19 указано, что круглая бронзовая бляха с петелькой на обороте висела на конце портупейного ремешка, отходящего от пореза подквадратной поясной обоймы (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 31). Принадлежность обоймы и бляхи к одному комплекту подтверждается и однотипной скобчатой орнаментацией. По указанному масштабу диаметр этой бляхи около 4 см, а бляхи из кургана №6 – около 5,5 см (рис. 1.-5).

Особое значение для понимания назначения крупных сферических блях с петелькой на обороте имеет массивная бронзовая ворворка колоколовидной формы диаметром 5,5 см из кургана №5 в Рогозихе-1 (Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005, рис. 10.-1–3). Она находилась в сочленении со сферической бляшкой, имеющей с тыльной стороны петельку с остатками тонкого кожаного ремешка шириной 0,6 см. Основание ворворки и отверстие заполированы от долгого употребления. Очевидно, в рабочем состоянии ремешок пропущался через отверстие в ворворке и фиксировался на петельке бляшки. По существу ворворка из Рогозихи-1 с бляшкой представляет собой колчанную бляху с петелькой на обороте. Разница лишь в том, что бляхи представляют собой цельные изделия. Колчанные бляхи из Новотроицкого некрополя и Нового Шарапа-1, а также комбинированное устройство из ворворки и бляшки в Рогозихе-1 происходят из ранней группы погребений, датирующихся не позже V в. до н.э. При этом все бляхи находятся в северной части ареала каменской культуры, где происходили контакты с тагарцами. К ранним относится и поясной набор из могильника Высокий Борок (в 50 км к северу от г. Новосибирска), в который также входила крупная выпуклая бронзовая бляха диаметром около 4,5 см (рис. 1.-4; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XXIII.-6).

В пазырыкской культуре колчаные бляхи найдены в Юго-Восточном Алтае: бронзовая – в Уландрыке-5 (рис. 1.-6) и деревянная – на Укоке, при раскопках кургана №3 могильника Верх-Кальджин-2, где «...в верхней части несохранившегося колчана обнаружена крупная круглая деревянная бляха сферической формы. ...Данное изделие, которое использовалось в качестве застежки для крепления колчана к поясу, имеет два противоположащих отверстия для крепления» (Молодин В.И., 2000, с. 108, рис. 134). В силу особенностей материала, деревянная модель отличается от металлических блях иным устройством для привязывания ремешка. Эта находка однозначно указывает, что в пазырыкской культуре колчаны подвешивались как при помощи ворворок (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 108–109), так и крупных блях с петельками на обороте.

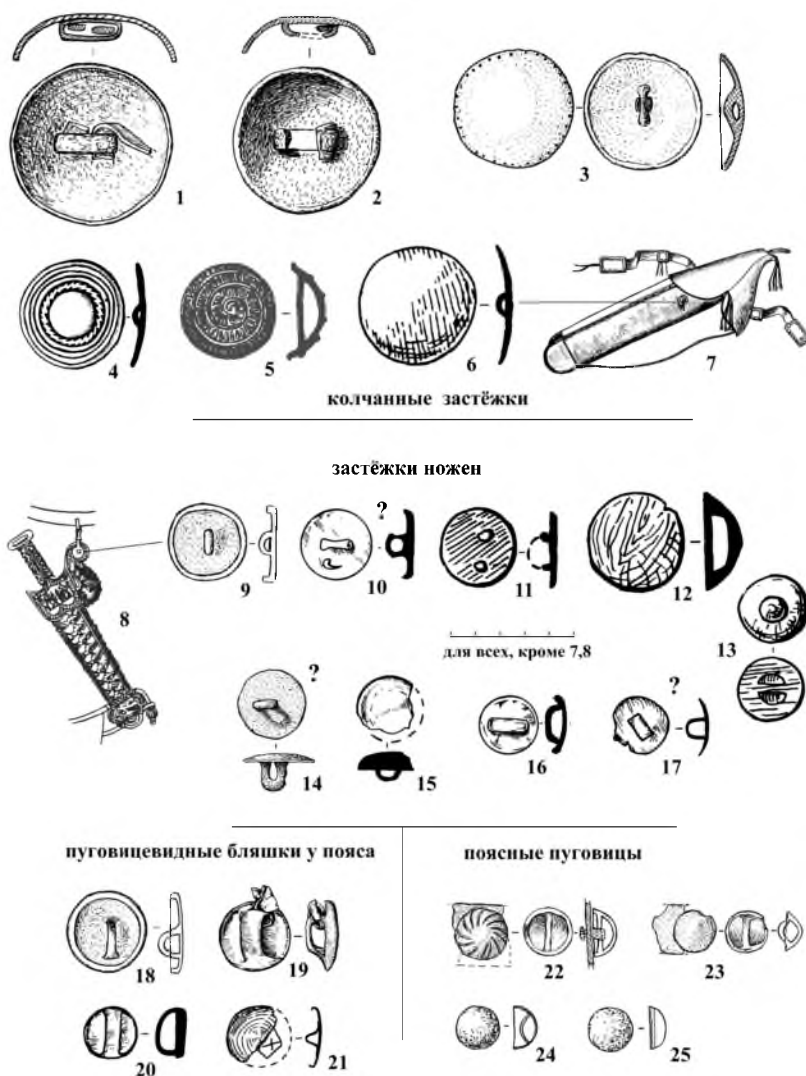

Рис. 1. «Поясные» бляшки и «зеркала» из погребений на Верхней Оби и в Горном Алтае VI–IV вв. до н.э.: 1–3 – Новотроицкое-1–2; 4 – Высокий Борок; 5 – Новый Шарап-1; 6 – Уландрык-5; 9, 18 – Тавдушка; 10, 16, 21 – Малталу-4; 11 – Юстыд-12; 12 – Уландрык-3; 13 – Уландрык-4; 14 – Тете-4; 15, 17 – Барбургазы-1; 19 – Ташанта-1; 20 – Юстыд-1; 22–23 – Юбилейный-2; 24–25 – Локоть-4а. Железо – 1–2, 24–25; бронза – 3–6, 9–11, 14–20, 22–23; бронза, железо – 21; дерево – 12–13. 7 – реконструкция пазырыковского колчана (по: Полосьмак Н.В., 2001); 8 – расположение застёжки на ножнах кинжала (по: Литвинский Б.А., 2002)

Пуговицевидные застёжки для крепления ножен к портупейному ремню (рис. 1.-9–17). В пазырыкской культуре почти все происходят из курганов Юго-Восточного Алтая (рис. 1.-10–17). Одна обнаружена на Нижней Катуне в Тавдушке (рис. 1.-9). Бляшки имеют выпуклый или плоский неорнаментированный щиток диаметром около 2,5–3 см и сравнительно большую петельку по центру оборотной стороны. Известны экземпляры из бронзы и деревянные имитации (рис. 1.-12–13). Судя по находкам из Тавдушки и верховий Чуи, эти бляшки служили застёжками на выступающей лопасти ножен (рис. 1.-8), где обычно встречаются ворворки с большим центральным отверстием. По устройству и функциональному назначению пуговицевидные бляшки подобны колчанным бляхам и различаются лишь местом расположения и размерами. Подобные бляшки известны и в погребениях каменной культуры (Могильников В.А., Уманский А.П., 1999а, рис. 4.-12; Могильников В.А., Уманский А.П., 1999б, рис. 2.-10; 4.-1; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XIX.-3), но место нахождения их на ножнах там не зафиксировано.

Поясные (?) пуговицевидные бляшки (рис. 1.-18–21). По размерам и устройству данные бляшки почти не отличаются от застёжек ножен, но использовались иначе. Обнаружены они в районе пояса у женщин и детей без оружия. От пуговиц воинских поясов бляшки отличаются большими размерами и тем, что помешались по одной. Вопрос об их назначении остается открытым, но можно с уверенностью сказать, что это не модели зеркал. Предположительно они использовались как застёжки в поясной фурнитуре или одежде.

Пуговицы поясной фурнитур. Имеют сильно выпуклый сферический щиток диаметром около 1,5 см (иногда 2 см). С оборотной стороны, как правило, располагается не петелька, а прямая или слабо выгнутая узкая перемычка (рис. 1.-22–25). Изготавливались из бронзы, железа и дерева. На Верхней Оби встречаются в погребениях каменной, староалейской и быстринской культур. В пазырыкской культуре такие находки немногочисленны. В ряде случаев пуговицы достоверно зафиксированы на воинских поясах и портупейных ремешках (Шульга П.И., 2003, рис. 6; Уманский А.П., Шульга П.И., 2005). Между тем эти полифункциональные изделия иногда включались в фурнитуру ножен, могли использоваться в одежде.

ЛОШАДЬ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ

О.П. Бачура

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА И СЕЗОНА ЗАБОЯ ЛОШАДЕЙ ПО РЕГИСТРИРУЮЩИМ СТРУКТУРАМ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ АЛТАЯ*

Изучение костных остатков домашних животных археологических памятников позволит охарактеризовать важные аспекты древнего хозяйства населения Алтая. Одним из таких аспектов является определение сезона и возраста забоя животных. Определение данных параметров производится по регистрирующим структурам.

Регистрирующие структуры млекопитающих – это ткани зуба и кости. Благодаря сезонным и внутрисезонным ритмам роста особи в тканях зубов и кости образуются слои (годовые, сезонные, внутрисезонные, суточные). Формирование этих слоев отражает периоды роста организма: активный рост (весна–лето) и замедление роста (осень–зима) (Клевезаль Г.А., 1988). При анализе ростовых слоев в зубах или кости могут быть определены некоторые моменты истории жизни особи: возраст особи в момент гибели, сезон рождения и сезон гибели, возраст достижения половой зрелости и др. (Клевезаль Г.А., 1988; 2006; 2007). Этот метод применяется в основном на рецентных выборках для млекопитающих практически всех отрядов умеренной зоны. На ископаемых материалах данный метод используется не столь широко (Клевезаль Г.А., 2006). Это связано с трудоемкостью самого метода, а также с особенностями ископаемого материала. Для выявления ростовых слоев в тканях зубов и кости необходимо изготовление тонких срезов с предварительной декальцинацией образца (Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е., 1967; Клевезаль Г.А., 1988). Именно на тонких срезах наилучшим образом видны слои и появляются возможности для описания моментов жизни особи, о которых упоминалось выше. Для ископаемых образцов декальцинация невозможна в связи с малым содержанием органической составляющей. В результате декальцинации образец просто разрушается. Поэтому приходится ограничиваться в лучшем случае шлифами, а чаще всего аншлифами. На аншлифах есть возможность определить возраст и сезон гибели особи.

В данной работе приведены результаты определения возраста и сезона гибели лошадей, остатки которых происходят из памятников Алтая (материалы для исследований предоставлены А.А. Тишкиным). Был проанализирован 21 образец из шести памятников (табл.), которые характеризуют различные культуры поздней древности на Алтае.

У копытных животных ростовые слои образуются только в зубах (Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е., 1967; Клевезаль Г.А., 1988). Для исследования были взяты резцы лошадей. Подсчет и анализ ростовых слоев в зубах животных производился на аншлифах в отраженном свете.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-00341).

Таблица 1

Возраст и сезон забоя лошадей из памятников Алтая

Культура	Памятник	Возраст, лет	Сезон забоя
Бийкенская	Бике-IV, курган №4	≈8	май–октябрь
Пазырыкская	Берсюкта-II, курган №1	≈5–6	май–октябрь
	Бике-III	≈7–8	май–октябрь
	Ханкаринский дол, курган №4	≈6	март–апрель
	Ханкаринский дол, курган №5	>10	май–октябрь
	Ханкаринский дол, курган №6	>18	март–апрель
	Ханкаринский дол, курган №7	≈10	май–октябрь
	Ханкаринский дол, курган №8	≈6–7	май–октябрь
	Ханкаринский дол, курган №9	≈7–8	март–апрель
	Ханкаринский дол, курган №10	≈14	май–август
	Ханкаринский дол, курган №11	≈12–15	март–апрель
	Ханкаринский дол, курган №12	≈6	ноябрь–февраль
	Чобурак-II, курган №1	≈7	май–октябрь
	Чобурак-II, курган №2	>18	май–октябрь
	Чобурак-II, курган №3	>15	май–октябрь
Булан-кобинская	Яломан-II, курган №23	≈16	май–октябрь
	Яломан-II, курган №33	≈16–17	май–октябрь
	Яломан-II, курган №33	≈10	май–октябрь
	Яломан-II, курган №33	≈11	май–октябрь
	Яломан-II, курган №54	≈18	?
	Яломан-II, курган №60	>16	май–октябрь

Возраст гибели особей определялся для надежности несколькими способами. Предварительно возраст был определен на основании стертости зуба (Фрид С.Л., 1928). С помощью этой методики определение возраста у лошадей после восьми лет становится приблизительным. Подсчет слоев производился в цементе и во вторичном дентине. Выяснилось, что количество слоев в дентине больше соответствует истинному возрасту лошади, который был определен на основании стертости зуба. К сожалению, определение возраста лошади возможно только приблизительно. Это связано с тем, что неизвестно, в каком возрасте образуется первый четкий годовой слой в дентине и цементе (Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е., 1967).

Определение сезона забоя у лошадей возможно только с точностью до сезона (Burke А.М., 1992). Точнее время гибели животного определить нельзя, так как существует индивидуальная изменчивость (Клевезаль Г.А., 1988). Сезон гибели лошадей определялся на основании полноты формирования последней промежуточной (летней) линии по отношению к предыдущим промежуточным линиям, если таковые имеются, или наличия основной (зимней) линии.

В итоге были получены следующие результаты. Все изученные зубы лошадей из памятников пазырыкской культуры принадлежали взрослым особям старше 6 лет (табл. 1). Среди них есть зубы, которые происходят от довольно старых особей старше 18 лет (табл. 1). Из памятника Яломан-II (булан-кобинская культура) все изученные зубы лошадей происходят от особей старше 10 лет (табл. 1). Сезон гибели большей части лошадей приходится на весенне-осенний период. Из памятника Ханкаринский дол происходят зубы лошадей, забитых ранней весной и поздней осенью-зимой. Полученные данные могут свидетельствовать о сезоне захоронения в данном конкретном кургане, из которого происходят остатки лошади (табл. 1). Возможно, полученные данные могут отражать и сезонность посещения населением территории, где расположены данные памятники, на определенных отрезках исторического времени.

В данной публикации пока представлены предварительные данные. Окончательные выводы можно будет сделать после того, как будут изучены остатки лошадей из всех курганов. Кроме того, необходимо привлечение данных археологии и, возможно, палинологии.

А.И. Боброва

Томский областной краеведческий музей, Томск, Россия

ЛОШАДЬ У СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ*

Никаких животных, кроме собак, нарымские остяки не имели. Даже перевоза зимой служилых людей в порядке ямской гоньбы, они сами впрягались в нарты. Только к концу XVII в. отмечаются отдельные случаи покупки ими лошадей у русских (цит. по: Долгих Б.О., 1960, с. 90).

Однако о легендарных конных богатырях и коневодческих традициях в культуре нарымских селькупов, жителей таежно-болотистых районов Среднего Приобья, хорошо известно из этнографических источников. Г.И. Пелих считала, что одним из основных в их культуре был компонент «Г», отличавшийся от остальных скотоводческой направленностью быта. По мнению исследователя, он включал элементы двух различных традиций – кочевого и оседлого скотоводства, процессы смешения которых проходили в начале эпохи железа за пределами обитания современных селькупов, кетов и шорцев, в культуре которых данный компонент присутствует. Непременной деталью погребального обряда компонента «Г» являлось жертвоприношение коня. Конские скелеты (или отдельные кости) и принадлежности конской сбруи закапывали вместе с покойным в могилу (Пелих Г.И., 1972, с. 207). Образ коня вошел в шаманскую мифологию. С конем связан ряд легенд, преданий, «страшных» историй. Как считала Г.И. Пелих, по селькупским материалам элементы данного комплекса выражены слабо. Он лег в основу, главным образом, культуры хантов, кетов, некоторых народностей Южной Сибири (Пелих Г.И., 1972, с. 147–148, 199). Несмотря на известную критику в

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №08–0100427а).

адрес исследователя по поводу аланской проблемы (Функ Д.А., 2004, с. 70–76), археологические источники свидетельствуют о коневодческих традициях в культуре предков нарымских селькупов. Их материализованными элементами являются: остеологические остатки в культурном слое поселений; кости лошади (череп, нижняя челюсть, бабки, трубчатые и пр.) в погребениях: на погребальном сооружении или в насыпи кургана/в насыпи могилы; предметы конского снаряжения в погребении/насыпи; изделия с изображением лошади.

1. Кости лошади обнаружены в культурном слое поселений: Тискинском, Иготкинском (Колпашевский район) и Павлово-Парабельском (Каргасокский район), приуроченных к поймам рек Оби и Парабели, богатых пастбищами. На Тискинском поселении они встречены повсеместно, причем черепа, нижние челюсти, зубы и конечности концентрировались в ямах и кострищах. Позвонки и копыто лошади обнаружены в жилище (Боброва А.И., Березовская Н.В., 2007, с. 101–113). Коллекция с Павлово-Парабельского селища содержит более 340 обломков костей и зубов животных, из которых подавляющее большинство составляют челюсти и зубы лошади (Боброва А.И., 2001, с. 128–138). Поселения относятся к 1-й трети II тыс. н.э. и значительный процент костей лошади в комплексах является индикатором ее значимости в хозяйственной деятельности населения. Специфический набор костей в культурных слоях поселений свидетельствует об особом к ним отношении: специальном помещении в яму, обжигании мест концентрации. Присутствие костей лошади в жилых объектах доказывает использование мяса животных в пищу.

2. Кости лошади в курганных могильниках фиксируются уже в раннесредневековом могильнике Релка (Чиндина Л.А., 1977, с. 9–23; рис. 6, 7Б, 19, 24, 30). Традиция сохранилась и в последующее время. Черепа, зубы, нижние челюсти, конечности в скоплениях обнаружены в насыпях и погребениях некрополей XIII–XVII вв. (Тяголовский, Тискинский, Пачангский, Остяцкая Гора). Присутствие специфического набора частей конского скелета свидетельствует об имевшем место обычае сопогребения нерасчлененной туши коня или его головы вместе с человеком, как это практиковалось у казахов (Токтабай А.У., 2004, с. 73, 76).

Большое количество других костей скелета лошади (нижние челюсти, черепа, кости ног, лопатка, ребра), обнаруженных в насыпях и около погребений Тяголовского некрополя XIII–XIV вв., можно квалифицировать как остатки тризн, во время которых мясо животного употребляли в качестве поминальной пищи (Боброва А.И., Герасько Л.И., 2001, с. 19–21).

3. Кости лошади с погребенным. В могильниках IX–XIV вв. в Томском Приобье (Еловском-1 и Басандайском) практиковалось сопогребение покойного с крупом целого животного (Матющенко В.И., Старцева Л.М., 1970, с. 152–174; Плетнева Л.М., 1997, с. 35–36). Такой обычай зафиксирован и в Нарымском Приобье, в могильнике Релка (три случая). В это же время, судя по находкам в некрополях Астраханцевском, Басандайском, Усть-Малая Киргизка, Релка, получил распространение обряд расчленения туши коня и захоронение с человеком или рядом с его могилой отдельных частей – головы, шкуры с головой и конечностями, конечностей (Плетнева Л.М., 1997, с. 12, 49–50, 65 и др.; Чиндина Л.А., 1977, с. 83). В Тискинском некрополе в единичных случаях зафиксированы: а) погребение отчлененной *головы лошади* на перекрытии камеры; б) оставление *взнузданной (?) головы лошади* на столбе около погребального

сооружения; в) оставление *головы лошади* на деревянном помосте рядом с погребением; г) помещение черепа, нижних челюстей, костей ног животного вместе с погребенным, рядом с ним или над ним (в области ног, в изголовье). По стратиграфии и инвентарю три первых варианта захоронений относятся к XIII–XIV вв.

4. Конское снаряжение – удила, стремяна, накладки уздечного набора, пробойники и иные детали седла, ременная уздечка с удилами (Тискино, кург. №4 погр. 66) – представлено в могильниках Тискинском и на Остяцкой Горе.

Удила. Двусоставные изделия с кольцами-псалиями. Звенья изготовлены из толстого, круглого в сечении, дрота; незначительно различаются по длине. Соединены друг с другом и с псалиями крюковым способом. Диаметр колец: 4–5, 8–9 см. Данная конструкция появилась в результате поиска более простых форм изделий и более рационального использования кольчатых псалий с крюковым соединением отдельных звеньев. В Тискинском могильнике удила обнаружены в: кург. №1 (1 экз.) (Чиндина Л.А., 1975, с. 66, табл. 13.-18), в кург. №3 погр. 23 и 37; кург. №4 погр. 60 (Боброва А.И., 2000, рис. 2.-3), 67, 94, 106–107, 109/1, 129, 136, 140; кург. №8 погр. 20, кург. №9 погр. 11. В курганах Остяцкой Горы присутствуют в трех случаях (Дульзон А.П., 1955б, с. 109).

Стремяна состоят из дужки и подножки. В парах присутствуют разнотипные изделия: стремя подтрапещиевидной и арочной формы с прямой подножкой. Дужка – пластинчатая, при переходе к подножке образует небольшие плечики. Высота стремян около 14 см. Ширина подножки 6,3 см и 5,8 см. Несмотря на отличие внешней формы, по ряду признаков (плоская подножка, пластинчатая дужка, овальное ушко для путлища, пробитое в верхней части дужки) изделия близки. В целом стремяна отличаются простотой конструкции и единством технологии. Технологияковки несложная: первоначально в средней части брусковидной заготовки формировалась подножка, по обеим сторонам от нее – дуговидные элементы дужки; затем следовал изгиб боковых сторон и сварка концов заготовки. В верхней части дужки пробивалось отверстие для путлища (Зиняков Н.М., 1997, с. 182). Обнаружены в Тискинском могильнике: кург. №1 – одна пара стремян одинаковой формы (Чиндина Л.А., 1975, с. 67, табл. 13.-17), кург. №11 погр. 20 (Чиндина Л.А., 1977а); кург. №4 погр. 60 (Боброва А.И., 2000, рис. 2.-1–2), кург. №7 погр. 15. На Остяцкой Горе встречены в трех случаях (Дульзон А.П., 1955б, с. 109).

5. Предметы с изображением лошади. В могильнике Релка в кург. №7 мог. 1 обнаружен фрагмент отливки, изображающей фигуру всадника, сидящего на лошади (Чиндина Л.А., 1977, рис. 24.-22). В Тискинском некрополе найдены: 1) изображение лошади, вырезанное из медной пластины (Боброва А.И., 2000, рис. 4.-2) и 2) дисковидные подвески с изображением всадников: а) сокольничего с птицей на правом плече; б) двух всадников на крупе лошади.

Находки удил, стремян, остатков седла, попоны (?), предметов культового назначения и украшений с изображением лошади свидетельствуют об использовании населения Нарымского Приобья лошади для верховой езды. Малый процент таких погребений – показатель высокого социального статуса покойных, что подтверждается обилием, разнообразием и богатством сопутствующего инвентаря: наборами железных и костяных наконечников стрел, теслами, ножами, украшениями из серебра и белой бронзы.

Элементы коневодческих традиций, прослеженные по материалам поселений и некрополей предков нарымских селькупов, отражают тесные контакты таежного населения на протяжении раннего и развитого средневековья с носителями культур, коне-

водческая направленность хозяйственных занятий которых бесспорна. Разнородность этих элементов может быть следствием миграций различных тюркских групп по Томи, Оби, Иртышу (и его правым притокам) и по Чулыму (Беликова О.Б., 1996, с. 139–152; Плетнева Л.М., 1997, с. 124–130; Коников Б.А., 1993, с. 164–168).

А.Я. Бондарев

Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВЫПАСА ЛОШАДЕЙ КАК ФАКТОР, ПРЕДОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИХ НАИБОЛЬШУЮ СРЕДИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ УЯЗВИМОСТЬ ОТ ХИЩНЫХ ЗВЕРЕЙ В АЛТАЕ-САЯНСКОЙ ГОРНОЙ ПРОВИНЦИИ

Волк серый – основной враг копытных животных, составляющих основу его рациона. У медведя гор юга Сибири животные корма занимают около 10% рациона. К тому же снежный период медведи проводят в зимней спячке. Рысь изредка убивает мелких домашних рогатых копытных. Снежный барс, в сравнении с рысью, чаще нападает на овец и домашних коз, особенно в голодный снежный период, но учета ущерба от барса и рыси нет.

Сибирь до присоединения к России имела крайне малочисленное население, обширные ее районы вообще оставались незаселенными (История Сибири, 1968; Колесников А.Д., 1973; и др.). Здесь водилось много диких животных, служивших естественными прокормителями волку и тем самым предотвращавшим значительную часть урона скоту от хищничества.

Алтай является одной из древних зон развития животноводства. Вплоть до XVII в. скот разводили преимущественно в малоснежных регионах, где зимой имелся подножный корм (Трошин И.П., 1969). Этот фактор в решающей степени определял сезонные кочевки животноводов со стадами и табунами скота. Волки также тяготели к пространствам, где снега мало или он достаточно плотный и не затрудняет передвижения (Лаптев И.П., 1958; Гептнер В.Г. и др., 1961).

Взаимоотношения «хищники – домашние копытные» в местах древнего животноводства сложились давно, и при этом у копытных сформировались или сохранились от диких предков адаптации, направленные против хищников. Л.П. Сабансеев (1877) и Л.М. Баскин (1976) отмечали, что табунные жеребцы, постоянно содержащиеся в степи, успешно защищали свой косяк от волков, но выращенные в конюшне теряют это качество. А.А. Черкасов (1867) писал, что в Восточной Сибири волки, населяющие леса, не трогали оставленных без присмотра лошадей, так как благодаря обилию диких копытных были сыты и не рисковали нападать на необычайных для них животных. И, наоборот, волки, обитавшие в степи, постоянно голодные, немедленно убивали оставленных лошадей. Возможно, суть этого явления и в трофической специализации лесных и степных волков. В этой связи еще А.Ф. Миддендорф (1869) указывал, что в Приморье и Северной Америке волки многие годы боялись нападать на завезенных в эти места овец.

Освоение Сибири переселенцами и неумеренная охота привели к истреблению или значительному сокращению поголовья лося, марала, косули, кабана, сайгака, кулана и дзерена. Копытные-дендрофаги в малых количествах сохранились в отдален-

ных тасжных угодьях. В это же время неуклонно увеличивалось количество домашних животных, и к началу XX в. их роль в питании волка, очевидно, стала максимальной. В советский период удалось восстановить поголовье и ареалы лося, марала, косули и, местами, кабана. Обилие диких копытных привлекало волков в леса и привело к восстановлению утраченных ранее этими хищниками трофических связей с естественными прокормителями. Можно полагать, что за счет этой пищевой переориентации волк теперь наносит меньший урон скоту.

Для оценки размеров хищничества волка мы использовали статистические сведения об убитых им животных на Алтае и в России за период с 1897 по 1980-е гг. В начале указанного периода волками уничтожалось около 1,8% скота. В «Материалах по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе» (1900) сказано, что организованной борьбы с волками тогда не велось, и численность их была высокой. В 1925 г. в Сибири хищные звери (в основном волки) убили скота 1,6% от общего поголовья (Красильников Ж., 1926) или 225,5 тысяч по Западной Сибири. От болезней тогда погибало в два раза меньше скота (Бельшев Б.Ф., 1934). В 1970–1980 гг. наибольшие потери скота от волка имели место в Горно-Алтайской автономной области (ныне это Республика Алтай) – ежегодно по 1,5–1,7 тыс., а в 2000 г. – 7240, или в четыре раза больше. И это не предел. За 2004 г. волки нанесли урон животноводству Республики Алтай на 20 млн. рублей. Для сравнения в 1980-е гг. в равнинной и предгорной части Алтайского края волки убивали в среднем по 460 голов, в остальных областях Западной Сибири – в среднем по 100 голов.

Для анализа успешности хищничества волка и медведя среди домашних животных мы применили показатель уязвимости – соотношение убитых хищниками животных к общему их поголовью, выраженное в процентах. В 1924–1925 гг. в Горно-Алтайской автономной области от волка погибло 25597 домашних животных, в том числе лошадей – 6% от их поголовья, крупного рогатого скота (далее коровы) – 2,5%, маралов – 8,5%, в 1982–1983 гг. – соответственно 0,255, 0,087 и 0,190. Следовательно, за 60 лет ущерб уменьшился в 24 раза для лошадей, в 28 раз для коров и в 45 раз для маралов и пятнистых оленей. Лошади в 1920-е и 1980-е гг. больше страдали от нападений волка. В 1920-е гг. в добыче волка на Алтае более трети составляли лошади, что в 1,9 раза превышает их долю среди домашних копытных, тогда как по РСФСР, Украине и Узбекистану (Красильников Ж., 1926) различие менее существенное – в 1,2 раза. Животные на Алтае погибали от волка чаще, чем в среднем по стране, в том числе лошади – в девять раз, коровы – в семь раз, овцы – почти в пять раз. Исключение составили козы, в горах они гибли на 13% реже, что, вероятно, связано с их размещением на выпасе по крутым склонам гор.

В соседней Хакасии, по условиям животноводства сходной с Алтаем, за январь–март 1923 г. волком уничтожено 10823 домашних животных; среди уничтоженных овцы составили 43%, коровы и телята – 19%, свиньи – 0,2%, лошади и жеребята – 38%. Следовательно, в добыче волка по Хакасии также доминировали лошади.

Особенности животноводства в горах описаны С.П. Швецовым (1900). Оседлое население зимой на сухом корме содержало дойный скот, овец, коз и рабочих лошадей и круглый год на подножном корме вдали от селений (40–80 км) под наблюдением пастухов – нерабочих лошадей (жеребцов, маток с жеребятами, меринов). Население, жившее в урочищах, содержало большую часть скота на подножном корме, на сухом –

только ездовых лошадей. Рабочие лошади во всех хозяйствах составляли лишь третью часть, остальные – нерабочие (44 и 90 тыс.). Летом скот пасся у селений в поскотинах (дойные и нерабочие лошади). Овец и недоильный скот не пасли, за ним лишь доглядывали. Очевидно, что до коллективизации (1927 г.) существенных изменений в многовековом укладе животноводства не происходило. Для познания взаимоотношений хищник-лошадь (жертва), по-видимому, уместно рассмотреть аспекты хищничества волка в современных условиях. Заслуживают внимания сведения за 1982–1983 гг., когда после специального распоряжения каждый случай нападения волков на домашних животных тщательно проверялся.

Оказалось, что лошади по-прежнему гибли от волков наиболее часто – в 3 раза чаще, чем коровы, в 2,2 раза чаще, чем козы и овцы (!), и в 1,3 раза – чем маралы и пятнистые олени. Очевидно, что лошади охраняются слабее всех животных. Количество лошадей по сравнению с 1920-ми гг. уменьшилось на 37% – до 51,6 тыс., а доля их среди всех домашних животных сократилась в пять раз за счет многократного увеличения поголовья коз и овец, а также маралов и пятнистых оленей. Общее количество домашних животных увеличилось в три раза.

Сравнение процента убитых волками животных от их общего поголовья показало, что в 1980-е гг. волк убивал их значительно реже, но соотношение величин добычи, несмотря на большие изменения структуры стада, изменились в меньшей мере. Возросший ущерб скотоводам в первом десятилетии XXI в. обусловлен сокращением поголовья диких копытных животных на Алтае вследствие браконьерства (Собанский Г.Г., 2005) и увеличением количества волков.

В сравнении с волком у медведя на Алтае в добыче больше коров, меньше лошадей и равная с волчьей доля овец и коз:

Убито в 1982 г., %	Лошади	Коровы	Овцы, козы	Маралы	Всего жертв
Волками	7,6	6,7	81,7	4,0	1712
Медведями	3,8	15,3	80,9	0	

Бурых медведей в Республике Алтай тогда было раз в 10 больше, чем волков, по оценкам Г.Г. Собанского (1982) – 2–3 тыс. Но ущерб домашним животным от медведей значительно меньше. Следует учесть, что 1982 г. был необычайным для медведя – исключительно малокормным из-за повторившегося два лета неурожая семян кедр, а также ягод.

Можно предполагать, что и в древние и средние века роль этих хищников в истреблении домашних копытных и в предпочтении ими различных видов скота была аналогичной. Волки, живущие обычно стаями, успешно используют это преимущество в нападениях даже на резвых и оборонеспособных лошадей.

Проведенный анализ хищнической деятельности волка показал, что он убивал 1,6–1,8% от общего поголовья скота в периоды, когда было мало диких копытных зверей. В средние и древние века при изобилии диких копытных в Центральной Азии ущерб от волка был менее существенным. Однако во все времена добычей волка чаще становились лошади. Возможно, кочевники не стреноживали лошадей для предотвращения их гибели от хищников. Отголоски древних отношений к волку как равноправному субъекту

природных сообществ сохраняются и теперь у животноводов Юго-Восточного Алтая в терпимом к нему отношении и, в частности, в нежелании истреблять волчат на логовах вблизи стоянок. Более сложными и шадящими были эти отношения у кочевников, когда они знали легенды о происхождении тюрок от волков (Аристов И.А., 1896).

А.С. Васютин, С.С. Онищенко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В КУРГАНЕ №11 МОГИЛЬНИКА ВАГАНОВО-I ИЗ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ (верхнеобская культура)

В погребальном обряде населения верхнеобского культурного ареала конца I тыс. н.э. (Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкая котловина) выявлены и зафиксированы многочисленные и разнообразные следы послепохоронных ритуалов, значительная часть которых представлена останками скелетов животных. Однако эта составная часть археологических источников еще не нашла должной и качественной оценки в научной литературе. Вопросы, связанные с обоснованием критериев для выделения жертвенных комплексов, в зависимости от состава и характера костных останков животных, на массовых материалах из средневековых курганных могильников юга Западной Сибири еще не изучались специально в полном объеме. Остается также неизвестной и семантика подобного рода послепохоронных ритуалов, кроме догадок и предположений об их назначении и смысле (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983, с. 108–114; Могильников В.А., 1987, с. 222–223; Чиндина Л.А., 1991, с. 32–38; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 24, 75–77; Васютин А.С., Онищенко С.С., 2000, с. 269–272; 2002, с. 286–290; 2004, с. 313–316). Для ее разработки очевидна необходимость привлечения анализа остеологических коллекций из средневековых могильников, святилищ и жертвенных мест, что уже было частично реализовано на сибирских материалах (Коников Б.А., 1993, с. 196–200). Вопрос о выделении святилищ и жертвенных мест в структуре погребального обряда средневекового населения лесостепного Обь-Иртышья уже поставлен в научной литературе и в ряде работ обоснованы критерии для их идентификации (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983, с. 109–114; Коников Б.А., 1984, с. 93–98; 1993, с. 195–203; Чиндина Л.А., 1991, с. 33–38, 109–110; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 74–76).

Курганный могильник Ваганово-I находится в Промышленновском районе Кемеровской области. Он расположен у северо-западных предгорий Салаирского кряжа, в 3 км восточнее одноименного села. Некрополь состоит из 16 грунтовых насыпей, которые располагались нечетким рядом по линии Ю–С. Типологические особенности вагановского вещевого комплекса по всем его составляющим (оружие, конская упряжь, наременная гарнитура и украшения) прямо сопоставимы с выделенными В.А. Могильниковым (2002, с. 215–218) хронологическими группами погребального инвентаря кочевников северо-западных предгорий Алтая, ограниченными рубежом VIII–IX вв. – началом X в.

Костные останки животных из кургана №11 – черепа, нижние челюсти и зубы (табл.), отдельные фрагменты конечностей лошади занимали всю восточную периферию подкурганной площади. Сохранность черепов разная – от полностью разрушенных

до целых, почти не поврежденных. Так, в материковой яме друг на друга были уложены пять черепов, а один находился на древней дневной поверхности кургана.

Остальной остеологический материал представлен в той или иной степени фрагментированными остатками черепов лошадей разного возраста и немногочисленными остатками посткраниальных скелетов (обломки ребер, позвонков, небольшими костями конечностей). Основная масса костных остатков сосредоточена в толще насыпи кургана и на древней дневной поверхности. В толще погребенных почв находились остатки от двух лошадей. Одна из них была полувзрослым животным с почти сформировавшимся набором постоянных зубов. В западной части кургана также были обнаружены фрагменты затылочного отдела черепа и нижней челюсти от другого животного. По восточной периферии подкурганной площади находилась россыпь остатков черепов нескольких лошадей.

Распределение находок зубов и фрагментов скелетов лошадей в кургане №11

		Горизонты				
		I	II	III	IV	V
Зубы						
Резцы и клыки	N		2		2	
	%	–	0,8	–	0,8	–
Верхнечелюстные моляры	N		70	61	8	12
	%	–	26,8	23,4	3,0	4,6
Нижнечелюстные моляры	N		18	55	9	24
	%	–	6,9	21,1	3,4	9,2
Всего зубов	N		90	116	19	36
	%		34,5	44,4	7,3	13,8
Фрагменты скелета						
Костей черепа		–	20	30	10	5
Нижнечелюстных костей		–	15	30	10	10
Фрагментов ПКС		–	5	20	–	–
Кол-во целых черепов		–	1	–	–	5
Всего особей			1 + 8 (5 Sad)	11 (4 Sad)	2 (Sad+?)	5

Примечание: N – количество зубов, экз.; % – от общего числа зубов;

ПКС – посткраниальный скелет; Sad – неполовозрелые молодые животные.

Как показал анализ материала, в отдельных скоплениях чаще всего присутствуют остатки от черепов двух животных в различных сочетаниях: полный череп от одного животного и нижняя челюсть от другого; два черепа, один из которых без нижних челюстей; два черепа с нижними челюстями. Имеются также скопления, содержащие исключительно нижние – или верхнечелюстные моляры, причем иногда разных по возрасту лошадей. Встречаются скопления, образованные только фрагментами одной нижнечелюстной кости. В южной части площадки имелось два скопления зубов и костей черепа и отдельных фрагментов посткраниального скелета. В первом скоплении содержались остатки от трех лошадей, из которых две были молодыми особями. Во втором – от двух взрослых лошадей, причем по изношенности жевательной поверхности зубов одна из них была старой. Всего на этом горизонте найдены остатки черепов как минимум 11 лошадей, из которых

четыре были молодыми животными. В насыпе кургана отдельные костные скопления образованы остатками черепов от двух лошадей, принадлежащих иногда разным возрастным группам. Анализ остеологического материала показывает, что в этом горизонте присутствуют остатки от 7–8 животных, из которых пять были молодыми.

Как показал опыт сравнения данных остеологического анализа и графической фиксации костей животных на планах курганов их результаты прямо не сопоставимы. Графическая фиксация останков костей животных не может отразить их реального характера, состояния и количества. Ошибочность количественного определения особей может быть велика. Например, 2–3 скопления костей могут принадлежать одной особи и наоборот. Площадь распространения костей, особенно зубов, фрагментов челюстей, черепов и костей посткраниального скелета – все это также должно подробно описываться и фиксироваться на чертежах. К сожалению, все указанные нюансы могут быть адекватно поняты только специалистами на месте раскопок.

Вопрос о семантике погребального обряда «верхнеобцев» в целом еще даже не поставлен и не может быть позитивно решен без привлечения данных естественных наук, этнографии и сведений письменных источников. Необходима также определенная ревизия уже полученных и опубликованных данных по погребальному обряду рассматриваемой культуры. В настоящее время речь может идти об изучении той группы элементов погребального обряда, которая связана с послепохоронными ритуалами. На данном этапе исследования разработка наиболее приемлемых версий о содержании и смысле ритуальных действий после похорон должна быть сконцентрирована на собственно археологических фактах.

Привлечение данных этнографии в определенном смысле было бы преждевременным, слишком велик соблазн подгонки исходных материалов под одну версию, тем более что археолого-этнографические параллели в отношении верхнеобской культуры не очевидны, а в самом археологическом материале еще необходимо извлечь определенную информацию, но и она не содержит прямого ответа на поставленный вопрос. Как известно, качественный и количественный состав жертвенных животных определяется назначением жертвоприношений, природной средой и этническим окружением (Косинцев П.А., 1999, с. 233–234; 2002, с. 149–151; Косинцев П.А., Юрин В.И., 2003, с. 71). Именно это остается пока не ясным в отношении жертвенных мест и святилищ верхнеобской и синхронных ей археологических культур юга Западной Сибири.

Имеющиеся версии о характере и назначении культовых мест в культурах раннего средневековья Верхней и Средней Оби отличаются важной особенностью, они дифференцированы и посвящены конкретным культовым обрядам.

О.П. Игнатьева

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия

ЛОШАДЬ В СТРУКТУРЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ

Южные алтайцы традиционно рассматриваются как кочевники, хотя они перемещались по сравнительно небольшой территории, продвигаясь вперед по сезонному маршруту, рассчитанному на наилучшее обеспечение стад кормом. Наличие лошади в культуре позволяло следовать за крупными стадами домашних животных и направлять их в соответствии с избранным маршрутом. Селились алтайцы небольшими группами:

две-три семьи, состоявшие между собой в родстве. У каждой группы были свои кочевые и промысловые угодья, обеспечивавшие семьи всем необходимым.

В такой ситуации именно лошадь была залогом быстрого перемещения на большие расстояния, что позволяло поддерживать связи между семьями, кочевавшими на существенном удалении друг от друга.

Условия содержания и требования, предъявляемые к животным в традиционной культуре, привели к возникновению породы лошадей, известной в настоящее время под названием алтайской. Специалисты относят эту породу к сибирской группе, подчеркивают ее выносливость и высокую продолжительность жизни. При этом морфологические признаки чистопородной алтайской лошади остаются практически неизменными как минимум с середины XIX в., что указывает на умение алтайцев проводить направленную селекцию. Лишние жеребцы исключаются из разведения путем кастрации. В прошлом именно мерины (*ам*) использовались в качестве верховых и вьючных животных. В.В. Радлов в своем труде «Из Сибири» прямо указывает на то, что алтайцы четко разделяли лошадей на верховых и племенных. Племенные животные, как жеребцы, так и кобылы, под седло использовались только в случае крайней бедности владельца (Радлов В.В., 1989, с. 149). В эпосе верховой конь, как правило, обозначается именно термином *ам*, что подтверждает наблюдение В.В. Радлова. В настоящий момент поголовье лошадей в алтайских хозяйствах сократилось и под седло заезжаются все лошади, включая жеребцов. Современные алтайцы особо подчеркивают отличие лошадей алтайской породы от остальных аборигенных пород Сибири, устойчиво ассоциируют эту породу со своей культурой и традицией, гордятся ее качествами. Можно сказать, что порода лошадей является одним из элементов этнической самоидентификации. Лошади являются основной причиной пограничных столкновений между алтайцами и тувинцами, так как распространены случаи конокрадства.

В XX в. практически все алтайцы перешли на оседлый образ жизни. На данный момент основная масса населения сосредоточена в крупных поселках, где проживает в частных домах. Скотоводство в целом и коневодство в частности приобрело отгонный характер. Лошадей переводят на летние пастбища, расположенные в тайге в нескольких километрах от основного поселения. Современная ситуация такова, что жеребец-производитель может быть один на несколько хозяйств. В таком случае владельцы кобыл, следуя сложившейся традиции, «благодарят» владельца жеребца «за приплод» подарками либо деньгами (со слов Н.А. Тадиной – алтай-кижи сёок тодош 1960 г.р.). Тот же обычай бытует и у тувинцев (Даржа В.К., 2003, с. 16).

Традиционно лошади играли существенную роль в производящем хозяйстве алтайцев, поскольку служили источником молока, мяса, кожи и конского волоса. На данный момент эта роль сведена к минимуму, так как доение кобылиц сохраняется лишь в отдельных хозяйствах Кош-Агачского района (алтайцы используют в основном коровье молоко), базовым источником мяса являются овцы, конский волос активно заменяется синтетическими материалами. Казалось бы, что для транспортных нужд в алтайском хозяйстве вполне хватило бы 2–3 лошадей, однако с отменой ограничений на численность поголовья животных в частном владении появилось большое количество хозяйств, в которых количество лошадей превышает 50 голов.

Ответ на этот парадокс следует искать в традиционной обрядовой практике, системе традиционных социальных отношений и мировоззрении алтайцев. Согласно сложившейся в культуре алтайцев иерархии живых существ лошадь – существо высшего порядка, сопос-

тавимое по статусу с человеком. По мнению некоторых респондентов, крещеному алтайцу нельзя употреблять в пищу конину, так как это все равно, что есть человеческое мясо (Полевые материалы автора, 2006). Вообще употребление конины в пищу напрямую связано с обрядовыми практиками алтайцев. Наиболее широкую известность, благодаря ранним исследователям алтайской культуры, получили родовые жертвоприношения божествам верхнего мира – *тайэлга*, суть которых сводится к «дарению» коня высшим силам в обмен на процветание семьи. В ходе действия члены семьи приобщались к ритуалу через поедание частей жертвы. Последние достоверные данные о проведении тайэлга относятся к 40-м гг. XX в., а информантов, участвовавших в данной церемонии, можно встретить до сих пор.

По распространенному в традиции и активно возрождающемуся в настоящее время обычаю, конь является обязательным подарком, который делает дядя по материнской линии своему племяннику, в ходе обряда пострижения и выкупа волос. Дарение коня характерно и для различных этапов свадебной церемонии. Особую роль лошади играют в традиционной похоронной обрядности. Погребение с конем было характерно для всех южных алтайцев, но именно для теленгитов заклание любимого верхового коня умершего мужчины стало основополагающим этапом похоронно-поминального комплекса действий. Изначально существовавший в традиции обычай закалывать коня и оставлять его либо в могиле, либо рядом с ней, в зависимости от способа погребения, сохранялся, по данным опрошенных респондентов, до 50-х гг. XX в. Позднее, под воздействием антирелигиозной пропаганды и запрещающих мер со стороны государственных властей, произошла трансформация обычая, приведшая к соединению в единый комплекс ряда представлений, связанных с конем, и возникновению новой традиционной практики. По-прежнему осуществляя заклание верхового животного, теленгиты нескольких поселков Улаганского района употребляют его мясо в пищу, а голову, хвост и нижние суставы конечностей вывешивают «на восход». Такое изменение традиции жители этих поселков объясняют, в частности, переходом к русскому способу захоронения усопших.

Малоизученной остается практика «похорон коня», сведения о которой были получены от жителей Улаганского района. По этим данным останки лошади нельзя зарывать в землю или утилизировать с бытовым мусором. Головы и копыта лошадей вывешиваются на дереве (чаще всего лиственнице) так же, как в погребально-поминальном обряде. Весьма вероятно, что вариантом «похорон коня» является оставление этих частей конских останков в сакрально значимых местах: на целебных источниках – *аржанах*, перевалах; черепа коней встречаются в таких местах довольно часто. На картине Г.И. Чорос-Гуркина «Жертвенник» изображен балбал со сваленными к его подножию черепами.

По имеющимся данным, лошади – основной вид скота, помечавшийся родовым знаком собственности. Тамга выжигалась специальным тавром на левой стороне крупа. Ее внешний вид был известен всем представителям единого сеока еще в 1-й половине XX столетия (Дыренкова Н.П., 1936–1940, л. 30), что позволяло алтайцам не только отследить родовую общность, но зачастую установить степень родства. Тавро передавалось по наследству от отца к сыну, по принципу минората. Старшие сыновья зачастую использовали тамгу отца, усложненную новыми элементами. Этот же родовой знак собственности проставлялся на предметах домашнего обихода и конском снаряжении (особенно женском). Несмотря на то, что в XX в. тамги активно вытеснялись буквенно-цифровыми клеймами и сейчас встречаются достаточно редко, знание родowego знака считается обязательным для каждого алтайца. Представители старшего поколения респондентов,

описывая родовые знаки собственности, сравнивают их с паспортом. Таким образом, конь в традиции оказывался носителем информации о владельце.

Алтайской культуре до сих пор присущ ряд стереотипов, напрямую связанных с лошадьми. Так, необходимым навыком для молодого мужчины-алтайца считается умение объездить лошадь. В целом, по мнению большинства опрошенных алтайцев, НАСТОЯЩИЙ алтаец обязательно знает родной язык и умеет ездить верхом. Коневодство в сознании алтайцев напрямую ассоциируется с родной культурой, традицией, исконным укладом жизни. Отсутствие лошадей в хозяйстве семьи воспринимается как окончательный переход к оседлости, утрата связи со своими корнями, обрусение.

Исходя из вышеперечисленных фактов, мы можем сделать вывод, что лошади были и остаются важным элементом традиционной культуры алтайцев, наделенным разнородными функциями как утилитарными, так и сакральной. Можно также утверждать, что наличие лошади в культуре, в определенных случаях, служит системообразующим фактором.

В.М. Кимеев

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

РОЛЬ КОНЕВОДСТВА В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРНО-ТАЕЖНЫХ ШОРЦЕВ ТОРГОВОГО ПУТИ «УЛУГ-ЧОЛ»

Летом 1995 г. в Горной Шории на территории строящегося экомuzeя «Тазгол» (рис. 1) случайно было сделано открытие, позволившее по-новому взглянуть на процесс *культуроге-неза* в горнотаежных долинах Мрассу. При проведении земляных работ на второй надпойменной террасе реки Мрассу – пологом склоне горы Кайчак – сотрудниками экомuzeя «Тазгол» обнаружено скопление железных предметов (серия трехлопастных наконечников стрел, топор-тесло, нож), относящихся к захоронению по обряду трупосожжения и характерных для культуры енисейских кыргызов 2-й половины IX – начала XI вв. На площадке террасы археологами Ю.В. Шириным, А.С. Васютиным, В.В. Бобровым и Д.Г. Савиновым было заложено еще несколько небольших раскопов, в одном из которых обнаружены остатки других захоронений путем кремации. Кроме кальцинированных костей найдены удила XI–XII вв., зубы и фрагменты голени лошади, что, видимо, было связано с жертвоприношением лошади на святилище «тайелга». Раскопан также развал глиняной железоплавильной печи (Васютин А.С., 1997, с. 190; Савинов Д.Г., 1997, с. 180).

Это первые находки подобного рода в горно-таежной долине реки Мрассу Горной Шории, свидетельствующие о влиянии енисейских кыргызов и наличии тесных этнокультурных и торговых связей средневекового населения Горной Шории и Минусинской котловины. Такие трупосожжения в неглубоких ямах с сопроводительным инвентарем – трехлопастными наконечниками в виде трехлучевой звезды в сечении с прорезями в лопастях и двуколычатыми удилами, типологически сопоставляются археологами с кыргызскими. У местных предков шорцев-каргинцев, вплоть до принятия христианства до конца XIX в. преобладали надземные типы захоронений в берестяных свертках или деревянных гробах-колодах, укрепленных на сучьях хвойных деревьев или на помосте.

Рис. 1. Экомузей «Тазгол»

Осуществлялись связи посредством конных дорог, называемых у местных шорцев «кыргызскими тропами». Горные хребты Кузнецкого Алатау (Патын, Коль-тайга и др.) воспринимались предками мрасских шорцев не как труднопроходимые границы, а как центры промысловой родовой территории и как культовые центры. Большие группы населения по долинам рек и древним торговым путям, пересекающим в нескольких местах горные хребты, могли свободно мигрировать, о чем сохранилась масса сведений в русских исторических документах, включая описание и маршрут «угона» джунгарами енисейских кыргызов. В эпоху «киргизского великодержавия» (IX–X вв.) использовались специальные военные отряды для охраны торговых путей, один из которых, видимо, располагался в устье реки Анзас, где находился торгово-обменный стан с жилыми и хозяйственными постройками. По мере надобности ими и совершались трупосожжения погибших и ритуальные жертвоприношения коня на прилегающей к стану скале Кайчак, ставшей «кыргызским могильником».

По этому пути были угнаны енисейские кыргызы летом 1703 г. По одной из таких «кыргызских троп» проехал в седле от устья р. Балыксы до улуса Усть-Анзас А.В. Адрианов и остановился у местного миссионера Григория Оттыгашева в 1882 г. (Абдыкалыков А., 1985, с. 86; Адрианов А.В., 1888). С середины XIX в. здесь активно проводились крещения шорцев в реке Мрассу и погребения умерших по православной традиции на современном кладбище, расположенном на противоположном берегу правого притока Мрассу реки Анзас. О существовании «кыргызского могильника» на горе Кайчак местные уже забыли.

Скотоводство у предков шорцев, по сравнению с другими народами Центральной Азии, было развито относительно слабо. Об этом писали и миссионер В.И. Вербицкий, отмечая жалкое состояние их скотоводства и птицеводства, и тюрколог В.В. Радлов, сообщая, с каким трудом ему удавалось доставать молоко во время путешествия. Около 9,4% всех шорских хозяйств не имело лошадей, а 18,9% – коров (Кимеев В.М., 1989,

с. 93). Главной причиной этого являлось отсутствие удобных пастбищ и хороших лугов для сенокоса. Скуденность скота на лесных прогалинах приводила к быстрому вытаптыванию и гибели растительности. Усложняло развитие скотоводства отсутствие сочных питательных трав среди густой растительности и недостаток соли. Изнурительно действовали также и тучи комаров, мошек, слепней, спасением от которых мог быть только дым костра. С другой стороны, длинная зима требовала больших запасов сена, чего весьма сложно было достичь в горно-таежной местности. Весной скот от голода ел ветки, что приводило к прободению кишок и болезням (Анохин А.В., ф. 11, оп. 1, д. 84).

Наиболее удобной для скотоводства была долины низовьев реки Кондомы и Среднего течения реки Мрассу. Так, В.В. Радлов (1989, с. 204) был приятно удивлен доставленным ему караваном лошадей, жителями и местностью окрестностей мрасского улуса Карга (Усть-Анзас), предположив, что шорцы-каргинцы «...самые богатые татары во всей округе, так как прекрасные луга и пастбища, расположенные вокруг, позволяют им держать сравнительно много скота». Вплоть до начала XVIII в. енисейские кыргызы пригоняли сюда табуны лошадей в обмен на железные изделия и пушнину. До сих пор конина используется как предпочтительный мясной запас для охотников-промысловиков.

Однако, несмотря на неблагоприятные условия, даже в самых глухих местах к началу XX в. шорцы разводили лошадей крупной породы и низкорослых коров. По подсчетам А.В. Анохина и С.П. Швецова, на одного жителя в среднем приходилось по две лошади и столько же голов крупного рогатого скота. В отдельных торгующих семьях их содержалось до 10–20 голов, а вот овец – традиционно не более 2–3-х (Швецов С.П., 1903). Зимой скот содержался в открытом загоне или под навесом с жердчатыми стенами, на крыше которого складывалось сено, подвозимое зимой на санях с сенокосов. Кормили скот два раза в день – утром и вечером. В снежные зимы лошадей часто подгоняли к стогам, при этом значительная часть корма вытаптывалась. Скотоводство мрасских шорцев в конце XIX – начале XX вв. было оседлым, причем русского крестьянского типа, но меньше по размерам и более примитивное по технологии. Держали лошадей в основном для верховой езды, доставки запасов на охотничье-промысловые станы и вывозки оттуда ореха, а также для перевозки грузов торговцев и чиновников от Кузнецка и низовьев реки Мрассу в таежные улусы (Потапов Л.П., 1936, с. 96–97).

Типология предметов конского снаряжения позволяет предположить, что происхождение конно-верхового транспорта у шорцев связано с культурой центрально-азиатских кочевников; гужевого – с русским влиянием. Снаряжение верхового коня у мрасских шорцев аналогично таковому у других народов Северного Алтая. Во время пастбы ноги лошадей спутывали плетеной петлей *тужак*, на шею подвешивали железные ботала *потал*. В состав упряжи верхового коня входила узда *чуген/суген* из узких кожаных ремешков, но и могли обходиться недоуздкой из сыромятных ремней, либо плетеным из конского волоса. В правой руке всадник держал плетку *камчы* из кожаных ремешков и рукоятку из дерева, кости или оленьего рога, часто орнаментированной косыми крестами, полукругами, фигурками из ломаных линий, ромбами, треугольниками, опоясывающими рукоять прямыми линиями, кружками с точкой в центре.

Исходя из анализа музейных предметов снаряжения верхового коня, исследователи делают выводы, что шорцы так и не развили его как соседи кочевники-скотоводы Центральной Азии. Седла, служащие предметом постоянных забот и внимания последних,

у шорцев – обычные деревянные без мягкой подушки, с одной подпругой из веревки и без украшений. Основу такого седла *эзер* – *ленчик* – шорцы мастерили целиком из дерева с невысокими передней и задней луками, с изогнутыми по форме спины лошади полками. Существовали и составные деревянные седла, луки которых соединялись с основной кожаными ремешками. Сверху седло иногда обшивали кожей, прокладывая под нее войлок. Под седло подкладывали войлочный потник, и с помощью подпруги, сплетенной из кендырных нитей, седло притягивали к конскому крупу (Кимеева Т.И., 2007, с. 36).

Шорцы, проживающие близ городов и крупных поселков, где имелись подходящие дороги, пользовались гужевым транспортом, перенимая у русских крестьян технику изготовления упряжи. Зимой лошадь запрягали в сани, летом – в телегу. Упряжь была такой же, как и у русских-сибиряков, перенесших традиции ее изготовления из России.

Исследователи XVII–XVIII вв. считали, что успехи шорцев-бирюсинцев в пашенном земледелии неизменно приводили к регрессу в скотоводстве (Георги И.Г., 1776, с. 157). Содержание большого количества скота не диктовалось прежней необходимостью. Лошадь стала использоваться в хозяйствах также для перевозки сена, грузов и бревен для постройки домов на волокушах. В горно-таежной местности из-за отсутствия дорог для перевозки грузов служили двухполосовые деревянные волокуши, в которые лошадь впрягалась с использованием русской дуги и хомута. При транспортировке груза на волокуше человек сидел верхом на лошади или вел ее за собой за узду.

В настоящее время реконструированный погребально-ритуальный могильник «*Кайчак*» – экспозиция экомuzeя «Тазгол» (рис. 2), ставшего своеобразной «лабораторией» общения людей с окружающей средой, динамической системой интеграции различных культурных традиций, имеющей целью сохранить наследие древних культур (Кимеев В.М., Шатилов Н.И., 1997. с. 160, рис. 1).

Рис. 2. Надмогильная реконструкция погребения «кыргызского воина» погребально-ритуального могильника «Кайчак» экспозиции экомuzeя «Тазгол»

П.А. Косинцев, З.С. Самашев

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия;

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

ЛОШАДИ АЛТАЯ В СКИФО-САКСКОЕ ВРЕМЯ*

Лошади были постоянным элементом погребального обряда у населения Алтая в скифо-сакское время. Погребения лошадей вместе с человеком появляются уже на раннем этапе рассматриваемого периода: могильник Курту-II (Сорокин С.С., 1966), Аржан-1 (Грязнов М.П., 1980). К сожалению, далеко не все эти материалы введены в научный оборот. Остатки лошадей более или менее подробно описаны только из некоторых исследованных на Алтае могильниках пазырыкской культуры (Васильев С.К., 2000; Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994; Витт В.О., 1952; Гребнев И.Е., Васильев С.К., 1994; Косинцев П.А., Самашев З.С., 2003; Цалкин В.И., 1952). В публикациях описание этих остатков и характеристика лошадей даны с разной степенью подробности. Авторами по возможности были использованы все приводимые данные. Основные характеристики из тех, что приводятся в литературе, – высота в холке по В.О. Витту (1952) и тонконогость по А.А. Браунеру (1916) (табл. 1). В таблице приведено количество изученных скелетов и их распределение по группам (в %).

Половой состав. Все исследователи указывают, что в погребальном обряде использовали только самцов. Определенную часть среди них могли составлять кастрированные жеребцы – мерины. В курганах №1–6 могильника Пазырык и в кургане Шибе они были представлены единичными особями (Витт В.О., 1952).

Возрастной состав. В могильнике Пазырык и кургане Шибе было захоронено 56 взрослых и 13 молодых особей (Витт В.О., 1952), т.е. 81 и 19% соответственно. В исследованных курганах могильников Ак-Алаха-1 и 3, Уландрык-I-II, Кутургунтас и Верх-Кальджин-II, как можно понять из публикации, были погребены только взрослые и/или старые лошади (Васильев С.К., 2000). В могильнике Берел из 47 особей молодая (до 5 лет) – 1, или 2%, взрослых (5–15 лет) – 17, или 36% и старых (старше 15 лет) – 29, или 62% всех особей. Данные по возрастному составу совершенно очевидно указывают на отбор лошадей для захоронения по этому признаку – в Пазырыке и кургане Шибе доля молодых особей значимо выше, чем в других могильниках.

Высота в холке. Анализ данных по росту показывает, что самыми крупными были лошади из кургана Шибе. Среди них не было особей ниже среднего роста. Далее идут лошади из могильников Ак-Алаха-1 и 3 и Кутургунтас, где лошади ниже среднего роста составляют 9%, а выше среднего – 28%. В могильниках Уландрык-I и II лошади ниже среднего роста составляют 11%, а выше среднего – 19%. В могильнике Пазырык первая группа составляет 30%, а вторая – 13%. Но здесь соотношение этих групп в разных курганах заметно различается. Так, в кургане №2 из семи особей нет ни одной ниже среднего роста, а в кургане №4 из 12 особей нет ни одной выше среднего роста. Самые мелкие особи происходят из могильника Берел. Здесь выше среднего роста есть только одна особь.

Тонконогость. Анализ данных по тонконогости весьма затруднен, так как для ряда могильников в публикациях приведены только средние значения (табл. 1). Тем не менее

*Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-00341 «Применение естественно-научных методов при изучении этногенетических процессов на Алтае в эпоху поздней древности и средневековье»).

можно отметить, что лошади из могильников Пазырык и Шибе наиболее тонконогие, а из могильника Берел – наиболее толстоногие. Остальные могильники занимают промежуточное положение (табл. 1). Среди лошадей есть особи из групп тонконогих, полутонконогих и средненогих. В могильниках Пазырык и Шибе преобладают тонконогие и полутонконогие особи, а в могильнике Берел – полутонконогие и средненогие особи. Наиболее породистые лошади захоронены в первых могильниках, а наименее – в последнем.

В.О. Витт (1952) высказал предположение, что рост лошадей связан с продолжительностью их обитания в горах: чем дольше популяция лошадей обитает в горах, тем мельче становятся особи. Соответственно, им была предложена методика построения внутренней хронологии курганов в пределах одной курганной группы по росту захороненных лошадей. В более ранних курганах будут более крупные лошади, а в более поздних – более мелкие. В последние годы получены абсолютные даты практически для всех исследованных курганов (Алексеев А.Ю. и др., 2005; Герсдорф Е. фон, Парцингер Г., 2000; Марсадилов Л.С., Зайцева Г.И., 1999; Марсадилов Л.С. и др., 1996; Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А., 2001).

Сопоставление абсолютного возраста и состава размерных групп показало, что иппологическая методика для определения относительной хронологии курганов в могильнике не пригодна. Так, курган Шибе – самый поздний по сравнению с Пазырыкскими курганами, а лошади в нем самые крупные. Не согласуются размеры лошадей и абсолютный возраст для других курганов. Это не означает, что лошади не мельчали в горах. Просто подбор лошадей для захоронения, вероятно, осуществлялся в соответствии со статусом погребенного. Таким образом, породные характеристики лошадей из курганов Алтая скифо-сакского времени можно рассматривать как один из маркеров социального (или иного) статуса погребенного человека. В особых случаях в погребальном обряде использовались более породистые лошади, а обычно – менее породистые.

В целом по степени породности лошадей курганы можно расположить в следующем порядке (по убыванию): Шибе, Ак-Алаха-1, 3 и Кутургунтас, Уландрык-I–II, Пазырык, Берел.

В настоящее время отсутствуют характеристики лошадей из поселений этого времени. Это не позволяет оценить характер отбора лошадей по таким признакам, как высота в холке и тонконогость. По этой же причине сейчас невозможно однозначно ответить на вопрос о том, все ли лошади из курганов принадлежат к местной популяции или самых породистых приводили из других районов. Учитывая значительную изменчивость лошадей, возможны оба варианта.

Оценить специфику отбора лошадей для погребального обряда в скифо-сакское время на Алтае в некоторой степени позволяют материалы курганов Аржан-1 и Аржан-2 (Bourova N., 2004). В кургане Аржан-1 было погребено более 160 лошадей в возрасте, по определению М.П. Грязнова (1980), 12–15 лет, что, несомненно, указывает на специальный их подбор. Морфометрический анализ был сделан только для частей скелетов от 21 особи (Bourova N., 2004). Среди них были лошади только очень мелкого (112–120 см) – 10%, мелкого (120–128 см) – 47% и ниже среднего (128–136 см) – 43%, роста в холке. Таких мелких лошадей не найдено ни в одном кургане Алтая (табл. 1). В связи с этим встает вопрос о принципах отбора лошадей для погребения в кургане Аржан-1. Его помогает прояснить материал из кургана Аржан-2. Из него изучены части 14 скелетов лошадей. Все они принадлежали особям в возрасте 12–16 лет (Bourova N.,

2004), что идентично возрастному составу лошадей из кургана Аржан-1. Но по размерам они различались очень значительно. В Аржане-2 только одна лошадь имела рост ниже среднего, большая часть (12 особей) были среднего роста и одна – выше среднего роста. Такое соотношение размерных классов аналогично наблюдаемому в курганах Алтая (табл. 1). Такие различия могут быть связаны только с различием критериев отбора лошадей для погребения в этих курганах. Лошади в них забиты одной возрастной группы, что с очевидностью указывает на специальный отбор. Учитывая более крупные размеры лошадей в Аржане-2, там их отбирали с учетом не только возраста, но и размеров. В отношении кургана Аржан-1 мы должны допустить, что лошади для погребения в нем по размеру не отбирались, а выбирались из табуна случайным образом только особи определенного возраста. Менее вероятно, но вполне возможно, что специально отбирались мелкие особи определенного возраста. Так ли это, сейчас не установить, так как нам не известно соотношение размерных классов в табуне населения, построившего Аржан-1. Вместе с тем материалы этого кургана показывают, что крупные размеры лошадей не всегда могут быть критерием для их отбора для погребального обряда.

Таблица 1

Характеристики лошадей скифо-сакского времени из могильников Алтая

Могильник	Кол-во особей	Характеристики (%)		
		Рост (высота в холке)		
		ниже среднего (128–136 см)	средний (136–144 см)	выше среднего (144–152 см)
Пазырык, к. 1–5	46	30	57	13
Шибе	11	0	81	19
Ак-Алаха-1 и 3; Кутургунтас	26	9	63	28
Уландрык-I и II	20	11	70	19
Берел	44	29	69	2
Пазырык, к. 1	8	25	62	13
Пазырык, к. 2	7	0	71	29
Пазырык, к. 3	12	33	50	17
Пазырык, к. 4	12	50	50	0
Пазырык, к. 5	7	29	57	14
Могильник	Кол-во особей	Тонконогость (индекс ширины диафиза)		
		min	max	среднее
Пазырык; Шибе	56	14,1	15,5	14,7
Ак-Алаха-1; Кутургунтас	19	–	–	15,2
Уландрык-I и II	16	–	–	14,9
Берел	38	13,9	16,5	15,3

Данные о лошадях из курганов Алтая скифо-сакского времени свидетельствуют об их специальном отборе. Несомненно, проводился отбор по полу (только самцы), по возрасту (неестественно низкая доля молодых особей) и в ряде случаев – по размеру (отбирались породистые особи). Также несомненно, что отбор лошадей для использования в погребальном обряде в разных могильниках был различным. Причины этих различий могут быть этнографическими, т.е. связаны с различиями в культурных

традициях разных групп населения Алтая. С этой причиной тесно связаны хронологические различия, которые отражают изменения традиций во времени. Другой их причиной могут быть различия, связанные с разным статусом погребенных и/или могильников в целом. Несомненно, что характеристики лошадей, использовавшихся в конкретном погребальном обряде, с одной стороны, отражают какие-то социально значимые факторы, а с другой стороны, имеющиеся материалы не позволяют их считать определяющими в погребальном обряде в целом. Были и более значимые элементы обряда.

А.В. Костылев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
ОСВОЕНИЕ ЛОШАДИ В ДРЕВНЕЙ КОРЕЕ

Следы знакомства населения маньчжуро-корейской исторической области с лошадью появляются в эпоху поздней бронзы и связаны с распространением в Ляоси культуры верхнего слоя Сяцзядянь, обнаруживающей некоторые связи с культурами степной зоны, а также с Китаем, т.е. с культурами, в которых в это время лошадь была уже хорошо освоена. Распространение лошади шло, очевидно, с северо-запада на юго-восток. Самые первые находки остатков конской упряжи и деталей колесниц относятся в Ляонине к VII–V вв. до н.э., на северо-западе Кореи, к IV–III вв. до н.э. В Южной Корее такие изделия появляются с конца I тыс. до н.э.

Остатки конской сбруи представлены двухсоставными бронзовыми удилами. В Ляоси известно два типа удил. Первый представлен удилами с тремя круглыми петлями на концах стержней. Второй тип имеет по одной круглой петле на концах. Перед петлями расположено по четыре шипа (Сон Хочжон, 2003, с. 128–129). Третий тип удил найден в погребении М 6512 Чжэнцзявацзы. Также Чжэнцзявацзы – один из первых памятников к востоку от Ляохэ, где появляется конское снаряжение. В погребении М 6512 представлен элемент колесничной упряжки-квадриги – четыре одинаковых конских оголовья, лежавших по правую руку погребенного. Оголовья состояли из удил, псалиев, налобных блях, султанчиков и множества мелких бляшек и обойм, украшавших ремни. Удила состояли из двух звеньев, имевших круглые стержни и по два кольца на конце: большое круглой формы и примыкающее к нему прямоугольное меньшего размера. Похожие удила встречаются среди ордосских бронз, а также в тагарской культуре. Псалии стержневидные, с четырьмя полукруглыми петлями. Султанчики состоят из длинной втулки, переходящей в конусовидное основание, с внутренней стороны которого имеются четыре петли для крепления. Квадриги встречаются в чжоуском Китае, но форма удил и псалий, рассмотренных здесь, более характерна для культур скифского круга (Бутин Ю.М., 1982, с. 76; Кан Инук, 1996, с. 104; Крюков М.В., 1978, с. 188; Москвитин И.А., 2002, с. 105; Рец К.И., Юй Су-Хуа, 1999, с. 187–188). Бронзовые султанчики, по-видимому, являются элементом местной традиции, два подобных изделия известны также с памятника раннего железного века Тонсори в Корее (высота 26 см) (Корейская культура бронзы, 1992, с. 101).

В это время намечается различие между Ляоси, где из-за тесных контактов со степными племенами уже могла распространиться верховая езда (конское снаряжение находят отдельными комплектами и без деталей колесниц), но имеются также изобра-

жения колесницы-биги и более восточными районами, где подобные детали известны только из Чжэнцзявацзы и, судя по их составу, в колесничном варианте.

Следующим этапом в освоении лошади протокорейскими племенами стал ранний железный век IV в. до н.э. – III в. н.э. В этот период лошадь и колесница широко распространяются по всему корейскому полуострову. Как правило, остатки конской упряжи на Корейском полуострове сопровождаются деталями повозок, в Ляонине же, который в это время захватывается Китаем, встречаются как вместе с ними, так и без них. Поэтому нельзя с уверенностью утверждать о существовании в это время в Корее верховой езды, хотя вероятность этого высока, так как известно, что соседние народы – китайцы, сюнну, дунху – уже были с ней знакомы. К тому же древнекорейские племена, особенно пугё и когурё, были тесно связаны со степным миром. В эпоху Трёх государств ударной силой на Корейском полуострове будет именно конница. Племена пугё и емэк славились лошадьми породы квахама – «лошади, которые могут пройти под фруктовыми деревьями» (История Кореи, 1960, с. 39). Этих лошадей продавали в Китай. Из этих низкорослых, приспособленных к горной местности лошадей впоследствии составила знаменитая когурёсская конница. Однако все эти племена жили в основном в Южной Маньчжурии. Остается вопрос, проникла ли в это время верховая езда дальше на полуостров. По-видимому, процесс освоения населением Кореи верховой езды завершился уже на следующем историческом этапе – в эпоху раннего троецарствия.

Конская упряжь в раннем железном веке представлена удилами, псалиями, налобными пластинами и другими деталями из бронзы. Удила встречаются довольно редко. Они составлены из двух звеньев, обычно с кольчатыми окончаниями. Такие изделия находят в Ляонине, преимущественно в западной части (Эрдаохэцзы, Нандунькоу, Мианькоу, Удаохэцзы) и на Корейском полуострове (Санни, Чонпэкдон, Писандон, Пхённидон). В Санни в погребении найдена пара удил. Ляонинские находки датируются V–IV вв. до н.э., северокорейские – III–II вв. до н.э., Писандон – рубежом эр. С III в. до н.э. удила начинают делать из железа (Кан Инук, 1996). Малое количество находок этих элементов конского снаряжения даже по сравнению с деталями колесниц может говорить о том, что они обычно изготавливались из органических материалов. Либо стандартный погребальный обряд колесничего ограничивался помещением в могилу только колесницы, без конской упряжи.

Достаточно редко встречаются также псалии. Находки бронзовых S-образных псалий известны только из Сонсалли и Пхённидоне на юге Кореи, все они относятся к ханьскому времени. В Пхённидоне найдены три пары псалий и два бронзовых налобника. Налобники удлинённо-треугольных очертаний, с двумя продольно расположенными петлями для крепления с внутренней стороны. Длина налобников 18 см, псалий – 20 см (Корейская культура бронзы, 1992, с. 60).

Детали повозок представлены бронзовыми ступицами и втулками для колес, головками и колпаками для осей, «детали в виде пистолета, буквы ч, цилиндра». Втулки для колес иногда делались из железа. В Чуи найдены фрагменты больших колес. Детали повозок найдены в Пхеньяне, Чонпэкдоне, Сорари, Санни, Хыккёри, Тхэсонни, Кымсолли, Хаседоне, Писандоне, Ипсилли, Нонсане, Чукдонни, Тасори, Чхопхори, Синчхундоне, Ангёри, Пхённидоне, Чоянни, Санчжу, Удори, Кучжондоне, ряд случайных находок и в Ляонине (Наньдункоу). Ляонинские находки датируются V–IV вв. до н.э., корейские – IV в. до н.э. – началом н.э. (Сон Хочжон, 2003, с. 331,

367–368, 373–376, 382–385, 442; *Корейская культура бронзы*, 1992, с. 34, 36, 43, 49, 60, 64, 104–107). Таким образом, это достаточно массовая категория находок. Очевидно, в раннем железном веке колесница становится важной частью сопроводительного инвентаря в погребениях протокорейской знати, испытывающей в это время сильное китайское влияние, при этом самих лошадей в погребениях по-прежнему нет. Большинство корейских находок концентрируется в провинциях Пхёнан, Хванхэ и Южная Хамгён. Именно эти области обычно считаются ядром Древнего Чосона в поздний период, а затем составили ханьские округа в Корее.

Еще более массово встречаются бронзовые колокольчики, которые, по крайней мере, отчасти также могут быть деталями конской сбруи и колесницы. Они присутствуют в большинстве погребений с конно-колесничными наборами. Существует несколько разновидностей: простые колокольчики, детали в виде планки с бубенчиками на концах, прямой, изогнутой или образующей петлю, девятилучевые звездообразные детали с бубенчиками на концах. Бубенчики также монтировались в бронзовые колпаки колесничных осей. Места находок бубенчиков: Тэгонни, Квэчжондон, Корёнгун, Пхённи, Ипсилли, Чонпэкдон, Тэгонни, Тхэсонни, Хаседон, Чонпэкдон (Санни), Кымсонни, Чукдонни, Чояндон, Тасори, Чхонхори, Кымгунни, Тэголли, Токсан, Кёнчжу, Синчхундон, также известны их находки с территории Ляонина. Даты для них укладываются в пределах IV–I вв. до н.э. (Сон Хочжон, 2003, с. 367, 384–385; *Корейский христианский музей университета Сунсиль*, 1988, с. 40; Kim Jeong-Nak, 1978, вклейки; *Корейская культура бронзы*, 1992, с. 34, 36, 41, 43, 49, 51, 62–63, 156). Колокольчики встречаются и на китайских колесничных упряжках эпохи Чжоу.

О знакомстве населения полуострова с лошастью свидетельствуют также изображения лошади. Они представлены бронзовым навершием кинжала из Яндонни (I в. до н.э. – V в. н.э., причем лошади изображены двумя парами по обе стороны от выступающей центральной части, что также может указывать на колесничную упряжку), фигурками лошадей из Оындона, пряжками в виде лошадей (Оындон, Гактонни, Мисан, Писандон, случайные находки – всего 9 шт., относящихся к рубежу н.э.). В этих зооморфных изделиях прослеживается влияние культур скифо-сибирского круга (Kim Jeong-Nak, 1978, с. 153–155; *Корейская культура бронзы*, 1992, с. 56–58, 112).

На памятниках, относимых к протокорейцам, даже при наличии конской упряжи и остатков колесниц никогда не встречаются останки лошадей. Это можно объяснить и особенностями дальневосточного грунта, в котором вообще плохо сохраняется какая-либо органика, но все же, по-видимому, сопогребение лошадей не входило в погребальный обряд. В Корее разведение лошадей затруднено нехваткой пастбищ. Поэтому лошадь была редким и дорогим животным, которое берегли. Исходя из неполноты деталей упряжи и колесниц (многие местонахождения на севере также неполные) можно предположить, что они не были обязательной частью погребального инвентаря всадника или же вместо всего комплекта принято было класть отдельные детали. Поэтому в таких случаях трудно судить о реальной принадлежности погребенного к определенному роду войск. Не исключено, что все вышеупомянутые памятники относятся к погребениям колесничих, хотя достоверно наличие колесницы фиксируется лишь на некоторых памятниках. Долгое бытование в Корее боевых колесниц следует связать с китайским влиянием, которое вполне ощутимо как в конструкции самих колесниц, так и в наборе оружия и прочего инвентаря, сопутствующего им.

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КОНЬ И ВСАДНИК: В ЭПОСЕ, ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ И В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ АЛТАЯ

Драгоценный мой конь, когда я высокие горы переваливал,
Ты мне луноподобными крыльями служил,
Когда я бурные реки переезжал, деревянным веслом мне был,
Ты – крылья моих подмышек, ты – неразлучный мой друг,
Умрем – кости будут в одном месте,
Живы будем – жизнь у нас одна.

Маадай-Кара (строки 2665–2675)

Приведенные в эпиграфе строки из алтайского героического эпоса очень наглядно отражают неразрывную связь культурного героя с его конем. Суровая жизнь кочевника в горах, полная лишений и опасностей, была немыслима без верного и преданного друга. Нередко только конь мог спасти своего хозяина. Во время работы нашей экспедиции на Монгольском Алтае тувинцы рассказали мне историю, которая случилась с молодым пастухом. Пытаясь переплыть на коне через Цагаан-Гол, он попал в бурный поток и конь долго боролся с сильным течением, но, обессилив, утонул, когда до берега оставалось всего несколько метров. Парень остался жив...

«Конь – это крылья», говорится в лаконичной алтайской поговорке. В алтайских сказаниях конь рождается в один день с героем, а воином становится только тогда, когда приобретает своего коня. В эпосе «эпитетами коня обычно являются слова эрјине и койлоо. Такими словами в древности называли коня, которого хоронили вместе с хозяином» (Суразаков С.С., 1985, с. 31).

Древние тюрки мужчин хоронили с оружием и конем, и во многих могилах присутствуют явные признаки их гибели на войне. У некоторых воинов на черепах и костях отмечены следы смертельных ран от стрел, мечей и сабель. Нередко встречаются погребения людей и с отрубленными головами.

Среди сотен древнетюркских захоронений, исследованных на территории Центральной Азии, лишь незначительную часть можно назвать элитными. Многие из них были ограблены или осквернены еще в древности, но те, которые дошли до нас не потревоженными, содержат яркий археологический материал. Это предметы импорта, серебряная посуда, золотые украшения, дорогое подписное оружие и т.п. Подобные погребения интересны тем, что зачастую их сопровождают исключительно информативные и ценные находки, такие как, например, монеты, рунические надписи и произведения искусства на различных предметах, остатки металлических доспехов и многое другое. К числу подобных редких погребений древнетюркской племенной знати относится раскопанный курган в урочище Балык-Сёёк Онгудайского района Республики Алтай (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003). Любопытно, что в южной половине могилы, на глубине 1,5–2 м, обнаружены останки четырех коней, ориентированных головами на запад. Как известно, многие древнетюркские погребения Центральной Азии сопровождались захоронением одного, двух или очень редко трех коней. В балык-сёёкском захоронении принесены в жертву четыре коня – пока единственный случай среди

раскопанных древнетюркских погребений Алтая. Этот факт, а также наличие ценных золотых и серебряных предметов (в том числе почти целого металлического панциря) свидетельствует о богатстве и об исключительно высоком положении погребенного в тюркской элите. Интересно отметить, что «ограбление» могилы произошло вскоре после захоронения умершего. Наше предположение подтверждается археологическими данными: кисть левой руки человека найдена в грабительском лазе в анатомическом порядке. По-видимому, речь может идти не об ограблении, так как многие ценные вещи не были взяты, а об осквернении могилы. Являлось ли главной целью людей (врагов умершего?) вскрытие погребения и похищение головы знатного тюрка судить сложно. Трудно объяснить отсутствие черепа человека еще и потому, что на месте, где должна была покоиться голова, найдена массивная золотая серьга с жемчужной подвеской. Она явно принадлежала умершему человеку, но каким образом была утрачена его голова, совершенно непонятно?

Важным источником по истории древних тюрков, их военному делу служат письменные данные. Но если для периода Первого и Второго Тюркских каганатов основными и наиболее информативными можно считать китайские династийные хроники, то для Уйгурского и Кыргызского каганатов – свидетельства арабских авторов. Они позволяют соотнести содержащиеся в них сведения с археологическими материалами (погребения и наскальные изображения). В этом отношении интересно «Послание Фатху б. Хакану» ал-Джахиза, относящееся к IX в. (Мандельштам А.М., 1956). И хотя речь в нем идет о западных тюрках, его цитирование вполне оправдано, так как и западные, и восточные тюрки являются носителями единой культурной традиции. Поэтому для нас чрезвычайно важно то, что в одном погребении знатного воина из Балык-Собька рядом были обнаружены наконечник копья и защитный доспех. Однако наконечник копья не является исключительно редкой находкой в древнетюркских захоронениях. Так, на Алтае они известны в ранних средневековых курганах Уландрыка, Барбургазы, Катанды, Яконура и т.д. Как известно, копье применялось в основном для боя с противником, защищенным панцирем. Копье и защитный доспех определяли и тактику боя – таранный удар плотно сомкнутым строем, что подтверждают письменные данные: «...сила натиска в первый момент – а это удар, которым они достигают того, что хотят...» (Мандельштам А.М., 1956, с. 228). Подобная атака могла решить исход всего боя. Например, подобное яростное столкновение двух конных отрядов копейщиков прямым лобовым ударом показано на средневековых росписях Пенджикента.

В арабских письменных источниках особо отмечается, что «...копье тюрков – короткое и полое. А короткие полые копья пронзают с большей силой и более легки для ношения» (Мандельштам А.М., 1956, с. 233). Отличительной чертой тюрков было не только умелое владение копьем, но и точность и быстрота стрельбы из лука. В балык-собщском погребении знатного воина найдены роговые срединные накладки на два лука, что соответствует описанию ал-Джахизом вооружения тюрков: «...они приучают всадников возить (при себе) два или три лука...» (Мандельштам А.М., 1956, с. 231). О тюрках в арабских источниках постоянно упоминается, что они хорошо экипированы: носили панцирь (*аль-джавшан*), кольчугу (*дир*), щит и шлем (*байда*). Тюрки достигли особого совершенства и предела в ведении боевых действий: «И (никто) не внушает такой страх арабским войскам, как тюрки» (Мандельштам А.М., 1956, с. 243). В задачи тяжелой ударной конницы или так называемой «врубающейся»

конницы тюрков, входило и расстройство рядов противника, замешательство. Это была своеобразная «психическая» атака на пеших воинов.

Разделение войска тюрков на легкую и тяжелую конницу общеизвестно. Тактика боя основывалась на взаимодействии легкой и тяжелой кавалерии. Легкие лучники оказывали активную поддержку панцирным всадникам, нанося большие потери противнику. В то же время они могли прикрыть отход тяжеловооруженных воинов в случае неудачной атаки. «Сила тюркю заключается в верховой езде и стрельбе из лука. Если они видят благоприятное положение, то продвигаются вперед, если замечают опасность, тотчас же отступают. Они бушуют, как буря и молния, и не знают устойчивого боевого порядка. Лук и стрелы являются их когтями и зубами, а кольчуги и шлемы – повседневным одеянием» (Liu Mau-tsai, 1958, p. 130).

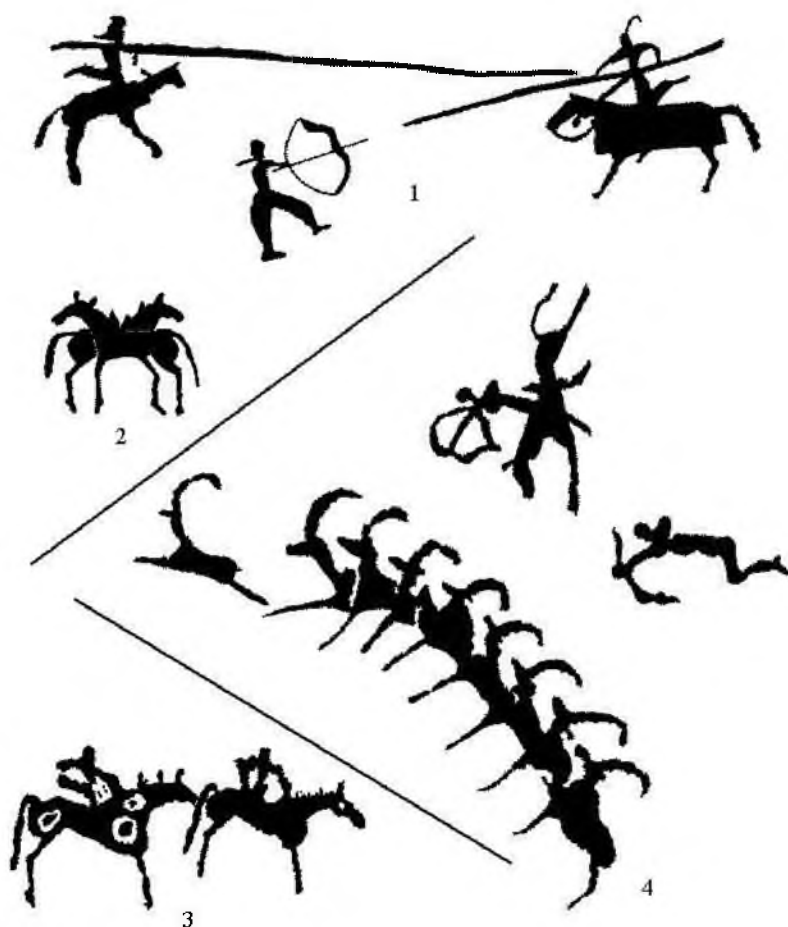

Рис. 1. Древнетюркские петроглифы у г. Шивээт-Хайрхан. Монголия

Балык-сёбкский панцирь, как и само погребение, является уникальным. Он также впервые найден в древнетюркских курганах Саяно-Алтая. Реконструкция металлического панциря и вооружения, сделанная Г.В. Кубаревым и Д.В. Поздняковым, дает полное представление о внешнем облике властного и грозного воина. Эта находка обогащает наши знания о развитии защитного вооружения Центральной Азии в конце I тыс., а также ставит ряд вопросов социально-экономического характера, политической истории, миграций и определения границ государственных образований в эпоху раннего средневековья.

Особенно яркий и выдающийся комплекс древнетюркских петроглифов открыт недавно в Монгольском Алтае. Он расположен в долине высокогорной реки Хар-Салаа, у южного подножия священной горы Шивээт-Хайрхан. Древнетюркских всадников можно узнать по сценам загонной охоты. Однако здесь же есть и редкая сцена поединка тяжеловооруженного воина с лучником и другим противостоящим всадником, также вооруженным длинным копьем (рис. 1.-1). В рисунке «катафрактария» просматриваются угловатые очертания металлического шлема с плюмажем, длинный бронированный халат, на лошади защитная попона. Очень близкие по стилю изображения средневековых всадников в доспехах найдены в местности Цагаан-Отог, Хаар-Хаде (Монгольский Алтай), и в петроглифах российского Алтая: Жалгыз-Тобе, Чаганки, Кара-Оюка, Бичикту-Бомы, на плитах поминального сооружения, в долине р. Юстыд.

Наибольшее число изображений «катафрактариев» в Чуйской котловине вполне объяснимо. Как известно, она представляет собой опустыненную степь монгольского типа, где в бою возможно применение всех преимуществ плотно сомкнутого строя, тяжеловооруженных всадников. В других районах Алтая, с их пересеченной местностью и узкими долинами подобная тактика боя невозможна. В целом Алтай следует рассматривать в определенном смысле как природную крепость, и в особенности Центральный Алтай. В условиях узких горных троп и крутых боров несколько воинов могли сдерживать продвижение целой армии. Хотя не исключено, что укрепленное валом городище в районе Большого Яломана, занимавшее важное стратегическое положение в долине Катунь, было сооружено в древнетюркскую эпоху. Но почти полное отсутствие находок затрудняет датирование этого сооружения. Наличие таких конструктивных особенностей некоторых древнетюркских оградок, как ров, вал, а также четырехугольная форма позволяют предположить знакомство алтайских тюрок с фортификационными сооружениями.

К.А. Руденко

Национальный музей Республики Татарстан, Казань, Россия

**КОНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ И КУЛЬТ КОНЯ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРЕДУРАЛЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II тыс. н.э.:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

На территории Поволжья и Предуралья во 2-й половине I тыс. н.э. в погребальной обрядности населения, жившего здесь, появляется своеобразный культ, существенной частью которого было захоронение части или полной туши коня. Он распространялся у различных этносов и на разных территориях, практически независимо друг от друга.

Под культом коня в данном случае мы подразумеваем использование лошади в виде целой туши, части ее (например, шкуры, головы и ног) или куклы (чучела) в погребальном ритуале – в обрядах после похорон (ритуальная пища, поминальная жертва) и в обряде погребения – вместе с человеком и как самостоятельное захоронение. Частью этого культа являются реалистические или символические изображения коня в мелкой пластике и украшениях бытового и погребального костюма.

С.П. Нестеров (1990, с. 91) отметил, что у тюркских народов «лошадь была лишь продуктом ритуального обмена, и порой не единственным. Жертвоприношение коня кому-либо, под которым чаще и подразумевается культ коня, культом на самом деле не является. Оно, как и любое жертвоприношение, – лишь составная часть его».

На территории Среднего Поволжья и Прикамья культ коня выступал как системообразующий элемент целостного образа Мира и Вселенной. Это отражалось в ритуалах, костюме и было связано с этапами жизненного цикла человека, сопровождая его от рождения (игрушки, обереги) и до смерти (сопогребение с конем). Не менее показательны отдельные конские захоронения на обычных некрополях.

По мнению Е.И. Молодцовой (1996, с. 134), процесс жертвоприношения коня символизировал воссоздание всего Космоса, причем в процессе таких действий возможности оказывать влияние на акт моделирования казались практически безграничными.

Историография рассматриваемого вопроса обширна и требует специального исследования. Отметим, что специально эта проблема изучалась в XX в. М.Г. Худяковым, Е.П. Казаковым, А.Г. Петренко. Источниками по изучению темы являются данные, полученные в основном при исследовании некрополей.

По мнению большинства исследователей, культ коня в I тыс. н.э. в погребальной практике населения Среднего Поволжья был привнесенным элементом культуры и формировался из разных источников, в зависимости от времени и территории. Ученые сходятся во мнении, что в целом культ коня в данном регионе следует рассматривать как часть этнических традиций, имеющих истоки в балто-финской и тюркской среде. Но в большей степени конский ритуал в это время выступал как символ социальной статусности.

В I-й половине II тыс. н.э. конские комплексы в захоронениях кочевого населения, как правило, отражали тюркскую погребальную традицию, являясь при этом показателем социального статуса умершего. Двойственная функция (этномаркирующая и статусная) сопогребений ярко проявилась в XIII–XIV вв.

Вместе с тем культ коня (уже не отмеченный в погребальной практике) продолжал развиваться в финно-пермской среде и был связан с религиозными верованиями, существенную часть в которых играла женская богиня прародительница. В археологических материалах этот культ проявляется в виде находок как на могильниках, так и на поселениях бронзовых коньковых подвесок и подвесок – «всадница на змее» (Шутова Н.И., 2001, с. 150–151; Куликов К.И., 2004, с. 29–35; Иванова М.Г., 2004, с. 20–28). Очевидно, связаны с ними кресала с бронзовыми рукоятями в виде парных коньков (Крыласова Н.Б., 2003, с. 92).

Финская этническая традиция, связанная с культом коня, отражалась и в формах мелких бытовых предметов, например, в гребешках с изображением парных коньков, датирующихся IX–X вв. Отметим, что в XII в. эти изделия распространились и на соседних территориях – в Волжской Булгарии, Северо-Восточной Руси и как единичные находки в южнорусских степях (Флерова В.Е., 2001, рис. 6, с. 41–42). Отголоски этих мотивов можно без труда найти в оформлении верхних частей копоушек в Прикамье и Поветлужье.

О происхождении культа коня в Прикамье имеется точка зрения М.Г. Худякова (1935, с. 254–255), который считал (следуя яфетической теории Н.Я. Марра), что у финнов он сформировался на основе культа оленя как родового божества с маклашеевского или раннеананьинского времени. Этот культ был также связан и с культом солнечного коня (Солнца), выразившемся в антропоморфизации этого образа (всадник/всадница) в начале I тыс. н.э. М.Г. Худяков выявил «диалектическое раздвоение» солнечного коня и появление мотива борьбы со змеем как символа темного, подземного мира. Имелось в виду изображение двух головок коня, свидетельствующих о «расщеплении» образа и о «коне преисподней» пегого цвета (Худяков М.Г., 1935, с. 258). Конь желтого и белого цвета ассоциировался с Солнцем, небесным конем.

М.Г. Худяков считал, что образ коня в культовой практике финских народов был связан с магией урожая. Жертвоприношение коня включало и почитание Солнца (солнечный конь), выражаясь в ритуальной езде или обрядовых празднествах в виде скачек или конских ристалищ (Худяков М.Г., 1935, с. 271, 275–278).

Исследования 2-й половины XX в. показали, что в Прикамье земледелие стало делать первые шаги в VIII–IX вв. Первоначальные формы подсечно-огневого земледелия дополнялись перелогом, с использованием рала и сохи (не позднее X в.) (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, с. 94–95). По данным М.Г. Ивановой, у северных удмуртов в XII–XIII вв. основной системой земледелия был лесной перелог с применением упряжных пахотных орудий с железными наконечниками. Менее интенсивно внедрялось земледелие в сильно залесенные территории марийского Поволжья. Тем не менее и здесь с XI в. получает распространение подсечное земледелие и своего рода «неполная земледельческая оседлость» (Никитина Т.Б., 2002, с. 134).

В X–XII вв. в Прикамье лошадь занимала второе место среди разводимых домашних животных. Вместе с тем связывать непосредственно культ коня у поволжских и прикамских финнов с развитием земледелия будет не совсем корректно. В сложившемся виде он появился раньше. Вполне очевидно, что в данном случае не земледельческая магия определяла развитие культа коня. Это было проявлением, с одной стороны, этапа развития местного пантеона божеств (солнечный конь) и мифо-ритуальной системы в целом, а с другой – новой культурной традиции (тюркской и балтской), обусловившей социальную значимость (статусность) этой части погребального ритуала.

Как подтверждение этого можно рассматривать и появление практически одновременно с культом коня в могильниках населения Среднего Поволжья в VII–VIII вв. случаев искусственной деформации черепов. Отмечено два таких случая в раннеболгарском Кайбельском могильнике VIII в. (Герасимова М.М., 1956, с. 148), а также в захоронениях Новинковского могильника новинковской культуры VII – начала VIII в. и в Маклашеевском могильнике именьковской культуры VI–VII вв.

По мнению С.С. Тур (1996, с. 244–245), деформация черепа служила для подчеркивания этнического происхождения или социально-престижного статуса некоторых членов общества.

Таким образом, культ коня на территории Среднего Поволжья и Прикамья во 2-й половине I – 1-й половине II тыс. н.э. отражал как местные традиции, так и процессы проникновения и закрепления культурных инноваций в период активизации миграционных процессов на евразийском континенте.

В.И. Сарияниди, Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

**РОЛЬ ЭКВИД И ДРУГИХ ЖИВОТНЫХ В ЖИЗНИ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ТУРКМЕНИСТАНА
(на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Депе)***

«В связи с тем, что культ коня и колесницы проходит красной нитью в Ригведе и других санскритских текстах... наличие коня и колесницы служит важнейшим показателем присутствия индоариев» – такими словами начинает свою работу, посвященную проблеме домостроения лошади и происхождения колесниц известный специалист по индоиранской проблеме Е.Е. Кузьмина (2004, с. 129). Поэтому актуальность предложенной темы очевидна. Авторы не ставят перед собой задачу предложить то или иное решение индоарийской проблемы. Главная наша цель показать, что уже в конце III – начале II тыс. до н.э., т.е. задолго до прихода в южные районы Средней Азии представителей степного мира, жители земледельческих оазисов знали и использовали эквидов, в том числе лошадей.

Гонур Депе представляет собой крупнейшее (площадь свыше 40 га) среди более 300 выявленных ныне поселений в древней дельте р. Мургаб, расположенное ныне в песках Каракумов в 85 км к северу от г. Байрамали (Туркменистан). Памятник представляет собой монументальный дворцово-храмовый ансамбль, включающий также несколько некрополей (раскопано свыше 3700 могильных сооружений, в том числе пять «царских»), священный участок (теменос), а также архитектурный комплекс, центром которого является ритуальное захоронение четырех животных. Судя по имеющимся данным, время прихода племен в дельту Мургаба соответствует периоду существования Аккадского государства (если не раннединастического III В периода). Радиоуглеродные даты: 2250–1600 до н.э. Гонур Депе – прекрасный образец памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.

Основными ритуальными (жертвенными) животными на Гонуре являлись овца и осел. Этим видам принадлежат не только остатки погребальной пищи в могилах людей, но и погребения целых скелетов с богатым инвентарем (всего 13 захоронений). Но, как мы постараемся показать, домашние лошадь и осел, по всей видимости, играли важную роль в жизни населения древней страны Маргуш.

Первое свидетельство знакомства гонурцев с лошастью было засвидетельствовано на большом некрополе Гонура, где среди 2853 могильных сооружений одно ямное принадлежало жеребенку без головы и хвоста (Сарияниди В.И., 2001, с. 37–39; 2002, с. 238–241). Такое расчленение тела перед погребением в сильной степени напоминает зороастрийский ритуал *asvamedha*. Затем последовали находки так называемых сигнальных труб из бронзы, серебра и фаянса (всего в настоящее время 7 экз.: 5 – на некрополе, 1 – в царской гробнице №3210 и 1 – в цисте №3310, где был похоронен ягненок); бронзового навершия жезла в виде протомы лошади (погр. 2380), каменной фигурки лошади, изображение спины которой напоминает седло, из царской гробницы №3210, каменной же скульптурки без головы с раскрашенными гривой и хвостом, имеющей сходство с коротконогой лошадкой, из раскопа 12. Второй полный скелет молодой лошади был найден в царской гробнице №3200, «прижатый» четырехколесной повозкой к восточной стене котлована-двора сложного

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00062а).

погребального сооружения. В том же дворе были захоронены три раба (пожилая женщина, юноша и девушка), два взрослых верблюда и крупная собака. Останки третьего жеребенка были найдены вместе с бараном, собакой и теленком снаружи южной стенки упоминавшейся двухкамерной цисты №3310. В этом отношении показательно, что в авестийских Яштах лошадь регулярно упоминается среди животных, которых приносят в жертву богам цари и герои. Важно подчеркнуть, что одну из трех гонурских молодых лошадей принесли в жертву вместе с другими животными ягненку (№3310), что свидетельствует о сложных религиозных представлениях и ритуалах, свойственных жителям страны Маргуш.

Кроме полных скелетов на Гонуре встречены и фрагментированные останки лошадей. Так, в одной из круглых ям на крайнем юго-востоке Северного Гонура недалеко от царского некрополя обнаружены передние и задние конечности лошади (погр. 3330); в пом. 149 на раскопе 9 (юго-западная часть комплекса) находился череп лошади на высоте 35 см от уровня пола. На территории царского могильника, на глубине 30–35 см от древней дневной поверхности непосредственно над гробницей №3200, был найден второй верхний предкоренной зуб этого животного. По определению палеозоолога Р.М. Сатаева, зуб значительно стерт (больше среднего), принадлежит взрослому животному (от 5 до 15 лет, предположительно 8–10 лет). Передняя часть коронки в области параконуля приподнята в виде задранного носа ладьи и, опускаясь к парафлексу, образует выраженную седловину. Такая форма площадки стирания отмечалась, как пишет автор, у рецентных лошадей, ходивших в упряжи. У животных, живших на вольном выгуле, задранный кверху параконуль не встречался. Р.М. Сатаев (2008) предполагает, что та лошадь, которой принадлежал зуб, найденный на территории царского могильника, использовалась для верховой езды. К сожалению, единственный изолированный зуб не позволяет делать корректные заключения по данному поводу, тем более что об использовании удила с некоторой степенью вероятности принято судить по состоянию вторых нижних предкоренных зубов. Во время весенних полевых работ 2008 г. на раскопе 16 (юго-западная часть комплекса, между обводной стеной и большим некрополем Гонура) на высоте 30–35 см над заполнением могил в одном случае было найдено два, а в другом один зуба домашней лошади. Данные одонтологические останки важны и тем, что стратиграфия раскопа и керамический комплекс, выявленный в более чем 50 погребений, найденных *in situ*, свидетельствуют об их принадлежности к началу II тыс. до н.э., т.е. ко времени, не сильно отдаленному от начала заселения Гонура. Эта находка в настоящее время исследуется Р.М. Сатаевым.

Все вышесказанное говорит о прекрасном знакомстве с лошадью древних земледельцев юга Туркменистана, о том важном месте, которое занимало это животное в жизни их аристократической верхушки. Здесь же надо отметить, что лошадь в этих районах была или местной, или, скорее всего, связана с юго-западными, а не с более северными, степными районами. Свидетельствами именно юго-западных истоков гонурского коневодства являются конструкция колес и повозок, впервые для эпохи средней бронзы документированная находками (Дубова Н.А., 2004, с. 279) и полностью совпадающая с находками на территориях Элама и Бактрии, а также наличие гробниц типа Нурогеш (Сарианиди В.И., 2006), описанных ранее только на Ближнем Востоке, в одной из которых (№3200), как отмечалось, также найдены останки молодой лошади. Вероятнее всего, лошадь использовалась только местной аристократией и была элитарным животным.

Не менее важное место в жизни земледельцев Маргианы занимали домашний осел. Так, Р.М. Сатаев установил, что одно из погребений, ранее определявшихся нами как «пог-

Рис. 1. Захоронения трех баранов (№3621–3623) и осла (№3597) на раскопе 16 Гонур Деде в процессе расчистки (2006, октябрь)

ребенке жеребенка» на царском некрополе (№3340), принадлежит именно этому, не только выносливому, неприхотливому вьючному и тягловому животному, но и игравшему важнейшую роль в осмыслении мироздания. Например, у зороастрийцев

в центре мира стоит гигантский трехногий осел (Крюкова В.Ю., 2005, с. 127–132). Погребение совершено в сырцовом кирпичном мавзолее в окружении погребальной керамики, раковинной бусины у головы, а каменной – у хвоста. Животное лежало на левом боку, головой на юг (Сарианиди В.И., Дубова Н.А., 2005). Рядом, но снаружи мавзолея (на расстоянии около полуметра), располагается явно принадлежащий ему двухкамерный культовый очаг для приготовления жертвенной пищи. Точно такого типа культовые печи были чрезвычайно широко распространены в храмах Северного Гонура. Их особая конструкция позволяла готовить жертвенное мясо без того, чтобы пламя непосредственно касалась кровавых жертвоприношений.

Впечатляющее захоронение еще одного осла (№3597) в сопровождении трех погребений баранов с богатыми погребальными приношениями является центральным подземным сооружением упоминавшегося архитектурного комплекса на раскопе 16 (между большим некрополем Гонура, теменосом (Южным Гонуром) и юго-западным углом Северного Гонура). Оно было раскопано осенью 2006 г. Животное лежит в этом случае на правом боку головой на запад в цисте, выложенной изнутри сырцовыми кирпичами, длиной 2 м, шириной 1 м, а глубиной 1,5 м. Шея животного повернута назад таким образом, что череп оказывается лежащим на грудной клетке. За затылочной частью черепа помещен большой бронзовый сосуд, упирающийся устьем в северную стенку ямы. В ногах осла лежат три ягненка. Перпендикулярно к этому погребению расположено три могилы сходной длины, ширины и глубины – №3621, 3622 и 3623, ориентированные с севера на юг. Погребальными приношениями для баранов было значительное число керамических и бронзовых изделий, специально обработанных камушков. Во всех трех имеются каменные миниатюрные колонки и бронзовые навершия жезлов, т.е. знаковые предметы, подчеркивающие высокий социальный статус захороненных. Из этих трех выделяется погребение барана в центральной камере (№3622). У животного отсечена голова, а бронзовая пластина «вставлена» в позвоночник в области поясницы.

Подчеркнем, что известные захоронения животных, в том числе лошадей, в памятниках степных культур (например, в Синташте – Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 154, рис. 72) существенно отличны от многих вышеописанных. В то же время погребения баранов и собак в качестве прихороненных животных к могилам людей находят свои аналогии скорее на Ближнем Востоке (Tell el-Dab'a – Bietak M., 1996, p. 42; Stiebing W., 1971, p. 116). Кроме того, на Гонуре и лошади, и ослы, и бараны, и собаки нередко выступают в роли основных захороненных.

Н.А. Тадина

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

ЛОШАДЬ КАК САКРАЛЬНЫЙ ДАР С «ТЕПЛЫМ ДЫХАНИЕМ» В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АЛТАЙЦЕВ*

Еще в XIX в. было замечено, что Горный Алтай представляет собой Эльдorado для алтайцев-скотоводов. Невысокие травы это здоровый корм для лошадей, поэтому их держали больше, чем овец и коз, а на пастбищах, окруженных горами, скот не нуждался в пастухах, где могли пастись даже зимой, так как не было снежного покрова

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №08–02–61202а/Т).

(Радлов В.В., 1989, с. 144–145). В то время алтайцы жили не в селах русских переселенцев, а в горных ложбинах, следуя за многочисленным скотом. Алтайская семья могла иметь несколько табунов. Если табун состоит из 20–60 лошадей, то их общее число доходило до тысячи, а у преемника зайсана Мангдая из Чуйской степи – несколько тысяч голов, у алтайца Толоя на Урсуле – 6000 лошадей (Радлов В.В., 1989, с. 151).

Со 2-й половины XIX в. богатый скотовод становится редкостью, что стало следствием инородческой политики перевода алтайцев на оседлый образ жизни. На протяжении прошлого века, когда многочисленность скота имела в коллективной собственности колхозов и совхозов, неизбежно надвигалась техногенная цивилизация, при которой лошадь стала заменять машина. И сегодня в ряду ценностей многих стоит «крутая» иномарка, а не «чистокровный» скакун. Порою лошадь выступает экзотикой для туристов из индустриальных мест, которые покупают круиз по озерам, осуществляемый верхом. В нынешних условиях значение лошади стало переоцениваться – ее роль видна не только в деревенском хозяйстве, но и в развитии сельского туризма. Изучение этнокультурного и хозяйственного наследия кочевников Алтая представляет одну из основных задач нашего регионального проекта.

Сложившиеся традиции содержания лошадей имели не только практическое значение – выведение скакунов, ездовых и рабочих коней, получение кумыса, но и мировоззренческую роль, что определило специфику картины мира алтайцев-скотоводов и своеобразие их ритуальных действий. Для изучения поставленной проблемы необходимы систематизированные материалы, поэтому основным инструментом сбора данных выступил метод непосредственного наблюдения и опрос информаторов на языке изучаемого народа. Такой комплексный подход позволил собрать полевой материал по теме исследования и соотнести его с опубликованными данными.

На основе нарративных текстов можно выявить место лошади в картине мира скотоводов. Так в алтайском мифе «О сотворении мира» главными творцами выступают два бога – верховный Кудай и подземный Эрлик (Алтай janO, 1996, с. 6–7). За что бы ни брались соперники, они создавали две противоположности. Вначале среди океана сотворили сушу из почвы и болота. На такой разнородной земле создавалась природа, состоящая из растительного и животного мира. Верховный творец покрыл землю травой, а его соперник – колючкой. Каждая пара деревьев и животных возникала в противоборстве. Кудай создал кедр, а Эрлик – сосну; первый сотворил березу, а другой – осину. Так лошадь явилась творением небесного бога, а корова – подземного. Сотворение овцы стало поводом для появления козы.

Данный миф объясняет принцип деления домашнего скота на животных, созданных небесным божеством и поэтому определяемых как с «горячим дыханием» (*изу тумчукту мал*). К этой категории относится лошадь. Другая группа животных, сотворенная подземным правителем, символически называется с «холодным дыханием» (*«соок тумчукту мал»*). Это деление обосновано внешними отличиями растений и их целебными свойствами, повадками животных и вкусовыми качествами молока и мяса. Такое единство сакрального и утилитарного сложилось на основе скотоводческих знаний и охотничьих наблюдений, накопленных на протяжении веков.

Собранные полевые материалы позволяют утверждать, что в алтайском обществе существует высокоавторитетная нравственная идея, ради которой следуют нормам поведения, не считаясь с препятствиями. Это обычай «соблюдения бай», выраженный в

совершении запретных действий, запрете на произношение слов. Так лошадь, называемую «*ат*», принято именовать «*мал*». Существует большое количество терминов, обозначающих лошадей по масти и половозрастным категориям, по манере хода. Лошадь относится к числу почитаемых домашних животных «*байлу мал*», поэтому соблюдение запретов и норм поведения выражает особое отношение к ней. В нее нельзя не только стрелять, но даже направлять дуло ружья, бить по голове, называть дурными словами, держать в путах или привязанной в холод, жару, ненастье.

Для человека традиционного культуры окружающий мир подразделяется на две части: «мир вещей» и «мир знаков». Животные и предметы, как одушевленное и неодушевленное, принадлежат двум мирам: по обыденным и утилитарным характеристикам к профанному миру и сакральному – по своему символическому смыслу (Элиаде М., 1994, с. 5). В зависимости от того, в честь живых или в память ушедших совершаются обряды, действует определенная цепь символов, и малейшее отступление от заданных норм расценивается как дурной знак к несчастью (Тадина Н.А., 2006, с. 113).

Одним из таких символов выступает лошадь, занимающая особое место в картине мира алтайцев. Обычно эту модель принято представлять в виде трех миров по принципу «верхний – нижний»: земной, в котором живут люди, противопоставлен как нижний верхнему – небесному миру, и как верхний нижнему – подземному миру. Изучение семантики миров позволило прийти к выводу о том, что при всей троичности модели мира все три «слоя» одновременно не «работают», а в ритуальной практике у алтайцев действует лишь определенная пара миров. Так, в честь живых воздействуют символы земного и небесного мира, а в память ушедших активизируется другая пара символов – земного и потустороннего (Тадина Н.А., 2007б, с. 152).

Двоичная структура алтайской модели мира передается в ритуальной практике не только посредством чет/нечета, языка, цвета и ориентации по сторонам света, но и набором кода, выражающим ритуальный смысл обряда. Если обряд совершается в честь живых, как, например, сватовство, свадьба, наречение новорожденного, приход года рождения через каждые 12 лет по животному календарю, то принято для угощения забивать лошадь, обычно кобылицу-двухлетку, называемую «*байтал*». Не случайно один из свадебных дней так и называется «*байтал баш*» (дословно, голова двухлетки).

При совершении обряда в память ушедших в иной мир лошадь не забивают. В народной памяти сохранилось представление о захоронении лошади рядом с ее хозяином, о чем изложено в одной из статей (Тадина Н.А., 2007а, с. 173–181). Эти сведения подтверждают записи путешественника по Алтаю конца XIX в.: «Вблизи могилы каждого теленгита непременно возвышается холмик из камней, это – могила ездовой лошади покойного» (Луценко Е.А., 1898, с. 33–34).

Ритуальное угощение выражает сакральность события. На поминках, связанных с миром умерших, не принято угощать кониной, как это происходит на свадебном пиру. Мясом лошади как «небесно сотворенного» животного, мифологически осмысливаемого с положительным значением, принято угощать в честь живущих. Причем ритуал подношения мяса с определенной части туши и его очередность выражает степень родства и сватовской статус угощаемого. Так, на свадебном пиру угощают сначала сватов и родственников по линии матери как наиболее почитаемых родственников. Обычно мясо кости голени преподносят мужчинам, а мясо грудины – женщинам. Отведав

мясное угощение, дядя по линии матери передает своему племяннику, в чем выражается обычай авункулата. Другим почетным угощением считается конский крестец, называемый «уча», предназначенный родителям невесты. Его доставляют в день свадьбы, и этот сватовской визит называется «уча јетириши» (доставка уча).

На алтайском скакуне «аргьмак» во время народных игр «Эл-ойын» 1996 г.
(Фото автора)

При скотоводческом образе жизни алтайцев угощение свежей кониной является редким случаем, что объясняется упитанностью лошади лишь в летний период, сложностью хранения крупной конской туши, высокой ценностью лошади как сакрального животного. Как правило, мясное угощение готовят мужчины, считающиеся ритуально чистыми. Поедание конины родовым сообществом – кровными родственниками, сватами, соседями закрепляет общественное признание совершаемого события: переход новобрачных в статус семейных, наречение ребенка, вступление именинника в очередную возрастную категорию и пр.

В качестве сакрального дара выступает взнузданная лошадь, называемая «уруук ат». Преподношение такого дара означало благодарность отцу невесты или компенсацию отказа сватам: «Если родители девушки встречали жениха и сопровождавших его формально, следуя обычаю, – потчевали гостей, а перед отъездом юноше... могли подарить коня, то это являлось условным знаком отказа в данном браке» (Тадина Н.А., 1995, с. 31, 81). В народе живет память о старинном обычае «баркы», общественно-родовая значимость которого выражалась в следующем. Старшего сына, как преемника родовых должностей отца, и младшего, как наследника

дома отца, дядя по матери должен был периодически одаривать лучшим конем из своего табуна (Тадина Н.А., 2005, с. 263).

Таким образом, в традиционном сознании алтайцев-скотоводов лошадь осмысливается как сакральный дар с «теплым дыханием», исходя из мифологического представления о ней как сотворенной небесным божеством, а поэтому носящей ритуально-положительный смысл. Все, что имеет какое-либо отношение к лошади – конская сбруя, часть конской туши, напиток из конского молока, конский волос и пр. имеет знак оберега. Использование его означает ритуальное действие в честь определенной пары миров – земного и небесного или земного и потустороннего в соответствии с двоичной структурой алтайской модели мира.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н.И. Быков, Е.А. Давыдов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ЛИХЕНОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ*

Индикационные методы изучения археологических памятников позволяют получать новую информацию об объектах исследования, не нарушая их, при значительном снижении трудоемкости работ. В качестве физиономичных (видимых) индикаторов археологических памятников могут выступать растения на всех уровнях их организации (от субклеточного до ценотического). При этом фитоиндикаторы используются для поиска объектов и характеристики их свойств, в том числе временных (датирование).

Одним из распространенных методов датирования является лихенометрический. Он основан на зависимости диаметра накипных лишайников от их возраста. Продолжительный период жизни накипных лишайников позволяет использовать их для достоверного датирования археологических памятников, начиная, по крайней мере, с раннескифского времени.

Попытки лихенометрического датирования археологических и природных объектов на Алтае немногочисленны. Первая модель роста диаметра лишайников в зависимости от их возраста была построена О.Н. Соломиной (1999, с. 116–117). В 1985 г. ею данным методом были проведены исследования ледниковых отложений в долине реки Актру (Северо-Чуйский хребет). Исходными данными для построения кривой скорости прироста лишайников автору послужили отложения ледника Малый Актру 1911–1914 и 1937 гг., имеющие точные датировки. Результатом этой работы явилось уточнение схемы динамики ледников в «малый ледниковый период» в названной долине. В самом начале XXI в. лихенометрические исследования динамики ледников в долине Актру повторил А.Н. Назаров (Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламова Н.Ф., 2005, с. 49, рис. 17), уточнив модель О.Н. Соломиной за счет новых радиоуглеродных датировок морен данной долины.

На Южно-Чуйском хребте в долине ледника Софийский аналогичная работа была проведена под руководством Н.А. Голодковской (Паржак Ю.В., 1992, с. 77–78). Хронологическим репером для исследователей явилось описание ледника В.В. Сапожниковым. Точность датирования здесь была ниже, чем в Актру, однако это не помешало авторам выявить значительные подвижки Софийского ледника в «малый ледниковый период».

Н.И. Быковым (1999, с. 30; 2001, с. 52) с помощью данного метода были выполнены реконструкция лавинных процессов в Северо-Западном Алтае и датирование Маашейского озера.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00173).

Лихенометрическое датирование археологических памятников Алтая применялось незначительно (Седельникова Н.В., Черемисин Д.В., 2001, с. 479–481; Чайко А.В. и др., 1992, с. 83). Первые авторы использовали лишайники для датирования петроглифов. Вторая группа авторов использовала данный метод для датирования природных и археологических объектов (стелы, оградки) в бассейне р. Джазатор.

В ходе наших исследований лихенометрическим методом были изучены некоторые могильники долин рек Б. Яломан, Актру, Тете и Юстыд. Программа работ при этом включала видовые описания лишайников, измерения проективного покрытия и диаметров лишайников. На археологических объектах были обнаружены следующие виды лишайников: *Xanthoria elegans* (Link) Th. Fr., *Rhizocarpon geographicum* s. Str. (L.) DC., *Dimelaena oreina* (Ach.) Norman, *Xanthoparmelia cospersa* (Ach.) Hale, *Rhizoplaca choysoleuca* (Sm.) Zopf., *Melanelia tominii* (Oxner) Essl., *Lecanora frustulosa* (Dick) Ach. и др. В качестве индикаторов возраста памятников были выбраны первые три вида, как наиболее распространенные и медленно растущие, в качестве главного индикационного показателя – диаметр лишайников. В процессе работ измерялись особи, близкие к максимальным размерам. С каждой особи измерения проводились в двух направлениях, а затем их значения усреднялись. Далее определялось среднее максимальное значение диаметра лишайников определенного вида по объекту. Эта процедура выполнялась с целью исключения случайных индивидуальных особенностей развития.

Как показали исследования, средний размер максимальных диаметров лишайников уменьшается по мере уменьшения возраста памятника. Однако максимальные размеры различных видов при этом изменяются несинхронно (рис. 1).

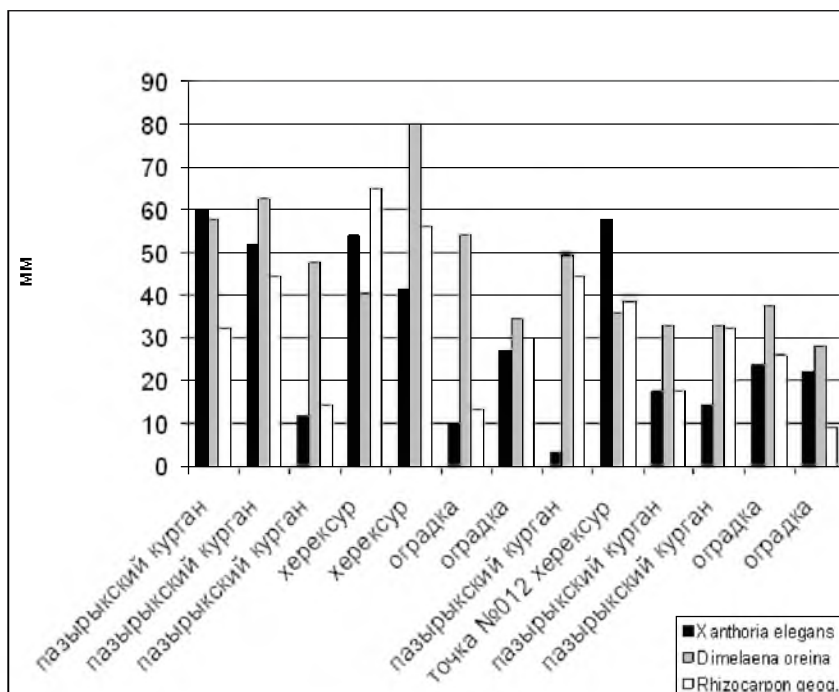

Рис. 1. Максимальные диаметры накипных лишайников в бассейне р. Юстыд

Предполагая, что данное явление, возможно, связано с межвидовой конкуренцией мы рассчитали новый показатель – среднее максимальное значение по трем видам. После этой процедуры связь диаметра лишайников с возрастом памятников несколько улучшилась.

Вместе с тем обнаружилось, что диаметры лишайников существенным образом зависят от высоты местности над уровнем моря (рис. 2). Однако такие зависимости по отдельным видам отличаются не только по величине градиента, но и по знаку. Так, у *Dimelaena oreina*, в отличие от двух других видов, диаметры возрастали с высотой. Возможно, это связано с повышением конкурентной способности данного вида с изменением условий местообитания. В любом случае модели роста лишайников, используемые для датирования, должны учитывать такой фактор, как абсолютная высота местности.

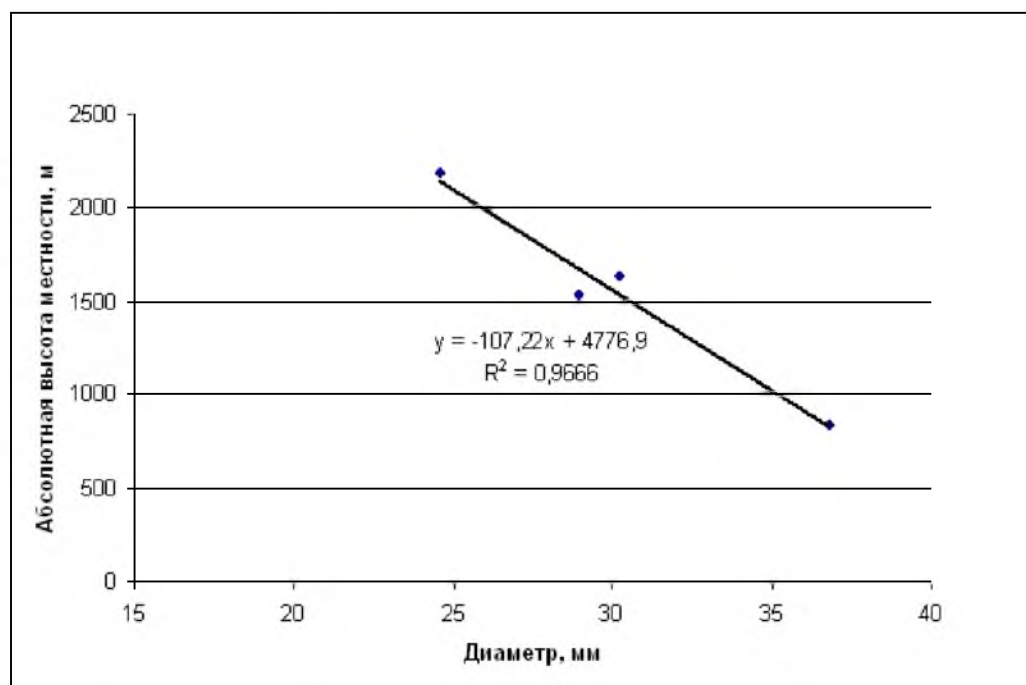

Рис. 2. Диаметры лишайников на памятниках пазырыкской культуры на разных абсолютных высотах

Исследования общего проективного покрытия лишайниками как индикатора показали, что данный показатель, хотя и изменяется с возрастом (на памятниках пазырыкской культуры лишайники покрывают 93–100% каменного материала, а на древнетюркских памятниках – 74–95%), вместе с тем различия в проективном покрытии от центра кургана к его периферии существеннее. Таким образом, хотя использование данного показателя для целей датирования памятников археологии маловероятно, он может применяться для установления факта нарушения курганной насыпи.

Н.И. Быков, И.А. Хрусталева

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия*

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ КУРГАНОВ АЛТАЯ И ЕЕ ФИТОИНДИКАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ*

Растительность является физиономичным индикатором археологических объектов, использование которого может решить ряд проблем при их изучении – снизить трудоемкость исследований, получить информацию без нарушения памятника, сформировать представление об экологическом значении древних погребальных обрядов и т.д.

В ходе наших работ была исследована растительность курганов в пределах горных степей Центрального и Юго-Восточного Алтая (долины рек Актру, Юстыд и Б. Яломан). Для изучения использовались стандартные геоботанические методы. При этом геоботанические описания выполнялись как в фоновых растительных сообществах, так и в визуально выделяющихся контурах на курганах и других археологических объектах. Для анализа были использованы 69 описаний, выполненных на 32 объектах.

На исследованных курганах в зависимости от диаметра, высоты объекта, соотношения рыхлых и скальных пород в субстрате, плотности их укладки выделяется от одного до трех контуров растительности. При этом небольшие объекты с плоской формой (курганы, херексуры, оградки) состоят из одного контура с небольшим числом видов, не отмеченных в естественных сообществах. На более крупных курганах (от 30 до 90 см высотой и от 6 до 22 м в диаметре) выделяются два-три контура растительности – центральная зона, борт, периферическая зона. Центральная зона кургана может иметь различное строение. Для части курганов характерно углубление в центре, заполненное мелкоземом – результат ограбления памятника или проседания грунта после разрушения внутримогильных конструкций. Каменистость этого контура невысокая (до 3%), средние показатели общего проективного покрытия несколько большие, чем в фоновых сообществах. Вертикальная структура выражена слабо. Для всех описанных объектов характерно отсутствие кустарников в этом контуре. Здесь отмечено значительное число видов, не встречающихся в фоновых сообществах и обитающих на каменистых склонах. Центральная зона другой части курганов представляет собой насыпь из крупных камней, пространство между которыми не заполнено мелкоземом (каменистость составляет 95–100%). Высшие растения здесь либо полностью отсутствуют, либо отмечаются в незначительном числе.

Борт курганов сложен каменным материалом различного размера, пространство между которым заполнено мелкоземом. Каменистость этого контура может колебаться в широких пределах – для описанных объектов от 25 до 85%. Общее проективное покрытие также значительно колеблется (от 10 до 80%) и зависит в значительной степени от каменистости субстрата. Это наиболее богатый по видовому составу контур. Для объектов, описанных в районе устья р. Большой Яломан, характерно развитие кустарникового яруса в этом контуре (проективное покрытие этого яруса колеблется от

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00173).

5 до 20%). Отмечены виды, встречающиеся не только в фоновых описаниях (барбарис сибирский и карагана низкая), но значительное число видов, обитающих на окружающих каменистых и щебнистых склонах (крыжовник колючий, можжевельник казацкий, смородина высокая, кизильники черноплодный и крупноплодный). Необходимо отметить, что высота кустарников, растущих по бортам курганов, заметно больше, чем на участках фоновой растительности.

Для курганов в междуречье Корумду и Актру также характерно присутствие в этом контуре кустарников (кизильник черноплодный, курильский чай) и, кроме того, деревьев (ель сибирская, лиственница сибирская), не характерных для фоновых сообществ и растущих на каменистых склонах или по берегам реки (ель сибирская). На курганах, описанных в долине р. Юстыд, кустарников не отмечено, так как в фоновых сообществах и на окружающих долину склонах они не встречаются. В целом каменистый борт курганов является наиболее разнообразным и сложно устроенным контуром.

По периметру некоторых курганов (в районе устья р. Большой Яломан и в долине р. Юстыд) выделяется еще один контур растительности – периферическая зона. Над поверхностью почвы этот контур возвышается на несколько сантиметров, каменистость контура невысокая (5–10%). По строению растительный покров этого контура отличается от фоновых сообществ только присутствием некоторых петрофитных видов.

Анализ флористического состава видов показал, что на курганах он более разнообразный, чем в фоновых растительных сообществах. В районе устья р. Большой Яломан в описаниях отмечено 66 видов высших сосудистых растений. Из них 25 видов встречается в фоновых растительных сообществах и 63 вида отмечены на курганах. Часть видов (22) является общими и встречается с высокой степенью постоянства как в естественных сообществах, так и на курганах. Лапчатка бесстебельная (*Potentilla acaulis*), полынь холодная (*Artemisia frigida*), змеевка растопыренная (*Cleistogenes squarrosa*), осока приземистая (*Carex supina*) практически во всех описанных сообществах являются доминантами.

В геоботанических описаниях, выполненных в междуречье Корумду и Актру, отмечено 45 видов растений, 18 из них встречаются в фоновых растительных сообществах и на курганах (табл.). Специфичными для курганов можно считать 17 видов, среди которых два вида деревьев (ель и лиственница), два вида кустарников (кизильник черноплодный и курильский чай) и 13 видов травянистых растений. Все эти виды обитают на окружающих каменистых и щебнистых склонах, а ель растет по берегам реки. Сорных видов на курганах не отмечено.

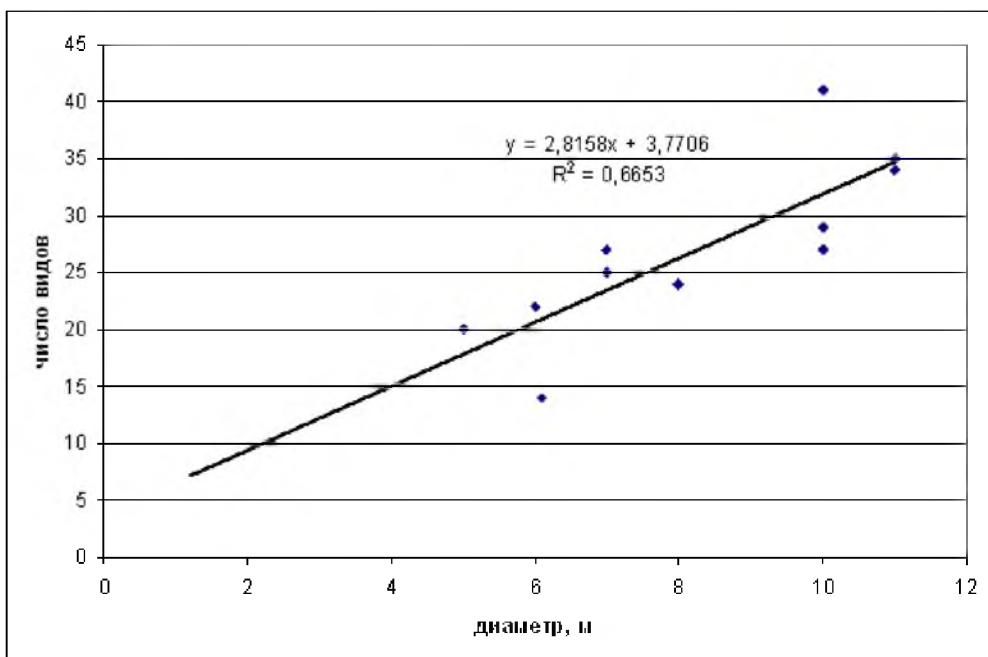
Флористическое разнообразие растительных сообществ в долине р. Юстыд невелико – всего в описаниях встречается 23 вида высших растений, 16 из них встречаются и в фоновых описаниях и поселяются на археологических объектах. Специфичными для курганов можно считать лишь житняк казахстанский (*Agropyron kasachstanicum*), горноколосник колючий (*Orostachys spinosa*), ирис Потанина (*Iris potaninii*), лапчатку сжатую (*Potentilla conferta*), предпочитающих более каменистые местообитания на склонах невысоких холмов, а также два вида сорных однолетников – аксирис простертую (*Axyris prostrata*) и бурачок безлепестный (*Alyssum apetalum*), которые встречаются на сбитых местах.

Виды растений фоновых сообществ и курганов на могильнике Коол-I
(междуречье Корумду и Актру)

Общие виды	
B <i>Spiraea hypericifolia</i> C <i>Carex pediformis</i> , <i>Coluria geoides</i> , <i>Stipa krylovii</i> , <i>Festuca valesiaca</i> , <i>Galium verum</i> , <i>Veronica spicata</i> , <i>Orostachys spinosa</i> , <i>Alyssum obovatum</i> , <i>Potentilla aculis</i> , <i>Potentilla bifurca</i> , <i>Stipa capillat</i> , <i>Agropyron kasachstanicum</i> . <i>Carex supina</i> , <i>Dianthys versicolor</i> , <i>Kochia prostrata</i> , <i>Geranium pratense</i> , <i>Galatella angustissima</i>	
фон	курганы
B <i>Caragana pygmaea</i> C <i>Androsace filiformis</i> , <i>Koeleria cristata</i> , <i>Allium strictum</i> , <i>Linaria vulgaris</i> , <i>Ziziphora clinopodioides</i> , <i>Pulsatilla turczaninovii</i> , <i>Goniolimon speciosum</i>	A <i>Picea obovata</i> , <i>Larix sibirica</i> B <i>Cotoneaster megalocarpus</i> , <i>Pentaphylloides fruticosa</i> C <i>Iris ruthenica</i> , <i>Artemisia gmelinii</i> , <i>Artemisia rupestris</i> , <i>Phleum phleoides</i> , <i>Aster alpinus</i> , <i>Phlomis tuberosa</i> , <i>Scabiosa ochroleuca</i> , <i>Fragaria viridis</i> , <i>Oxytropis pilosa</i> , <i>Hesperis sibirica</i> , <i>Ephedra monosperma</i> , <i>Cerastium holosteoides</i>

Примечание: **A** – древесный ярус; **B** – кустарниковый ярус; **C** – травянистый ярус

Вместе с тем отмечается четкая зависимость видового разнообразия растительности от диаметра кургана (рис.). Данное обстоятельство побуждает к осторожному отношению к числу видов на кургане как индикационному показателю. Вероятно, более надежными для целей индикации будут являться плотностные показатели разнообразия растительности.

Связь видового разнообразия растительности и диаметра курганов

Таким образом, растительный покров, сформировавшийся на курганах, отличен от фоновых растительных сообществ. Его строение и контуры зависят от строения самого кургана (его размера, высоты, характера каменистой насыпи). Видовой состав на курганах более разнообразен, чем в фоновых сообществах, и формируется как за счет видов фоновой растительности, так и за счет видов, предпочитающих более каменистые или щебнистые местообитания (склоны). Сорные и рудеральные виды представлены незначительно и не играют сколько-нибудь заметной роли.

Е.А. Гаврилова, Р.А. Сингатулин

*Педагогический институт Саратовского государственного университета,
Саратов, Россия*

ПАЛЕОФОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В последние годы в практике археозоологических исследований все чаще используются методы естественных и технических наук. Эти исследования направлены на получение максимальной информации, необходимой для реконструкции скотоводческой деятельности древнего населения, роли животных в сфере ритуальной и хозяйственной деятельности (Антипина Е.Е., 1997, с. 20–32; Беговатов Е.А., Петренко А.Г., 1994), и основываются прежде всего на изучении остатков костей животных из археологических памятников. Вместе с тем интерпретация биологических и археологических данных, полученных при исследовании остеологического материала, чрезвычайно сложна и неоднозначна, зависит не только от объема полученных и использованных в работе данных, но и от применяемых методов. Так, например, ритуальные комплексы останков животных не дают информацию о хозяйственной деятельности населения, а половая структура может быть реконструирована только по остаткам взрослой части популяций. Количественные оценки патологий и морфологических отклонений на костях не всегда приводят к достоверности реконструкции форм эксплуатации животных, условий их содержания. Существуют также и другие проблемы, связанные с традиционными методами исследованиями остеологического материала (Антипина Е.Е., 1999, с. 103–116).

Вместе с тем использование информационных подходов позволяет ввести в практику археозоологических исследований принципиально новые источники информации, связанные с палеофонографическими технологиями (Сингатулин Р.А., 2004, с. 324–328). Благодаря палеофонографии появляется возможность изучать поведение древних животных в их хозяйственной деятельности (использование тягловой силы домашних животных для привода гончарных кругов) на основании выявления коммуникативных сигналов и движений животных в трасологических структурах изготовленных с их помощью гончарных изделий. В основу трасологических исследований археологической керамики положена виброакустическая технология. Предпосылки подобных исследований были заложены при обработке массового керамического материала с Увекского городища (Сингатулин Р.А., 2003, с. 227–237). При обследовании крупных фрагментов золотоордынской керамики были выявлены специфические «шумы» многозвенных узлов, схожие с шумами механизмов водяной мельницы (Сингатулин Р.А., 2003, с. 229–231). Особенностью подобных приводов (в исследовании рассматривался привод от водяной

мельницы, как наиболее вероятный) являются равномерность хода (вращения) и сбалансированность масс вращения. К сожалению, проведенные исследования оставили без внимания другие возможные варианты привода, например, с помощью тягловой силы животных. Именно в силу низких идентифицирующих признаков (неравномерность, отсутствие регулирования движения, отсутствие сравнительных эталонов различных видов движений животных и баз данных и пр.) вопрос использования тягловой силы животных для привода гончарных устройств часто опускался. Однако известно, что в период средневековья в Средней Азии, Китае, а также в европейских странах (Испания, Италия) широко использовалась тягловая сила животных (мулов, буйволов и других животных) для поднятия воды, бурения, в металлургическом и гончарном производствах (Рожанская М.М., 1976). Можно предположить, что и для средневекового Укека технологии Китая и Средней Азии с использованием труда животных были доступны. Обращает внимание тот факт, что часть подъемного материала с Увекского городища представлена фрагментами достаточно крупных и тонкостенных гончарных сосудов (диаметром 0,9–1,2 м, высотой 1,4–1,8 м и толщиной 3–4 см), которые могли быть изготовлены только с использованием значительных энергозатрат. Приведенные расчеты водяного привода с его потребной мощностью на один гончарный станок в 250–300 Вт (Сингатулин Р.А., 2003, с. 235–236) основывались на данных современной гидрогеологической обстановки (дебитных источников сенаманского горизонта) и не рассчитывались на крупные сосуды. В результате дополнительных обследований фонограмм с Увекского городища были выделены группы с признаками движений, характерными для животных: неравномерность хода, переменная цикличность с фиксированным количеством элементов и т.п. Ответ на вопрос, какое это животное или группа животных, какова их роль в технологическом процессе, остается решаемым. При наличии эталонных фонограмм форм движений (баз данных) различных видов животных, полученных на основании физического моделирования, возможна их идентификация на основе сопоставления эталонных и выявленных трасологических структур. Кроме того, обработка полученных фонограмм позволит провести детальный анализ движений животных при технологических взаимодействиях гончара-обработчика в несложно контролируемых условиях. Анализируя движения животных, можно сделать вывод о том, какие характеристики окружающей среды они отражают, это позволит изучать поведенческие взаимосвязи (инструментальное, латентное научение, инсайт и пр.) в сфере общения с человеком и др.

В этой связи нельзя не упомянуть о другой важной информационной компоненте, которая была зафиксирована при палеофонографических исследованиях массового керамического материала с Увекского городища. Путем многократной фильтрации и преобразования трековых фонограмм в отдельной группе фрагментов одного и того же сосуда был выделен слабый периодический акустический сигнал (с помощью Фурье-преобразования), который характеризовался подъемно-затухающей фазой, низкой частотой и мог интерпретироваться как коммуникационный сигнал животного. Возможность регистрации коммуникационного сигнала животного, в силу его характера и мощности, на поверхности обрабатываемого гончарного сосуда весьма вероятна. Однако однозначно утверждать, что в данном исследовании обнаружен коммуникационный сигнал, принадлежащий определенному виду животного, которое участвовало в производственном процессе (гончарном производстве), нельзя. Нужны дальнейшие исследования, связанные с созданием эталонных сигналов разных видовых групп животных, их ситуационных движений, констру-

тивных элементов гончарных устройств, алгоритмов выделения критериев направленности и адаптированности коммуникационных сигналов и других мероприятий.

Исследование коммуникационных сигналов животных, используемых в производстве с помощью палеофонографических технологий, возможно, позволит исследовать когнитивные процессы, адаптивные аспекты поведения животных в их хозяйственной деятельности (прежде всего на примере гончарного производства). Сравнение полученных данных с современными исследованиями по разным критериям научного познания дает такую информацию более достоверной, необходимой для оценки форм эксплуатации животных, реконструкции древних производств с использованием мускульной силы животных. Эта задача требует дополнительного исследования, поскольку в этом случае появляется возможность не только точнее определить статистические характеристики за счет привлечения огромного дополнительного материала, но и получать непосредственно археозоологическую информацию с поверхности древних гончарных изделий.

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ ПОЯСОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА*

Пояса являлись важнейшим элементом мужского костюма у кочевых народов Евразии. Помимо практической (подпоясывание одежды, ношение оружия и предметов быта) они выполняли военно-ранговую и социально-престижную функции. Сами пояса кочевников представляли собой достаточно сложную конструкцию, в которой помимо кожаной основы применялась различная гарнитура как утилитарно-декоративного, так и чисто декоративного значения. Это пряжки, крючки-застежки, наконечники, тренчики, распределители, бляхи-накладки, бляхи-подвески, бляхи-обоймы и т.п. Материал поясной гарнитуры также был весьма вариативен: дерево, камень, рог, кость, цветной металл, железо или сочетание нескольких материалов.

В изучении поясов и их отдельных деталей уже достигнуты определенные результаты. Они касаются систематизации, общей типологии, реконструкции и семантики подобного рода изделий (Ковалевская В.Б., 1979; Добжанский В.Н., 1990; Овчинникова Б.Б., 1990; Кубарев Г.В., 2005; и др.). Одним из перспективных направлений является исследование поясов при помощи естественно-научных методов.

Нами в качестве первичной базы данных была отобрана серия изделий из цветных металлов от трех поясов из памятников тюркской культуры Горного Алтая, хранящаяся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Согласно разработанной для тюркской археологической культуры периодизации (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003, с. 228; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161–162; и др.), объекты, в которых обнаружены рассматриваемые поясные наборы, относятся к первым

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №08-01-00355а («Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье»).

этапам ее развития: Кызыл-Ташскому (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) – Усть-Бийке-III, курган №5; Кудьргинскому (2-я половина VI – 1-я половина VII вв. н.э.) – Катанда-3, курган №11; Катандинскому (2-я половина VII – 1-я половина VIII вв. н.э.) – Катанда-3, курган №7. Металлическая гарнитура указанных поясов обследовалась в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) поверхности ArtTAX (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, с. 75–77).

Описание поясов и результаты РФА:

1. Усть-Бийке-III, курган №5. Данный объект содержал мужское захоронение по обряду ингумации в сопровождении верхового коня. На последнем поясничном позвонке погребенного расчищена железная пряжка от основного пояса, который не имел другой гарнитуры. С правой стороны человеческого скелета, под берестяным колчаном, найден комплект изделий от стрелкового пояса: крючок-застежка и пять блях-накладок (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 59–62, рис. 23–24, 27, 77). Крючок-застежка имел фигурный щиток с пластиной-фиксатором на четырех шпёнках и Г-образный стержень, заканчивающийся шаровидным навершием (рис. 1.-1). Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что он изготовлен из переплавленного лома (?) цветного металла, основу которого составляет медь. В качестве примесей отмечены олово (4–6%), свинец и цинк (по 3–5%), серебро (2–3%) и мышьяк (<0,8%). Бляхи-накладки представляют собой рельефные пластины с гладкой поверхностью, прямоугольной формы и П-образного сечения, с одним шпёнком для крепления (рис. 1.-2–6). Их основу составляет серебро. В сплаве значительно содержание меди (<35%), присутствуют свинец (1–3%) и цинк (1–2%) и незначительные следы олова и золота.

2. Катанда-3, курган №11. Этот объект представлял собой кенотаф с захоронением верхового коня и местом для погребения человека. В части могилы, предназначенной для человека, выше берестяного колчана, находился монолит из кожи, металлических изделий и шелка, принятый первоначально за остатки сумки (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117, рис. 10). Позднее разбор этого монолита выявил наличие пояса, застегнутого вокруг свертка одежды. От пояса сохранилась значительная часть кожаной основы. Одно его окончание венчала металлическая пряжка. Она имела вертикально-овальную рамку, подвижный язычок, закрепленный на вставном скрытом стрержне, и овально-«месяцевидный» неподвижный щиток, снабженный внутренним бортиком и тремя крепежными шпёнками (рис. 1.-7). Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что пряжка изготовлена из сплава на медной основе. В качестве примесей в нем присутствуют: свинец (5–7%), олово (4–6%), мышьяк (1–2%) и сурьма (<0,7%). Лицевая поверхность пояса была украшена бляхами-накладками (не менее 11 экз.), отформованными из органического материала, обтянутого оттисками серебряной фольги. Эти бляхи имели фигурную форму, напоминающую «псевдопряжки», с выделенным носиком и парными завитками в верхней части и рядом ложной зерни в основании (рис. 1.-8). Они крепились к поясу тонкими ремешками, продетыми через пары отверстий, перехватывающих бляхи в узкой центральной части (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. 10.-3). На поясе также сохранилось два подвесных ремешка, украшавшихся наконечниками, сделанными аналогично бляхам. Эти наконечники имели волнистые бортики, ровное основание и сегментовидный носик. В их центральной части находится орнамент из трех вертикально расположенных колец (рис. 1.-9). Кроме того, к поясу был пришит дополнительный широкий ремень, в свободном окончании которого находился металлический «костылек», видимо, служивший застежкой. Он состоял из гладкого стержня с перехватом

и неравными окончаниями и хомутика, одетого на перехват (рис. 1.-10). Стержень изготовлен из меди с примесями олова (6–8%), свинца (4–6%), мышьяка (2–3%), серебра (<0,4%) и сурьмы (<0,3%). Хомутик также медный. В нем присутствуют следы тех же металлов, что и в стержне, но в крайне незначительном содержании.

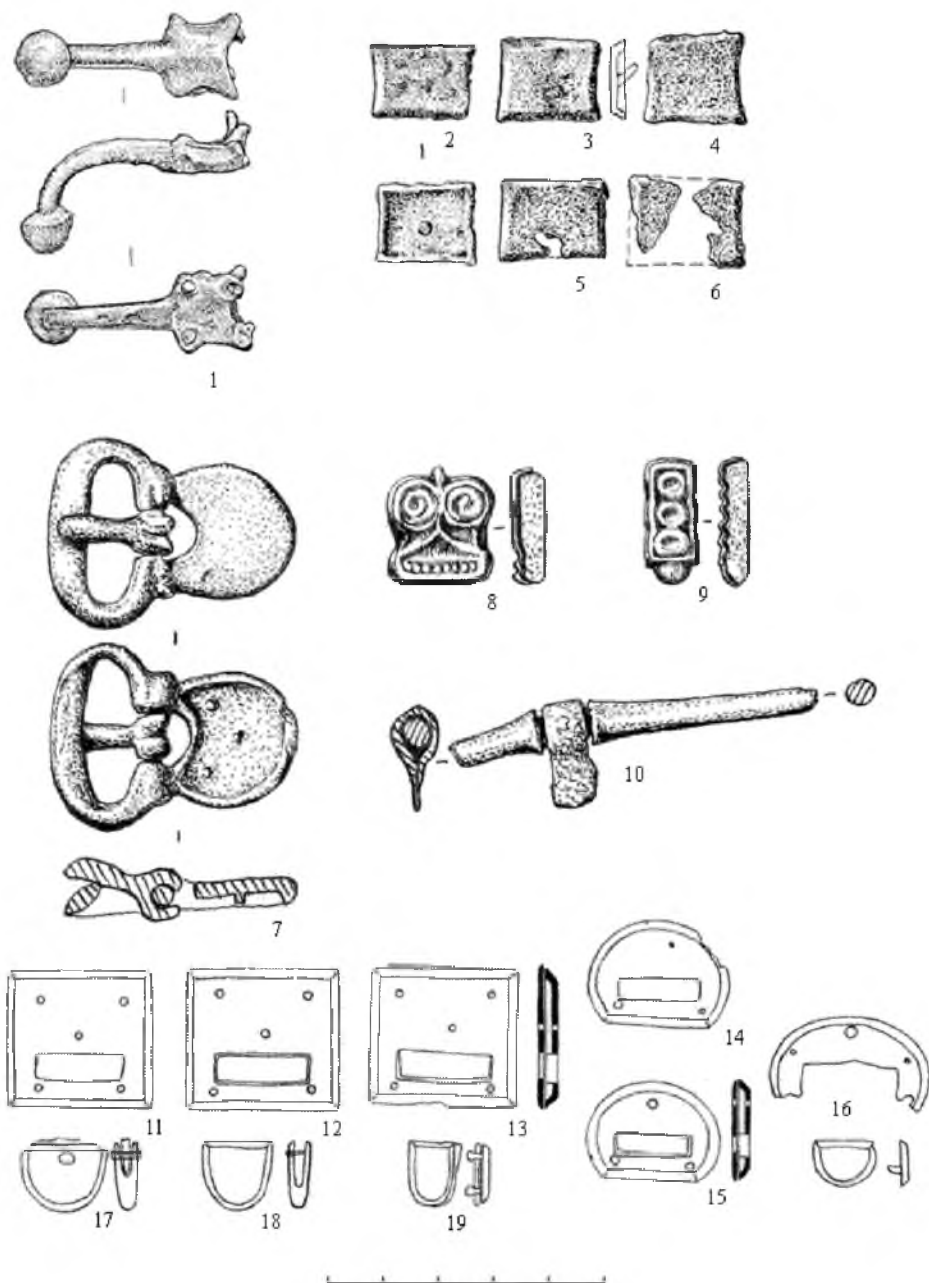

Рис. 1. Поясная гарнитура из памятников тюркской культуры Горного Алтая:
1–6 – Усть-Бийке-III, курган №5; 7–10 – Катанда-3, курган №11; 11–20 – Катанда-3, курган №7

3. Катанда-3, курган №7. В этом объекте находилось детское погребение по обряду одиночной ингумации. В районе тазовых костей ребенка обнаружен набор металлических предметов от пояса: восемь блях-накладок на основу и четыре наконечника от подвесных ремешков (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 116, рис. 6). Шесть сохранившихся блях-накладок представляли собой рельефные пластины П-образного сечения с гладкой поверхностью, в основании которых имелись прямоугольные прорезы для подвесных ремешков. Они крепились на пояс при помощи трех или пяти штифтов и плоских пластинок-фиксаторов. Три бляхи имели подквадратную форму (рис. 1.-11–13), а еще три – сегментовидную форму (рис. 1.-14–16). Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что сами бляхи сделаны из меди, в сплаве с которой содержится свинец (8–12%), олово (8–10%), мышьяк (2–6%). Во всех изделиях присутствовала незначительная примесь серебра и следы сурьмы, достигавшие в некоторых образцах более 1%. Лицевая поверхность блях-накладок покрыта золотой амальгамой. Пластины-фиксаторы также медные в своей основе, несколько отличались по процентному составу примесей: свинец (9–14%), олово (7–10%), мышьяк (2–4%), сурьма (<0,6%), серебро (незначительно) и не подвергались амальгамированию. Наконечники подвесных ремешков имеют овально-прямоугольную форму, отличаясь друг от друга размерами и деталями крепления. Два из них вкладышевые со штифтами (рис. 1.-17–18), один – шпильковый с пластиной-фиксатором (рис. 1.-19) и один – просто шпильковый (рис. 1.-20). По составу металла они близки бляхам-накладкам.

Проанализированная выборка изделий от тюркских поясов пока немногочисленна и позволяет сделать только предварительные наблюдения. Основным металлом, использовавшимся для изготовления поясной гарнитуры, служила прежде всего медь, а затем серебро. В качестве устойчивых примесей к ним наблюдаются свинец, олово и мышьяк, реже цинк, в незначительных долях сурьма. Только на бляхах катандинского этапа зафиксировано горячее золочение. Дальнейшее расширение металлографической базы по тюркской поясной гарнитуре, безусловно, повысит сравнительные возможности материала и позволит выявить общие и особенные черты, присущие ему на различных этапах развития материальной культуры, определить источники сырья и технологические традиции.

Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

ЗОЛОТОЕ АМАЛЬГАМИРОВАНИЕ В ОФОРМЛЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В эпоху средневековья для декоративного оформления различных категорий художественного металла применялись разнообразные технологии, среди которых гравировка, инкрустация, золочение как холодное, так и горячее. При золочении менее ценные виды металла (бронза, латунь и др., которые покрываются золотом) приобретают вид золота. Существует несколько способов золочения: холодным путем, путем

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №08-01-00355а («Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье»).

амальгамирования, листовое золочение и другие (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 60). Иными словами, одним из средств придания металлическим вещам эстетического, привлекательного вида было их покрытие благородным металлом, одним из которых являлось золото (Au) – химический элемент, металл желтого цвета, пластичный и тягучий. В природе золото встречается в самородном состоянии в виде песка, мельчайшей пыли или более или менее крупных кусков-самородков.

Особым свойством золота является его способность растворяться в ртути, образуя амальгаму. В качестве синонимов амальгамирования используются такие понятия, как наводка, огневое золочение, золочение «через огонь». Для приготовления золотой амальгамы золото предварительно измельчали, затем нагревали и погружали в ртуть, нагретую до 300 °С. Отношение металлов обычно составляло 6:1 или 8:1. Смесь непрерывно размешивали до полного растворения золота.

После растворения золота, чтобы избежать его кристаллизации, амальгаму выливали в холодную воду, затем просушивали и удаляли из нее избыток ртути, для чего помещали в замшевый мешочек и отжимали. Приготовленную амальгаму наносили на обезжиренную, протравленную и высушенную поверхность металла. Металл перед нанесением амальгамы иногда серебрили натиранием или покрывали его поверхность нитратом ртути, при этом тщательно контролировалось качество подготавливаемой поверхности. После тщательного натирания амальгамой изделие нагревали, чтобы улетучилась ртуть. Обычно нагрев производили не более пяти минут, так как при сильном и длительном нагревании часть золота улетучивалась вместе с ртутью (Одноралов Н.В., 1989, с. 11; Флеров А.В., 1981, с. 243–244).

В конце I тыс. н.э. в Сибири, в том числе на Алтае, используются приемы холодного и горячего золочения и серебрения. В зависимости от уровня развития технологии в регионе, производящем украшения, и сырьевой базы могли использоваться разные варианты этих приемов: от опускания изделия в расплавленный драгоценный металл до амальгамирования. Золочение и серебрение с помощью амальгамирования позволяло получить очень тонкое, но прочное покрытие на основе малого количества драгоценных металлов. Л.В. Конькова и Г.Г. Король (1999, с. 61) отмечают, что распространение золочения и серебрения на рубеже I–II тыс. н.э. являлось важным аспектом развития экономной технологии.

Позолоченные изделия кроме того, что лучше сохранялись, выглядели нарядней, богаче, орнаменты «играли» при движении, так как свет по-разному отражался от блестящих поверхностей. Пояса воинов и снаряжение лошадей с такими украшениями были особенно хороши и на солнце заметны издали. Все это создавало на них повышенный спрос.

Для выявления и уточнения наличия золотой амальгамы на декоративном металле из средневековых памятников Алтая была отобрана серия украшений конского снаряжения из фондов Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Для получения информации о составе металла предметов был осуществлен рентгенофлюоресцентный анализ (РФА) поверхности на приборе ArtTAX в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2005, с. 153–157; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2007, с. 199–202).

Среди вещей отобранной серии с помощью обозначенной методики зафиксировано присутствие золотой амальгамы на 24 изделиях. Также отмечено семь украшений со следами холодного золочения. К амальгамированным с помощью золота изделиям относятся следующие предметы:

1) наконечник ремня из памятника Белый Камень (курган №1) – овално-прямоугольное изделие с фигурноскобчатыми сторонами и основанием, украшенное симметричным растительным орнаментом (Тишкин А.А., 1993, с. 239, рис. 3.-13) (рис. 1.-14);

2) наконечники ремня из памятника Щепчиха-I (курган №4) – овално-прямоугольной формы украшения с V-образным и волнообразным основанием и растительным орнаментом в виде побегов и завитков или виноградных кистей, расположенных симметрично по длине предметов (Тишкин А.А., 1993, с. 96, рис. 4) (рис. 1.-7–8);

3) сердцевидные накладки из памятника Щепчиха-I (курган №4) с ровными или фигурноскобчатыми бортиками, украшенные растительным орнаментом (Тишкин А.А., 1993, с. 96, рис. 4) (рис. 1.-5);

4) прямоугольные накладки из памятника Щепчиха-I (курган №4) со всеми ровными сторонами, полукруглым сплошным выступом и геометрическим орнаментом (Тишкин А.А., 1993, с. 96, рис. 4) (рис. 1.-4);

5) распределитель ремней из комплекса Екатериновка-3 (курган №3) – изделие с V-образными окончаниями лопастей, полусферическим центром и геометрическим декором, оформленным с помощью нервюр (Удодов В.С., Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2006, с. 296) (рис. 1.-10);

6) втулка наносного султанчика из памятника Шадринцево-I (курган №1, могила-4) – коническая, цельнолитая, с нервюрой у верхнего края (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 6) (рис. 1.-11);

7) наконечники ремня из кургана Грань, имеющие килевидную вытянутую форму, ровные бортики, обратнофигурноскобчатое основание и нервюрный декор, проходящий по краям и в центре по длине изделия (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000, с. 409) (рис. 1.-1);

8) бляха-накладка из кургана Грань – украшение сердцевидной формы с растительным орнаментом (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000, с. 409) (рис. 1.-2–3);

9) накладка из памятника Рогозиха-I (курган №10, могила-3) – прямоугольное украшение с фигурноскобчатыми сторонами и растительным декором (Неверов С.В., 1990, с. 114; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000, с. 59) (рис. 1.-13);

10) наконечник ремня из с. Чесноково – оригинальное вкладышевое изделие, декорировано имитацией зерни по длине украшения (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, с. 119, рис. 5.-4) (рис. 1.-15).

Проанализированный художественный металл с амальгамой происходит из погребений конца IX – начала XI вв. Значительная часть предметов с амальгамой (наконечник ремня из памятника Белый Камень, распределитель и накладка из Екатериновки-3, накладка из одиночного кургана Грань) изготовлены из сплава, основу которого составляет серебро (Ag). Такие сплавы называют сплавами на серебряной основе или «биллонами» (Конькова Л.В., Король Г.Г., 2005, с. 120). Также сплавы украшений конского снаряжения с росткинской культуры включают медь (Cu) (от 25% до 50%), свинец (Pb), цинк (Zn). Отметим, что в предметах без золочения серебро в таких больших количествах не присутствует.

Отдельное внимание следует акцентировать на наконечнике ремня из с. Чесноково, имеющем в отличие от прочих украшений конской амуниции оригинальный состав сплава. Если другие амальгамированные изделия содержат медь, серебро, свинец, олово, в некоторых случаях – следы цинка, никеля, то указанный наконечник имеет иное соотношение металлов в сплаве – цинк (16–20%), никель (12–16%) и свинец в небольшом процентном количестве. Такой состав сплава соответствует китайскому

сплаву Пактонг (Пактунг/Paktong или Pakfong). Кроме того, наконечник декорирован не только при помощи золотой амальгамы, но и путем технологии чернения.

Рис. 1. Украшения конского снаряжения с золотым амальгмированием

Количество амальгамированных украшений конского снаряжения в целом невелико – около 19% от общего объема изделий, исследованных рентгенофлюоресцентным анализом. Вещи, декорированные золотой амальгамой, происходят из погребений представителей знатных слоев сросткинского общества, о чем свидетельствует не только технология, но и инвентарный набор погребальных комплексов в целом.

А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар, Г.И. Зайцева, Н.Д. Бурова

*НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского
государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;*

Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;

*Радиоуглеродная лаборатория Института истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

**РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КУРГАНОВ
МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ, ИССЛЕДОВАННЫХ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ,
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО
И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО УПОРЯДОЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***

Для погребальных памятников бронзового века Монголии, как правило, безынвентарных либо totalmente ограбленных, радиоуглеродный анализ представляется наиболее эффективным способом определения абсолютных дат. Поэтому в высшей степени удивительно, что к началу работ на территории Монголии Международной Центральноазиатской археологической экспедиции (МЦКЭ) (руководители А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар) не было получено ни одной даты по ^{14}C для памятников эпохи бронзы, исследованных советскими и монгольскими археологами. Еще более поражает то обстоятельство, что до сих пор не переданы для радиоуглеродного анализа кости из десятков (см.: Чугунов К.В., 1993; Семенов В.А., 2000, с. 141–148; Савинов Д.Г., 2002, с. 13–23) безынвентарных курганов эпохи поздней бронзы, исследованных в Туве. Так что датировать аналогичные памятники, известные в Монголии, по радиоуглеродным датам из сопредельного региона не было никакой возможности.

Руководством МЦАЭ была поставлена задача радиоуглеродного датирования каждого из исследованных памятников по каждому из обнаруженных видов органики (кость, дерево, уголь). В случае обнаружения большого количества вещества отбиралось несколько проб для параллельного анализа. За семь лет работы экспедиции (2001–2007 гг.) на территориях Баян-Ульгий, Ховд, Завхан, Хубсугул, Баян-Хонгор, Увэрхангай, Умнэговь (Южнообийский) аймаков были раскопаны около семидесяти объектов, относящихся к эпохе бронзы или раннему железному веку, по материалам которых в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН к настоящему времени получено 54 даты (еще более 50 образцов находятся в процессе обработки). Данные радиоугле-

*Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы».

родного датирования (с калибровкой) стали одним из аргументов для выделения новых культур бронзового века Монголии: чемурчекской, мунх-хайрханской, байтагской и тэвшинской (Тэвш), уточнения характера историко-культурных процессов в эпоху поздней бронзы – раннего железа (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а–б; Kovalev A., Erdenebaatar D., 2008). Восемь радиоуглеродных дат, полученных из дерева построек оборонительной линии «Вал Чингиз-хана» в Южной Гоби, позволили отнести это грандиозное сооружение к началу XIII в. и интерпретировать его как северный рубеж обороны государства Си Ся от агрессии монголов (Ковалев А.А., 2008).

В 2001–2004 гг. работы МЦАЭ проводились в Западной Монголии и имели основной целью создание культурно-исторической схемы Монгольского Алтая в III–I тыс. до н.э. Ранее в статье А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара (2007а) дана характеристика впервые открытых экспедицией культур эпохи бронзы и иных исследованных памятников, предметом настоящей публикации является обзор результатов их радиоуглеродного датирования и значения полученных дат для реконструкции историко-культурных процессов в центрально-азиатском регионе.

Как уже было отмечено, наиболее ранним памятником эпохи бронзы, исследованным здесь экспедицией, является курган афанасьевской культуры Кургак гови-1 (Хуурай говь) в Уланхус сомоне Баян-Ульгийского аймака. Даты, полученные по образцам из этого кургана (табл. 1.-1), относят его ко второй, позднейшей группе памятников афанасьевской культуры (~ 3300/3200–2600/2400 calBC), выделяемой по комплексу данных радиоуглеродного датирования (Chernykh E.V., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B., 2004, p. 20, fig. 1–5).

Обращает на себя внимание, что даты, полученные по образцам угля из заполнения первичных (основных) ям ближайших курганов чемурчекской «культуры» («общности»? – далее условно употребляется термин «культура») Кургак гови-2, Кумди гови, Кулала ула, Кара тумсик (табл. 1.-2), также не выходят за пределы 1-й половины III тыс. до н.э. (а дерево из перекрытия могилы в кургане Кулала ула-1 вообще датируется 3660–3520 гг. до н.э.! – здесь и далее даты приводятся по интервалам калиброванного возраста с вероятностью 95,4%), что, наряду с аргументами типологического свойства (Ковалев А.А., 2005, с. 183; Kovalev A., 2000, s. 163; Kovalev A., Erdenebaatar D., 2008), говорит в пользу сосуществования афанасьевского и чемурчекского населения на Монгольском Алтае в этот период. Однако даты по костям человека из погребений в этих чемурчекских курганах попадают уже во 2-ю половину III – начало II тыс. до н.э., в то время как дата по костям человека из афанасьевского кургана (Le-7219: 3050–2459 calBC) соответствует датам по дереву и углю. Дело в том, что все даты по костям из чемурчекских курганов Баян-Ульгийского аймака получены из материала погребений, впущенных в первоначальные ямы, две из которых (на курганах Кургак гови-2 и Кумди гови) могилами вообще не являлись, а две другие (на памятниках Кулала ула-1 и Кара тумсик) не дали достаточного для сцинтилляционного метода количества костного материала. Поэтому можно предположить, что основные погребения в курганах Кулала ула и Кара тумсик относятся к 1-й половине III тыс. до н.э., однако это должно быть проверено путем AMS-датирования. Продолжительность существования чемурчекской культуры на территории нынешнего Баян-Ульгийского аймака определяется датировкой позднейшего впускного погребения 1 в кургане Кумди гови (Le-7221: 1870–1440 calBC).

Чемурчекские курганы, исследованные на юге Монгольского Алтая, в Булган сомоне Ховдского аймака (см.: даты в табл. 1.-3), как уже указывалось, представляли собой склепы с коллективными погребениями (видимо, разновременными). До нашего времени в заполнении этих гробниц дошли разрозненные кости людей и животных, чаще всего раздавленные или поломанные грабителями. Анализы поэтому проводились по совокупностям костных обломков, относящихся ко всему периоду функционирования склепа (без гарантии отсутствия костей от более поздних инокультурных погребений). Тем не менее с огромной вероятностью все полученные таким образом даты укладываются в период последней трети III – начала II тыс. до н.э. Этому же периоду соответствует и единственная дата по костям *in situ* на дне каменного ящика кургана Ягшийн ходоо-3 (Le-6932: 2410–1970 calBC) и даты, полученные по дереву (Le-7230) и по углю (Le-7228, Le-7229).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты памятников бронзового века,
исследованных в Монгольском Алтае Международной
Центральноазиатской археологической экспедицией
(получены в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН)

1. Афанасьевская культура. Курган Кургак гови (Хуурай говь)-1,
Уланхус сомон, Баян-Ульги аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Кургак гови-1	Le-7219	Кость человека	4180±100	2890–2620	3050–2459
Кургак гови-1	Le-7289	Древесный уголь	4110±25	2850–2810 2740–2720 2700–2580	2870–2800 2760–2570
Кургак гови-1	Le-7290	Древесный уголь	4025±50	2620–2470	2860–2810 2750–2720 2700–2450
Кургак гови-1	Le-7291	Древесный уголь	4140±35	2870–2830 2820–2800 2760–2630	2880–2580
Кургак гови-1	Le-7292	Древесный уголь	4130±40	2870–2800 2760–2620	2880–2580
Кургак гови-1	Le-7293	Дерево	4085±30	2840–2810 2670–2570	2860–2800 2760–2720 2700–2560 2530–2490

2. Чемурчехская культура. Курганы на территории Уланхус сомона, Баян-Ульги аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	^{14}C возраст ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), BC	Интервал калиброванного возраста (95,4%), BC
Кургак гови (Хуурай говь)-2 основная яма	Le-7294	Древесный уголь	4090±50	2860–2810 2750–2720 2700–2570 2520–2500	2880–2800 2780–2490
Кургак гови (Хуурай говь)-2 основная яма	Le-7295	Древесный уголь	4100±30	2850–2810 2680–2570	2870–2800 2760–2560 2520–2500
Кургак гови (Хуурай говь)-2 основная яма	Le-7296	Древесный уголь	4100±35	2860–2810 2700–2570	2870–2800 2780–2560 2520–2490
Кургак гови (Хуурай говь)-2 впускное погребение с уровня горизонта	Le-7215	Кость человека	3825±70	2410–2370 2360–2190 2180–2140	2470–2120 2100–2030
Кумди гови (Хундий говь) основная яма	Le-7300	Древесный уголь	4050±30	2630–2550 2540–2490	2840–2810 2670–2640 2630–2470
Кумди гови (Хундий говь) основная яма	Le-7301	Древесный уголь	4110±20	2680–2810 2680–2580	2860–2810 2750–2720 2700–2570
Кумди гови (Хундий говь) впускное погребение 2 (с уровня горизонта)	Le-7212	Древесный уголь	3900±70	2470–2280 2250–2230	2580–2510 2500–2190 2170–2140
Кумди гови (Хундий говь) впускное погребение 1 (с поверхности насыпи)	Le-7221	Кость человека	3340±70	1690–1520	1870–1840 1780–1440
Кулала ула (Хул уул)-1 основная могила	Le-7297	Древесный уголь	4470±90	3340–3020	3400–2900

Кулала ула (Хул уул)-1 ос- новная могила	Le-7298	Дре- весный уголь	3950±50	2570–2520 2500–2400 2390–2340	2580–2290
Кулала ула (Хул уул)-1 ос- новная могила	Le-7299	Дерево	4820±30	3650–3630 3580–3570 3560–3530	3660–3620 3600–3520
Кулала ула (Хул уул)-1 погребение 1 (на перекры- тии основной могилы)	Le-7220	Кость человека	3725±115	2290–1950	2500–1750
Кара тумсик (Хар хошуу), могильная яма	Le-7302	Дре- весный уголь	4025±30	2575–2545 2540–2485	2620–2470
Кара тумсик (Хар хошуу), могильная яма	Le-7303	Дре- весный уголь	4120±20	2860–2810 2700–2620 2610–2600	2870–2800 2760–2720 2710–2580

3. Чемурчекская культура. Курганы на территории Булган сомона, Ховд аймак

Памятник	Лабора- торный индекс	Датируе- мый ма- териал	¹⁴ C возраст, BP	Интервал калиброванного возраста (68,2%), BC	Интервал калиброван- ного возраста (95,4%), BC
Ягшийн одоо-1, могила	Le-6937	Кость человека	3790±120	2460–2440 2430–2420 2410–2110 2100–2030	2600–1850
Ягшийн одоо-1, могила	Le-6938	Кость человека	3720±60	2200–2030 1990–1980	2300–1940
Ягшийн одоо-2, могила	Le-6942	Кость человека	3880±100	2480–2190	2650–2000
Ягшийн одоо-3, дно могилы, in situ	Le-6932	Кость человека	3770±60	2290–2130 2090–2040	2410–2370 2360–2020 2000–1970
Ягшийн одоо-3, могила	Le-6933	Кость человека	4000±80	2830–2820 2660–2650 2630–2400 2380–2350	2900–2200

Ягшийн одоо-3, могила	Le-6939	Кость человека	3800±70	2400–2380 2350–2130	2470–2030
Хэвийн ам-1, могила	Le-7217	Кость человека	3560±105	2040–1740	2200–1600
Хэвийн ам-1, могила	Le-7222	Кость человека	3440±120	1890–1600 1560–1530	2150–1400
Хэвийн ам-1, могила	Le-7224	Кость человека	3800±200	2550–1900	2900–1600
Хэвийн ам-1, могила	Le-7229	Древесный уголь	3770±60	2290–2130 2090–2040	2410–2370 2360–2020 2000–1970
Хэвийн ам-1, могила	Le-7230	Дерево	4100±200	2950–2300	3400–2000
Хэвийн ам-2, могила	Le-7214	Кость человека	3830±120	2470–2130 2080–2070	2650–1900
Хэвийн ам-2, могила	Le-7228	Древесный уголь	3720±30	2200–2170 2150–2120 2100–2030	2200–2020 1990–1980
Буурал харын ар, могила	Le-7225	Кость человека	4250±500	3600–2200	4100–1500

4. Мунх-хайрханская культура. Курганы на территории Мунх-Хайрхан сомона, Ховд аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, BP	Интервал калиброванного возраста (68,2%), BC	Интервал калиброванного возраста (95,4%), BC
Улаан говийн удзуур-1/1, могила	Le-6941	Кость человека	3310±90	1730–1720 1700–1490	1880–1840 1780–1410
Улаан говийн узур-2/1, могила	Le-6936	Кость человека	3150±70	1510–1370 1340–1310	1610–1260
Хотуу даваа-1/1, могила	Le-6935	Кость человека	3270±60	1620–1490 1480–1430	1690–1430
Артуа, могила	Le-6934	Кость человека	3480±90	1920–1680	2040–1600 1580–1530

5. Монгун-тайгинская культура. Курганы на территории Мунх-Хайрхан сомона, Ховд аймак, (мог. Хух толгой, Тэлэнгэдийн ам), а также Уланхус сомона, Баян-Ульги аймак (Кулала ула-2)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	^{14}C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Тэлэнгэдийн ам-3, могила	Le-6636	Кость человека	2790±70	1020–840	1130–800
Хух толгой-3, могила	Le-6637	Кость человека	3340±130	1860–1850 1780–1490 1480–1450	2000–1300
Хух толгой-9, могила	Le-6638	Кость человека	3050±70	1420–1250 1240–1210	1460–1080
Хаалгатын ам, могила	Le-6945	Кость человека	3140±80	1500–1310	1620–1200
Кулала ула (Хул уул)-2, могила	Le-7226	Кость человека	2910±110	1260–970 960–930	1400–800

6. Четырехугольный курган с камнями-маяками. Мунх-Хайрхан сомон, Ховд аймак

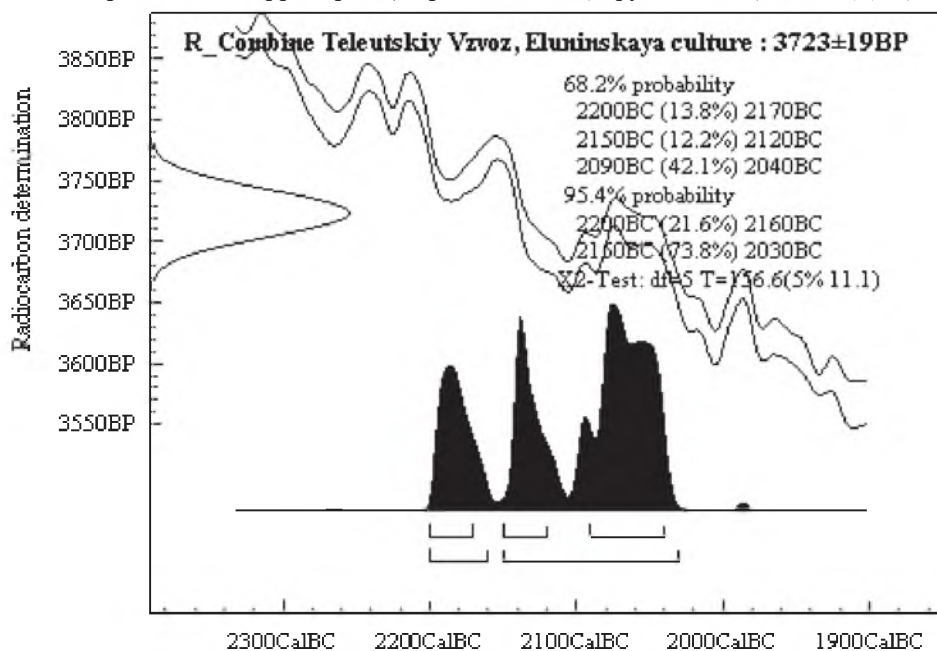
Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	^{14}C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Хотуу даваа-2/1, могила	Le-6943	Кость человека	3090±150	1510–1120	1700–900

Ранние даты по углю и дереву, синхронизирующие чемурчекские курганы из Баян-Ульгийского аймака с афанасьевскими памятниками и относящие начало бытования чемурчекских традиций в Монголии к 1-й половине III тыс. до н.э., имеют огромное значение для верификации гипотезы А.А. Ковалева (2005, с. 179–181) о миграции чемурчекского населения из круга мегалитических культур Западной Европы. О сосуществовании памятников раннего этапа чемурчекской культуры и афанасьевской общности на севере Синьцзяна ранее можно было судить по обнаружению там в двух типичных чемурчекских гробницах афанасьевской керамики: курильница была еще в 1963 г. раскопана И Маньбаем в гробнице каменной ограды М24 из Чемуручека (И Маньбай, Ван Минчжэ, 1981, с. 28), еще одна курильница и яйцевидный сосуд, сплошь покрытые орнаментом, образованным прочерченными линиями, найдены в 2003 г. в каменном ящике с геометрической росписью в урочище Копазэргу близ деревни Ахэцзяэр уезда Бурчун (Чжан Ючжун, 2005). К тому же Монголия по всем признакам была чемурчекской пери-

ферией, центр же этой общности находился на нынешней китайской территории, где известны около 30 чемурчешских статуй и в десятки раз больше погребальных памятников (Kovalev A., 2000), так что исследованные МЦАЭ курганы на восточных склонах Монгольского Алтая, в большинстве датирующиеся по ^{14}C 2-й половиной III – началом II тыс. до н.э., наиболее ранними быть не могут. Таким образом, началом чемурчешской культуры в Центральной Азии необходимо признать самое позднее первые века III тыс. до н.э., что, конечно, приближает нас к периоду бытования мегалитических курганов Западной Европы с различными типами коридоров и периметральными насыпями (по калиброванным ^{14}C датам: V – вплоть до конца IV тыс. до н.э.) (Müller J., 1997, s. 66–78; 1999, abb. 8, s. 64–66), однако все же оставляет огромный разрыв между чемурчешскими памятниками и наиболее яркими их аналогами среди грандиозных мегалитов Бретани, датирующимися по ^{14}C V тыс. до н.э. (L'Helgouac'h J., 1999, s. 134–136; Müller J., 1997, s. 66–70).

Радиоуглеродные датировки впускных чемурчешских погребений в Баян-Ульгийском аймаке и чемурчешских каменных склепов Ховдского аймака в целом соответствуют определенному по ^{14}C периоду функционирования эталонных памятников елунинской культуры – Телеутский Взвоз-I (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2003, с. 105–107) и Березовая Лука (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005, с. 137–140). Комбинированный радиоуглеродный возраст (полученный с использованием программы OxCal v. 3.0) для шести образцов из могильника Телеутский Взвоз-I составляет 2200–2030 calBC (рис. 1), а для семи образцов с поселения Березовая Лука – 2040–1880 calBC (рис. 2). Этот комбинированный возраст рассчитывался нами только лишь по опубликованным результатам анализа однородных образцов (древесный уголь) с памятников относительно краткосрочного бытования, что представляется наиболее корректным. Необходимо отметить, что комбинированные даты позволяют по-иному рассматривать выводы Ю.Ф. Кирюшина, С.П. Грушина, А.А. Тишкина (2003, с. 113–115) об относительной хронологии елунинских памятников: Телеутский Взвоз-I по этим датам оказывается древнее Березовой Луки, а не наоборот. Возможно, это объясняется постдепозитарным загрязнением образцов в слое поселения либо иными причинами, о которых пишут авторы раскопок (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005, с. 139–140; см. также: Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., 2007). Совпадение в целом радиоуглеродных датировок указанных чемурчешских памятников Монголии и елунинских памятников Средней Оби подтверждает выводы А.А. Ковалева (2005, с. 183–184) о тесном взаимодействии обеих культур и взаимопроникновении их традиций, полученные на основе исследования материальной культуры; в первую очередь, это касается орудий труда (трепала) и металлических изделий (височные кольца из свинца). Однако, по мнению А.А. Ковалева, относительно более ранние радиоуглеродные даты основных сооружений в чемурчешских курганах Баян-Ульгийского аймака (см. выше) и чемурчешского кургана №1 с «елунинской» керамикой на памятнике Айна-Булак-I в Курчумском районе Казахстана (СОАН-4156: 3920 ± 40 BP; 2556–2242 calBC) могут указывать на то, что сложение многокомпонентной елунинской культуры при участии чемурчешского населения происходило на территории Восточного Казахстана и Джунгарии, откуда носители елунинской культуры затем продвинулись на север. Этому не противоречат широкие (в пределах всей 1-й половины III тыс. до н.э.) даты чемурчешских памятников юга Монгольского Алтая (табл. 1.-3) и дата кургана Шидерты-10

с елунинским инвентарем из Павлодарского Прииртышья (СОАН-4860: 3835±90 BP (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 80), что соответствует 2600–1950 calBC). Ранними контактами с «протоелунинским» населением Восточного Казахстана может быть объяснено и появление характерных для елунинской культуры способов орнаментации на афанасьевских сосудах из Горного Алтая, выявленное Н.Ф. Степановой (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 80–81). Справедливость приведенных рассуждений может быть проверена только лишь путем масштабных археологических исследований поселенческих и погребальных комплексов юга Алтайского края, Восточного Казахстана и Северного Сибиря эпохи энеолита – ранней бронзы, что на сегодняшний день является одной из целей МЦАЭ. При этом планируется включение данных радиоуглеродного датирования памятников Монголии и Казахстана в формирующуюся усилиями ученых Алтайского государственного университета базу данных по радиоуглеродным датам Алтая и сопредельных территорий (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., 2007).

Calibrated date	
R_Combine Teleutskiy Vzvoz, Eluninskaya culture (df=5 T=156.6(5% 11.1))	
SOAN-4369	3610±35BP
SOAN-4370	3670±40BP
SOAN-4153	3690±40BP
SOAN-4154	3650±75BP
SOAN-3756	4570±75BP
SOAN-4371	3665±55BP
R_Combine Teleutskiy Vzvoz, Eluninskaya culture	

2500CalBC 2400CalBC 2300CalBC 2200CalBC 2100CalBC 2000CalBC 1900CalBC

Calibrated date

Рис. 1

Как уже указывалось в литературе (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 82), на смену чемурчекской культуре в северной части Западной и Центральной Монголии – от Алтая до Хубсугула – приходит мунх-хайрханская культура, памятники которой были обнаружены впервые А.А. Ковалевым в Мунх-Хайрхан сомоне Ховдского аймака. К сожалению, по материалу из исследованных МЦАЭ в 2003–2007 гг. 14 курганов этой культуры в Ховдском, Хубсугульском и Завханском аймаках пока имеются только четыре даты (табл. 1.-4), еще семь ожидаются в ближайшее время. Полученные даты весьма схожи и дают комбинированный радиоуглеродный возраст (по программе OxCal v. 3.0) 1690–1450 calBC (рис. 3).

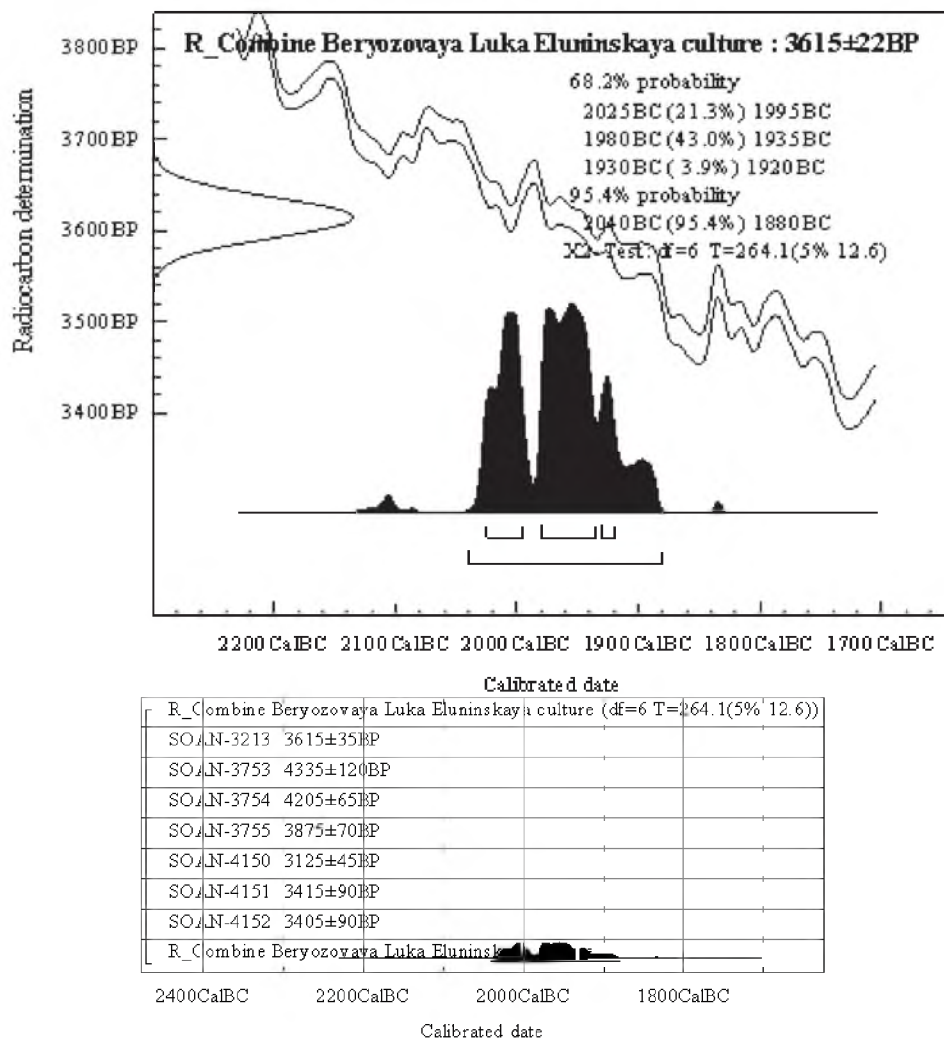

Рис. 2

По мнению А.А. Ковалева, обнаруженные в мунх-хайрханских курганах Улаан говийн удзуур-1/1 и Галбагийн удзуур-1 однолезвийные бронзовые ножи без выделенной рукояти (черешка) с треугольным сечением по всей длине предмета имеют

своим аналогом в том числе нож из седьмого слоя стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея (Семенов Вл.А., 1992, с. 36–37, табл. 21.-1); аналогии происходят также из памятников культуры Цицзя Чжунчжай и Линьцзя (Бай Юньсян, 2002, рис. 3.-4–5). Своим архаичным обликом обращает на себя внимание и второй нож из седьмого слоя Тоора Даш (Семенов Вл.А., 1992, с. 36–37, табл. 21.-2, фотография – Kilunovskaya M., Semenov V., 1995, fig. 12 (справа)). Если считать, что его узкий конец является черешком, то он больше напоминает афанасьевские однолезвийные ножи (Погожева А.П. и др., 2006, рис. 68.-2–3, 6), но нюансы контуров и сечения этого ножа вполне могут быть результатом его сработанности и вторичной отковки. Однако Вл.А. Семенов (1992, с. 84), отнеся седьмой слой Тоора-Даш к позднему этапу окуневской культуры, датировал его, как и аналогичные тувинские памятники, XV–XII вв. до н.э. и даже XIII–XII вв. до н.э. (Семенов Вл. А., 1997а, с. 158). При этом он опирался на прослеженное «андроновское влияние», в частности, на якобы имеющие место аналогии указанным ножам в памятниках федоровской культуры. Выводы Вл.А. Семенова стали основой для представлений о «переживании» окуневской культуры в Туве и ее синхронности с памятниками карасукской культуры (см., например: Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г., 2006, с. 306). Однако изделия с такими признаками не найдены на федоровских памятниках или «хронологически сопоставимых с ними памятниках Западной Сибири». Как считает А.А. Ковалев, полученные радиоуглеродные даты по мунх-хайрханским памятникам должны, с учетом находки в Тоора-Даш бронзового ножа с треугольным сечением по всей длине, указывать на более раннюю, чем предполагалось, датировку седьмого слоя стоянки – в пределах XVII–XV вв. до н.э. Тем более, что близость керамики седьмого слоя керамике Черновой-VIII, как указывал сам Вл.А. Семенов (1997а, с. 158), «позволяет прийти к заключению о хронологической близости этих комплексов», а окуневская культура Среднего Енисея по комплексу данных радиоуглеродного датирования вряд ли может датироваться временем позже середины II тыс. до н.э. (Chernykh E.V., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B., 2004, p. 20, fig. 1–5, Епимахов А.В., 2005, с. 172–173).

Напротив, для находок из слоя 3 Тавдинского грота на Алтае мунх-хайрханские параллели могут означать необходимость омоложения. В этом слое наряду с керамикой и каменными изделиями позднего этапа среднекатунской поздненеолитической культуры было найдено медное четырехгранное шило, что побудило авторов раскопок выдвинуть предположение о начале освоения металлургии меди на Алтае в середине IV тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005, с. 337). Однако в том же слое были собраны 29 перламутровых «бусин», представляющих собой дисковидные (9–12 мм в диаметре) с крупным отверстием в центре нашивки на одежду, причем в двух случаях с пропилом-желобком, идущим от края к центральному отверстию (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005, с. 335, рис. 1 (4), фотография: <http://www.bkatun.ru/intres/arheolog/nevek/>). Более 25 таких же нашивок, в том числе с желобками, были обнаружены МЦАЭ в 2006 г. при раскопках могилы в кургане мунх-хайрханской культуры Цагаан уушиг-3 (Бурэнтогтох сомон, Хубсугульский аймак). Учитывая гораздо более поздние даты мунх-хайрханских комплексов, можно предположить, что перламутровые нашивки оказались в третьем слое Тавдинского грота в результате переотложения либо намеренного захоранивания с поверхности слоя.

Характерные для Монгольского Алтая памятники следующего периода – безынвентарные курганы с захоронениями в ямах и цистах на горизонте – входят в типологически и хронологически еще недостаточно разграниченный массив так называемых памятников «монгун-тайгинского типа» и «херексуров», распространенных также в Туве, Центральной Монголии и Забайкалье (см. обзор: Цыбиктаров А.Д., 2004). Как уже указывалось (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 82–84), топография размещения различных типов курганов в могильниках Монгольского Алтая может указывать на то, что курганы с вытянутыми на боку костяками, ориентированными головой в западный сектор – как в ямах, так и в цистах на горизонте сооружались в одно и то же время, в целом более раннее, чем четырехугольные курганы с камнями-маяками по углам, содержащие погребения в низких цистах.

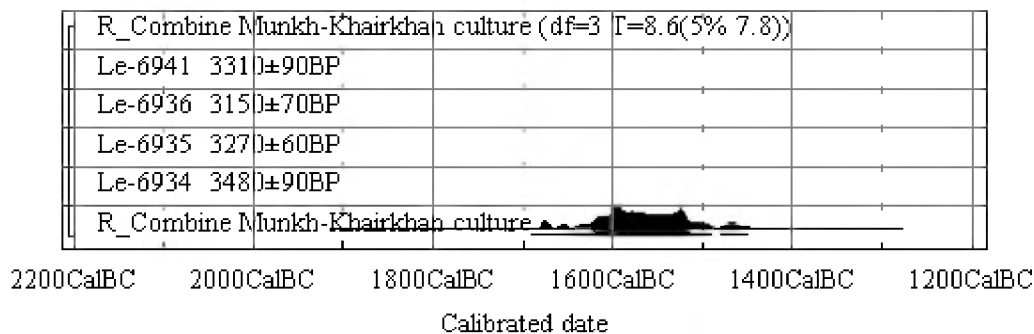
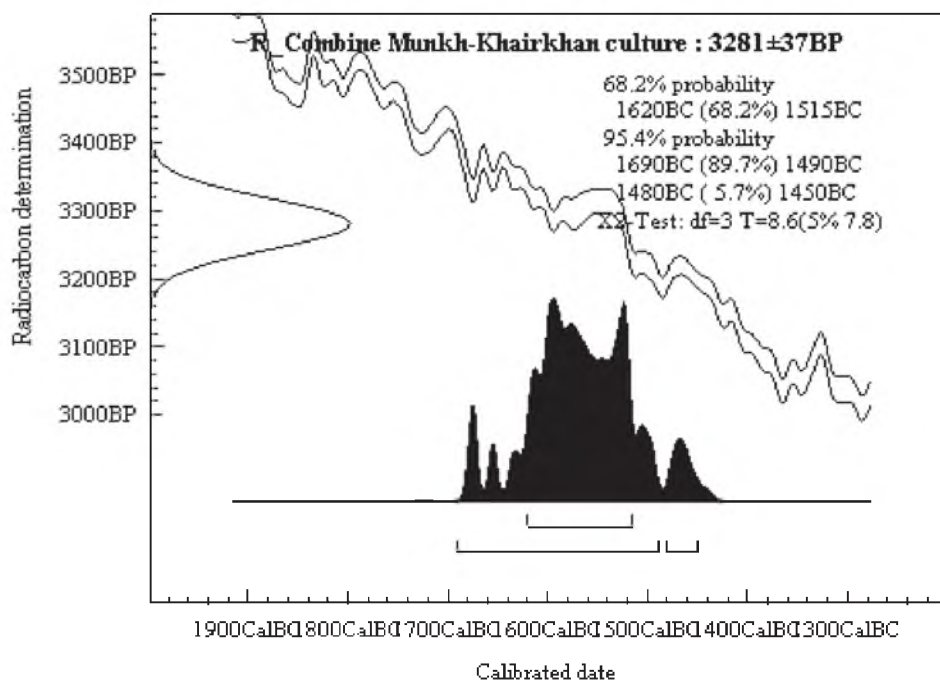

Рис. 3

На сегодняшний момент МЦАЭ получено пять дат по костям погребенных из курганов с вытянутыми на боку костяками: четыре – по погребениям в узких ямах (Тэлэнгэдийн ам-3, Хух толгой-3, 9, Кулала ула-2), одна – по погребению в цисте на горизонте (Хаалгатын ам) (табл. 1.-5). Дата по погребению в цисте на горизонте (Le-6945: 1620–1200 calBC) оказывается одной из самых ранних в этой группе, что подтверждает сомнения в справедливости гипотезы об эволюции погребального обряда монгун-тайгинского населения от погребений в ямах к погребениям на горизонте, высказанной Вл.А. Семеновым, К.В. Чугуновым и поддержанной Д.Г. Савиновым (Семенов Вл.А., Чугунов К.В., 1987, с. 74; Чугунов К.В., 1993; Савинов Д.Г., 1994, с. 58–59; 2002, с. 14–15). Вл.А. Семенов (2000, с. 142–143) впоследствии высказал мнение о «единовременности» захоронений в ямах и цистах. Полученный по этим пяти датам комбинированный радиоуглеродный возраст – 1390–1120 calBC (рис. 4) – указывает на достаточную компактность во времени бытования погребений с вытянутыми на боку костяками – XIV–XII вв. до н.э. Кстати, это еще раз опровергает доводы Вл.А. Семенова о «переживании» окуневской культуры в Туве до XII в. до н.э.: в его культурно-хронологической схеме появление монгун-тайгинских памятников из-за этого «переживания» датируется не ранее XII–XI вв. до н.э. (Семенов Вл.А., 1997б, с. 26). В то же время радиоуглеродное и типологическое датирование курганов с высокой многослойной цистой и скорченными на боку костяками, включая херексуры с лучами и «оленными» камнями, приводит к выводу об их датировке уже скифским временем – начиная самое раннее с рубежа X–IX вв. до н.э. (Семенов Вл.А., 2000, с. 145; Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 84; 2007б).

Временной разрыв минимум в два века между этими типами памятников в Монгольском Алтае, вероятно, заполняют многочисленные курганы с четырехугольной крепидой или оградой с камнями-маяками по углам и низкой цистой на горизонте. Однако МЦАЭ был раскопан только один памятник такого типа (Хотуу даваа-2/1), который дал минимум костного материала. Дата получилась чрезвычайно размытая (Le-6943: 1700–900 calBC) (табл.-6). Этот курган представлял собой каменную платформу с крепидой трапецевидной формы, в центре его насыпь была сложена из более крупных камней, наваленных на однослойную каменную цисту из нескольких глыб. Углами насыпь была ориентирована приблизительно по сторонам света, юго-восточная сторона ее была на 1,5 м длиннее северо-западной. Такая же трапецевидная форма и ориентация крепиды широкой стороной в юго-восточный сектор была зафиксирована МЦАЭ при обследовании других курганов с камнями-маяками Монгольского Алтая.

Трапецевидные ограды (крепиды) с широкой юго-восточной или восточно-юго-восточной стороной характерны для курганов («херексуров») Центральной Монголии (Allard F., Erdenebaatar D., 2005, p. 554–556, Takahama Shu et al., 2006, pl. 2–3). Центральномонгольские курганы такого типа имеют каменные насыпи или вертикальные камни по углам и, судя по результатам пока еще немногочисленных раскопок, наземную одно-двуслойную цисту из каменных глыб (Takahama Shu et al., 2006, p. 64–65). Известные на сегодняшний день радиоуглеродные даты по костям лошади из сопровождающих такие курганы (в долине реки Хануй) ритуальных насыпей указывают на их датировку, скорее всего, XII–IX вв. до н.э.: 1040–850 BC («херексур» KYR 1), 975–680 BC (KYR 1), 1390–910 BC (KYR 57), 930–785 BC (KYR 119) (все с вероятностью 95,4%) (Allard F., Erdenebaatar D., 2005, p. 551, 553; Erdenebaatar D., 2007, p. 203). Представляется, что эту датировку можно распространить и на курганы с «маяками» Западной Монголии.

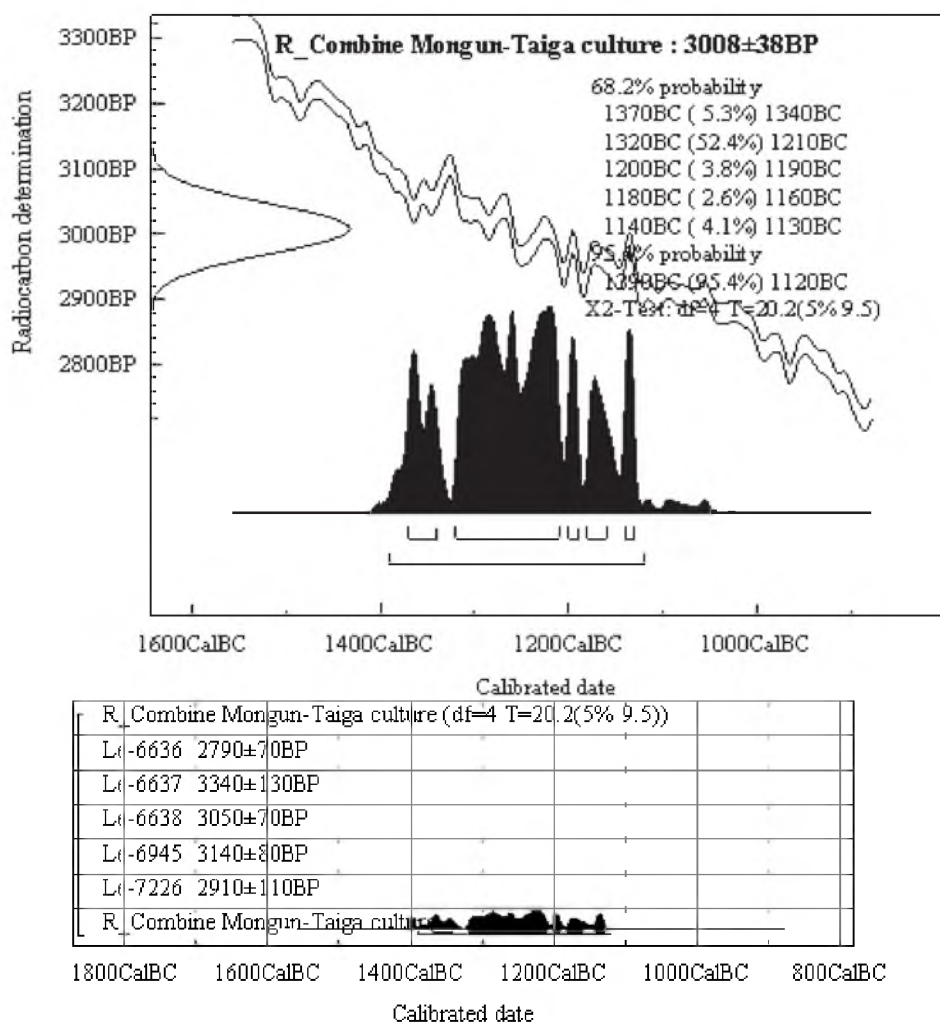

Рис. 4

В связи с изложенным А.А. Ковалев пришел к выводу об отсутствии генетической связи между курганами, содержащими вытянутые костяки на боку, и четырехугольными курганами с камнями-маяками, а этих последних, в свою очередь, с куполообразными курганами, содержащими многослойную цисту (включая херексуры с «лучами»). Распространение на Монгольском Алтае четырехугольных курганов с «маяками» связано, скорее всего, с проникновением на запад центрально-монгольских культурных традиций, а появление здесь позже купольных круглых курганов с многослойной цистой (включая херексуры с лучами) эволюцией четырехугольных курганов с маяками объяснить невозможно. Поэтому все варианты типолого-хронологической группировки безынвентарных курганов бронзового века Саяно-Алтая, предложенные за последнее время различными исследователями (Чугунов К.В., 1993; Савинов Д.Г., 1994, с. 60–61; Семенов Вл.А., 2000, с. 141–149; Савинов Д.Г., 2002, с. 14–16; Цыбиктаров А.Д., 2004), нуждаются в корректировке. Так, нет никаких оснований объединять в одну культуру все типы безынвентарных курганов

позднего бронзового века и уж тем более причислять к этой культуре все так называемые херексуры – собственно, любые курганы с оградой. Нет оснований и говорить о культурном и хронологическом единстве центральномонгольских «херексуров»-курганов с четырехугольной или круглой оградой (иногда с коридором от насыпи к восточной стенке ограды) и «херексуров», представляющих насыпь, соединенную с оградой радиальными перемышками-лучами. Нет оснований объединять в одну общность («шанчигский тип» по Д.Г. Савинову) курганы с цистой из уложенных в один-два слоя каменных глыб (Шанчиг, к. 15–16 – см.: Кызласов Л.Р., 1979, с. 36–37) и курганы с эллипсовидной в плане гробницей, составленной из нескольких слоев уплощенных камней, уложенных длинной осью, как правило, по радиусу насыпи (Чарга, к. 4 – см.: Семенов Вл.А., 2000, с. 145, рис. 5). Как полагает А.А. Ковалев, 1) корректным будет применить название «монгун-тайгинской культуры» для характеристики насыпей-платформ с крепидой, содержащих костяки погребенных, уложенных вытянуто на боку в ямах или низких цистах на горизонте, с предварительной датировкой этой культуры XIV–XII вв. до н.э. (при естественном наличии инокультурных влияний, как, например, четырехугольные ограды курганов в Эрзинском могильнике: Кызласов Л.Р., 1979, с. 46–47); 2) различные типы курганов с одно-двухслойными цистами, погребенными, уложенными скорченно на боку, вытянуто на спине, с внешней оградой или без таковой, обнаруженные в Западной Монголии, Туве и Забайкалье, необходимо рассматривать как проявления традиций центральномонгольской культурной общности финального периода бронзового века; 3) куполовидные курганы с высокой цистой типа раскопанного в Туве на могильнике Чарга или исследованного МПАЭ в Монголии кургана в курганный группе Адууг-2 (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 84) вместе с ритуально-погребальными комплексами, состоящими из херексуров с перемышками-«спицами» и оленных камней, относятся к особой культуре, господствующей в Западной Монголии в скифское время (см.: Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007б).

И.П. Лазаретов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
**РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И ПРОБЛЕМА МЕТОДА**

По вопросу о времени существования различных групп памятников эпохи поздней бронзы (ЭПБ) Хакасско-Минусинской котловины среди исследователей имеются значительные расхождения. В публикациях даты карасукских и лугавских комплексов варьируют от середины II тыс. до VI в. до н.э. Существенную помощь в решении спорных вопросов могло бы оказать наличие серии радиоуглеродных образцов. Для памятников III этапа ЭПБ (лугавского) до недавнего времени было известно всего две даты из могильника Карасук-IV (Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М., 1969, с. 259). Карасукские комплексы, в связи с полным отсутствием в погребениях дерева, собственных хронологических привязок не имели. Ситуация изменилась с появлением новых методов определения возраста по костным остаткам. Серия радиоуглеродных дат из захоронений II этапа ЭПБ (карасук-лугавского) была получена в результате раскопок могильников Терт-Аба и Анчил чон (Bokovenko N., Legrand S., 2000, с. 242–243; Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др., 2005, с. 104–107, 237–239).

Могильник Анчил чон является разновременным памятником. По материалу курган №1 целиком относится ко II этапу ЭПБ (карасук-лугавскому). Он представлял собой систему из нескольких пристроенных друг к другу оград с 11 последовательными захоронениями. Как справедливо отметили авторы раскопок, возраст центральной могилы-1 (образец №2), наиболее ранней из всех, оказался неоправданно омоложенным (X–VI вв. до н.э.), а могилы-3 (образец №4), наоборот, излишне (XX–XXVII вв. до н.э.) удвоенным (Bokovenko N., Legrand S., 2000, с. 242–243)*. Странно, что ни в первичной публикации, ни в таблице к специальной статье по радиоуглеродному датированию этого памятника не приведена еще одна дата могилы-1 (образец №3). Судя по лабораторному индексу, отбор и обработка образцов №2 и 3 производились одновременно. Последний почему-то выпал из анализа и фигурирует только в приложении к книге (Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др., 2005, с. 238). При этом образец №3 из могилы-1 хорошо соотносится с пятью датами из других погребений кургана (образцы №5–9). Вместе они целиком укладываются в общий интервал: середина XIII–XI вв. до н.э. (рис.). В этом же временном отрезке располагаются даты курганов №2 и 6 Анчил чона, а также кургана №21Б (образец №1) карасукского могильника Терт-Аба**. Поскольку хронологические рамки функционирования комплекса с системой пристроек ограничены одним-двумя десятилетиями, дата кургана №1 могильника Анчил чон может быть сужена до пределов XII в. до н.э. Все шесть образцов из разных его могил пересекаются только в этот период.

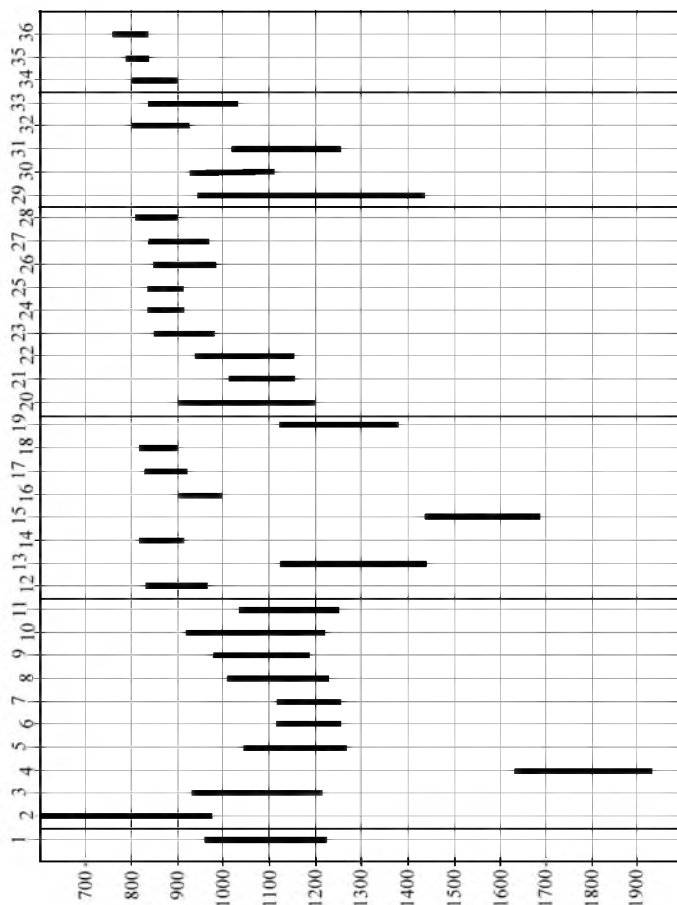
Курганы №3 и 7 могильника Анчил чон относятся к III этапу ЭПБ (лугавскому). В действительности они составляют пять отдельных комплексов: одиночные ограды 3А, 3Б, 7В и системы оград 3В-Г, 7А-Б. В комплексе 3В-Г из двух погребений взяты по два образца (№13–14 и №15–16). В каждой паре один анализ дает дату X–IX вв. до н.э., второй оказывается намного древнее и никак не соотносится с первым (рис.)***. Следовательно, в каждой паре результат одного из анализов является заведомо неприемлемым. Таковым, безусловно, должен считаться образец №15 (XVII–XV вв. до н.э.). Его дата противоречит всем имеющимся археологическим данным. Дата образца №13 (XIV–XII вв. до н.э.), по видимому, также является ошибочной. Трудно себе представить, чтобы хронологический разрыв между двумя могилами одного кургана составлял 200 лет. Единство конструкций, обряда и инвентаря в двух соседних погребениях комплекса 3В-Г позволяет считать их одновременными захоронениями и датировать X–IX вв. до н.э. В этот же временной интервал попадают еще три даты из комплексов 3Б, 7А и 7Б (№12, 17–18). Только образец №19 из

*При интерпретации радиоуглеродных дат Н.А. Боковенко использовал интервал календарного возраста 2σ , дающий 95-процентную вероятность. Нам приходится пользоваться интервалом 1σ , иначе из анализа пришлось бы исключить данные по могильнику Кутень-Булук. Интервал 1σ позволяет сузить датировку образцов, но при этом возрастает и вероятность ошибки.

**Судя по ограде из врытых на ребро плит и трапециевидному каменному ящику, курган №6 могильника Анчил чон является обычным комплексом II этапа ЭПБ. Фрагмент лугавского сосуда, приведенный в публикации, происходит из канавы, разрушившей курган. Он не имеет отношения к захоронению.

***Даже если взять интервал календарного возраста 2σ , между этими парными датами остается значительный временной разрыв. Оба погребения являются закрытыми комплексами и не были потревожены в древности. Считать одну из дат моментом захоронения, как это обычно делается, а вторую – временем ограбления могилы в данном случае невозможно.

кургана №7В датируется XIV–XI вв. до н.э. Возможно, последнее определение возраста также является ошибочным. К такому выводу можно прийти, если сопоставить между собой результаты анализа всех имеющихся образцов из могильника Анчил чон. Лучше всего соотносятся между собой и с археологическими данными даты, имеющие минимальный интервал календарного возраста (100–200 лет при 1σ). При интервале 200–300 лет достоверность датировки начинает вызывать сомнения. Все даты с интервалом 300 и более лет оказываются совершенно неприемлемыми. Причем в большинстве случаев расширение оказывается односторонним и приводит к значительному удревнению образца (рис.). Такая же закономерность наблюдается и в могильнике Кутень-Булак (конец II – начало III этапа ЭПБ). Для этого памятника известно девять радиоуглеродных дат. Шесть из них (№23–28) имеют небольшой интервал (100–150 лет при 1σ) и концентрируются в пределах X–IX вв. до н.э. Три других даты (№20–22), обладающие интервалом календарного возраста в 200–300 лет, попадают в промежуток XII–X вв. до н.э. Причем их верхний предел оказывается сдвинут в сторону удревнения на 50–100 лет, а нижний – уже на 200 (рис.).

Радиоуглеродные даты комплексов эпохи поздней бронзы
Хакасско-Минусинской котловины

Та же самая закономерность просматривается в отношении пары дат (образцы №31–32) из могильника Карасук-IV и, в менее выраженной форме, трех дат (образцы №34–36) из погребения могильника Уй. Остальные анализы (№29–31) из могильников Кызлас, Долгий курган и Колок, к сожалению, являются одиночными и не могут быть соотнесены между собой.

Причиной систематического сдвига дат теоретически могут быть специфические условия Хакасско-Минусинской котловины или особенности временного отрезка, соответствующего ЭПБ Южной Сибири. Однако с подобными затруднениями столкнулись теперь и специалисты других регионов. В частности, для Волго-Уралья отмечено, что даты с расширенным доверительным интервалом также являются малодостоверными и имеют явную тенденцию к удревнению (Кузнецов П.Ф., 2006, с. 410). По всей видимости, проблема заключается не в локальности выборки, а в скрытой ошибке самого радиоуглеродного метода, приводящей к значительному сдвигу отдельных некачественных образцов в сторону их удревнения. Для уточнения этого явления и преодоления его последствий необходимо привлечь больший объем данных по различным эпохам и регионам, чтобы сделать даты пригодными для статистической обработки.

Памятники раннего и позднего этапов ЭПБ Хакасско-Минусинской котловины собственных дат пока не имеют. Их возраст можно только предполагать, исходя из косвенных данных (подсчеты количественного соотношения могил, сопоставление с комплексами сопредельных территорий). С учетом этого общая хронология комплексов ЭПБ Южной Сибири может выглядеть следующим образом: I этап (карасукский) – XIII–XII вв. до н.э., II этап (карасук-лугавский) – XII–XI вв. до н.э., III этап (лугавский) – X–IX вв. до н.э., IV этап (баиновский) – конец IX – начало VIII вв. до н.э.

А.Г. Петренко, Г.Ш. Асылгараева

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

МАТЕРИАЛЫ «КУХОННЫХ» И РИТУАЛЬНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что остеологические материалы животных, полученные при раскопках археологических памятников, оказываются чрезвычайно значимыми для научно-исследовательских работ. Они представляют данные для глобальных реконструкций и восстановления антропогенных и природных изменений, отражают факторы взаимовлияний этих изменений с выяснением тонких деталей хозяйственного уклада древних людей. Становятся вполне реальными освоения оценки вклада охоты в экономику и саму организацию охотничьей деятельности. Даются характеристики основных форм и направлений животноводства с выяснением условий содержания разводимых животных, с определением их породных особенностей и патологий, если таковые имеются. Отражаются расчеты специфики мясного питания у древних народов. Выясняются взаимодействия между отдельными отраслями хозяйства, масштабы военно-торговых связей, изучаются ритуальные обычаи при

захоронениях человека. И все это далеко не полное описание научных результатов, полученных при исследованиях различных археозоологических материалов.

Существующие в настоящее время методы археозоологических исследований представлены в научной специальной литературе (Цалкин В.И., 1956; Антипина Е.Е., 2003; Петренко А.Г., 2007). Хотелось бы сегодня уделить внимание решению некоторых существующих проблем, которые имеют место в наших общих исследованиях: на проблемы в методах совместной интерпретации археозоологических результатов с археологической информацией. Для этого разговора есть и положительные, и отрицательные примеры. В последнее время ряд археологов представляют остеологические материалы на диагностику упакованными по слоям, штыкам, ямам, квадратам, сооружениям, участкам и т.д. В целом обработка представленного в такой форме материала требует значительно большего времени, с одной стороны. С другой стороны, если такая подача осмыслена исследователем-археологом по ряду целенаправленного отбора для детализации дальнейших сопоставлений зависимости отдельных остеологических коллекций от различных условий различных археологических застроек и т.д., то это, несомненно, оправдано. Следовательно знание методов отбора остеологических материалов археологами является важным моментом для биологических исследований.

«Кухонные» остатки животных, поступающие из раскопок археологических памятников представляют собой бесценный и, как правило, огромный материал по решению ряда интереснейших исторических проблем. Но при интерпретации археозоологических и археологических исследований, при сопоставлении научно-исследовательских результатов часто обозначаются не простые задачи в плане аргументации тех или иных выводов научного плана.

И, конечно, археозоологические исследования не должны ограничиваться только выводами биологического плана. Они должны включать в оценку и анализы ряд методов археологического порядка.

Вопрос о распределении остатков каждого из основных четырех видов домашних животных (крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свинья, лошадь), с одной стороны, по интересующим нас культурным зонам Среднего Поволжья и Предуралья, с другой – во времени от неолита до средневековья, позволит не только сориентироваться в специфике соотношения видов в зависимости от ряда причин, но и поможет оценить степень влияния на животноводческую деятельность различных факторов (антропогенного, природного и др.).

При исследовании материалов из археологических памятников различных природно-климатических регионов обычно ожидаются выводы по истории животноводческой специфики древних людей, сообразной с тем, что должны быть присущи населению каждой географической среды бытования: содержание определенных видов домашних животных и употребление их мяса в пищу, а также добыча большинства тех видов охотничье-промысловой фауны, которые были наиболее многочисленны в природных окружениях.

Неудивителен факт того, что древние скотоводы стремились поддерживать такой состав домашнего стада, который был наиболее выгоден для определенных климатических условий жизни людей. Так, для северных лесных районов Волго-Камья испокон веков характерно содержание крупного рогатого скота, лошадей и активное употребление в питании говядины и конины. Для лесостепных районов – содержание крупного рогатого скота, лошадей и свиней, а для степных – крупного рогатого скота, лошадей и мелкого рогатого скота.

Однако часто диагностируемое «нарушение» ожидаемого традиционного характера мясного питания, а вместе с ним и специфики скотоводческой деятельности объясняются изменениями ряда традиционных, социально-экономических причин, что представляет для исторических выводов неопценимые результаты.

Не просто обстоят дела с выводами и стыковкой биологических и археозоологических материалов при исследованиях «ритуальных» остатков животных из могильников. Например, в ритуале захоронения единый вид животного – конь. Но насколько различны его ритуалы! И если иметь только данные по остаткам просто от лошади как одного вида животного, то этого слишком мало для аргументированных научных выводов. Еще в ранних могильниках таких, как II Мурзихинский, Ново-Мордовский, II Тетюшский, встречены остатки коня, но это только левая целая плечевая кость, как остаток от обильной ритуальной мясной части животного; в могильниках Старший Ахмыловский и ряде других – тоже остатки от коня, но это черепа. А в более поздних средневековых могильниках либо курганах Башкирии тоже есть черепа лошадей и т.д. В этих же курганах, как богатые остатки пищи от коня, целые бедренные кости, что встречаются и в Больше-Тиганском могильнике. А известный ритуал «захоронения головы и четырех ног нижнего отдела конечностей в шкуре коня» – как биологический термин без археологических данных мало что дает, так как он широко известен и для азелинских могильников, и в Андреевском кургане начала I тыс. н.э., раннеболгарских могильниках, в Больше-Тарханском, Танкеевском, Больше-Тиганском древнененгерском, могильнике, в башкирских курганах и т.д. Но насколько разные по культурам эти памятники! Поэтому только при совместном рассмотрении в сочетании с рядом археологических характеристик этот биологический фактор становится очень важным и характерным признаком, как исторический источник. Запланированная для исследования научная тема «Конь в материальной и духовной культуре народов Евразии» в НЦАИ Института истории АН РТ предполагает именно представление, подготовку больших материалов по коневодству при совместном выполнении биолого-археологических работ. И здесь также имеются свои трудности. Археологические исследованные материалы часто бывают не опубликованы, а пользоваться ими для интерпретации разнокультурных материалов без публикаций таковых просто трудно и некорректно. Но это нужно исправлять.

В последние годы все большее внимание уделяется совместным исследованиям естественных наук в археологии.

Но есть проблемы в наших работах и о них необходимо не только говорить, но и принимать реальные меры, чтобы поступающий для научных исследований ископаемый и современный остеологический материал для сличительных коллекций мог бы наиболее полно исследоваться, дабы быть научным источником в возможно желаемых масштабах работ.

Однако при выполнении научно-исследовательских тем такого совместного характера по регионам, трудности с естественно-научными кадрами и подготовкой их осложняют выполнение ряда научных тем и направлений.

И если казанские археологи начиная с 1960-х гг. и поныне находятся в приоритетном положении по успешному применению ряда естественно-научных методов в археологии, то научно-исследовательские работы по ряду соседних регионов встречаются с большими затруднениями обработки фактических материалов из раскопок.

Сегодня необходимо обратить особое внимание на условия обработки археозоологических материалов, на качество кадров, занимающихся этими работами, и, конечно,

на рабочие помещения, где хранятся основы археозоологических методов – сличительные коллекции. Без этих коллекций, представляющих собой систематизированные одноименные кости скелетов от различных видов животных, будь то домашние или охотничье-промысловые, невозможно успешное определение ископаемых остатков, разрушенных, часто очень плохой сохранности фрагментов.

Р.А. Сингатулин

Педагогический институт Саратовского государственного университета, Саратов, Россия

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПАЛЕОФОНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Палеофонография (синонимы – акустическая археология, археоакустика, археофонография) – научное направление, складывающееся в конце XX – начале XXI вв. в результате интеграции археологических и виброакустических исследований массового керамического материала (Балановский А.В. и др., 2002, с. 35–36; Овчинников Е.В., 2005, с. 566–567). Используя современные технологии информационно-измерительных систем и основываясь на теоретических и практических наработках в области звукозаписи, виброакустики, криминалистики, психологии, лингвистики, информатики и других наук, палеофонографические исследования позволяют по-иному взглянуть на процессы информационно-энергетических взаимодействий в системе «обработчик – изделие». Учет взаимодействий гончара-обработчика и его физических полей (в частности, магнитных, электрических, тепловых, виброакустических и других составляющих) с произведенным керамическим продуктом на основе законов физики и биологии позволяют выявлять и отображать процессы активного взаимодействия, характеристики регуляторных систем гомеостаза, программу управления технологическим процессом, решать другие сопутствующие задачи (Сингатулин Р.А., 2007, с. 155–158; Yang C.Q., Simms J.R., 1995, с. 543). Здесь информация, в классическом понимании, выступает как неотъемлемое свойство объектов и явлений порождать многообразие состояний, которые воспринимают информационные системы (живые организмы, машины, продукты производства и др.), передаются от одного объекта к другому в процессе жизнедеятельности или работы.

Вместе с тем палеофонография, как и любое другое формирующееся научное направление, имеет свои тенденции развития, закономерности, особенности применения, достоинства и недостатки. Характер палеофонографических исследований, прежде всего, связан со спецификой изготовления керамической продукции с помощью вращательной (круговой) технологии, на которой зафиксирован информационный процесс ее внутренних и внешних преобразований. Бытующее мнение о том, что методы палеофонографии предназначены лишь для исследований керамической посуды, сформированной на гончарном круге, не совсем верно. Прежде всего, палеофонографические исследования имеют комплексный характер, охватывающий не только круговую керамику, но и лепную, а также изучают все многообразие искусственных форм, отделки, отображений, рисунков и прочих продуктов производства, связанных с непосредственной человеческой деятельностью.

Вместе с тем важно другое: как данные технологии могут проявить себя в конкретных исследованиях, например при изучении керамической продукции кочевых культур Центральной Азии, где, согласно письменным источникам, топонимике и археологическим данным, проживали различные по языку, происхождению и физическому типу этнические группы и племена. В свете учения об информации следует говорить о повышении информативной отдачи источника, каким является археологическая керамика, методами точных наук.

Прецедент решения схожих проблем ранее имел место. Например, при исследовании керамики салтово-маяцкой культуры (Сингатулин Р.А., 2007, с. 73–77), где распространенным был рецепт формовочных масс с крупным песком, оказывающий существенное влияние на характер декора и прочих слеодообразований. Подобные задачи решались при исследованиях керамики трипольской культуры и других исторических эпох (Сингатулин Р.А., 2007, с. 55–72).

Универсальность и гибкость палеофонографических подходов позволяют адаптировать данную методику для решения задач исследований керамики кочевых культур Центральной Азии. Особенно эффективным является метод, основанный на использовании так называемых авторегрессионных моделей (Грачев Д.В. и др., 2000, с. 84–85), в частности, построенных на основе принципа максимальной энтропии (метод Бурга). Метод максимальной энтропии позволяет получить устойчивую модель системы «обработчик – изделие» реконструирующую лепную технологию. Эта модель используется для выделения низкочастотных колебаний наиболее инерционных (изделие) и массивных частей объектов (обработчик), выявления наиболее информативных участков сигнала, где реализуется прерывистый процесс обработки поверхности керамического изделия (выравнивание, выдавливание, резание, декорирование и т.п.). Для их обработки функциональным алгоритмом достаточно, чтобы информация сохранялась в сигнале при его ограничении по спектру. Это позволяет квантовать сигнал и выделить отрезок времени, достаточный для необходимых вычислений. В результате можно получить как амплитудные, так и частотные изменения наиболее значимых составляющих виброакустического сигнала. Важно отметить, что эти сигналы не зависят от амплитудных искажений (т.е. от размеров зерна песка, органики и пр.) и погрешностей определения уровня шума и, следовательно, способны нести контекстную информацию о технологических особенностях обработки керамического изделия и о физиологии гончара-обработчика. Увеличение длины треков, соответственно, и увеличение времени при кратковременных воздействиях внешних факторов, приводит к возрастанию дестабилизирующего влияния переходного процесса, возникающего при контакте инструмента (или руки) с обрабатываемой керамической поверхностью. Причем соизмеримость масс инструмента и руки человека дает возможность фиксировать низкочастотные флуктуации переходного процесса, связанные с фоновым воздействием, вызванным дыханием, сердечной деятельностью гончара-обработчика и прочими внешними факторами (Балановский А.В. и др., 2002, с. 35–36; Сингатулин Р.А., 2007).

Несмотря на некоторые технические особенности, связанные с палеофонографической обработкой археологической керамики, исследование тонких информационных проявлений в регистрируемых структурах – достаточно перспективная область знаний, открывающая новые возможности для исследования массового керамического материала кочевых культур Центральной Азии.

В.И. Соенов, С.В. Трифанова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Республика Алтай

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ВЕРХ-УЙМОН

Могильник Верх-Уймон расположен на западной окраине одноименного села Усть-Коксинского района Республики Алтай на территории так называемой промзоны, окруженной пашней. Раскопки на могильнике начали осуществлять в 80-х гг. XX в. В.А. Кочеев и С.М. Киреев. Ими исследованы несколько курганов, содержащие конские погребения без инвентаря (Суразаков А.С., 1985, с. 26–27).

В 1991–1992 и 1995 гг. раскопки на могильнике Верх-Уймон проводили В.И. Соенов и А.В. Эбель. Было раскопано 25 курганов, датированных гунно-сарматским временем. Материалы раскопок 1991–1992 гг. опубликованы (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 19–27). О работах 1995 г. имеется сообщение (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, с. 157–158). В полевой сезон 1999 г. В.И. Соеновым возобновлены раскопочные работы. Сплошной раскоп был продолжен в западном направлении от ранних раскопов. Вскрыто пять курганов. Материалы раскопок опубликованы (Соенов В.И., 2000, с. 48–62). В 2003–2004 гг. раскопки были продолжены В.И. Соеновым и С.В. Трифановой далее в западном направлении от старых раскопов. Было вскрыто шесть курганов и одно безкурганное погребение в каменном ящике. Все работы на могильнике велись практически сплошным раскопом. Только два раскопанных объекта располагались отдельно.

Материалы археологических раскопок на могильнике Верх-Уймон имеют существенное значение для изучения элементов погребального обряда, физического облика, материальной культуры населения, а также для реконструкции хозяйственной деятельности, военного дела, этнокультурных и палеосоциальных процессов и др. Верх-уймонский комплекс сыграл важную роль при периодизации булан-кобинской культуры (Соенов В.И., 1997, с. 13–21). Не случайно в процессе формирования современной концепции истории развития древних и средневековых народов Алтая А.А. Тишкин (2007, с. 175) предложил переименовать поздний (берельский) этап булан-кобинской культуры в верх-уймонский этап.

Один из авторов уже отмечал, что на современном этапе развития археологии Горного Алтая изучение морфологических признаков предметов, деталей и элементов погребального обряда и т.п. уже не дает качественного сдвига в решении многих проблем этнокультурогенеза населения гунно-сарматской эпохи, а только широкомасштабные исследования материалов с помощью специальных естественно-научных, математических и других методов могут дать новые ощутимые результаты в данном направлении (Соенов В.И., 2007, с. 210). В связи с этим мы представляем некоторые результаты специальных исследований археологических материалов из погребений могильника Верх-Уймон.

Получена новая серия радиоуглеродных дат образцов кости из погребений СОАН–5663 – 111 г. до н.э. (27, 42, 49 г. н.э.) 132 г. н.э.; СОАН–5664 – 156 г. до н.э. (36, 34, 18, 13 гг. до н.э.; 1 г. н.э.) 80 г. н.э.; СОАН–5665 – 40 г. до н.э. (66 г. н.э.) 131 г. н.э.; СОАН–5666 – 50 г. до н.э. (86, 102, 122 гг. н.э.) 323 г. н.э. (калибровка – UNIVERSITY OF WASHINGTON, QUATERNARY ISOTOPE LAB, RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM REV 4.3. Вероятность – 2 сигмы (95,4%)). Эти даты, полученные Л.А. Орловой в Лаборатории

геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН, значительно отличаются от полученных там же калиброванных дат, опубликованных нами ранее: СОАН–5386 – 257(419)559 г. н.э.; СОАН–5387 – 344(429)559 г. н.э.; СОАН–5388 – 441(599)652 г. н.э.; СОАН–5389 – 415(538)639 г. н.э.; СОАН–5390 – 362(434, 525) 600 г. н.э. (Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А., 2005, с. 171). Расхождение дат требует отдельного рассмотрения, поскольку значительно разнятся датировки, полученные в разное время по одним и тем же погребениям. Необходимо произвести новую серию радиоуглеродных дат, а также продублировать анализы образцов в разных лабораториях.

Микроскопические петрографические исследования в Федеральных государственных унитарных предприятиях «Горно-Алтайская поисково-съемочная экспедиция» и «Алтай-Гео» каменных дисков с отверстием (пряслиц) из курганов 19 и 27 могильника Верх-Уймон геологами В.Л. Ермаковым и Г.А. Винокуровой позволили определить горные породы, из которых они были изготовлены. Один диск изготовлен из мелкозернистого белого мрамора, второй – из микрокристаллического зеленого сланца. В результате исследований геологами сделан вывод о том, что образцы горных пород, использованные для изготовления изделий, предположительно происходят из древних метаморфических толщ Теректинского хребта.

Представляет интерес определение геологом Г.А. Винокуровой двух многослойных бусин из курганов №21 и 22 могильника Верх-Уймон. Они изготовлены из бесцветного искусственного стекла. На поверхности бусин сохранились фрагменты перламутрового покрытия. Под верхним слоем стекла имеется металлический слой золотистого цвета, полученный путем напыления металлического порошка или использования фольги (Соенов В.И., Винокурова Г.А., 2000, табл.). Без спектрального анализа не удалось установить металл, использованный для декорирования. Для получения «золотого» эффекта могло использоваться не только золото, но также другие металлы и их комбинации. Технологии изготовления бусин, подобных верх-уймонским («золотостеклянным» или «псевдозолотостеклянным»), широко известны в гунно-сарматское время на территории Евразии от Причерноморья до Дальнего Востока (Тишкин А.А., Хаврин С.В., Френкель Я.В., 2007, с. 212–215). Исследовавшиеся верх-уймонские бусины, скорее всего, имеют импортное происхождение (Соенов В.И., Винокурова Г.А., 2000, с. 151–155). В дальнейшем изучение химического состава, рецептуры и технологических приемов изготовления стеклянных бусин нашей коллекции, несомненно, позволит определить более узкие хронологические и территориальные рамки их происхождения.

Спектральный анализ бронз из погребений могильника Верх-Уймон осуществлен С.В. Хавриным с использованием прибора рентгенофлуоресцентного анализа поверхности ArgTAX. Исследования позволили С.В. Хаврину сделать выводы о местном характере бронз Верх-Уймона. Они произведены примерно из тех же руд, что и бронзы других памятников Алтая разного времени, поскольку имеют тот же набор примесей. По составу, точнее легирующим добавкам, это оловянистая бронза. В ранних памятниках Горного Алтая гунно-сарматского времени из такой бронзы были только китайские импорты (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004, с. 300–306; Тишкин А.А., 2006, с. 384–387). В Горном Алтае подобные бронзы находятся в памятниках раннескифского времени, потом они исчезают и наблюдаются в степной части Алтая и в Казахстане. Оказалась необычной по составу пластинка из кургана №30, в которой имелось много серебра. По мнению С.В. Хаврина, в результате переплавки старых изделий было слу-

чайно сплавлено серебро с белой оловянистой бронзой (или свинцово-оловянистой). Возможно, это был кусочек китайского зеркала.

Технико-технологический анализ образцов керамики из курганов №19 и 19А могильника Верх-Уймон осуществлен Н.Ф. Степановой в Барнаульской лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН при Алтайском государственном университете. Определения проведены с помощью МБС-10. Фрагменты дополнительному обжигу не подвергались. Зафиксированы следующие рецепты формовочных масс: курган №19 – глина (низкопластичная, ожелезненная) + органика (травы); курган №19А (2 фрагмента) – 1) глина (низкопластичная, ожелезненная) + органика (искусственная или естественная примесь не установлено); 2 – глина (низкопластичная, ожелезненная) + органика. Общим для всех образцов оказалось то, что использовались местные ожелезненные низкопластичные глины. В формовочных массах фиксируется органика в виде остатков травы, однако ее незначительное количество не позволило определить характер примеси: это искусственная добавка в глину или же естественная примесь в глине.

В настоящее время в кабинете антропологии Алтайского госуниверситета С.С. Тур осуществляется антропологический анализ коллекции черепов из верх-уймонских погребений. Исследование костей погребенных из могильника Верх-Уймон позволило С.С. Тур выявить множественные рубленые повреждения на груди, ребрах, телах позвонков и крыльях подвздошных костей, «...нанесенных ...оружием наподобие меча...». Это является прямым свидетельством того, что ближний бой являлся одним из реальных элементов военного дела населения Горного Алтая, а также свидетельством участия верх-уймонцев в конкретных военных действиях. В данном случае существенно то, что эти моменты из разряда допущений, предположенных на основании изучения косвенных признаков, переходят в разряд установленных фактов.

Кроме того, материалы исследования деталей погребений могильника Верх-Уймон использовались, наряду с материалами других могильников II в. до н.э. – V в. н.э., для корреляции признаков погребальных сооружений, группировки памятников и на этой основе – их типологии (Соенов В.И., 1997, с. 11–13; 2003, с. 40–53), а также при палеосоциальных исследованиях с применением многоступенчатой статистической систематизации (Матренин С.С., 2005, с. 16–22; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 152–182).

Таким образом, исследования археологических материалов из погребений могильника Верх-Уймон с помощью специальных естественно-научных и других методов дали новые результаты, позволившие расширить наши знания по археологии Горного Алтая.

А.А. Тишкин, С.В. Хаврин, О.Г. Новикова

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАХОДОК ЛАКА ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЯЛОМАН-II И ШИБЕ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

При исследовании кургана №57 на памятнике Яломан-II (Онгудайский район Республики Алтай), кроме многочисленного инвентаря, обнаружена часть деревянного изделия, которая была покрыта лаком и имела специфический орнамент (Тишкин А.А., 2007). Судя по внешнему виду, использование этого предмета в качестве

рукояти составного гребня являлось вторичным применением. Таким образом обозначилась необходимость определить, к какой вещи изначально принадлежал найденный фрагмент. Для решения данной проблемы было предпринято совместное научно-техническое изучение находки со специалистами Государственного Эрмитажа (ГЭ)*.

По мнению М.Л. Меньшиковой, находка из Яломана-II, вероятнее всего, является обломанной ручкой оригинальной кухонной утвари – чашечки-бань (так называемой чашки с «ушами»). Эти емкости использовались китайцами для употребления вина. Подобные предметы были широко распространены и могут быть датированы концом III–II вв. до н.э. Аналогии им имеются среди экспонатов многих музейных собраний, опубликованных в зарубежных каталогах и альбомах по искусству Китая. Причем эти аналогии, кроме общего стилистического лепного облика, отличает поразительная схожесть красного зигзагообразного орнамента на черном фоне.

Согласно заключению специалиста по атрибуции древесины М.И. Колосовой, для изготовления рукояти лаковой чашечки использовалась древесина палисандра (образец Д5282, *Dalbergia* sp.). Такие деревья на территории Южной Сибири не зафиксированы. Ближайшим к Алтаю регионом произрастания палисандра является Китай. Из-за своеобразной структуры красиво окрашенная древесина палисандра используется для изготовления дорогой мебели, музыкальных инструментов и различных декоративных предметов. В рассматриваемом случае покрытие палисандра лаком является специфической особенностью находки из Яломана-II.

Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что пигментом для нанесения орнамента служила киноварь. Исследование химического состава этой краски с помощью микрохимического анализа и ИК-Фурье спектроскопии показало, что связующее вещество представляло собой биополимер урушиол, полученный из сока дерева *сумах***.

Все зафиксированные показатели, в комплексе с данными стратиграфии красочных слоев лака, свидетельствуют о китайском происхождении экспоната из кургана №57 памятника Яломан-II. В настоящее время известно, что применение лака в Юго-Восточной и Восточной Азии имеет древние традиции (Новикова О.Г., 2000а–б). Со времени правления династии Чжоу область использования лаков расширилась и регламентировалась официальным уставом. Секреты лакирования китайские мастера долгое время не раскрывали, но со временем его стали делать в Японии и Корее, чему способствовало переселение мастеров (Новикова О.Г., 2000а, с. 11), часто насильственное в результате завоеваний. Степные народы Центральной Азии не владели техникой изготовления лаковых изделий,

* Авторы благодарны за сотрудничество и консультации М.Л. Меньшиковой, к.и.н., с.н.с. Отдела Востока; М.И. Колосовой, к.б.н., с.н.с. Отдела научно-технической экспертизы; Л.Л. Барковой, с.н.с. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири.

** Сумах лаконосный или Лаковое дерево, латинское название – *Rhus verniciflua* Stokes. *Anacardiaceae* (семейство сумаховых). Ареал произрастания: горные районы Китая (Зап. Хубэй, Зап. Сычуань, Шэньси), Японии (главным образом провинция Хондо), в Гималаях. Культивируется в Китае, Индокитае, Японии, Индии. На Алтае не произрастает. Японское название – *Urushi*, китайское – *che-shu*, аннамитское – *cau-sou*. Хозяйственное значение: лак и воск. Лак добывают из надрезов стволов мужских экземпляров, лак высокого качества делают только в Средней Японии и Китае, в Индокитае – только воск. Северная граница получения лака 410 северной широты. Сборщики подвергаются лаковому отравлению – головные боли и кожные аллергические реакции, нарывы на теле. Данное специфическое воздействие отмечается исключительно для людей 1–2 групп крови.

сохранявшейся издавна в секрете в соседнем с ними Китае. Необходимо отметить, что технологический процесс высушивания лаковых слоев требует наличия высокой влажности и воздухообмена, а реализация же его в условиях сухого климата степи достаточно проблематично. Кроме того, секретом являлось получение именно черного (но прозрачного) лака, так как покрытия на основе природного сока прозрачны, но имеют коричневый оттенок и не обладают всем комплексом защитных и декоративных свойств. Черный цвет сок получает при соприкосновении с ионами металлов (в традиционной технике использовали железо). Причем металл не добавляли в виде стружки, а получали лак путем соприкосновения сока с металлическим предметом (либо путем розлива на металл, либо перемешивания таковым).

Имеющиеся данные позволяют говорить об импортном характере предмета, попавшего в курган №57 памятника Яломан-II. Исследованный объект относится к усть-эдиганскому этапу (II в. до н.э. – I в. н.э.) булан-кобинской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006) и имеет калиброванную радиоуглеродную дату (Тишкин А.А., 2007, с. 272) в рамках указанного хронологического интервала. Нельзя исключить, что рассматриваемый фрагмент мог происходить из захоронения предшествующего периода. В настоящее время имеется множество свидетельств о массовых разграблениях памятников пазырыкской культуры, которые произошли именно в хуннское время. Это и другие обстоятельства отражают приход на Алтай нового населения, агрессивно настроенного по отношению к местным жителям. Можно предположить и другие обстоятельства попадания фрагмента китайской лаковой чашечки в курган булан-кобинской культуры.

Находке из Яломана-II имеется ближайшая аналогия в материалах кургана Шибе (Онгудайский район Республики Алтай), который был раскопан М.П. Грязновым в 1929 г. (Баркова Л.Л., 1978; 1979; 1980). Комплексная дата этого объекта – 380–260 гг. до н.э. (Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М., 1994, с. 148), что свидетельствует о сооружении памятника на позднем этапе развития пазырыкской культуры (Тишкин А.А., 2007). Опубликованные интервалы калиброванного календарного возраста, полученные по результатам радиоуглеродного анализа трех образцов древесины из Шибе, выглядят следующим образом: 1 sigma cal BC 760–390, 380–200, 360–170; 2 sigma cal BC 800–200, 390–190, 390–110 (Евразия..., 2005, с. 258).

В свое время по поводу находки в кургане Шибе лаковой чашечки развернулась целая дискуссия. Основные ее моменты и определенный итог отражены в одной из статей Л.Л. Барковой (1978), посвященной публикации результатов раскопок этого «элитного» комплекса. Как оказалось, в коллекции Государственного Эрмитажа хранятся только отдельные кусочки лака (деревянных фрагментов чашечки нет). Но и на них отчетливо просматривается весьма характерный орнамент, выполненный красным цветом. Стилистические особенности художественного оформления существенно сближают находки из Яломана-II и Шибе.

Хотя все изученные образцы были покрыты лаком на основе уруши, существуют небольшие технологические особенности, отличающие их от изделия из кургана №57 Яломана-II. Так, предметы из Шибе (ОАБЕС ГЭ №4888/54) покрыты лаком, имеющим коричневый оттенок. Это свидетельствует о малом содержании железа (около 80%) в лаке, что и было подтверждено результатами рентгенофлюоресцентного анализа; причем отмечается содержание большого количества марганца (около 16%) и кальция. Данные показатели означают, эти предметы были покрыты или так называе-

мым сырым лаком, или же в него было добавлено мало железа. Если рассматривать традиционную лаковую технику, то такой лак (т.е. почти без применения железа) из-за своих невысоких физико-химических свойств использовали только в качестве грунтового слоя. Когда его использовали в качестве основного, сделав по нему орнамент красной краской (на том же связующем компоненте), то это может свидетельствовать о достаточно серьезном нарушении (или упрощении) технологического процесса.

Напомним, что лаковое покрытие по древесине выполняло в первую очередь защитную функцию и лишь в последнюю очередь – декоративную. Первую задачу прекрасно выполняло лакирование, выполненное с соблюдением четких технологических параметров высыхания (определенной влажности среды и температуры). Любое отклонение от оптимальных требований и произвольное изменение состава (и лака, и краски) ухудшали защитные свойства покрытия, так как оно не формировало стопроцентно сшитую пространственную структуру.

Образцы из Яломана-II и Шибе содержат в верхнем слое киноварь. Считается, что добыча и применение киновари в Китае были сакрализированы и связаны с поиском бессмертия. Киноварь имела свойства талисмана и ценилась за свой цвет в качестве воплощения жизни. Красный цвет являлся эмблемой крови, и он выражал витальные свойства этого вещества, а следовательно, играл решающую роль в обеспечении бессмертия. Поэтому в Китае еще с доисторических времен киноварь (HgS – сульфид ртути) и окрашенные ею изделия часто клали в захоронения знати, чтобы перевести умерших в вечность. Но не только красный цвет киновари делал ее проводником в бессмертие, а и тот показатель, что при нагревании из киновари выделялась ртуть. Сочетание красного и белого в одном веществе вызывало особое отношение. Киноварь рассматривалась как источник жизни и зародыш бессмертия. В ней гармонично сочетались инь и ян (Пути..., 2007, с. 110–111).

Судя по характеру разрушения предметов, лаковые покрытия на основе уруши свою защитную функцию выполнили. Во всех пробах из Шибе (4 пробы) и Яломана-II лаковые слои (точнее, киноварный красочный и собственно лаковый) сохранили между собой великолепную адгезионную прочность, а отслоение произошло по слоям разрушенной древесины. В одной из проб Шибе все же наблюдается межслойное разрушение между киноварным и лаковым слоем.

В шибинских пробах №1 и 2 киноварный слой оказался толстым. Частицы пигмента крупные, т.е. обе краски были плохо перетерты. Красочный слой рыхлый, мелит, т.е. он изначально был обеднен лаковым связующим. Цвет киновари во всех предметах из Шибе не настолько яркий и насыщенный, как цвет киновари из кургана №57 Яломана-II. В пигментной части пробы из Яломана-II, кроме киновари, имеются окислы железа и меди, а в пигментной части киновари из Шибе фиксируется наполнитель, содержащий кальций, и для того, чтобы получить более яркий и красный тон, мастер «чаши из Шибе» применил состав с высокой степенью пигментирования, а это значительно уменьшило защитные свойства лака.

В пробах №3 и 4 из Шибе лаковые слои нанесены очень тонко, что, возможно, говорит о том, что изготовитель предмета не имел лака в большом количестве. Не так было у ремесленника, изготавливавшего предмет из Яломана-II, где образец представляет собой прочный монолит с резкими сильно блестящими сколами по двум сторонам края изделия. С одного края лак сохранил свой сильный блеск и высочайшую твердость. Это

дает возможность предположить, что предмет мало использовали на солнце. Иначе бы мы столкнулись с потерей блеска, свидетельствующей о характерной деструкции лака уруши под действием ультрафиолетовых лучей. Однако с другой стороны края пробы лак тускловатый, менее блестящий и с трещинами. На сколе хорошо видна стратиграфия «классического» восточного лака: блестящий толстый однородный и прочный конгломерат из слоев черного лака, сверху него тонкий насыщенный темно-красный киноварный слой. Но самым разительным отличием лака из Яломана-II от изученных образцов лака из других памятников (Пазырык-6 и 7, Башадар, Догээ-Баары-II и др.) является то, что он практически не содержит железа. Черный цвет лака получен добавлением в него меди с примесью никеля (соотношение медь/никель – 98:2). Железо присутствует в пробе, но в таком незначительном количестве, что не только было бы невозможно получить насыщенный цвет лака, но и вообще не достичь черного цвета и подобной твердости. Присутствие также следов марганца прекрасно соотносится с таким же количеством железа и марганца в сыром лаке. В находке из Яломана-II мы видим прекрасно сохранившийся образец восточного лака. Но цвет его получен использованием в изготовлении лака изделия из медно-никелевого сплава. Чем можно объяснить изменение традиционной технологии лакирования? Возможно, по каким-либо причинам у изготовителей отсутствовало железо. Количество меди и никеля значительно превышает необходимое для реакции получения окрашенного хелатного комплекса. Здесь уместно напомнить, что в современной технологии получения восточного лака железо вводится в него путем перемешивания сока железным предметом (гвоздем). При этом достигается оптимальное соотношение железо/лак. Описанное выше превышение содержания меди (с примесью никеля) возможно только при использовании в технологии получения лака емкости из цветного металла. По-видимому, сок выдерживали определенное время в изделии из медно-никелевого сплава, а затем наносили наливом на предмет.

Возникают новые вопросы: «Какие обстоятельства могли привести к зафиксированным изменениям технологического процесса? Откуда в руки изготовителя попал медно-никелевый сплав и почему у мастера не оказалось в наличии железа?» Месторождений меди достаточно большое количество в Китае, как и киновари (в основном в провинции Юннань). Известны и медно-никелевые сульфидные руды (отношение меди к никелю равно 1:15), минералы халькопирит, пентландит и никельсодержащий пирротин (соотношение 1:2,2) и др.

Дальнейший поиск аналогий позволил нам зафиксировать наличие серии различных изделий, ранее покрытых лаком, в пазырыкских курганах. Оказалось, что подобный вид декорирования вещей наблюдается на нескольких предметах, датируемых в основном 2-й половиной I тыс. до н.э. Хотя исследования ранее предпринимались (Баркова Л.Л., 1978), дальнейший сбор лаковых предметов (или каких-либо остатков) и осмотр в ГЭ соответствующих коллекций обозначили дальнейшую перспективу изучения этого своеобразного явления в культуре скотоводов Алтая раннего железного века.

Исследовательский опыт и изучение археологических лаковых изделий не закончены и требуют продолжения на междисциплинарном уровне. Поэтому отобраны образцы для расширенных и повторных анализов. Эти и другие современные сведения помогут археологам продвинуться в решение имеющихся вопросов, продолжить разработку проблемы контактов кочевников Алтая со своими южными соседями и вместе с другими китайскими изделиями рассматривать датировку раскопанных курганов.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОПУЛЯЦИЙ СКОТОВОДОВ

Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

АНТРОПОЛОГИЯ ГОНУР ДЕПЕ: ТАК ЕСТЬ ЛИ СТЕПНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ У ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ II тыс. до н.э. ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА?*

Антропологический состав населения эпохи бронзы Средней Азии изучен достаточно подробно. Перечисление только основных работ заняло бы достаточное место в этом сообщении. Тем не менее краниологическая серия из Гонур Деппе – теперь хорошо известного памятника Бактрийско-Маргианского археологического комплекса конца III–II тыс. до н.э. в юго-восточном Туркменистане (Сарианиди В.И., 2002; 2005; 2008 и др.) – занимает важное, можно сказать особенное, место среди синхронных. Этому способствует, прежде всего, ее численность (половозрастные определения проведены почти в 4000 случаях – Дубова Н.А., Рыкушина Г.В., 2007). Серия представляет большой могильник Гонура, раскопанный полностью (Сарианиди В.И., 2001; Sarianidi V., 2007), а также серию более поздних захоронений, устроенных в руинах некогда величественных зданий, а также вокруг таковых (Dubova N.A., Rykushina G.V., 2007). Благодаря этим особенностям, мы имеем возможность проанализировать изменчивость особенностей строения головы, лица, а в некоторых случаях и посткраниального скелета (в задачи данной работы этот аспект не включен), начиная с конца III тыс. до н.э. (периодом освоения древней дельты р. Мургаб) и заканчивая II тыс. до н.э. (временем полного запустения Гонура в связи с уходом отсюда водных потоков). Как хорошо известно, именно этот период времени, особенно его заключительная стадия, характеризуется интенсивными множественными контактами культур степной бронзы с оседло-земледельческим населением Средней Азии. Археологически такие контакты хорошо выражены и в Хорезмском оазисе, и в южных районах Таджикистана, Узбекистана и, частично, Туркменистана. В антропологическом же отношении значительная примесь степного населения, части которого свойственен палеоевропеоидный (низко-широколицый долихокранный) европеоидный тип, заметно прослеживается лишь в северных среднеазиатских районах (см., например: Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 98; Яблонский Л.Т., 1996, с. 58), тогда как среди южных земледельцев этот вопрос является предметом дискуссии (см., например: Кияткина Т.П., 1987, с. 51–52, а противоположная точка зрения – Громов А.В., 1995, с. 156–159; Ходжайов Т.К., 2004, с. 96, 101; Яблонский Л.Т., 2004, с. 284).

В этой связи было бы важно проанализировать антропологические особенности двух групп гонурского населения – более раннего, захороненного на большом некрополе, и более позднего, останки которого найдены в руинах былых зданий (далее – «руины»). Для сравнения было привлечено 68 краниосерий энеолита – поздней бронзы как по земле-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–0034а).

дельческому, так и скотоводческому населению разных районов Средней Азии и близлежащих регионов. Сравнение проводилось методом главных компонент с использованием стандартного статистического пакета Statistica. Как показывают результаты факторного анализа (использовались продольный, поперечный, высотный, скуловой диаметры, верхняя высота лица, высота и ширина носа, высота и ширина орбиты от mf), первые три фактора описывают более 60% межгрупповой изменчивости. Первый фактор (20,1% вариативности) дифференцирует группы по верхней высоте лица, высотам орбиты и носа. Второй фактор (16,1%) – только по продольному диаметру и наименьшей ширине лба. Интересно, что третий фактор, определяющий 24,1% изменчивости, включает наибольшие нагрузки по всем широтным размерам (поперечный, наименьший лобный, скуловой диаметры и ширина орбиты). Высота черепа (ba-br), будучи ведущей в четвертом факторе вместе с шириной грушевидного отверстия, описывает 14,9% межгрупповой вариации.

График, построенный на основании распределения значений 1 и 3 факторов (суммарно оценивают 44,2% изменчивости) по привлеченным группам, достаточно четко дифференцирует серии по территориям. Все казахстанские, южносибирские, алтайские, а также урало-поволжские группы имеют положительные значения F3, а почти все популяции Ирана, Пакистана, долины р. Инд, южных районов Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана – отрицательные. Совершенно отдельно расположились лесные и лесостепные группы – окуневские, карасукские, саргатские могильники, – а также с основной территория Китая. Исключение из последних составляет могильник Гумугу из Синьцзяня (№37), который расположился по сумме указанных признаков рядом с заравшанской серией из Дашти-Казы (№6). Наоборот, от основной массы отмеченного «облака» оторвалась небольшая серия из казахстанского Тасты-Бутака (№44), своеобразие которой отмечалось еще ее исследователем (Гинзбург В.В., 1962). Здесь мы не будем останавливаться на анализе расположения всех привлеченных серий на этом графике. Уделим внимание лишь месту обеих гонурских серий.

Прежде всего надо отметить, что все серии, представленные на фрагменте графика, приводимого на рисунке 1, на общем поле всех 68 групп, достаточно близки друг к другу. Здесь мы приводим только его фрагмент для того, чтобы было возможно разобраться с конкретным положением наиболее близких к Гонуру серий. Характерно, что мужские черепа «гонурцев» с некрополя (№1) практически не отличаются по продольным и высотным размерам от таковых из «руин» (№2), в то же время черепа из «руин» имеют заметно большие широтные размеры. Захороненные в некрополе ближе всего к черепам V и IV слоев из Хасанлу (№36, Иран). Почти такая же закономерность отличает две части (более раннюю №30 и более позднюю №31) серии из иранского Тепе Гиссара, который в целом оказывается имеющим чуть меньшие высотные размеры лица. Обращает на себя внимание «разброс» краниосерий из Хараппы. Черепа R 37 (№26) имеют почти такие же значения F1, как и обе серии из Гонура и Хасанлу (№36), а по F3 (широтные показатели) они практически сливаются на графике с гонурскими «руинами». Хараппа H (№27) по обоим факторам сильно отличается от R 37, сближаясь с сериями из Тигровой Балки-I (Вахаш – №10), из Дальверзина (№8) и зарафшанского Сазагана (№4), имея несколько большие высотные, а также широтные показатели. Очень показательным, что неподалеку от этого скопления на графике оказались серии из Кокчи-III (№14) и «андроновцы» Западного Казахстана (№53), что лишний раз подтверждает особенность населения этой территории, на что было обращено внимание еще В.П. Алексеевым (1964), В.В. Гинзбургом

и Т.А. Трофимовой (1972). Возвращаясь к разнообразию населения Хараппы, отметим, что серия G289 (№28) оказывается очень похожей на черепа из иранской Шахри-Сохта (№29) и таджикского Макони Мор (№13). Почти на таком же расстоянии от нее, но имея другие значения первого и третьего факторов, расположились туркменский Пархай-2 (№20) и упоминавшийся иранский Тепе Гиссар-III (№31).

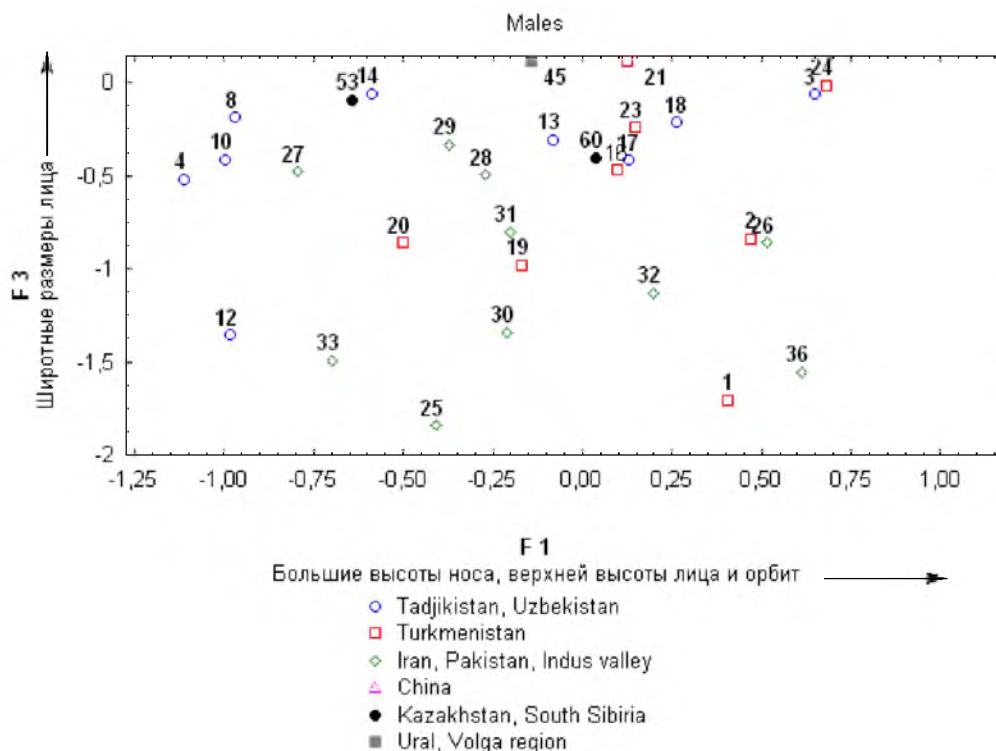

Рис. 1. Фрагмент графического сопоставления мужских краниосерий в плоскости первой и третьей главных компонент. Обозначения групп: 1 – Гонур, некрополь (Dubova, Rykushina, 2004); 2 – Гонур, руины (Dubova, Rykushina, 2004); 3 – Джаркутан (Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1984); 4 – Сазаган (Ходжайов, 2004); 8 – Дальверзин (Гинзбург, Трофимова, 1972); 10 – Тигровая Балка-I – Вахш (Кияткина, 1987); 12 – Тигровая Балка-III – Ойкул (Кияткина, 1987); 13 – Макони Мор (Кияткина, 1987); 14 – Кокча-III (Гинзбург, Трофимова, 1972); 16 – Алтын Депе (Кияткина, 1987); 17 – Бустон-VI (Аванесова, Дубова, Куфтерин, 2008); 18 – Сапаллитепа (Ходжайов, 1977); 19 – Кара Депе; 20 – Пархай-2 (Кияткина, 1987; Громов, 1995); 21 – Сумбар (Кияткина, 1987); 23 – Геоксюр (Гинзбург, Трофимова, 1972); 24 – Караэлемата-Сай и Патма Сай (суммарно – Гинзбург, Трофимова, 1972); 25 – Мохенджо-Даро (Эрхард, по: Кияткина, 1987); 26 – Хараппа R 37 (Dutta, 1983); 27 – Хараппа H (Dutta, 1983); 28 – Хараппа G 289 (Dutta, 1983); 29 – Шахри Сохта (Hemphill, 1998); 30 – Тепе Гиссар-II (Дебес по: Кияткина, 1987); 31 – Тепе Гиссар-III (Дебес по: Кияткина, 1987); 32 – Тимаргарха (Bernhardt, 1967); 33 – Буткара-II (Bernhardt, 1967); 36 – Хасанлу V-IV слои (Каппиери по: Кияткина, 1987); 45 – развитая срубная культура Урало-Поволжья (Хохлов, 1998); 53 – андроновская культура Западного Казахстана (Гинзбург, Трофимова, 1972); 60 – Кривое озеро (Рыкушина, 2007)

Нельзя не остановиться и на том, что территориально весьма удаленная от перенаселенных групп серия из Кривого озера (№60), оказалась вместе с туркменским Алтын Депе (№16) и узбекским Бустон-VI (№17), рядом с которыми разместились также туркменский же Геоксюр (№23) и узбекская Сапаллитепе (№18). Джаркутан (№3) и черепа из Караэлемата-Сая и Патма Сая заняли на графике крайнее положение, имея (среди включенных в данный фрагмент серий) наибольшие значения обоих факторов. Подчеркнем, что еще большие значения анализируемых факторов имеют серии из Раннего Тулхара (Таджикистан – №9) и Заман Бабы (долина Зарафшана – №7). Они хотя и не попадают в «облако степных серий», но имеют положительные значения F3.

Подводя краткий итог анализу взаиморасположения серий в пространстве первой и третьей главных компонент, следует иметь в виду, что любой метод многомерного статистического анализа нельзя переоценивать. Безусловно, все подобные методы дают возможность сопоставить группы по комплексу признаков. Но нередко общие различия по величине признаков затушевывают соотношения таковых, т.е. пропорции морфологических структур, которые бывают намного важнее тотального сходства или различия. Тем не менее полученная нами картина, как представляется, неплохо укладывается в контекст имеющихся историко-культурных и антропологических реконструкций. Так, выделенные главные компоненты дифференцируют весь массив сравниваемых серий по высотам лица, носа и орбит, а также ширине головы, лица и тех же орбит. Самостоятельное значение имеет продольный диаметр. Но сделанный еще в начале 1970-х гг. В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой (1972, с. 97–98, рис. 15) вывод о наличии двух обширных областей распространения антропологических типов на территории Средней Азии и Казахстана (восточносредиземноморских и протоевропейских форм), который неоднократно подтверждался многими исследователями, базируется именно на тех же показателях. Своеобразное положение (не в пределах палеоевропейских вариантов!), о котором писала Т.П. Китякина (1987, с. 52), также визуализируется и нашим анализом.

То существенно новое, что можно почерпнуть в результате накопления новых данных, проливающее свет и на взаимодействие степных скотоводов с оседлыми земледельцами, представляется следующим образом. Краниосерии с территории южных районов Средней Азии, представляющие население, в культуре которого сочетаются признаки земледельческой и скотоводческой культур (Кокча-III, Бустон-VI, Караэлемата-Сай и Патма Сай, Джаркутан), явно располагаются между «типичными» земледельцами (Хасанлу, Гонур, Мохенджо Даро, пакистанские Тимаргарха и Буткара) и сериями с территории Казахстана, Южной Сибири и Урало-Поволжья. В то же время гонурские черепа из «руин» так же, как и поздние слои Тепе Гиссара в Иране, имеют большие значения третьей главной компоненты (широтные размеры) при сохранении высотных показателей на том же уровне, что и в более ранние эпохи на этих же памятниках. Это можно связать, прежде всего, с общими процессами брахикефализации, начинающимися заметно проявляться в это же время. Но также вероятно и влияние постепенного проникновения на юг и, скорее всего, все большее распространение первоначально случайных, а затем и все более частых брачных контактов степняков с земледельцами. Для общей характеристики этого процесса смешения наиболее подходящим термином будет «постепенное просачивание». Важный момент, который нельзя не учитывать, – это факт прихода на юг уже не «ярко выраженных», «чистых» протоевропеоидов, а групп, в антропологическом

типе которых, безусловно, очень значительное место занимает средиземноморский компонент. Такая ситуация, конечно, ведет к усилению в метисной популяции признаков, представленных в обеих смешивающихся группах (т.е. средиземноморских). Подчеркнем специально, что на Гонуре (т.е. в южных районах Туркменистана) о проявлении минимальной примеси антропологического компонента, которую можно связать со скотоводческим окружением, можно говорить не ранее середины II тыс. до н.э.

А.Г. Козинцев

Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург, Россия

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ СРЕДИЗЕМНОМОРЦАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В 1980 г. И.И. Гохман, изучивший окуневскую краниологическую серию из Тувы, и В.А. Дремов, исследовавший неолитические черепа из Верхнего Приобья, указали на возможную роль так называемых гиперморфных средиземноморцев в формировании древнего населения этих районов. С тех пор вопрос о миграциях в Южную Сибирь из Средней или даже Передней Азии поднимался неоднократно. Поводом для этого послужили как археологические данные, относящиеся к самусьской культуре, так и антропологические, относящиеся в основном к елунинской культуре. Однако в последние годы появились археологические данные о связи «елунинцев» и «окуневцев» Тувы с населением Западной Европы эпохи ранней бронзы (А.А. Ковалев), что соответствует мнению Л.С. Клейна, В.А. Сафронова и ряда зарубежных специалистов о западноевропейской прародине индоевропейцев. Это мнение подтверждается и естественно-мумифицированными телами эпохи бронзы из Синьцзяна: грацильные европеоиды данной территории оказались белокуроыми, т.е. принадлежали не к средиземноморской расе, а к северной, как о том и свидетельствуют китайские источники.

Проблема происхождения так называемых средиземноморцев Южной Сибири тесно связана с проблемой происхождения скифов, так как те и другие оказались краниологически весьма близки, археологические же данные все убедительнее свидетельствуют о приходе скифов «из глубин Азии».

Цель данного сообщения – проверить конкурирующие гипотезы о происхождении так называемых средиземноморцев Южной Сибири на обширном материале, значительная часть которого еще не введена у нас в широкий научный оборот. Новые группы из Украины изучены С.И. Круц и пока не опубликованы, другие относятся к зарубежной Европе и опубликованы западными антропологами. Всего привлечено 215 мужских евразийских краниологических серий (большинство датируется эпохами бронзы и раннего железа, но есть и более ранние). Из них 153 серии, в основном с территории СНГ, изучены по полной программе, из которой взято 14 признаков, а 62 серии из зарубежной Европы – по неполной, из которой взято девять признаков. Все группы попарно сопоставлены с помощью расстояния Махаланобиса с поправкой на численность. Главные результаты анализа таковы.

«Окуневцы» Тувы. Как я уже не раз писал, окуневская группа из Аймырлыга – наилучший претендент на роль предковой по отношению к степным скифам. Действительно, первые пять мест по сходству с нею при анализе 153 серий по полной программе

занимают скифы, в основном степные. За ними следуют «ямники» с р. Ингулец, «срубники» Саратовской обл., «черногоровцы», группа скифской эпохи из Мингечаура, ранние «катакомбники» с р. Молочной, «срубники», захороненные в грунтовых могилах в Украине, а дальнейшие места снова занимают в основном скифы. Лишь на 13-м месте – представители бронзового века Бактрии-Маргианы (Сапаллитепе).

По неполной программе (215 групп) к тувинским «окуневцам» ближе всего опять-таки скифы. На 2-м месте – «катакомбники», а 3-е и 4-е места делят «черногоровцы» (которые жили значительно позже) и поздненеолитическая серия конца IV тыс. до н.э. из северо-восточной части ФРГ, относящаяся к культуре «бороздчатой керамики» (Tiefstichkeramik) – варианту культуры воронковидных кубков. Будучи наиболее древней, эта группа может иметь ближайшее отношение к очагу индоевропейских миграций на восток, в том числе и к происхождению культур бронзового века южной России, Украины, а также и гораздо более восточных территорий, вплоть до Центральной Азии. Интересно, что и к ней ближе всего не какие-либо европейские группы, а та же самая группа из Аймырлыга. Помимо тувинских «окуневцев» и очень похожих на них скифов, к неолитической группе из ФРГ весьма близка ямная группа с р. Ингулец. Если эти результаты не случайны (надо помнить, что набор признаков в данном случае ограничен и не включает важных показателей профилировки лица и носа), то они заслуживают внимания специалистов, занимающихся поисками путей индоевропейских, в том числе индоиранских, миграций.

Далее по степени сходства с «окуневцами» Тувы идут четыре скифские серии, уже упомянутые «ямники» с р. Ингулец, «катакомбники» нижнего Днепра, а за ними снова скифы. И лишь на 14-м месте – серия с юго-западного побережья оз. Севан, серия же из Сапаллитепе – на 19-м. Мнение о сходстве тувинских «окуневцев» (или каких-либо иных южносибирских групп, именуемых «средиземноморскими») с группой из Раннего Тулхара не находит статистического подтверждения.

Иными словами, никаких антропологических указаний на приход «окуневцев» в Туву из Средней или Передней Азии не существует. Нет, следовательно, и оснований называть их «средиземноморцами». Хотя точный очаг миграции установлению не поддается, западное происхождение этих людей гораздо вероятнее, чем юго-западное.

«Елунинцы». Группа не обнаруживает тесных связей ни с кем. Из 152 серий, привлеченных по полной программе, к ней ближе всего скифская из Верхне-Тарасовки. Кстати, и к той ближе всего «елунинцы». На 2-м месте по сходству с елунинцами – «окуневцы» Тувы, на что уже указывали К.Н. Солодовников и С.С. Тур, а по сходству с Верхне-Тарасовкой – серия скифского времени из Западной Тувы. Теория центральноазиатского происхождения скифов получает, таким образом, еще одно подтверждение.

По неполной программе (215 групп) «елунинцы» сближаются со скифами Керчи. На следующих же местах, в порядке убывания сходства – «полтавкинцы» Поволжья, «окуневцы» Тувы, ранние «катакомбники» с р. Молочной, серия раннескифской эпохи из Мингечаура, «срубники» лесостепного Поволжья, скифы северо-западного Причерноморья и группа культуры Межановице (ранний бронзовый век Польши, конец III – I-я половина II тыс. до н.э.). Лишь на 9-м месте – серия эпохи бронзы из Алтын-Депе, а на 10-м – «срубники» Хрящевки. По хронологическим соображениям, наиболее важными параллелями являются тувинская (окуневская), полтавкинская, катакомбная и межановицкая. Таким образом, и в этом случае следует предполагать миграцию не

из Средней или Передней Азии, а с запада, если, конечно, не учитывать возможность обратного движения из Тувы на Верхнюю Обь.

«Самусьцы». При учете одних мужчин (их всего три), близких параллелей по полной программе у них не обнаруживается, наименее же удаленными оказываются «полтавкинцы». Ни одна из зарубежных групп, изученных по неполной программе, аналогий самусьским мужчинам не дает.

Если добавить данные о женских черепах, пересчитав их с помощью коэффициентов полового диморфизма, то по полному набору признаков у самусьцев тоже нет тесных связей, а наименее далеки от них скифы северо-западного Причерноморья, которые имеют заметную монголоидную примесь и довольно похожи на людей скифской эпохи из центральной и западной Тувы. По неполному набору картина та же, что и с одними мужчинами – ни одной зарубежной параллели. Как и в случае с «елунинцами», наиболее весомой в плане происхождения «самусьцев» оказывается ранняя западная параллель, пусть и не очень отчетливая – полтавкинская. Ни среднеазиатских, ни перднеазиатских связей выявить не удастся ни при каком способе анализа.

«Андроновцы» (Фирсово-XIV). Есть мнение о присутствии «средиземноморского» компонента и в данной группе. По крайней мере, на уровне средних величин это не подтверждается. Ближе всего к «андроновцам» Фирсова оказываются «афанасьевцы» из Сальдыра, а следующие места занимают группы бронзового века Южной России, относящиеся к ямной, полтавкинской, катакомбной и срубной культурам. Ни с «алакульцами» Западного Казахстана, ни с «елунинцами» тесного сходства не выявлено.

В некоторых группах «афанасьевцев» также находили «средиземноморский» компонент. Его обнаруживали и во многих группах бронзового века южной России и Украины. Например, «афанасьевцы» Сальдыра, как показывает анализ, чрезвычайно близки к ямным, катакомбным и отчасти срубным группам, между тем как среднеазиатская параллель (с Тигровой Балкой) – лишь на 18-м месте. Значит, и в этом случае нет оснований связывать ослабление массивности со средиземноморской (южноевропейской) примесью.

Итак, новые данные заставляют пересмотреть традиционное мнение (еще недавно разделявшееся и мною) о том, что систематика древних европеоидов в основном сводится к противопоставлению протоевропейцев средиземноморцам. В этой схеме не остается места для северной расы – мы о ней как-то забыли. А между тем в древности, как и сейчас, отнюдь не все грацильные европеоиды были южанами. Начавшись в южных областях европеоидного ареала, грацилизация (возможно, не только спонтанная, но и вызванная притоком людей и/или генов из Средиземноморья) еще в неолите распространилась далеко на север, охватив обширные территории западной Европы, несомненно, затронутые процессом депигментации. Узколистые светлопигментированные люди средневропейского и северовропейского происхождения сыграли в индоевропейских, в частности индоиранских, миграциях на восток роль, вероятно, не меньшую, чем протоевропейцы, и наверняка большую, чем южные европеоиды. Дальнейшие антропологические исследования помогут уточнить эту роль и тем самым будут способствовать решению междисциплинарной проблемы индоевропейской прародины.

Приношу сердечную благодарность С.И. Крузу за предоставление неопубликованных данных о скифских и доскифских сериях из Украины, а также С.С. Тур, указавшей мне на весьма важные, но прежде мне неизвестные, публикации барнаульских коллег.

В.В. Куфтерин

Музей естественной истории, Уфа, Россия

**ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТКРАНИАЛЬНЫХ СКЕЛЕТОВ
РАННИХ КОЧЕВНИКОВ БАШКИРСКОГО ЗАУРАЛЬЯ
(по материалам погребений раннесакского времени)**

В настоящей работе представлена индивидуальная антропологическая характеристика двух посткраниальных скелетов, полученных из раскопок археологом Н.С. Савельевым одиночных курганов Майлыбай-2 и Манхар-2 (Баймакский район Республики Башкортостан)*. Материал происходит из захоронений эпохи раннего железа и датируется IV–III вв. до н.э. Публикуемые данные могут представлять определенный интерес для специалистов в связи с недостаточно хорошей разработанностью (особенно на фоне изученности краниологического материала) вопросов посткраниальной антропологии древнего населения северной Евразии.

Исследование материала проводилось по стандартным методикам (Алексеев В.П., 1966; Медникова М.Б., 1998). Результаты сравнивались с данными Я.Я. Рогинского (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1955) о вариациях значений тех или иных индексов для современного человека, а также с данными Б.В. Фирштейн (1970) об остеологических особенностях сарматов Нижнего Поволжья.

Майлыбай-2. Посткраниальный скелет женщины 25–30 лет. Сохранность средняя. Отсутствуют проксимальные эпифизы плечевых и правой большеберцовой костей. Фрагментированы правая лучевая кость, левая ключица, лопатки и кости таза.

Длинные кости верхних конечностей. Продольные размеры плечевых костей охарактеризовать не удастся, так как верхние эпифизарные концы отсутствуют. Нижняя эпифизарная ширина лежит в пределах больших величин (59 мм). По указателю сечения плечевые кости попадают в категорию платибрахиальных вариантов, при этом левая плечевая более уплощена, что согласуется с данными Р. Мартина (73,9 и 70,8). Левая лучевая кость средней длины (225/213 мм), по указателю прочности она довольно массивна (18,8). По указателю сечения правая лучевая кость уплощена средне (68,8), левая – сильнее (62,5). Локтевые кости по двум длиннотным размерам попадают в категорию средних или несколько выше средних величин (249/212 и 247/211 мм). При этом правая локтевая кость несколько длиннее левой. По указателю прочности локтевые кости довольно массивны (17,9 и 18,0). В верхней части диафиза характеризуются платоленией (правая кость уплощена более значительно) (70,8 и 79,2).

Элементы рельефа хорошо выражены в местах прикрепления следующих мышц: дельтовидной (отводит руку до горизонтального уровня, при сокращении передней части – сгибает, задней – разгибает плечо), сухожилий разгибателей кисти, в том числе короткого и длинного разгибателей большого пальца. Несколько слабее развит рельеф в местах прикрепления плечелучевой (сгибает предплечье), длинного лучевого сгибателя запястья, двуглавой (сгибает плечо в плечевом суставе, предплечье – в локтевом, также супинирует предплечье) мышц. Необходимо отметить и лучшее развитие мышечного рельефа левых костей, по сравнению с правыми. Возможно, это обстоятельство свидетельствует о леворукости погребенной.

*Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Н.С. Савельеву за возможность работы с публикуемым материалом. Черепа из раскопок одиночных курганов Майлыбай-2 и Манхар-2 находятся в процессе изучения.

Длинные кости нижних конечностей. Бедренные кости по размерам наибольшей длины (416 и 413 мм) и длины в естественном положении (414 и 411 мм) можно охарактеризовать как среднелонные. Правая кость несколько длиннее левой. По указателю они довольно массивны (20,5 и 20,0). Пяльстр развит слабо (103,8 и 104,0). В проксимальной части диафиз бедренных костей при этом расширен (эуримерия) (90,6 и 90,9). Левая большеберцовая кость небольшой длины (324/310/332 мм), по указателю прочности довольно массивна (20,4). По контуру сечения диафиза обе большие берцовые кости характеризуются мезокнемией (65,6 и 66,7).

Развитие макрорельефа длинных костей нижних конечностей в целом несколько понижено. Отмечается средняя степень развития большого вертела левой и ягодичной бугристости правой бедренных костей, а также межкостного края левой и линии камбаловидной мышцы правой большеберцовых костей. Степень выраженности рельефа на остальных участках понижена.

Манхар-2. Посткраниальный скелет очень хорошей сохранности и комплектности. Принадлежал мужчине 25–30 лет. Длинные кости целые, фрагментированы лопатки, ребра, кости таза, некоторые позвонки.

Длинные кости верхних конечностей. Плечевые кости характеризуются средней или большой длиной (328/325 и 327/323 мм). Указатель прочности выше среднего (22,0 и 21,1). По форме сечения диафиза обе плечевые кости отличаются выраженной платибрахией (70,4 и 72), наибольший (27 и 25 мм) и наименьший (19 и 18 мм) диаметры середины диафиза при этом довольно велики. Ширина нижнего эпифиза большая (70 и 69 мм). Длина лучевых костей находится в пределах больших величин (269/254 и 267/252 мм), по указателю прочности они среднелонны (18,5 и 18,3). Диафизы уплощены сильно или средне (64,1 и 66,7). Локтевые кости по двум размерам длины характеризуются высокими величинами (291/248 и 287/246 мм). По размерам наименьшей окружности (42 и 41 мм) и указателям прочности (16,9 и 16,7) и поперечного сечения (88,9 и 83,3) они довольно массивны. Указатель платолонии попадает в категорию эулонных величин (92,3 и 84,6).

Рельеф выражен очень отчетливо, для правых костей верхней конечности средний балл развития рельефа составил величину 2,50 балла, для левых – 2,28 балла. Наибольшей степенью развития характеризуется дельтовидная бугристость правой и бугристость обеих локтевых костей. Эти признаки свидетельствуют о хорошем развитии мышц, отвечающих за сгибание, разгибание и отведение плеча, а также пронацию и сгибание предплечья.

Длинные кости нижних конечностей. Бедренные кости большой длины (468/462 и 465/462 мм), по указателю прочности массивные (21,6 и 20,8). Пяльстр развит довольно хорошо (117,2 и 113,8). В проксимальной части диафиз сильно расширен. Указатель платимрии для правой кости находится на нижней границе стеномеричных величин (100), для левой характеризуется выраженной эуримерией (93,5). Большие берцовые кости по продольным размерам довольно длинные (385/364/392 и 381/361/390 мм), их массивность средняя или несколько выше средней (19,7 и 19,9). По контуру сечения диафиза характеризуются мезокнемией (68,6). Малые берцовые кости также выделяются довольно большой длиной (380 и 378 мм).

Элементы рельефа выражены отчетливо (средний балл для правых костей – 2,32, для левых – 2,47). Очень хорошо развита ягодичная бугристость и шероховатая линия правой и левой бедренных костей, что свидетельствует о большой нагрузке на мышцы сгибающие, разгибающие, приводящие и отводящие бедро, а также сгибающие и разгибающие голень.

На этом фоне следует отметить относительно пониженное развитие макрорельефа правой большеберцовой кости, которое находится в пределах статистической нормы (2 балла).

Определение пропорций конечностей и реконструкция длины тела. На материалах из кургана Майлыбай-2 удалось вычислить лишь берцово-бедренный (78,8) и луче-берцовый (69,4) указатели (для левых костей). Исходя из полученных значений, можно отметить, что голень по отношению к бедру среднелинная. Лучевая кость по отношению к большой берцовой несколько укорочена. У индивида из Манхара луче-плечевой указатель характеризуется долихомеркией (82,0 и 81,7), что свидетельствует об относительно длинном предплечье. Плече-бедренный указатель по величине небольшой или средний (71,0 и 70,8). Луче-берцовый указатель относится к среднему классу (69,9 и 70,1), таким образом лучевая кость по отношению к большой берцовой средних размеров. Величина берцово-бедренного указателя (83,3 и 82,5) свидетельствует о среднелинной или несколько удлиненной по отношению к бедру голени. Интермембральный указатель для правых и левых костей одинаков (70,5) и близок к среднему указателю европейцев мужчин (70,0 по Брока). Верхние конечности по отношению к нижним средних размеров.

Известно, что используемые в антропологии формулы для определения длины тела на основании длин отдельных костей эффективны лишь на групповом уровне (Алексеев В.П., Лафлин У., 1982, с. 111; Алексеев В.П., 1986, с. 49). Это обстоятельство в данном случае затрудняет выбор адекватной формулы и, соответственно, позволяет реконструировать прижизненный рост погребенных лишь приблизительно. Полученный по различным формулам интервал для женщины из майлыбайского кургана составил 156–160 см, что соответствует категории выше среднего (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1955, с. 55). Средние величины прижизненного роста, полученные в результате суммирования вычисленных по нескольким формулам данных, для мужчины из Манхара составили интервал от 169,16 (левая плечевая кость) до 182,49 (правая локтевая кость), т.е. он был довольно высокорослым.

Обобщая полученные данные, отметим определенное морфологическое сходство (с учетом полового диморфизма) посткраниальных скелетов из Майлыбая и Манхара как между собой, так и с синхронными группами Поволжья (сарматы саратовской группы) и Восточного Казахстана (саки, усуни) (Фирштейн Б.В., 1970). Это сходство наблюдается как по пропорциям длинных костей, так и по длине тела. При этом саки, в сравнении с сарматами, выделяются несколько более высоким ростом.

М.П. Рыкун, Г.Г. Кравченко

Томский государственный университет, Томск, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СИСТЕМАТИЗАЦИИ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ*

Значительный объем коллекции Кабинета антропологии Томского государственного университета, ее пространственный и хронологический охват (от неолита до этнографической современности) поставили задачу создания на ее основе банка данных. Такая работа была выполнена в 2006–2007 гг. при поддержке гранта РГНФ (проект №06-01-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №08-01-12114в).

12137в). Информационная структура предметной области представлена следующими составляющими: *Скелет* – идентификатор, пол, возраст (временной интервал и качественная характеристика); степень сохранности, историческая эпоха, дата (временной интервал), археологическая культура, этническая принадлежность, место находки, подробное описание места находки, дополнительное описание объекта; *Археологический памятник* (объект археологических работ) – идентификатор, название, полевой шифр, тип памятника; *Географический объект* – идентификатор, название, географическая привязка; *Захоронение* – описание захоронения отдельного скелета: тип погребения относительно уровня современных данных поверхности; номера кургана, могилы или погребения, скелета, дополнительные особенности захоронения; *Инвентарная книга* – порядковый номер (всего в КА ТГУ 3 книги); *Объект учета* – номер записи в книге, дата записи, учетное состояние, инвентарный номер, дополнительные сведения о поступлении; *Экспедиция* – идентификатор, название, год; *Исследователь* – идентификатор, Ф.И.О.; *Череп* – данные о сохранности черепа; *Посткраниальная часть* – данные о наличии и сохранности всего костяка, кроме черепа; *Краниологический бланк* – измерения черепа (автор измерений, дата измерений, параметры краниологических измерений, описание аномалий и прочих особенностей); *Остеологический бланк* – измерения посткраниальной части (автор измерений, дата измерений, параметры остеологических измерений, описание аномалий и прочих особенностей).

Спроектированная и используемая в банке данных кабинета антропологии база является реляционной и работает под управлением СУБД Microsoft SQL Server 2000. База данных содержит 28 таблиц (12 из них – справочники), в соответствии с приведенной выше информационной структурой предметной области. Разработано клиентское Windows-приложение, предоставляющее пользователям банка следующие возможности:

- доступ, просмотр и редактирование данных банка, находящихся в базе данных (БД), посредством обычного оконного интерфейса Windows;

- выборка и отображение данных в соответствии с заданным критерием, например, с сортировкой по заданному столбцу. Реализована возможность создания вручную и сохранения в БД произвольных (определенных пользователем) выборок из объектов одного вида – так называемые краниологические серии. При просмотре результатов выборки пользователь имеет возможность быстро переходить в режим редактирования отдельного объекта из набора;

- навигацию по связям между различными видами объектов (записями в инвентарных книгах, краниологическими и остеологическими бланками, записями по составу и сохранности скелетов). Пользователь имеет возможность производить навигацию (переходить) от выбранного набора объектов одного вида к набору объектов другого вида, связанных с объектами в исходном наборе, например, от группы записей из инвентарной книги к соответствующим краниологическим бланкам;

- экспорт выбранных данных в другой формат для работы с ними в другом приложении или СУБД (инвентарные записи – в MS Word, данные краниологических бланков – в MS Excel и далее, например в программу Statistica).

Порядок, в котором закладки располагаются в главном окне, фиксирован слева направо: «Инвентарная книга», «Краниологические бланки», «Остеологические бланки», «Состав и сохранность скелетов», «Запросы». Первые четыре формы соответст-

вуют четырем возможным видам объектов, информация о которых сохранена в БД. Эти формы именуются как «формы данных». С каждой формой данных ассоциирован свой набор записей (dataset) БД.

Каждая из форм данных, в свою очередь, имеет три различных режима отображения: «Форма», «Таблица» и «Фильтр». Изменение режима формы не влияет на набор записей в ней, в режимах отображается один и тот же набор записей. Так, если набор записей в режиме «Таблица» меняется в результате применения фильтра, то это изменение затрагивает и режим «Форма».

С точки зрения пользователей, данные банка делятся на две группы: учетно-хранительская (справочная) информация и собственно данные кранио- и остеометрии. В настоящее время в банк загружена практически вся информация об учетных записях (8106). При этом введены записи не только об объектах, поставленных на хранение и имеющих инвентарный номер, но и находящихся в запасе и списанных. Последнее позволяет выяснить судьбу материалов, собранных и доставленных в кабинет антропологии, но признанных непригодными для измерений. Справочник «исследователи» содержит 136 фамилий, справочник «географический объект» – 433 наименования, справочник археологических культур – 53 наименования. Основная проблема при загрузке данных в банк – необходимость их формализации, типизации и классификации. В отношении данных кранио- и остеометрии все эти вопросы решены при создании шаблонов соответствующих бланков (проблемы возникают лишь из-за «авторских» отступлений от требований исходных бланков). Ситуация значительно сложнее с учетно-хранительскими данными, поскольку речь идет не только о наборе справочников, но прежде всего об их наполнении, когда вопросы выходят за рамки антропологии (по крайней мере ее источниковой части) и связаны с археологией (датировка, тип памятника, культурная принадлежность и др.) или этнографией (материалы поздних кладбищ). В предложенной версии банка за основу приняты архивные записи инвентарных книг, многие из которых требуют уточнения и редактирования. Созданная версия БД, применительно к классическим результатам измерений, позволяет добавлять данные одонтологии, патологии, палеоэкологии, микроэлементного состава костей, генетических анализов для биосоциальной реконструкции древних обществ.

При этом перспективным становится пространственная привязка данных – геокодирование, что является следующим этапом работы с банком данных. Координирование источников проводится картографическим методом. Создаваемые при этом координатные файлы будут занесены в специальную таблицу базы данных. Исходными для такой работы являются данные справочников созданного банка (географические объекты, археологические памятники, некрополи). В настоящее время закартографированы местоположения 305 географических объектов (населенные пункты, урочища, озера и т.п.), с которыми связываются местоположения археологических памятников, некрополей. Это обеспечивает координатную привязку 3500 объектов хранения кабинета антропологии ТГУ. Пространственная привязка данных антропологического банка позволит проводить детальные исследования миграционных и метисационных процессов, изучать зоны этнокультурных контактов, привлекать к исследованиям физико-географические данные, результаты палееореконструкций. Речь идет не только о «внутренних» возможностях антропологии, но и о совместных исследованиях с представителями иных наук – этнографии, археологии, лингвистики, палеоботаники, генетики.

На современном уровне работы над банком данных основным должен быть не столько источниковедческий характер соответствующих гуманитарных дисциплин, сколько перспектива использования их достижений в общей системе реконструкции исторических процессов. Таким образом, при систематизации данных необходимо учитывать как внутренний (источниковый) характер каждой из этих дисциплин (своя система терминологий, характеристик и понятий), так и их место и роль в интерпретационном уровне, наряду и совместно с другими дисциплинами. Понятно, что полностью слить понятийные основы этих дисциплин нельзя. Но выявить «зоны» пересечений и соприкосновений необходимо. Наиболее универсальной зоной пересечений и являясь общее пространство, в котором зафиксированы исходные данные.

Только созданные на основе таких подходов информационные системы позволят систематизировать материалы по любым атрибутивным признакам в сочетании с пространственным фактором, что будет способствовать более эффективному их использованию в качестве одного из инструментов реконструкции культурно-исторических процессов.

Выполняемая работа ставит вопрос об инвентаризации антропологических материалов, хранящихся в других организациях, и об их представлении на аналогичном уровне. Это даст возможность заинтересованным исследователям быстро и с минимальными затратами получить информацию о местонахождении интересующих их материалов, об их представительности и качестве.

С. Святко, Е. Murphy, R. Schulting, J. Mallory

Queen's University Belfast, Northern Ireland;

University of Oxford, UK

ДИЕТА НАРОДОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ – НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (ЮЖНАЯ СИБИРЬ) ПО ДАННЫМ АНАЛИЗА СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ АЗОТА И УГЛЕРОДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

Цель и задачи исследования. Данное исследование является первой попыткой изучения сложных взаимосвязей между окружающей средой, образом жизни и диетой древних народов, населявших Минусинскую котловину Южной Сибири. Главная цель исследования состоит в том, чтобы проследить основные отрасли экономики и составляющие диеты древних народов, а также причины их изменений в эпоху бронзы – раннего железного века.

Наше исследование сосредоточено на пяти археологических культурах Минусинской котловины данного периода – афанасьевской, окуневской, андроновской, карасукской и тагарской (середина III – I тыс. до н.э). В рамках исследования рассматриваются следующие вопросы:

*Исследование проводится при поддержке 14CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology (Queen's University Belfast, UK). Авторы выражают глубокую благодарность Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН, а также Минусинскому региональному краеведческому музею им. Н.М. Мартыанова за предоставление антропологических материалов.

- какая пища и в каких пропорциях была представлена в диете древних народов из различных районов Минусинской котловины;
- как эти пропорции изменялись во времени;
- как они варьировали в зависимости от пола и социального статуса или материального положения людей (т.е. между «бедными» и «богатыми» людьми).

Географический обзор. Среди множества изучаемых регионов Евразии Минусинская котловина отличается своими уникальными климатическими и географическими особенностями. Она представляет собой естественно изолированные степные и лесостепные районы, расположенные на территории современной республики Хакасия и Красноярского края. Эти районы охватывают долину Среднего Енисея и верховий Чулыма. Размеры котловины составляют 400 км с севера на юг и 80–200 км с востока на запад (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 3). С трех сторон эти территории окружены горами: Восточным Саяном – с востока, Западным Саяном – с юга и Кузнецким Алатау – с запада. Таким образом, древние племена, населявшие котловину, были относительно изолированы от населения других районов Южной Сибири.

Археологический обзор. У всех изучаемых народов было различное происхождение, образ жизни, а также особенности хозяйства. Однако среди археологов нет единого мнения относительно основ экономики данных пяти сообществ и, в частности, о времени появления в Минусинской котловине земледелия.

Для населения раннего и среднего бронзового века – народов афанасьевской, окуневской и андроновской культур – охота, скотоводство и рыболовство были, вероятно, основными отраслями хозяйства (Киселев С.В., 1951; Вадецкая Э.Б., 1986). По мнению многих археологов, земледелие появилось в Минусинской котловине в афанасьевский (см., например: Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968, с. 161–162) или окуневский (Nagler A., 1999, p. 27) период, т.е. во 2-й половине III – начале II тыс. до н.э., однако прямых доказательств (к примеру, находок семян сельскохозяйственных растений) в поддержку этой теории нет.

Предположительно в конце бронзового – начале железного века, в период появления и развития карасукской и последующей тагарской культур (конец II – I тыс. до н.э.), в Минусинской котловине началось более интенсивное освоение степей. Это привело к изменению образа жизни людей от оседлого к полукочевому, а также к развитию элитных слоев общества (Gryaznov M.P., 1969). Основными занятиями населения по-прежнему являлись скотоводство, охота, рыболовство, а также земледелие. Следует отметить, что в тагарских могильниках были найдены зерна и чешуйки ячменя и проса (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 94), что уже непосредственно указывает на наличие у «тагарцев» этой отрасли хозяйства.

Методы. В данной работе представлена лишь часть исследования – результаты изотопного анализа коллагена костей людей из различных археологических памятников бронзового – раннего железного века Минусинской котловины. Анализ стабильных изотопов углерода (^{13}C) и азота (^{15}N) позволяет оценить соотношение белково-содержащих растений против мяса и рыбы, а также соотношение растений C_3 и C_4 в диете людей и животных (Chisholm B.S., 1989, p. 11–15).

Различие между растениями C_3 и C_4 заключается в разном способе фотосинтеза, который они используют. Большинство растений являются растениями C_3 (они менее насыщены тяжелым изотопом углерода ^{13}C), но некоторые, в том числе просо, являются

растениями C_4 (они более насыщены ^{13}C). Таким образом, повышение уровня $\delta^{13}C$ в коллагене костей людей может являться показателем более широкого использования в их рационе растений C_4 .

Уровень $\delta^{15}N$ в коллагене костей увеличивается с каждым трофическим уровнем (звеном пищевой цепи) приблизительно на 3–5‰ и отражает количество потребляемой мясной и/или рыбной пищи. Он варьирует примерно от 5‰ в сухопутных травоядных (Schoeninger M.J., DeNiro M.J., 1984) до 14‰ в тюленях (Katzenberg M.A., Weber A., 1999). Самые высокие уровни азота встречаются в коллагене народов, в диету которых входило большое количество морских животных (см., например: Kuzmin Ya.V. et al., 2002).

Предварительные результаты. К настоящему моменту проанализированы изотопы более 300 взрослых индивидов из разных районов Минусинской котловины (рис. 1). Образцы костей были взяты из двух афанасьевских, четырех окуневских, трех андроновских, восьми карасукских и десяти тагарских могильников.

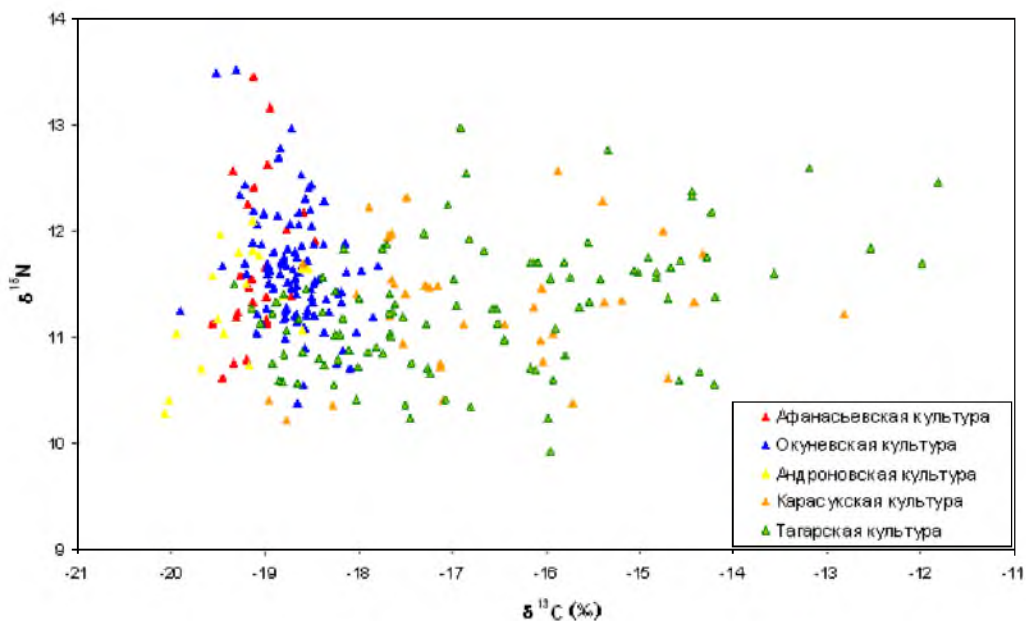

Рис. 1. Показатели $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ у представителей афанасьевской – тагарской культур

Начало – середина бронзового века. У всех проанализированных индивидов афанасьевской, окуневской и андроновской культур (2-я половина III тыс. – XIV/XIII вв. до н.э.) уровень $\delta^{13}C$ низкий (от -20,1 до -17,8‰), что говорит о потреблении ими в основном растений C_3 , и высокий уровень $\delta^{15}N$ (10,3–13,5‰), указывающий на то, что в их диету, помимо белка наземных животных, входило определенное количество рыбной пищи.

Изотопные результаты «афанасьевцев» также показали различия в диете двух групп людей, происходящих из разных памятников (Афанасьева Гора и Карасук-III): у образцов из Афанасьевой Горы уровни азота в среднем на 1,1‰ выше, чем у образцов

из Карасука-III. Это говорит о том, что в рацион населения Афанасьевой Горы, видимо, входило больше рыбы.

Конец бронзового – начало железного века. Уровни $\delta^{15}\text{N}$ у всех проанализированных индивидов карасукской и тагарской культур (XIII – I вв. до н.э. / I в. н.э.) остаются высокими (10,2–12,6 и 9,9–13,0‰ соответственно) и сопоставимы с результатами анализа представителей более ранних периодов. Это дает основания предполагать непрерывное потребление этими людьми мяса и рыбы или, возможно, растений, насыщенных азотом. Недавние исследования изотопных уровней в современных зерновых растениях показали, что такое обогащение азотом может быть вызвано унаваживанием почвы, в которой они культивируются (Bogaard A. et al., 2006).

Однако представители карасукской и тагарской культур имеют более высокие показатели углерода (от –19,0 до –12,8 и от –19,3 до –11,8‰ соответственно); в некоторых случаях они значительно выше уровней образцов из предыдущих культур. Это говорит о том, что в рацион населения карасукской и тагарской культур входило больше растений C_4 (очевидно, проса, что также подтверждается археологическими находками).

Результаты анализа представителей карасукской и тагарской культур также показали большой разброс значений углерода (максимальное значение $\delta^{13}\text{C}_{\text{max-min}} = 7,3\text{‰}$) у индивидов, происходящих из одного и того же археологического памятника. Это указывает на различия в питании людей в пределах своих сообществ, а именно, потребление растений C_4 в разных количествах.

Закключение. Предварительные результаты данного исследования показывают основные особенности диеты народов афанасьевской – тагарской культур Минусинской котловины. Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, дают основания предполагать изменение диеты людей во второй половине бронзового века и начале железного века, выразившееся в более широком использовании растений C_4 в рационе населения карасукской и тагарской культур. Видимо, это было связано с распространением проса в Минусинской котловине приблизительно в XIV в. до н.э.

В ближайшее время нам предстоит выяснить причины сильного разброса значений углерода у представителей карасукской и тагарской культур. Возможно, большие различия в диете людей в пределах групп являются отражением более глубокого социального и имущественного расслоения карасукского и тагарского сообществ. Мы надеемся ответить на этот вопрос, сопоставив результаты изотопного анализа представителей данных культур со статистическим анализом соответствующих погребений.

С.С. Тур, Т.А. Краскова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАСЕЛЕНИЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ КАТУНИ: ЗУБНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ПАЛЕОДИЕТЫ*

Существующие представления о характере питания пазырыкских кочевников основаны преимущественно на изучении костных останков животных, найденных в могилах и на поселениях, а также некоторых артефактов, в частности, зернотерок,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-00341).

встречающихся иногда в курганных насыпях (Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г., 1994, с. 137–143). Полученные данные свидетельствуют о том, что пища пазырыкского населения, помимо мясных и молочных продуктов, включала злаки, однако оценить соотношение компонентов животного и растительного происхождения палеозоологические и археологические источники не позволяют. Вместе с тем специфика палеодиеты находит известное отражение в состоянии здоровья зубной системы древнего населения. Анализ таких особенностей дает возможность не только сопоставлять рацион питания скотоводов разных археологических культур, но и выявлять различия в питании разных групп населения в пределах одной культуры. Целью данного исследования было изучить зубные индикаторы палеодиеты у взрослого населения пазырыкской культуры Средней Катуни.

Материал и методы. Основу исследования составила сборная краниологическая серия, объединяющая черепа (45 мужских, 37 женских) из могильников Берсюкта-2, Бике-3, Верх-Еланда-2, Дялян, Кайнду, Тавдушка, Тыткескень-I и VI, Чобурак-2. Анализировались две возрастные подгруппы взрослых – моложе и старше 35 лет.

Были исследованы два основных признака – кариес и зубной камень, распространение которых в значительной мере отражает соотношение в пище компонентов животного и растительного происхождения. Наличие кариеса отмечалось только в том случае, если имелось разрушение поверхности зуба в виде полости. Регистрировались размеры и локализация дефектов. Для характеристики распространения заболевания кариесом были вычислены несколько показателей: доля индивидов с кариозными зубами в составе обследованной выборки («per individual»), доля кариозных зубов в общем числе всех обследованных зубов («per tooth»), среднее число кариозных зубов у одного индивида («per mouth»).

Зубной камень регистрировался на буккальной и лингвальной поверхности каждого зуба. Количество его оценивалось по авторской схеме в баллах с учетом двух параметров – занимаемой площади и толщины. Далее вычислялись индексы CI (Calculus Index), характеризующие развитие этого признака в переднем и задних сегментах зубной дуги. Идея и способы вычисления индексов были заимствованы из работы американских антропологов (Greene T.R. et al., 2005, с. 124).

Результаты и их обсуждение. *Кариес.* В исследованной выборке кариес имел довольно широкое распространение – заболевание охватывало 73,0% взрослого населения (табл. 1). Признаки кариеса были отмечены в общей сложности на 11,5% зубов из числа всех обследованных и существенно чаще встречались у женщин, чем у мужчин ($p < 0,000$). С возрастом количество кариозных зубов так же, как и количество индивидов с кариозными зубами, увеличивалось, однако у женщин эта тенденция выражена слабее ($p = 0,062$). Для них характерно более стремительное развитие кариеса в молодом возрасте.

В скотоводческих популяциях Евразии эпохи бронзы случаи кариеса либо не встречались вообще, либо встречались редко (Медникова М.Б., 2005, с. 275; 2006, с. 49; Добровольская М.В., 2005, с. 293; Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с. 63; 2007, с. 46). Максимальное число индивидов с кариозными зубами было отмечено среди населения ямной культуры степного Приднепровья и составляло 11,1% (Круц С.И., 1984, с. 81).

Таблица 1

Распространение кариеса у взрослого населения
пазырыкской культуры Средней Катуни

	N	n	N_c/N (%) «per individual»	n_c/N «per mouth»	n_c/n (%) «per tooth»
♂ < 35 лет	16	337	50,0	0,7	3,3
♂ > 35 лет	29	486	72,4	2,0	11,7
♂ (суммарно)	45	823	64,4	1,5	8,3
♀ < 35 лет	20	385	70,0	2,6	13,5
♀ > 35 лет	17	252	100,0	2,8	19,0
♀ (суммарно)	37	637	83,8	2,7	15,7
♂ и ♀ суммарно)	82	1460	73,2	2,1	11,5

Примечания: ♂ – мужчины, ♀ – женщины; N – количество обследованных индивидов.
 N_c – количество индивидов, имеющих кариозные зубы,
n – количество обследованных зубов, n_c – количество кариозных зубов.

Многие популяции эпохи раннего железа, в частности чандманьской, тагарской, саргатской и сарматской культур, также не проявляли выраженной склонности к заболеванию кариесом, однако на территории Тувы и Горного Алтая ситуация была иной (табл. 2). При этом уровень распространения кариеса у пазырыкского населения Средней Катуни существенно превышал уровень распространения кариеса у пазырыкского населения юго-восточных районов Горного Алтая и синхронного населения Тувы.

Клинические и экспериментальные данные связывают высокую частоту кариеса с потреблением большого количества углеводов (DePaola, 1982, с. 134–152). Было установлено, что бактерии, обитающие в зубном налете, расщепляют углеводы, в результате чего образуется молочная кислота, повреждающая поверхность зуба. Пища, богатая протеинами (белками) и жирами, наоборот, ассоциируется с очень низкой частотой кариеса. Многочисленные палеопатологические исследования показывают, что распространение кариеса связано с развитием земледелия. Кариогенные свойства некоторых продуктов питания уточнялись при изучении традиционных обществ (Walker F.L., Hewlett B.S., 1990, p. 383–398; Walker P.L. et al., 1998, p. 355–386). Таким образом, распространение кариеса у скотоводов Горного Алтая и Тувы скифского времени объясняется комплексным характером их хозяйства. В рационе питания скотоводов Средней Катуни, особенно женщин, доля продуктов растительного происхождения была, по-видимому, наиболее высокой.

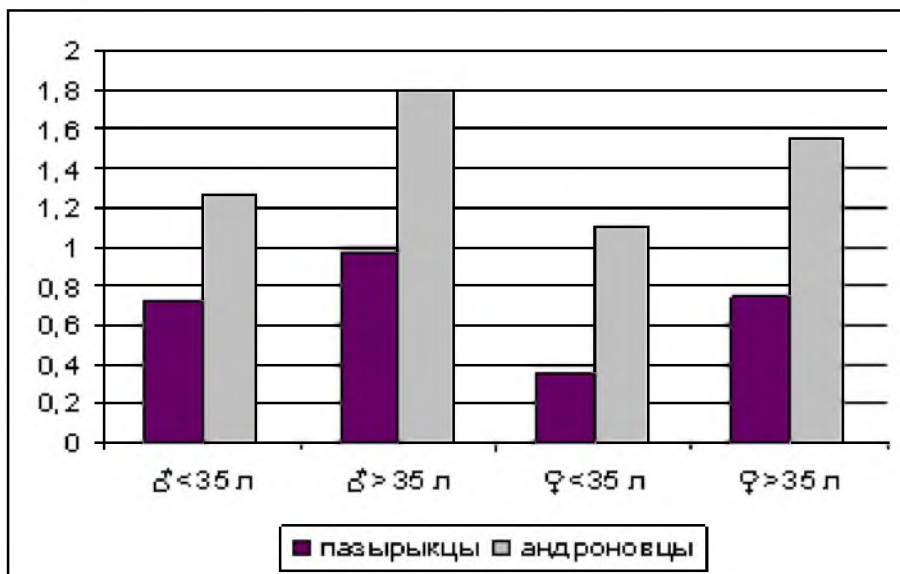
Зубной камень. Количество зубного камня в исследованной выборке у мужчин было существенно больше, чем у женщин. У тех и других данный признак положительно коррелирует с возрастом.

Широкое распространение зубного камня было характерно для скотоводов эпохи бронзы (Медникова М.Б., 2006, с. 48–49; Добровольская М.В., 2005, с. 292–293; Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с. 64). По величине индексов CI, позволяющих не только фиксировать наличие этого признака, но и оценить степень его развития, скотоводы пазырыкской культуры существенно уступают скотоводам эпохи бронзы (рис.).

Таблица 2
Распространение кариеса у населения раннего железного века

	«per individual»	«per tooth»	Источник
Население пазырыкской культуры Средней Катунь	73,2% (60/82)	11,5% (168/1460)	Данные авторов
Население пазырыкской культуры юго-восточных районов Горного Алтая	17,7% (17/96*)		Чикишева Т.А., 2003, с. 239–276
Население Тувы скифского времени (Аймырлыг)		6,5%	Мэрфи Э., 2001, с. 140
Население чандманьской культуры Северо-Западной Монголии (Улангом)	2,3–4,3%		Наран Б., 1997
Население тагарской культуры Минусинской котловины	1,1% (2/188)		Медникова М.Б., 2005, с. 220–289
Население саргатской культуры (Притоболье, Приишимье, Прииртышье и Бараба, V в. до н.э. – IV в. н.э.)		0,0% (1/2600)	Ражев Д.И., 2001, с. 17
Поздние сарматы (Волгоградская обл., Есауловский Аксай)	5,1% (2/39)		Перерва Е.В., 2002, с. 114

Примечания: * – в публикации Т.А. Чикишевой отмечаются только черепа, имеющие кариозные зубы (17), поэтому указанное здесь число наблюдений (96) может быть не совсем точным.

Количество зубного камня на задних зубах (CI) у населения пазырыкской культуры Средней Катунь в сравнении со скотоводами эпохи бронзы

Образование зубного камня в немалой степени связано с особенностями диеты, однако связь эта неоднозначная. С одной стороны, отложение зубного камня зависит от pH слюны и усиливается при высоком уровне потребления белков вследствие увеличения во всех тканевых жидкостях концентрации мочевины (Wong L., 1998, p. 15–18; Lieverse A.R., 1999, p. 223–224; Jin Ye, Yip H., 2002, p. 433). С другой стороны, образование зубного камня зависит от абразивных свойств пищи, которые варьируют в очень широком диапазоне в зависимости от способов обработки и приготовления. Так, при использовании зернотерок в пищу попадает большое количество мельчайших абразивных веществ, которые обеспечивают естественное очищение зубов от бактериального налета. Пища, приготовленная из цельных злаков или зерен, такими свойствами не обладает.

Умеренное развитие зубного камня у населения пазырыкской культуры Средней Катуни в сравнении со скотоводами эпохи бронзы отражает, по-видимому, изменения, связанные с сокращением потребления мяса и увеличением доли растительного компонента, преимущественно в форме протертых злаков или зерен.

Закключение. Таким образом, результаты изучения кариеса и зубного камня, являющихся индикаторами палеодиеты, позволяют заключить, что доля компонентов растительного происхождения в рационе питания населения пазырыкской культуры Средней Катуни существенно превышала долю компонентов растительного происхождения в рационе питания населения пазырыкской культуры юго-восточных районов Горного Алтая и населения скифского времени Тувы и Северо-Западной Монголии. Для популяций Средней Катуни были характерны -также резкие половые различия по этому признаку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катун и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 4–19.

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии Кемерово: КемГУ, 1995. С. 243–252.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века с поселений лесостепного и предгорного Алтая // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 191–202.

Абдыкалыков А. Переселение енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО РАН, 1985. С. 81–99.

Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1980. 428 с.

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению ИРГО и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А.В. Адриановым: Предварительный отчет. Омск, 1888.

Акеров Т. (Табылды Акертегин). Древние кыргызы и Великая степь (по следам древнекыргызских цивилизаций). Бишкек, 2005. 215 с.

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1979. С. 43–58.

Акишев К.А., Акишев А.К. Курган Иссык. М., 1978. 98 с.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или Алма-Ата, 1963. 298 с. (без илл.).

Алексеев А.А. Забытый мир предков: Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья. Якутск: Ситим, 1993. 95 с.

Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Плихт ван дер Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) эпохи энеолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Труды Ташкентского университета. Ташкент, 1964. Т. 235.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966. 251 с.

Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986. 176 с.

Алексеев В.П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов: 1. Скелеты из ипиутакских погребений на мысе Крузенштерн // Советская этнография. 1982. №6. С. 105–114.

*Составлен на основе указанной литературы, которую прислали авторы публикаций.

- Аллаиховский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2005. 320 с.
- Алтай јанО / Сост. В.А. Муйтуева, М.П. Чочкина. Горно-Алтайск, 1996. 207 с.
- Альбедиль М.Ф. Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб., 2005. С. 155–170.
- Анохин А.В. Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84, 194.
- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л., 1924. 248 с.: ил.
- Антипина Е.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // Российская археология. 1997. №3. С. 20–32.
- Антипина Е.Е. Костные остатки животных из поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // Российская археология. 1999. №1. С. 103–116.
- Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: Сборник к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2003. С. 7–33.
- Аристов И.А. Заметки об этническом составе горских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина / Под ред. В.И. Лондонского. СПб., 1896. Вып. 3–4.
- Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. 300 с. Энеолит. М., 1982. 359 с.
- Архив МАЭ РАН. Ф. 3 Оп. 1 Д. 14. Дыренкова Н.П. О семейно-родовом строе алтайцев и телеутов (Западно-Сибирский край). Полевые записи 1936–1940 гг.
- Асмолов К.В. Система организации и ведения боевых действий корейского государства в VI–XVII вв. Эволюция воинской традиции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- Атлас Иркутской области. М.; Иркутск: ГУГК, 1962.
- Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник // Труды института истории, археологии и этнографии Каз. ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 188–206.
- Базаров Б.Д. Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ, 1999. 222 с.
- Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005. 236 с., илл.
- Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959. 178 с.
- Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ, 1961. 255 с.
- Балонов Ф.Р. Колесничные ристания как форма погребального жертвоприношения // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000. С. 194–198.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Харьков, 1998. 184 с.
- Банзаров Д. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1997. 239 с.
- Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. Л.: Аврора, 1978. Вып. 19. С. 37–44.
- Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. Л.: Искусство, 1979. Вып. 20. С. 55–65.

- Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21. С. 48–58.
- Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 195–232.
- Басилов В.Н. Умай // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 547.
- Баскин Л.М. Поведение копытных животных. М.: Наука, 1976. 296 с.
- Башалханова Л.Б., Буфал В.В., Русанова В.И. Климатические условия освоения котловин Южной Сибири. Новосибирск, 1989. 159 с.
- Беговатов Е.А., Петренко А.Г. Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии. Казань, 1994. 50 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. 243 с.
- Белышев Б.Ф. Распространение косули в Западной Сибири // Охотник Сибири. 1934. №11–12.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1952. №26. 342 с.
- Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. 2-е изд. М.; Л., 1950. Т. 1. 384 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии, в древние времена. Алматы, 1998. Ч. 1. LXXIV+390 с.
- Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышского междуречья. Омск, 1991. С. 60–72.
- Бобров В.В. Танай-1 – могильник корчажкинской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 75–78.
- Бобров В.В. Новый тип погребальных сооружений эпохи бронзы в Верхнеобском регионе (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 224–228.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Танай-12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 226–230.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Андроновские погребения могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001а. Т. VII. С. 240–243.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Погребение в каменном ящике могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001б. Т. VII. С. 244–249.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Организация сакрального пространства в андроновских курганах могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 251–254.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Итоги полевых исследований памятника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X. С. 189–193.

Бобров В.В., Горяев В.С., Васютин С.А. Особенности организации погребального пространства в овальных курганах ирменской культуры (по материалам могильника Ваганово-II) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 236–239.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Изучение курганного могильника Танай-7 в полевой сезон 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 224–230.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.

Боброва А.И. Неординарное погребение Тискинского могильника // Исторический ежегодник: Спец. выпуск. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 38–46.

Боброва А.И. Павлово-Парабельское селище – новый средневековый памятник Приобья // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: Изд-во Сург. гос. пед. ин-та, 2001. С. 128–138.

Боброва А.И., Березовская Н.В. Керамика Тискинского поселения // Археологические материалы и исследования Северной Азии, древности и средневековья. Томск, 2007. С. 101–113.

Боброва А.И., Герасько Л.И. Тяголовский некрополь – итоги исследования 2001 года // Самодийцы. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 19–21.

Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2002. Т. 4. 532 с.

Борисов В.А. Технологические особенности глиняной посуды поселения Березовая Лука // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 165–173.

Борисов В.А., Ковалевский С.А. Технология керамического производства на Верхней Оби в эпоху бронзы // Вестник Кузбасского государственного технического университета. Кемерово, 2005. №5 (50). С. 102–108.

Борисов В.А., Матвеева Н.П., Чукунова И.Ю. Опыт изучения технологических особенностей и функционального назначения посуды саргатского населения Рафайловского археологического комплекса // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4. С. 193–202.

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, кн. 1. 184 с.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. 272 с.

Бутин Ю.М. Древний Чосон. Новосибирск, 1982. 330 с.

Бутин Ю.М. Материальная культура Древнего Чосона // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 119–154.

Быков Н.И. Лихенометрические исследования лавинных процессов на Алтае // Известия АГУ. 1999. №3 (13). С. 29–32.

Быков Н.И. К вопросу происхождения Маашейского озера // Геоморфология Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 51–53.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.

- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 439 с.
- Вайнбергер Е.В. Ханьское зеркало из Чендека // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан, 1993. С. 57–59.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991. 296 с.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. 1992. №1. С. 52–63.
- Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 237–242.
- Васильев С.К., Гребнев И.Е. Остеологическая характеристика лошадей из курганов Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 183–186.
- Васильев Ф.Ф. Традиционное и современное жилище народов Севера Якутии // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 15. Д. 126.
- Васильков Я.В. Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной» невесте и его ритуальные связи // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 83–128.
- Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 73–79.
- Васютин А.С. Древние торговые пути Горной Шории // Шорский сборник. Вып. 2: Этноэкология и туризм Горной Шории. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 184–190.
- Васютин А.С., Онищенко С.С. К вопросу о критериях выделения жертвенных комплексов в структуре погребального обряда населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 269–272.
- Васютин А.С., Онищенко С.С. О характере вторичного использования курганов конца I – начала II тыс. н.э. на юге Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 286–290.
- Васютин А.С., Онищенко С.С. Пространственная структура жертвенных комплексов на могильнике верхнеобской культуры Ваганово-I из Кузнецкой котловины // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 313–316.
- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск, 1995. 235 с.
- Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.: ил.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. №XVI. С. 163–205.
- Вишневская О.А. Культура саков низовьев Сырдарьи (по материалам Уйгарака). М., 1973. 160 с.
- Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик-I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. Вып. 4. С. 31–41.

- Власов В. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб., 2001. Т. 4.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.
- Воробьева-Десятовская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. 22. С. 124–131.
- Воробьев М.В. Древняя Корея: историко-археологический очерк. М., 1961. 150 с., 42 табл.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992. 687 с.: ил.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.
- Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica, 38 (1–3). Р. 287–308. 1993. С. 287–308.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т. 1. 408 с.: ил.
- Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 2. С. 161–171.
- Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. М.: Высш. шк., 1961. Т. 1: Парнокопытные и непарнокопытные. 776 с.
- Герасимов А.Н. Древнетюркские изваяния Бай-Тайги // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1995. Вып. XVIII. С. 125–135.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Новая серия. 1955. Т. 28.
- Герасимова М.М. Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы // Антропологический сборник. М., 1956. Вып. 1. С. 146–165 (Труды института этнографии. Новая серия. Т. 33).
- Герман П.В. К проблеме «элитных» погребальных комплексов в раннетагарской культуре // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 97–101.
- Герсдорф Е. фон, Парцингер Г. Радиоуглеродное датирование лошадиных костей // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 265–267.
- Гинзбург В.В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии. М., 1962. №120.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. 371 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. 216 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 606 с.
- Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 86–87.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003а. 174 с.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003б. Кн. I. С. 37–42.

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 92–95.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Военное искусство населения сросткинской культуры // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 60–63.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 281–287.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II. С. 227–229.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование спектрального анализа при изучении украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 151–157.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 199–202.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. М., 1993. 350 с.

Грач А.Д. Каменные изваяния западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1955. Т. XVI. С. 401–431.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953–1960 гг.). М., 1961. 95 с.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 81–107.

Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207–213.

Грач А.Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. 22. С. 103–123.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Гл. ред. вост. лит., 1980. 255 с.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы. Эйлиг-Хем-III, как источник по средневековой истории Тувы. М., 1998. 84 с.

Грачев Д.В., Мартынов В.В., Абрамов Д.А. Применение алгоритмов рекурсивной фильтрации для выделения полезных сигналов в задачах исследования динамики станков // Исследование станков и инструментов для обработки сложных и точных поверхностей. Саратов, 2000. С. 84–85.

Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Н.В. Полосьмак «Стережущие золото грифы». Новосибирск, 1994. С. 106–111.

Громов А.В. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. СПб., 1995. Вып. 1. С. 151–160.

Грушин С.П. Китайское зеркало из северо-западных предгорий Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука, 2005. С. 134–137.

Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. Т. X. С. 239–243.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 90 с.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 27–42.

Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. 136 с.

Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1.

Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков-тугю // СА. 1959. №1. С. 105–114.

Гурвич И.С. Предварительный отчет о работе этногр. экспедиции ИЯЛИ в Верхоянском, Саккырыском, Усть-Янском, Булунском, Жиганском районах // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. О. 1. Д. 258. 1954. На 190 л.

Данченко Г.П., Монгуш В.Т., Нестеров С.П. Археологические исследования в Хандыгайтинской котловине // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988. С. 90–115.

Дашковский П.К. Итоги и перспективы изучения культуры енисейских кыргызов на Алтае и сопредельных территориях // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007а. Вып. 5. С. 135–144.

Дашковский П.К. К вопросу об изучении религиозной системы кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии // Алтай-Саянская горная страна и истории освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007б.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкараинский дол – памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. Т. II. С. 20–22.

Дегтярев А.М. и др. Эвены Момского района РС (Я). Якутск: ЯФГУ «Изд-во СО РАН», 2004. 40 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 137–143.

Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов в свете этнографических данных // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Сер. историческая. Кызыл, 1995. Вып. XVIII. С. 137–156.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 178–188.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 164 с.

Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005. 368 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды ИЭ. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. LV.

- Дорж Д., Новгородова Э.Д. Петроглифы Монголии. УБ., 1975. 232 с.; ил.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969. 676 с.
- Древности Чардары. М., 1968. 282 с.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 254–281.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М., 2007. С. 309–319.
- Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. М., 1991. 299 с.
- Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на Оби // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1955а. Т. 13. С. 97–154.
- Дульзон А.П. Пачангский курганный могильник // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1955б. Т. 14. С. 230–250.
- Дьяконова В.П. Жилище народов Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI в. СПб.: Наука, 1995. С. 24–61.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства в России. М., 2005. 471 с.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. 229 с.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. №24. С. 72–120.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Из работ Московского семиотического круга. М., 1997. С. 303–338.
- Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 169–173.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004. 132 с.
- Ермолова Н.М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск: Наука, 1978. 222 с.
- Жамсаранова Р.Г. Микротопонимия селькупского происхождения в топонимии Восточного Забайкалья // Ономастическое пространство и национальная культура. Улан-Удэ, 2006. С. 134–138.
- Жамсаранова Р.Г. Субстратные топонимы Восточного Забайкалья // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 307–309.
- Жилинский А.А. Конские породы Сибири. Новосибирск, 1948. 168 с.; ил.
- Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М., 1948. 78 с.
- Заднепровский Ю.А., Бушков В.И. Предметы кочевников эпохи раннего железа в Эйлатанского района Ферганы // Российская археология. 1998. №3. С. 136–141.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.
- Зувев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. 338 с.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–28.

Иванова М.Г. Мифологические мотивы в средневековой материальной культуре // Удмуртская мифология. Ижевск, 2004. С. 20–28.

Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994. 120 с.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 1997. Т. 2. 119 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 208 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2005 году. Кемерово, 2006а. 268 с.

Илюшин А.М. К вопросу о компонентах тюркского археолого-этнографического комплекса XI–XIV веков на территории Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006б. С. 33–35.

Илюшин А.М. Материальная и духовная культура средневековых кыпчаков Кузнецкой котловины // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 75–77.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1. С. 98–100.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2007 году // Вестник КузГТУ. Кемерово, 2007. №6. С. 163–168.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 79–106.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья на курганной группе Конево // Вестник КузГТУ Кемерово, 2007. №4. С. 79–83.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 126 с.

Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. 151 с.

Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, А.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 498 с.: илл. и карт.

История Восточного Забайкалья: Читинская область. Иркутск, 2001.

История и культура эвенов. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1992. 40 с.

История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997. 179 с.

История Кореи. М., 1960.

История Сибири / Под ред. А.П. Окладникова, В.И. Шункова. Т. 2: Сибирь в составе федеральной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001. 235 с.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 21–26.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 19 с.

Камалов А.К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы, 2001. 215 с.

Кан Ин Ук. Функциональный анализ скрипковидных кинжалов // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. №3. С. 103–107.

Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968. 103 с.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I: Народы Сибири. Томск, 1979.

Кибиров А.К. Археологические работы в Тянь-Шане // Труды киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе, 1959. Т. 2. С. 69–138.

Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв. Махачкала, 2000. 531 с.

Килуновская М.Е., Чадамба Л.Д. Памятники наскального искусства Тувы // Алтае-Саянская страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 10–17.

Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1989. 189 с.

Кимеев В.М., Шатилов Н.И. Экомузей «Тазгол» в Горной Шории // Шорский сборник. Вып. II: Этноэкология и туризм в Горной Шории. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 150–162.

Кимеева Т.И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 295 с.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской долине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1996. С. 59–61.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 84–89.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Исследования Тавдинского грота в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 333–338.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Искусство населения лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2002. №3. С. 16–20.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка-I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 25–40.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. 1. 288 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.

Киселев С.В. Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. 1938. №1.

Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987. 121 с.

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 286 с.

Клевезаль Г.А. Возможности использования регистрирующих структур при изучении млекопитающих по ископаемым остаткам // Динамика современных экосистем в голоцене. М., 2006. С. 107–113.

Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М., 2007. 283 с.

Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости. М.: Наука, 1967. 144 с.

Клементьев А.М., Николаев В.С. Фаунистическая характеристика средневекового поселения Тоток // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2007. №5. С. 175–182.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002. 215 с.

Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. М., 1959. №5. С. 162–169.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская религия в памятниках рунической письменности // История и археология Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 95–98.

Кляшторный С.Г. Манихейские обители в стране Аргу // Известия НАН РК. Алматы, 2006. С. 124–126.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 178–184.

Ковалев А.А. Великая тангутская стена. К интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // *Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007а. С. 80–85.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // *Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии*. Барнаул: Азбука, 2007б. С. 99–105. (Труды САИПИ; Вып. 3).

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979. 112 с.

Кожанов С.Т. Колесный транспорт эпохи Хань // *Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы*. Новосибирск, 1984.

Кожанов С.Т. Снаряжение и одежда воинов эпохи Хань (по материалам глиняных скульптур Янцзявань) // *Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла*. Новосибирск, 1985.

Кожомбердиев И.К. Саки Кетмень-Тюбе // *Страницы истории и материальной культуры Киргизстана*. Фрунзе, 1975. С. 168–174.

Кожомбердиев И.К. Основные этапы истории культуры долины Кетмень-Тюбе // *Кетмень-Тюбе*. Фрунзе, 1977. С. 7–29.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niuguiа tobiuiуаn*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941. 619 с.

Колесников А.Д. Изменения в размещении и численном составе русского населения Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1973. 52 с.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая: эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988. 120 с.

Коников Б.А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Приишимья // *Западная Сибирь в эпоху средневековья*. Томск, 1984. С. 88–98.

Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ин-та, 1993. 176 с.

Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая (проблемы формирования этнической группы). Алма-Ата, 1986. 168 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в.: по материалам погребений. Якутск, 1971.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // *Этнографическое обозрение*, 1999. №2. С. 56–68.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Тюхтятский клад: состав цветного металла ременных украшений // *Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия*. Красноярск, 2005. С. 119–122.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997. 303 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

Косинцев П.А. Жертвенные животные обских угров (по археозоологическим материалам) // *Обские угры*. Тобольск; Омск, 1999. С. 234.

Косинцев П.А. Археозологические исследования на Барсовой горе // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 147–151.

Косинцев П.А., Самашев З.С. Лошади из могильников скифского времени Казахского Алтая // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 117–118.

Косинцев П.А., Юрин В.И. Жертвенный комплекс из пещеры Сикияз-Тамак-1 // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003. С. 69–73.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 156–207.

Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 133–135.

Кочекаев Б.Б. Ногайская юрта и ее убранство // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975. Вып. 1. С. 131–132.

Красильников Ж. Гибель скота от хищных зверей // Бюл. Центр. стат. упр. СССР. 1926. №116. С. 119–129.

Кривошапкин А.В. Эвены. СПб.: Просвещение, 1997. 79 с.

Круц С.И. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984. 208 с.

Крыласова Н.Б. Элементы огня Рождественского археологического комплекса // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2003. Вып. III. С. 79–104.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. 336 с.

Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб., 2005. 288 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 189 с.

Кубарев В.Д., Баяр Д. Каменные изваяния Шивэт-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №4 (12). С. 74–85.

Кубарев В.Д., Едилхан Х. О знаках-символах в новых петроглифах билуут-голгоя (Монгольский Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 97–101.

Кубарев В.Д., Забелин В.И. Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №2 (26). С. 87–103.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 149–163.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и у оз. Даян (Монгольский Алтай) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 169–173.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань, 2007. Т. I. С. 50–59.

Кубарев Г.В., Гилсу Со, Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Лхуднев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 298–303.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Сёбка (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Кубарев Г.В., Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование древнетюркских памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 139–141.

Кузнецов П.Ф. О времени появления колесниц эпохи бронзы // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. I. С. 408–410.

Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск, 1893. 213 с.

Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. 176 с.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. М., 2002. Т. I. 352 с.

Кузьмина Е.Е. Современное состояние проблемы доместикации лошади и происхождения колесниц // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 129–141.

Куликов К.И. Символ коня в древнеудмуртском мифологическом искусстве // Удмуртская мифология. Ижевск, 2004. С. 29–35.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 43–58.

Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 92–98.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 95–119.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 111–126.

Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл, 2001. 464 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Свод археологических источников. М., 1983. Вып. 3. С. 3–18.

Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. М., 2004. С. 111–129.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.

Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. М., 1972. С. 102–107.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. 167 с.

Кызласов Л.Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Мани и манихейство // Труды Хакаской археологической экспедиции. М.; Абакан, 1999. Вып. 6. С. 10–41.

Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001. №5. С. 83–90.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006. 360 с.

Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Л., 1978. Вып. 2. С. 76–85.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Новосибирск, 1983. 233 с.

Лаптев И.П. Млекопитающие таежной зоны Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1958. 258 с.

Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 61–70, 233, 235, 237.

Леонтьев Н.В. О буддийских мотивах в средневековой торевтике Хакасии (по материалам коллекции Минусинского краеведческого музея) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 184–196.

Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968. Вып. 1. С. 69–110.

Лубо-Лесниченко Е.И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э. – III в. н.э. // В собрании Государственного Эрмитажа: (каталог). Л., 1961. 66 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975. 165 с.; ил.

Луценко Е.А. Поездка к теленгитам // Землеведение. М., 1898. №1–2.

Максименков Г.А. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 19–23.

Малов С.Е. Несколько замечаний к статье А.В. Анохина «Душа и ее свойства по представлениям телеутов» // Материалы по археологии и этнографии. 1929. Т. 8. С. 330–333.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 115–129.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 202–205.

Манас: Эпос (По варианту С. Каралаева). Фрунзе, 1984. Кн. 1. 396 с.

Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX вв. «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Труды института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: АН Каз. ССР, 1956. С. 227–250.

Маннай-Оол М.К. Тува в скифское время. М., 1970. 116 с.

Марсадолов Л.С. Исследования на Западном Алтае (около поселка Колывань): Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 1998. Вып. 2. 48 с.

Марсадолов Л.С. Культурно-хронологические пласты и регионы степной полосы Евразии в I тыс до н.э. // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 57–60.

Марсадолов Л.С. Гигантская каменная «скульптура» Западного Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007а. С. 43–46. (Труды САИПИ; Вып. 3).

Марсадолов Л.С. Древнее святилище в Тархате на Алтае // Археологические материалы и исследования Северной Азии. Древности и средневековье. Томск, 2007б. С. 206–213.

Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2007в. Вып. 5. 278 с.

Марсадолов Л.С. Палеоастрономические аспекты Большого Салбыкского кургана в Хакасии // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2007г. С. 205–213.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 108–115.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: Б.и., 1994. С. 141–156.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. Вып. 1. С. 24–32.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.

Масумото Т. О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 248–251.

Материалы по исследованию крестьянского и инороднического хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1900. Т. 2, вып. 3. 140 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V. Вып. 1: Сюнну. М., 1989. 287 с.

Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент, 1988. 414 с.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–219.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 152–182.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С. 84–90.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994. 221 с.

Матюшенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник I эпохи железа // Тр. ТГУ. Томск, 1970. Т. 206, вып. 5. С. 152–174.

Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития мышечного рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 151–165.

Медникова М.Б. Палеоэкология Центральной Азии по данным антропологии // Антропозэкология Центральной Азии. М., 2005. С. 256–289.

Медникова М.Б. Данные антропологии к вопросу о социальных особенностях и образе жизни населения восточного бассейна р. Маныч в эпоху бронзы (по материалам из раскопок могильника Чограй-IX) // Вестник антропологии. М., 2006. Вып. 14. С. 41–51.

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы: В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. 339 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 81 с. (без илл.).

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. 167 с.

Мерфи А. Обзор результатов палеопатологического анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува) // Археологические вести. СПб., 2001. №8. С. 125–150.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 11. Отд. 5: Сибирская фауна. СПб., 1869. 618 с.

Минаева Т.М. К истории Алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. 247 с.

Митько О.А. Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и центральной Азии в I–III тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 207–227.

Мифы народов мира. Т. 2: Монгольских народов мифология. С. 170–174; Т. 2: Левый и правый. С. 43–44; Т. 2: Онгоны. 1982. С. 255–256.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. Новосибирск, 1987.

Михайлов Ю.И. К проблеме исследования коммуникативной символики каменных stel и изваяний в контексте палеосоциологического анализа комплексов эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 334–341.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово, 2001. 364 с.

Михеев В.С., Ряшин В.А. Ландшафты юга Восточной Сибири. Карта масштаба 1:1 500 000. ГУГК, 1977.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 163–235.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 24–30.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 145–155.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 196 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–153.

Могильников В.А., Уманский А.П. Новотроицкое-I, курган 15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999а. С. 91–110.

Могильников В.А., Уманский А.П. Бронзовые котлы из Новотроицких курганов // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999б. С. 111–130.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988. 164 с.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. Бишкек, 1992. 175 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин-II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 86–119.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001. Т. 1. 127 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 48–62.

Молодцова Е.И. Традиционные знания и современная наука о человеке. М.: Янус, 1996. 270 с.

Москвитин И.А. Реконструкция боевого построения на примере терракотовой армии Цинь Шихуанди // Студент и научно-технический прогресс. Новосибирск, 2002.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. 53 с. (без илл.).

Музей антропологии и этнографии РАН «Кунсткамера». Ф. 5060–1, 5060–17.

Муллоканов М.М. Археологические работы в долине р. Обимазар Хавалинского района (1984) // Археологические работы в Таджикистане (1984). Душанбе, 1993. С. 354–372.

Наран Б. Палеопатология населения Северо-Западной Монголии на примере чандманьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 20 с.

Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ, 1995. Ч. I. 155 с.

Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха-I на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Б.и., 1990. С. 112–116.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-I // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 176–178.

Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // *Методические проблемы археологии Сибири*. Новосибирск, 1988. С. 173–184.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 141 с.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН. М.; Л., 1966. Т. II*.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. 432 с.

Николаев В.С. Новые средневековые погребения в бересте в Приангарье (р. Унга) // *Палеоэтнология Сибири. Тезисы XXX РАСХ. Иркутск, 1990. С. 156–157*.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: усть-таггинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та геогр. СО РАН, 2004. 306 с.

Николаев В.С. Некоторые итоги изучения поселенческих комплексов юга Средней Сибири эпохи средневековья // *Вестник ИрГТУ*. 2006. №4 (28). С. 154–158.

Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-восточной Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. 204 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М., 1989. 387 с.

Новикова О.Г. История восточных лаков. Обзор литературы // *Восточно-азиатские лаки: методика реставрации, исследования*. М.: Б.и., 2000а. С. 11–18.

Новикова О.Г. Исследования химического состава восточных лаков. Область применения: Обзор литературы // *Восточно-азиатские лаки: методика реставрации, исследования*. М.: Б.и., 2000б. С. 33–37.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968. 115 с.

Одноралов Н.В. Декоративная отделка скульптуры и художественных изделий из металла. М.: Изобразительное искусство, 1989. 208 с.

Ожередов Ю.И. Предварительный результат археологических исследований Томского государственного университета // *Тезисы докладов VI Международной научной конференции (18–22 сентября 2003 г., Ховд. Монголия.)*. Томск: ТГУ, 2003. С. 145–146.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. 425 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980. 271 с.

Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Бишкек, 2005. 615 с.

Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев, 1990. С. 5–17.

Павлов П.Г. Карасукский могильник Терг-Аба. СПб., 1999. 174 с.

- Памятники культуры и искусства Киргизии: (каталог выставки). Л., 1983. 80 с.
- Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука. Новые направления. М., 1999. 790 с.
- Паржаюк Ю.В. О возможности изучения динамики оледенения лишенометрическим способом на ледниках Алтая // Состояние, освоение и проблемы экологии ландшафтов Алтая. Горно-Алтайск, 1992. Ч. 1. С. 77–78.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Л., 1916. Вып. 4. С. 961–1280.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с.
- Перелыгин Л.М. Древесиноведение. М., 1969. 316 с.
- Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2002. Вып. 1–2. С. 141–149.
- Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) // Археология евразийских степей. Казань, 2007. Вып. 3. 143 с.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
- Плетнева Л.М., Гаман А.Д. Элитное погребение из кургана №12 могильника Чердашный Лог-III // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 56–62.
- ПМА. Тетрадь №1. 2005. На 48 л.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. 1. 234 с.
- Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 209–213.
- Поляков А.В. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. 2006. №13. С. 82–101.
- Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.
- Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Магадан: Наука, 1981. 304 с.
- Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 260 с.
- Потапов Л.П. Некоторые итоги работ Тувинской экспедиции // Советская этнография. 1959. №5. С. 109–122.
- Потапов Л.П. Алтае-Саянские этнографические параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных и их историческое значение // Ученые записки Горно-Алтайского НИИ ист., яз., лит. 1974. Вып. 11. С. 51–68.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.
- Путь золота и киновари: Даосские практики в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2007. 480 с.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. 201 с.
- Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.: ил.
- Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. Предисловие, с. XI–XII. 540 с.

Ражев Д.И. Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкция антропологических особенностей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. 21 с.

Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1. 315 с.

Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2.

Ригведа. Мандалы I–VI. М., 1999. 767 с.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Основы антропологии. М., 1955. 503 с.

Рожанская М.М. Механика на средневековом Востоке. М., 1976. 324 с.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 524 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 486 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. 205 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1981. 783 с.

Рыбаков Н.И. Небесная пара – символ корабля света. Буддисты-манихеи в Междуречье Июсов // Енисейская провинция. Красноярск, 2006. Альманах 2. С. 121–127.

Рыбаков Н.И. Новый памятник Тесинской культуры (святилище Оргинек в междуречье Июсов) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 159–167.

Рыбаков Н.И. Иконографические свидетельства манихейства в памятниках июсских степей // Историко-культурное наследие народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007а. Вып. 6. С. 101–105.

Рыбаков Н.И. Енисейские муже-девы в мантиях: кто они? // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007б. С. 137–141.

Рыбаков Н.И. Феномен иконографического свойства: причины и следствие заблуждений... (вопросы северного манихейства) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007в. Вып. 3. С. 78–83.

Сабанеев Л.П. Волк. М.: Природа, 1877. Кн. 2. С. 227–331.

Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // ТС 1972 г. М., 1973. С. 339–350.

Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // Советская этнография. 1977. №1. С. 31–48.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 174 с.

Савинов Д.Г. Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 64–74.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. «Тазгол» – музей памяти поколений // Шорский сборник. Вып. 2: Этноэкология и туризм в Горной Шории. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 179–183.

- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та. 2002. 202 с.
- Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001. 108 с.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. 246 с.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте р. Мургаб. Ашхабад, 2002. 360 с.
- Сарианиди В.И. Гонур. Город царей и богов. Ашхабад, 2005. 328 с.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. №3. С.155–192.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008. 342 с.
- Сатаев Р.М. Костные останки животных на памятнике эпохи бронзы Гонур Деппе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2008. Т. 2.
- Седелникова Н.В., Черемисин Д.В. Использование лишайников для датировки петроглифов // Сибирский экологический журнал. 2001. №4. С. 479–481.
- Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980. 240 с.
- Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: ЛНИАО, 1992. 136 с.
- Семенов Вл.А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997а. С. 152–160.
- Семенов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 годах). СПб., 1997б.
- Семенов Вл.А. Знаки-индексы в наскальном искусстве Северной Евразии // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Кемер. ун-т, 1999. Т. I. С. 180–185.
- Семенов Вл.А. Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 134–157.
- Семенов Вл.А., Чугунов К.В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 73–76.
- Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М. Радиоуглеродные даты Лаборатории ЛОИА // Советская археология. 1969. №1. С. 254–261.
- Серегин Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историкокультурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 115–121.
- Серегин Н.Н. Китайские изделия как хронологический показатель при датировке памятников тюркской культуры // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008. С. 177–179.
- Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 129–147.
- Сингатулин Р.А. К вопросу об особенностях гончарного производства на территории Укека (по результатам палеофонографических исследований фрагментов гончарной керамики) // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 227–237.
- Сингатулин Р.А. Палеофонография: проблемы новых технологий // Археологический вестник. СПб., 2004. №11. С. 324–328.

Сингатулин Р.А. Палеофонография: новые информационные технологии в исторических исследованиях // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2005. №11. С. 155–158.

Сингатулин Р.А. Практическая палеофонография. Технологии и результаты применения. Саратов, 2007. 96 с.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. 215 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. №101. 165 с.

Собанский Г.Г. Звери в горах. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. 192 с.

Собанский Г.Г. Звери Алтая. Крупные хищники и копытные. Барнаул: Алтай, 2005. 373 с.

Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 48–62.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В.И. Использование методов естественных и точных наук при изучении археологии Горного Алтая гунно-сарматской эпохи // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 209–212.

Соенов В.И., Винокурова Г.А. Бусы из могильников гунно-сарматского времени Курайка и Верх-Уймон // Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2000. С. 151–155.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 годах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. С. 169–171.

Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 7–15.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 157–158.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003. С. 480.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1966. Вып. 8. С. 39–60.

Сосновский Г.П. Отчет об археологических исследованиях 1934–36 гг. в Ойротской автономной области Алтайского края // Археологические исследования в РСФСР 1934–36 гг. М.; Л., 1941. С. 304–306.

Спеваковский А.Б. Этнокультурные контакты тунгусоязычных народностей на Востоке Сибири (эвены и эвенки) // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.: Наука, 1984. С. 121–131.

Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 168–183.

Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребальных комплексов горного Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С. 296–300.

Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 121–125.

Степанова Н.Ф. К вопросу о демографической ситуации у населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 471–474.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. 398 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 482 с.

Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Т. VI. С. 202–216.

Сулейменов М.Г. К вопросу о методе реконструкции комплексов вооружения средневековых воинов (по материалам погребальных памятников Кузнецкой котловины) // Историко-культурное наследие Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 374–375.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1984 года // Архив ГАИГИ. 1985. Ф. 5. Оп. 1. Ед. 8.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 165 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007. 231 с.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.

Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве. М., 1975. 132 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. 256 с.

Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. Горно-Алтайск, 1995. 214 с.: ил.

Тадина Н.А. Три линии родства и авункулат у алтайцев // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2005. Вып. 9. С. 255–265.

Тадина Н.А. Традиционная картина мира как основа культуры общения алтайцев // Картина мира (лингвистические и этнокультурные аспекты): Вестник ТГУ. Бюллетень №60. Томск, 2006. С. 112–121.

Тадина Н.А. «Живому хорошо играть, мертвому лежать в камнях» (о дуализме традиционного мировоззрения алтайцев) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007а. Вып. 1. С. 173–181.

Тадина Н.А. Опыт реконструкции модели мировоззрения алтае-саянских кочевников на основе этнокультурной символики алтайцев // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007б. С. 150–153.

Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая: Автореф. дис. ... канд. Л., 1987а. 18 с.

Ташбаева К.И. О датировке кинжалов ранних кочевников Киргизии // Великий октябрь и некоторые вопросы исторической науки. Фрунзе, 19876. С. 32.

Тихонов В.М. История Кореи. М., 2003. 460 с.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993а. С. 232–246.

Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993б. С. 90–99.

Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006а. №4. С. 111–115.

Тишкин А.А. Металлические зеркала монгольского времени на Алтае и некоторые результаты их изучения // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. М.: Нумизматическая литература, 2006б. С. 191–193.

Тишкин А.А. Результаты междисциплинарного изучения материалов памятника гунно-сарматского времени Яломан-II // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006в. Т. II. С. 384–387.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007а. С. 176–184.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007б. 356 с.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сросткинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000а. С. 54–63.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сросткинской культуры на Приобском Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000б. С. 405–410.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Ввоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: Учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2004. 126 с.: ил.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственности «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 50–59.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Средневековые памятники с трупосожжением на Алтае // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 146–149.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 300–306.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 74–86.

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Френкель Я.В. Бусы хуннского времени // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 212–215.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976.

Токтабай А.У. Құлыт коня у казахов. Алматы: Казиздат-КТ, 2004. 124 с.

Топоров В.Н. Две заметки об иранском влиянии в мифологии народов Сибири // Ученые записки Тартуского государственного университета. 558. Языки и культура народов Востока и их рецепция в Эстонии. Тарту, 1981. С. 36–65.

Тошакоева Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. 160 с.: ил.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 275 с.

Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // ТС 1972 г. М., 1973. С. 350–374.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Трошин И.П. История развития скотоводства Западной Сибири // Труды Новосибирск. с.-х. ин-та. Новосибирск, 1969. Т. XXXV. 207 с.

Труды Тувинской комплексной Археолого-этнографической экспедиции. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л., 1960. 312 с.

Тувинско-русский словарь. М., 1968.

Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 237–249.

Тур С.С., Рыкун М.П. Палеоэкология населения афанасьевской культуры // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 60–113.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы андроновской культуры Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 6. С. 44–51.

Угдыжсков С.А. О власти правителя в Хакасии VI–XIII вв. // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 156–162.

Удодов В.С., Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Средневековые находки элементов конского снаряжения на памятнике Екатериновка-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 294–297.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с., ил.

Уманский А.П., Шульга П.И. Находки из раннего быстринского кургана на могильнике Юбилейный-2 // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 144–149.

Фиалко Е.Е. Бронзовое зеркало с гравировкой из Северо-Западного Приазовья // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. С. 55–62.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. №3. С. 100–108.

Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: авары и сарматы. Л., 1970. С. 69–201.

Фисенко В.А. Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов, 1970. 48 с.

Флеров А.В. Материаловедение и художественная обработка металлов. М.: Высш. шк., 1981. 288 с.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001. 352 с.

Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. 231 с.

Фрид С.Л. Определение возраста лошади по зубам. Л., 1928. 9 с.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVIII: Телеуты. М., 1993. 326 с.

Функ Д.А. В поисках «Аланского цикла» в шорском эпосе // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. Красноярск, 2004. Ч. 2. С. 70–76.

Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. №3. С. 89–96.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. I. 550 с.

Хлобыстина М.Д. Говорящие камни (сибирские мифы и археология). Новосибирск, 1987. 127 с.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–33.

Ходжайов Т.К. Новые антропологические материалы эпох неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. М., 2004. Вып. 11. С. 87–101.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1966. 329 с.

Худяков М.Г. Кулыт коня в Прикамье // Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 100. С. 251–279.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 168–184.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1987. С. 65–84.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.

Худяков Ю.С. Военное дело Кореи в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1996.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1998. 119 с.

Худяков Ю.С. К вопросу о проникновении мировых религий в Южную Сибирь в эпоху средневековья // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999. С. 156–157.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса древнетюркской культуры // Altaica III. М., 1999. С. 130–138.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. Т. 1. С. 147–156 (МИА №24).

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1956. №51. 184 с.

Цалкин В.И. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке // Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966. С. 3–10 (МИА; №135).

Царев Н. Текстиль ранних кочевников в собрании ГЭ (дипломная работа). СПб., 1998.

Царева Е.Г. Войлоки Евразии // МАЭ ЛП. Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 2006. С. 226–266.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

Цыб С.В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 162–164.

Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ, 2003. 291 с.

Цыбиктаров А.Д. Культурное и хронологическое соотношение херексурсов и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 35–49.

Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обзорение. 1994–1996. Новосибирск, 2000. С. 199–200.

Чайко А.В., Чайко И.Е., Соломина О.Н. Лихенометрическое датирование природных и антропогенных форм рельефа на Алтае // Геоморфология. 1992. Вып. 3. С. 82–89.

Чердниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // Советская археология. 1991. С. 206–216.

Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. Чита, 1958. 352 с.

Чернов Г.А., Вдовин В.В., Окишев П.А. и др. Рельеф Алтае-Саянской горной страны. Новосибирск, 1988. 206 с.

Чжун Сук-Бэ. О связях племен Северного Китая с Южной Сибирью в конце эпохи бронзы и в раннем железном веке (на основе сравнительного анализа ножей и кинжалов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Чижишева Т.А. Индивидуальные описания палеоантропологического материала ранних кочевников Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск, 2003. Приложение 2. С. 232–278.

Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–93.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.

Чиндина Л.А. Отчет об археологических исследованиях Нарымского археологического отряда Томского государственного университета летом 1977 года // Архив МАЭС ТГУ, д. №781. 35 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (религиозная культура). Томск, 1991. 184 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 301 с.

Чорос-Гуркин Г.И. Жертвенник, 1909 г. Холст, масло, 57х78,5 см. Горно-Алтайск, Республиканский краеведческий музей.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. №8. С. 43–53.

Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 303–311.

Шамшин А.Б., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Технология керамического производства лесостепного Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. №4/1 (60). С. 161–170.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Исследования могильника эпохи раннего железа в окрестностях г. Барнаул // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 77–80.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // Свод археологических источников. Киев, 1986. В1-3. 160 с.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. 184 с.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900. 360 с.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 4: Черневые инородцы Кузнецкого уезда. Экономические таблицы. Барнаул, 1903.

Шелепова Е.В. Изучение раннего комплекса ритуальных сооружений тюркской культуры Алтая // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции*. Томск, 2008. С. 229–233.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966. 139 с.

Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // *Вооружение скифов и сарматов*. Киев, 1984. С. 22–39.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // *Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул, 2002. С. 112–130.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. 304 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 345 с.

Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев, 2000. 480 с.

Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. Ч. 1. 233 с.

Юнг К. Психологические типы. СПб.; М., 1995. 760 с.

Яблонский Л.Т. Древнейшее население южного Приаралья // *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи*. М., 1986. С. 79–122.

Яблонский Л.Т. Череп человека их Кангурттута // *Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы*. М., 2004. С. 275–285.

Баасанжав Я.В. Хас хаанаас үүссэн бэ. УБ., 2000. 24 с. Ил.

Баасанжав Я.В. Хасын хамаарал гэж юу вэ. УБ., 2002. 45 с. Ил.

Баасанхүү А. «Харгайтын бэлчир»-ийн тамга тэмдэг // *МУИС-ийн Ховд дахь салбар сургуулийн эрдэм шинжилгээний бичиг*. №7. 32-р дэвтэр. Ховд, 1997. Т. 185–188.

Бай Юнсян Чжунго цзао ци тун ци дэ каогу фасянь ю яньцзю (Полевые открытия и аналитические исследования в области археологии раннего периода бронзового века Китая) // *21 шицзи Чжунго каогусюэ ю шицзе каогусюэ (Археология Китая XXI в. и мировая археология)*. Пекин, 2002. (Каогусюэ чжуанкань. Цзячжун ди 28 хао.). С. 180–203.

Байр Д. Баруун монголд шинээр илэрсэн эртний бичгийн дурсгалууд // *ШУА. УБ.*, 1990. №6. С. 37–40.

Балановский А.В., Сингатулин Р.А., Царева Ю.А. О применении новых информационных технологий при анализе виброакустической информации с керамической посуды // *Сучасні проблеми археології*. К., 2002. С. 35–36.

Болд Д. БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс (Түрэг бичгийн дурсгал I боть). УБ., 1990. 156 с., ил.

Болд Л. Орхон бичгийн дурсгал. УБ., 2003.

Болд баатар Ю. Христийн шашны Нэсторын урсгалд холбогдуулж болох гурван дурсгал // *МУИС-ийн ЭШБ №210/19. Антропологи-археологи, угсаатан судлал*. УБ., 2003. С. 103–111.

Дамдинсүрэн А. Археологийн шинжилгээгээр олдсон Хүннүгийн бичгийн дурсгал // *SH. T. V. F. 3–13. УБ.*, 1972. Т. 99–111.

Едилхан Х. Монгол Алтайд шинээр олдсон овог аймгийн тамга, тэмдэг // МАС. №1. УБ., 2005. С. 89–92.

Жамцарано Ц. Култ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. 6, №3. С. 194–234.

И Маньбай, Ван Минчжэ. Синьцзян Кэрмуци гу муцунь фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках древнего могильника в Кэрмуци, Синьцзян) // Вэньу. 1981. №1. С. 23–32.

Лхамсүрэн О. Мянгадын түүхэн хөгжлийн товчоон. УБ., 2004. 217 с., ил.

Монгол нутаг дахь түүх соёлын дурсгалт зүйлс /сэдэвчилсэн лавлах/. УБ., 1999. 286 с., ил.

Монгол улсын түүх. Тэргүүн боть. УБ., 2003. 438 с., ил.

Овчинников Е.В. Фонографічний (палеофонографічний) метод вивчення трипільської кераміки // *Енциклопедії трипільської цивілізації*. Донецк, 2005. Т. 1. С. 566–567.

Пурэвдорж Г. Ойрад Монголчуудын малый им тамга. УБ., 2008. 88 с., ил.

Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь (Изучение этногенеза монгольских народностей по родовым знакам (опыт историко-этнографического исследования). УБ., 1976. 270 с.

Ринчин Б. Монгол нутаг дахь хадны бйчээс гэрэлт хөшөөний зүйл. CSM. Т. XVI. Fasc. УБ., 1968. 78 с., ил.

Сон Хочжон. Хангук кодэса согый Кочосонса (Древняя история Кореи: История Древнего Чосона). Сеул, 2003. 460 с.

Сунсиль тэхаккё пусоль Хангук кидоккё пакмульгван (Корейский христианский музей университета Сунсиль). Сеул, 1988.

Сухбаатар Г. Сяньби. УБ., 1972. 218 с., ил.

Сэр-Оджав Н. Шинэ олдсон тамга. УБ., ШУАХ. 1957.

Ханкугый чхонтонги мунхва (Корейская культура бронзы). Сеул, 1992. 170 с.

Чжан Ючжун Буэрцинь сянь фасяньдэ пайхуй ши гуань му (Могила с расписным каменным ящиком, обнаруженная в уезде Бурчун) // Синцзян вэньу. 2005. №1. С. 124–125.

Эрдэнэбаатар Д., Аллард Ф., Батболд Н., Миллер В. Хүннүгийн булшнаас олдсон тамгатай шагай // SN. XXXIII. F-17. УБ., 2002. С. 176–199.

Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // *Antiquity*. Vol. 79. №305. P. 547–563.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931. 119 s.

Bietak M. Avaris. The capital of the Hyksos. Recent excavations at Tell el‘Daba’a. L., 1996.

Bogaard A., Heaton T.H.E., Poulton P., Merbach I. The impact of manuring on nitrogen isotope ratios in cereals: archaeological implications for reconstruction of diet and crop management practices // *Journal of Archaeological Science*. 2006. №34. P. 335–343.

Bokovenko N., Legrand S. Das karasukzeitliche Gräberfeld Äncil Con in Chakassien // *Eurasia Antiqua*. Berlin, 2000. Band 6. S. 209–248.

Bokovenko N.A., Mitjaev P.E. Malinovyj Log. Ein Gräberfeld der Afanas’evo-Kultur // *Eurasia AntiQua / Zeitschrift Für ArchÄologie Eurasiens*. 2000. Band 6. Sonderdruck. P. 13–33.

Bourova N. Horse remains from the Arzhan-1 and Arzhan-2 scythian monuments // *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia*. Dordrecht; Boston; London, 2004. P. 323–332.

Burke A.M. Prey movements and settlement patterns during the upper Paleolithic in southwestern France. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for Philosophy. Department of Anthropology New York university. May, 1992.

Chernykh E.V., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B. Ancient Metallurgy in Northeast Asia: from the Urals to the Saiano-Altai // *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River* / Linduff K.M. (Ed.). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2004. (Chinese Studies. Vol. 31). P. 17–36.

Chisholm B.S. Variation in diet reconstructions based on stable carbon isotopic evidence. In: T. Douglas Price (ed.) *The chemistry of prehistoric human bone*. Cambridge, 1989. P. 10–37.

DePaola D.P. The Influence of Food Carbohydrates on Dental Caries // *Food Carbohydrates*. Westport, 1982. P. 134–152.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. *Necropolis of Gonur*. 2nd Edition. Athens, 2007. P. 296–329.

Erdenebaatar D. Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia // *Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования*. Иркутск, 2007. С. 201–209.

Greene T.R., Kuba C.L., Irish J.D. Quantifying Calculus: A Suggested New Approach for Recording an Important Indicator of Diet and Dental Health // *Homo*. 2005. V. 56. P. 119–132.

Gryaznov M.P. The ancient civilization of Southern Siberia: An archaeological adventure. New York, 1969. 251 p.

Jin Ye, Yip H. Supragingival Calculus: Formation and Control // *Critical Review Oral Biological Medicine*. 2002. V. 13. №5. P. 426–441.

Katzenberg M.A., Weber A. Stable isotope ecology and palaeodiet in the lake Baikal region of Siberia // *Journal of Archaeological Science*. 1999. №26. P. 651–659.

Kilunovskaya M., Semenov V. *The Land in the Heart of Asia*. S.-Petersburg, 1995.

Kim Jeong-Hak. *The Prehistory of Korea*. Honolulu, 1978. 237 p.

Kovalev A., Erdenebaatar D. Discovery of New Cultures of the Bronze Age in Mongolia (According to the data obtained by the International Central Asiatic Archaeological Expedition) // *Archeological Investigations in Mongolia: 1997–2007*. Bonn. (in print).

Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek // *Eurasia Antiqua*. 2000. Bd. 5 (1999). S. 135–178.

Kuzmin Ya.V., Richards M.P., Yoneda M. Palaeodietary patterning and radiocarbon dating of Neolithic populations in the Primorye Province, Russian Far East // *Ancient Biomolecules*. 2002. №4 (2). P. 53–58.

L'Helgouac'h J. The Megalithic Culture of Western France – Continuity and Change in Extraordinary Architecture // *Studien zur Megalithik – Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven* / Beinhauer K.W., Cooney G., Gucjsh Ch.E., Kus S. (Hrsg.). Mannheim-Weissbach. 1999. 508 s. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21). S. 133–141.

Lieverse A.R. Diet and the Aetiology of Dental Calculus // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1999. V. 9. P. 219–232.

Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe)*. Wiesbaden, 1958. Bd. 1. S. 484.

Macnchen-Helfen O. Manichaeans in Siberi // *Semitic and oriental studies*. University of California publications in semitic philology. 1951. Vol. 91. P. 311–326.

Mohen J.-P. *Les megalithes pierres de memoire*. Paris, 1998.

Müller J. Die absolutchronologische Datierung der europäischen Megalithik // *Tradition und Innovation. Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm / Fritsch B., Maute M., Matuschik I., Müller J., Wolf C. (Hrsg.). Rahden / Westf. 1997. 560 s., abb. (Internationale Archäologie – Studia honoraria 3). S. 63–105.*

Müller J. Zur Entstehung der europäischen Megalithik // *Studien zur Megalithik – Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven / Beinhauer K.W., Cooney G., Gucjsch Ch.E., Kus S. (Hrsg.). Mannheim; Weissbach, 1999. 508 s. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21). S. 51–81.*

Nagler A. Waren die Träger der Okunev-Kultur Nomaden? // *Eurasia Antiqua*. 1999. №5. P. 1–27.

Sarianidi V. *Necropolis of Gonur*. 2nd Edition. Athens, 2007. 339 p.

Schoeninger M.J., DeNiro M.J. Nitrogen and carbon isotopic composition of bone collagen from marine and terrestrial animals // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. 1984. №48. C. 625–639.

Stiebing W.H. Hyksos burials in Palestine: a review of the evidence // *J. of Near Eastern studies*. Chicago: Illinois, 1971. Vol. 30. P. 110–117.

Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig-I (Uushgiin Övör) in Mongolia // *Bulletin of Archaeology, the University of Kanazava*. 2006. Vol. 28. P. 61–102.

The Altai culture. 1995 (каталог выставки на корейском языке).

The Caucasian Peoples. Antwerp, 2000.

Tsarev N. Ornamented Funeral Felts of Noin-Ula // *OCTS*. San Francisco, 2004. Vol. IX. P. 14–20.

Walker F.L., Hewlett B. Dental Health Diet and Social Status among Central African Foragers and Farmers // *American Anthropologist*. 1990. V. 92. №2. P. 383–398.

Walker F.L., Sugiyama L., Chacon R. Diet, Dental Health, and Cultural Change among Recently Contacted South American Indian Hunter-Horticulturalists // *Human Dental Development, Morphology, and Pathology: a Tribute to Albert A. Dahlberg*. University of Oregon Anthropological Papers. 1998. №54. P. 355–386.

Wong L. Plaque Mineralization in Vitro // *New Zealand Dental Journal*. 1998. V. 94. P. 15–18.

Yang C.Q., Simms J.R. Comparison of photoacoustic, diffuse reflectance and transmission infrared spectroscopy for the study of carbon fibres // *Fuel*. 1995. №4. C. 543–545.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ – Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан (г. Казань)
ВДИ – Вопросы древней истории
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГМЭ – Государственный Музей этнографии
ГЭ – Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии (г. Новосибирск)
ИИМК – Институт истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург)
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
КА ТГУ – Кабинет антропологии Томского государственного университета (г. Томск)
КГИМ – Кыргызский государственный исторический музей (г. Бишкек)
ККАЭЭ – Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КРС – крупный рогатый скот
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МРС – мелкий рогатый скот
МЦАЭ – Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция
ОАВЕС ГЭ – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ
РАН – Российская академия наук
САИПИ – Свод археологических источников первобытного искусства
СО – Сибирское отделение
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет
УБ. – г. Улан-Батор
УрО – Уральское отделение (г. Екатеринбург)
ЦАЭ – Центрально-Азиатская археологическая экспедиция ГЭ

Научное издание

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сборник научных трудов

Редактор: Н.Я. Тырышкина

Технический редактор: М.Ю. Кузеванова

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Для оформления обложки использованы фотоснимки, сделанные при исследовании памятника Яломан-II (Горный Алтай; раскопки А.А. Тишкина)

Подписано в печать 28.07.2008. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Уел. печ. л. 20,6. Тираж 350 экз. Заказ №571.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а